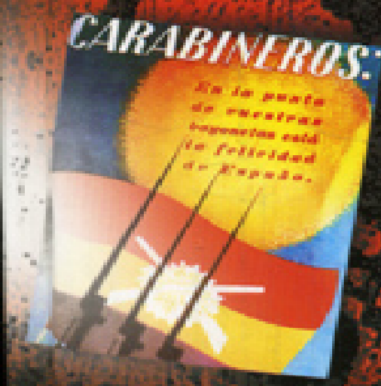
СВЕТЛАНА ПОЖАРСКАЯ



ФРАНСИСКО ФРАНКО И ЕГО ВРЕМЯ

НОВЕЙШАЯ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Важнейшая задача моей жизни — вернуть испанцам гордость быть испанцами», — такова была жизненная установка испанского генерала Франсиско Франко. Этот человек, прожив без малого 83 года, около 40 лет обладал реальной возможностью оказывать воздействие на жизнь и судьбы соотечественников.

Так каким же он был, последний диктатор в Западной Европе?

Его называют «человеком 98 года», года поражения в войне с США, когда Испания, утратив Кубу, Филиппины и Пуэрто-Рико, стала второстепенной державой, человеком, который был убежден, что для того, чтобы «Испания без пульса» возродилась к жизни, ей надо обрести веру в себя.

- Светлана Пожарская
  - К читателю
  - Часть I
    - Путь наверх. Взлет
    - Апрельская республика
    - К гражданской войне
  - Часть II
    - Гражданская война. Начало
    - Генералиссимус
    - Новое государство
    - Завершение войны
  - Часть III
    - В годы второй мировой войны. По дороге в Эндай
    - «Голубая дивизия». Начало пути
    - Между «блоком» и «осью»
    - Отзыв «голубой дивизии»
    - «Траектория эволюции». Миф или реальность
  - Часть IV
    - В послевоенном мире. Изоляция
    - В поисках выхода
    - Выход найден
    - Франко и Россия
    - Конец изоляции
  - Часть V
    - Реформатор? Начало пути
    - Между прошлым и будущим
    - Испания и внешний мир

        - Осень диктатора. Тернистый путь ограниченной модернизации
        - Эрозия режима
    - Часть VII
        - Сумерки жизни. Семья
        - Утраты
        - Агония
        - «После Франко, что?»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255

- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299

- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343

- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387

- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431

- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475

- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519

- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563

- ○ 564
- ○ 565

Светлана Пожарская
Франсиско Франко и его время

Памяти сына — Николая ЯКОВЛЕВА-младшего

К читателю

«Образ Франко тускнеет на монетах, печатях и в памяти» — это суждение, высказанное мадридским корреспондентом «Associated Press» Ф. Уиллером в ноябре 1976 г., в первую годовщину со дня смерти Франсиско Франко, тогда вряд ли кто-либо оспаривал. Но прошли годы, и картина резко изменилась: в Испании от книг о Франко и его эпохе ломятся библиотечные полки. В главном книжном магазине известного издательства «Espasa Calpe», что на мадридской Гран Виа, только книги о Франко и его времени, вышедшие за последние годы, занимают три полки. К десяткам прижизненных биографий прибавились сотни новых, как критических, так и апологетических. К последним можно отнести и нашумевшую монографию П. Моа «Мифы о гражданской войне», 23-е издание которой увидело свет в 2003 г. Кто из них прав? Ответ могут дать документы испанских и отечественных архивов.

«Важнейшая задача моей жизни — вернуть испанцам гордость быть испанцами», — комментируя эту жизненную установку Франсиско Франко, известный испанский историк М. Эспадас Бургос заметил, что Франко являлся «человеком 98-го года», года поражения в войне с США, когда Испания, утратив Кубу, Филиппины и Пуэрто-Рико, стала второстепенной державой, и был убежден, что для того, чтобы «Испания без пульса» возродилась к жизни, ей надо обрести веру в себя. Но вряд ли кто-либо обратил бы внимание на эти слова честолюбивого молодого офицера, каких немало имелось в испанской армии, если бы они не принадлежали тому, кто впоследствии около 40 лет обладал реальной возможностью оказывать воздействие на жизнь и судьбы соотечественников.

Франсиско Франко прожил без малого 83 года. Менялся мир, менялись и его представления о месте Испании в мире, настоящем и будущем. И все же биографы Франко еще при его жизни отмечали, что, несмотря на крайний прагматизм, диктатор в чем-то все-таки оставался верен своим принципам и своему прошлому.

Прежде всего военный, Франко не оставил теоретического наследия, позволяющего с большей или меньшей определенностью судить о его заранее заданных «моделях» будущего Испании. Его публичные выступления в качестве главы государства были подчинены сиюминутным целям. Своих воспоминаний он не оставил.

Его роман «Раса», изданный под псевдонимом Хайме

Андраде, хотя во многом автобиографический, вряд ли все же можно отнести к мемуарному жанру.

Еще 2 ноября 1964 г. глава нью-йоркского издательства «Doublday and Company» К. Мак-Кормик обратился с письмом к министру иностранных дел Испании Ф. Кастиэлье с необычной просьбой: «Как издатели биографий Дуайта Д. Эйзенхауэра, Роберта Мерфи, Ричарда Никсона и других выдающихся американцев, мы заинтересованы в том, чтобы убедить Генералиссимуса Франко написать свою биографию». Ответ Кастиэльи был уклончив: в ответном письме от 25 ноября он выразил надежду вернуться «к этому вопросу в ближайшем будущем». Но так и не вернулся.

Позднее Х. Мануэль Лара, основатель и глава знаменитого барселонского издательства «Planeta», обратился с просьбой к Франко написать свои воспоминания. Франко отказался. Тогда Лара предложил М. Аснару и Е. Ромеро написать биографию Франко при его содействии. Франко выбрал Ромеро, хотя Аснар, дед Х. М. Аснара, главы испанского кабинета в 1996–2004 гг., имел репутацию «великого журналиста и блестящего дипломата», а Ромеро принадлежал к другому поколению и нередко занимал позицию критика режима. Своим выбором Франко, как полагал Ромеро, продемонстрировал «желание избежать искушения и получить еще одну «классическую» биографию». Этому проекту не суждено было случиться: Франко к нему так и не вернулся. Но и после смерти диктатора, когда были сняты все запреты, любого автора все еще подстерегают большие трудности.

Большая часть личного архива Франко, как утверждали его дочь и близкие, сгорела в результате несчастного случая во время переезда семьи из резиденции Франко в Эль Пардо после его смерти. К тому же только двадцать пять лет спустя после смерти диктатора Министерство культуры Испании выделило «Фундасьону Франко» необходимые средства для классификации как официальных документов, так и тех, что уцелели от пожара, для передачи на хранение в государственные архивы. И хотя Х. Тусель, известный испанский историк, в специальном номере «El Pais» от 18 ноября 2000 г. отмечает, что без этих документов попытки написать биографию Франко не корректны, ежегодно прибавляются все новые жизнеописания диктатора. В их числе и самого Туселя. В последние годы проявился интерес к личностным и психологическим аспектам биографии Франко. Й все же, несмотря на мнение скептиков, можно попытаться сложить из разрозненных элементов некую мозаичную картину, хотя в ней, очевидно, будут отсутствовать многие компоненты.

Так каким же он был, последний диктатор в Западной

Европе?

Часть I

Путь наверх. Взлет

Дальний предок Франсиско Франко Хуан Франко Добладо переселился из Пуэрто-Реаля, что близ Кадиса, в Эль Ферроль, ставший морской базой в 1726 г., в годы правления первого короля из династии Бурбонов — Филиппа V. После пробы на «чистоту крови» он был назначен в 1730 г. преподавателем морского училища. Франко считались идальго, хотя и без титула и без надежных средств к существованию. Его дед Франсиско Франко и отец его бабки Салгадо-Араухо достигли высших рангов в морской иерархии. Его отец — Николас Франко Салгадо Араухо — в 18 лет поступил в Академию морской администрации в Эль Ферроль, служил на Кубе и Филиппинах, сделал блестящую карьеру, достигнув ранга генерального интенданта.

Агностик и вольнодумец, насмешливый и остроумный, он действительно представлял собой весьма странную фигуру, не вписывающуюся в стереотип «сеньора морского офицера». Именно эти качества помешали ему достигнуть более высоких степеней в карьере — способности и квалификация, как полагали его знакомые и сослуживцы, позволяли Николасу-старшему стать, по крайней мере, вице-адмиралом. Но он им не стал.

В Эль Ферроле Николас Франко познакомился с Пилар Баамонде, дочерью также генерального интенданта; в мае 1890 г. состоялась свадьба. Оба супруга принадлежали к одному и тому же социальному слою, но у Баамонде была более знатная родословная. Их разделяли не только происхождение и даже не возраст — дон Николас был старше жены на 10 лет, — а характер.

По отзывам преподавателей, а затем и сослуживцев, Николас Франко имел характер открытый и независимый, был жизнелюбом, не скрывал своих либеральных взглядов. Даже после женитьбы продолжал вести жизнь холостяка, проводил многие часы в казино, имел устойчивую репутацию бабника.

Мать Франко — Пилар, в юности одна их самых очаровательных девушек Эль Ферроля, по отзывам родных и знакомых была склонна к меланхолии, глубоко религиозна, придерживалась строго консервативных принципов.

Франсиско Франко Баамонде родился в Эль Ферроле 4 декабря 1892 г. в день св. Варвары, покровительницы артиллерии, чему впоследствии его биографами придавалось большое значение.

В 1907–1909 гг. дон Николас практически оставил семью, переведясь на службу в Мадрид, хотя к этому времени он был отцом пятерых детей — Николаса, Франсиско, Рамона, Пилар и

Паситы (умерла в детстве). Вначале он не терял контакта с семьей, регулярно посылал деньги, но после того, как в Эль Ферроль пришло известие о «другой женщине», родители Франко разъехались. Это случилось в 1912 г.

По мнению одного из биографов Франко, Энрике Гонсалеса Дуро, для Франко мать была совершенством, а отца он не любил и даже ненавидел. Некоторые биографы, следуя Фрейду, даже пытаются обнаружить у Франко «Эдипов комплекс» и его антилиберализм[1].

Николас-старший никогда не скрывал своего весьма скептического отношения к достоинствам Франсиско. По воспоминаниям племянницы Франко Пилар Хараис, опубликовавшей в 1981 г. книгу «История одного диссидентства», он говаривал: «Из моих трех сыновей самым разумным был Рамон, Николас был обманщиком, а Пакито (уменьшительное от Франсиско) был и оставался глупцом». И это он говорил тогда, когда Франко достиг вершины власти: «Пакито — каудильо, Пакито — глава государства! Держите меня, я умру от смеха!»[2] И это было связано не только с его активным неприятием режима, получившим название по имени его сына. Возможно, над ним довлели воспоминания о первых ученических шагах Франко, об отзывах его учителей.

Франко получил начальное образование в колледже «Святого сердца». По отзывам его учителей, это был усердный ученик, очень уравновешенный, но посредственно одаренный, застенчивый, не очень зрелый психологически, с голосом ребенка. По воспоминаниям старого друга детства — пастора Ньето Антуанеса, — это был нормальный мальчик, хотя застенчивый и немного закомплексованный. Для того, чтобы преодолеть эти черты, ему по воле родителей пришлось прервать прохождение курса для получения степени бакалавра. Четырнадцати лет от роду, Франсиско Франко впервые совершил путешествие на поезде.

Франсиско Франко хотел стать моряком, но по семейной традиции в морское училище поступил его брат Николас — единственный среди братьев нормального роста, немного денди, жизнелюб й, по общему мнению, весьма заурядная личность. Франсиско, или Пако, поступил в пехотное училище в Толедо, основанное еще императором Карлом V. Самый низкорослый и самый юный кадет не блистал успехами.

Согласно уставу училища, именуемого Академией, дети офицеров зачислялись сразу, остальные же должны были доказать «чистоту крови». Франко прошел это испытание и стал кадетом. По воспоминаниям тех, кто вместе с ним получал основы военных

наук, «Франкито» был объектом грубых шуток из-за своего маленького роста, физической слабости и почти детского облика. Это ранило его чувство собственного достоинства, он находил утешение и надежду на будущее в чтении книг по истории битв, биографий героев прошлых эпох, жертвовавших собой для родины. Но там же, в училище, он и обрел друзей, которых впоследствии высоко вознес в годы своего всесилия.

Верность трону — вот была доминанта воспитательных устремлений преподавателей. Недаром во время церемонии «клятвы на знамени» кадеты приносили присягу не верности родине и конституции, а верности королю. Король, по замыслу авторов клятвы, воплощал национальный суверенитет, что не противоречило конституции 1876 г., по которой жила страна; титул монарха гласил: «конституционный король» (преамбула) и только «король санкционирует и обнародует законы» (статья 51-я).

Но как бы ни были кадеты изолированы от общества, в конце второго курса сквозь все препоны и преграды просочились известия о кровавых событиях в Барселоне 26–31 июля 1909 г., вошедшие в историю как «трагическая неделя». В те дни армия по приказу главы правительства Антонио Мауры подавила акции протеста против указа о мобилизации резервистов — в испанской зоне Марокко в очередной раз вспыхнуло восстание. Франсиско Феррер, анархист и педагог, имевший всеевропейскую известность, основатель «Современной школы» в Барселоне, был несправедливо обвинен не только в подстрекательстве к бунту, но и в стимулировании происков масонов всего мира против Испании. Он был осужден военным трибуналом и расстрелян у стен крепости Монжуич. Его казнь вызвала волну протеста во многих странах Западной Европы и Америки и как следствие — падение Антонио Мауры[3].

Как вспоминал впоследствии сам Франко в своем автобиографическом романе «Раса», о «кровавой неделе» кадеты могли судить только со слов преподавателей. Именно отсюда истоки представления Франко, с годами превратившегося в манию, что «Испания была и есть жертва международного заговора, который позднее идентифицировался с масонством»[4]. Его племянница Пилар Хараис, старшая дочь сестры, считала, что возложение им вины на масонство за все беды Испании проистекало из его неприязни к отцу. Дон Николас-старший, по ее мнению, был защитником масонства: «Что мой сын знает о масонстве. Это сообщество прославленных и достойных уважения людей»[5].

Впоследствии, на протяжении многих лет жизни Франко

часто обращался к истории падения Мауры. Но нигде нет сведений о том, что он был действительно знаком со взглядами этого политика-реформатора, о которых в 1936 г. напомнил испанский историк А. Бальестерос-и-Берета: «Испания, — утверждал Маура, — нуждается в революции, совершенной правительством, ибо иначе страшный беспорядок произойдет снизу. Я называю революцией те реформы, которые должно осуществить правительство радикальным образом, немедленно и насильственно»[6]. Но Франко в своих исторических «изысканиях» нередко отдавал предпочтение мифам, а не реальности, если это служило его целям и намерениям.

Сам Франко впоследствии весьма критически оценивал систему обучения в Академии. По его воспоминаниям, которые можно извлечь как из романа «Раса», так и из других замечаний, преподавание основывалось на устаревших немецких уставах, преподаватели Академии, майоры и капитаны пехоты, порой забывали о главной цели своей миссии — формировании, профессиональном и духовном, будущих офицеров. Изменения наступили с назначением директором Академии полковника Вильальбы, но к этому времени закончился и курс обучения Франсиско Франко. В июле 1910 г. сам Альфонс XIII вручил свидетельства о присуждении звания младшего лейтенанта: из 312 Франко получил диплом под номером 251.

Ничто не сулило 17-летнему младшему лейтенанту, направленному в 1910 г. в 8-й пехотный полк в Эль Ферроле, обнадеживающего будущего. В захолустном полку у Франко было много свободного времени. Его он посвящал усердному чтению, круг которого был ограничен военной журналистикой и историческими исследованиями, посвященными, за немногими исключениями, войнам и биографиям полководцев. Его старый учитель Комельяс, тот самый, который охарактеризовал его как истинного католика и военного с твердым характером, дал ему как-то прочитать книгу, посвященную биографии Габриэля Гарсиа Морено — президента Республики Эквадор в 1861–65 гг. и 1869–75 гг. Он прославился как диктатор, гроза либералов и масонов, истинный христианин. Трудно сказать, какое впечатление эта книга произвела на Франко. Скорее всего, на воспоминании о прочитанном лежит отсвет того, кем стал Франко после 1936 г.

Поначалу ничто, казалось бы, не предвещало успешной карьеры, если бы не война в Марокко: в 1911 г. честолюбивый лейтенант вступает в колониальные войска.

6 ноября 1912 г. Франко, Алонсо Вега и его двоюродный брат Салгадо Араухо выехали в Тетуан. Оказалось, к их радости, что почти все офицеры — выпускники Академии в Толедо.

В 1913 г. Франко получает первую награду — «Военный крест за заслуги».

Если бы не служба в колониальных войсках, Франко вряд ли смог бы сделать блестящую карьеру.

30 июля 1914 г. глава правительства Испании Э. Дато на вопрос министра иностранных дел де Лема, верит ли он, что война близка, ответил: «Неминуема». Неделю спустя Дато подготовил, а король Альфонсо XIII подписал декрет, опубликованный 7 августа, который обязал всех испанских подданных сохранять строгий нейтралитет, что лишало многих молодых честолюбцев стремительного взлета. Иное дело — война в Марокко.

В марте 1915 г. в возрасте 22 лет Франко — капитан. В июне 1916 г. в сражении при Биутце он был тяжело ранен, а в феврале 1917 г. произведен в майоры — самый молодой майор в испанской армии. В мае 1917 г., возвратившись на полуостров, вступает в полк «Принца Астурийского»[7].

Этот год в Испании был временем великих потрясений. Стан тех, кто жаждал исправить политические и социальные дефекты общества, был весьма обширен — от каталонской буржуазии, жаждавшей полной автономии от Мадрида, до капиталистов промышленного Севера, рвавшихся к кормилу государственной власти, от пролетариата, городского и сельского, до армии с ее офицерскими «хунтами обороны» и гегемонистскими устремлениями генералитета.

Еще с 1916 г. страну сотрясали забастовки против роста дороговизны жизни: Испания вывозила продукты питания воюющим странам. Начиная с марта 1917 г., руководители Социалистической партии активно готовили всеобщую забастовку с целью добиться «фундаментальных изменений системы, которая будет гарантировать народу минимум условий для достойной жизни». Основное требование — учреждение временного правительства, призванного организовать выборы в Учредительное собрание. 9 августа забастовочный комитет призвал к общенациональной забастовке.

Глава испанского правительства Дато, отдавая себе отчет в серьезности ситуации, ввел военное положение. 18 августа забастовка была подавлена силой. Согласно официальным данным, жертвами стали 80 погибших, 150 раненых; две тысячи забастовщиков были задержаны. 24 августа 1917 г. газета «El Imparcial» сообщала: «Король выражает удовлетворение действиями армии». 29 сентября военный трибунал приговорил членов забастовочного комитета, среди которых были Ф. Ларго Кабальеро и Х. Бестейро, к пожизненному заключению. В

движение за амнистию включились самые широкие слои испанского общества, и в ноябре, будучи избранными советниками мадридского муниципалитета, лидеры социалистов были амнистированы.

Биографы Франко утверждают, что он не участвовал непосредственно в репрессиях против участников всеобщей забастовки в августе 1917 г. Подтвердить или опровергнуть это суждение не удалось.

По воспоминаниям племянницы Франко Пилар Хараис, дон Николас-старший незадолго до своей смерти, когда Франсиско Франко был уже главой государства, как-то сказал: «Если бы моего сына любили женщины, у нас бы были другие песни»[8]. Франсиско Франко, действительно, не мог похвастаться таким длинным списком увлечений, который был у его отца. И вряд ли он пытался ему следовать.

«Пакито, оставь меня в покое, ты мне не нравишься», — эти слова Софии Милье, предмета первой любви Франсиско, когда ему было 12 лет, он впоследствии слышал еще раз, когда ему было уже 19 лет. На новогоднем балу в Мелилье он познакомился и был увлечен подругой своей сестры Софией Сурбаран, принадлежащей к аристократическому роду и тесно связанной с военной кастой — она была дочерью полковника и племянницей генерал-майора. Висенте Гарсиа опубликовал в 1978 г. в Барселоне книгу «Любовные письма Франко», в которую он включил и интервью с Софией Сурбаран: «Он был хорошим человеком, но очень нерешительным. Очень молчаливым… Очень серьезным». К тому же Франко не умел танцевать. И заключение: «Мне Франко не нравился»[9]. И только когда Франко было уже 24 года, ему, наконец, повезло.

В Овьедо, в Астурии, когда Франко был прикомандирован к полку «Принца Астурийского», на «ромерии», народном празднике, устраиваемом на местах паломничества, он встретил Кармен Поло Фернандес. Семья Кармен была не в восторге от претендента на руку их дочери. Особое недовольство выражала тетя Кармен, заменившая ей рано умершую мать. Изабель Поло Фернандес, тесно связанная с высшим обществом Астурии, гордилась своими аристократическими корнями. Отец Кармен, который интересовался только лошадьми и охотой, также полагал, что претендента на руку его дочери привлекает прежде всего возможность поднятия своего социального статуса. Но Кармен была очарована героем Африки, «майорчиком». Хотя уже в 1920 г. Франко был официально признан женихом, до брака прошло еще 3 года. Причина отсрочки — новый поворот в карьере.

31 августа 1920 г. по распоряжению короля был создан Иностранный легион «Терсио». Его командир подполковник Мильян Астрай несколько дней спустя послал телеграмму майору Франко, предложив стать его заместителем и командиром первой бандеры «Терсио». Франко выехал немедленно.

Война против Республики Рифф в Марокко не была успешна для Испании. Но это никак не сказывалось на карьере Франко. Напротив, в июне 1923 г. сам король оказал давление на Совет министров, добившись для него внеочередного повышения в чине: тридцати лет от роду Франко становится подполковником и командующим Легиона. Получив от короля не только согласие на женитьбу, но и 40-дневный отпуск, Франко воспользовался им, чтобы посетить Мадрид, поблагодарить Альфонса XIII за присвоение ему придворного звания камергера и попросить быть посаженным отцом на свадьбе, что приблизило Франко к знати и сняло все препятствия к браку с Кармен Поло, принадлежавшей к одной из самых богатых и знатных семей Астурии.

Семья невесты была удовлетворена: короля представлял генерал Лосада, свадьба состоялась в церкви Сан Хуана в Овьедо 23 октября 1923 г. В эти дни Испания уже жила в условиях военно-монархической диктатуры.

13 сентября 1923 г. генерал Примо де Ривера с согласия короля совершил государственный переворот: кортесы (парламент), на выборах в которые весной этого же года победу одержали либерально-реформистские группировки, были распущены, введено военное положение, запрещены деятельность политических партий, демонстрации, ограничена свобода прессы: это означало, что монархия утратила облик конституционной. Новый режим монархии имел все признаки авторитаризма.

Отправляясь вновь в Марокко, Франко нанес визит диктатору, который впоследствии неизменно покровительствовал ему.

Отношение к Франко в армии не было однозначным. Игнасио Идальго де Сиснерос, аристократ по рождению и воспитанию, ставший в годы гражданской войны командующим авиацией Республики, вспоминал о 20-х годах: «На базе в Мар-Чика никто не любил Франсиско Франко, начиная с родного брата, с которым он едва разговаривал… Он прибывал на базу всегда вовремя и держался очень надменно, стараясь как можно больше вытянуться, чтобы казаться выше и скрыть свой начинающий появляться животик… Не помню, чтобы я хоть раз видел его улыбающимся, любезным или проявляющим хоть какие-то человеческие чувства»[10].

Многие сослуживцы отмечали его авторитарность, закрытость его менталитета, нетерпимость и враждебность ко всем идеям,

которые он не разделял. Но были и другие суждения. Диктатор высоко оценил его меры по реорганизации Легиона, обратив внимание на «Кредо легионера», автором которого был Франко, а также его руководство журналом «Revista de Tropas coloniales», в котором он опубликовал 12 статей.

В 1925 г. Примо де Ривера реорганизовал «Терсио» — теперь в нем было уже 8 бандер. Франко, получив чин полковника, был назначен временно исполняющим обязанности командующего. Тогда же правительство Франции наградило его орденом Почетного легиона.

Диктатор неизменно покровительствовал Франко: по представлению Классификационной Хунты, контролируемой Примо де Риверой, в феврале 1926 г., задолго до выслуги положенного срока, в возрасте 33 лет Франко становится бригадным генералом, самым молодым в Западной Европе.

В этом же году, уже в Мадриде, 14 сентября родилась его дочь, нареченная Марией дель Кармен Рамоной Фе-липой де ла Крус. По признанию будущего диктатора, его дочь — самая большая любовь его жизни: «Я был сумасшедшим от радости».

Франко использовал свое пребывание в Мадриде для укрепления связей со столичным генералитетом. Место встречи чаще всего — салон клуба «Гран Пенья», что на проспекте Гран Виа. Как я смогла заметить, бюст Франко и поныне «украшает» холл этого клуба. Биографы Франко единодушны: в беседах не только с теми, кто занимал высокие ступени военной иерархии, но и с лидерами консервативной оппозиции — с правым либералом Санчесом Геррой и его единомышленниками в престижных клубах, — Франко избегал обсуждения любых тем, имевших касательство к политике. А это не могло не остаться незамеченным диктатором.

Режим диктатуры Примо де Риверы никогда не отличался прочностью; в правящих кругах не прекращались раздоры. Латифундисты были недовольны политикой покровительства финансовому капиталу и крупным промышленникам; представители крупного капитала были недовольны политикой аграрного протекционизма. Широкие круги промышленной буржуазии были недовольны вмешательством государства в экономику в интересах финансового капитала.

Оппозиция антидемократическому режиму, являвшаяся постоянным спутником диктатуры с момента переворота, к 1926 г. становится массовой и переходит к активным действиям. Уже не только передовая интеллигенция, студенчество и республиканские силы Каталонии, возмущенные политикой национального угнетения, участвуют в борьбе против режима

диктатуры, но даже монархисты и все более значительные круги офицерства начинают выражать свое недовольство диктатором. Вновь возрождаются офицерские хунты, созданные в тревожном для Испании 1917 г. Недовольство, офицеров носило преимущественно кастовый характер: часть из них была недовольна политикой фаворитизма, проводившейся в армии диктатором, а также тем, что среднее офицерство до 1923 г. объединенное в военные хунты, не играло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни страны. Недовольство в армии усилилось после того, как в связи с прекращением активных боевых действий в Марокко в 1926 г. многим офицерам было предложено перейти в запас. Военные и явились инициаторами и участниками одного из первых заговоров против диктатуры в июне 1926 г. в Валенсии, накануне дня Сан Хуана (Иванова дня). Помимо военных в заговоре приняли участие монархисты — граф Романонес, Мелькиадес Альварес; республиканцы — А. Леррус, М. Доминго, Г. Мараньон и Ф. Галан; анархист А. Пестанья. Заговор окончился поражением; Ф. Галан, М. Доминго, А. Пестанья, Г. Мараньон и другие были арестованы.

То, что Франко остался в стороне от заговора, приблизило его еще больше к диктатору и ко двору.

Иначе трудно объяснить, почему Франко был назначен в начале 1928 г. директором Генеральной военной академии в Сарагосе: ведь он не был обременен педагогическим опытом, не был замечен в глубоких теоретических изысканиях. Его военный опыт был ограничен уроками колониальных кампаний.

Эта Академия была закрыта еще в 1893 г. и вновь открыта 20 февраля 1927 г. Король счел необходимым издать специальный декрет о возобновлении ее деятельности. На открытии Академии и на торжественном богослужении в соборе Вирхен Пилар 5 октября 1928 г. присутствовал сам диктатор.

Франко привлек к преподаванию «африканистов», в прошлом выпускников Академии, среди них — Алонсо Вегу, своего двоюродного брата Франсиско Франко Салгадо Араухо, называемого в семейном кругу «Паконом». Сам Франко и преподаватели-«африканисты» пытались погрузить Академию в атмосферу мифов и мистики марокканской кампании. Но наиболее одаренные слушатели Академии все же тянулись к вице-директору Кампинесу, в прошлом полковнику Главного штаба. Адепт либерализма, поклонник идей Просвещения, он восхищался Ф. Хинером де лос Риосом, который вместе с Хоакином Костой, Еухенио Монтеро и Николасом Сальмероном, провозвестниками идей «поколения 98-го года», серебряного века

испанской культуры, основал «Институт свободного образования», педагогическая система которого была основана на светском образовании.

Менталитет Кампинеса как бы воплощал все то, что было ненавистно Франко. К тому же обозначились и расхождения Франко и Кампинеса в чисто профессиональной сфере: в лекциях директор Академии неоднократно повторял: «…сопротивляться — значит победить». Кампинес, в соответствии с традицией французской академии Сен-Сир этой лемме противопоставлял свою: «обучаться, чтобы победить». Но Франко не только терпел своего высокообразованного заместителя, но и доверял ему руководство Академией во время своих посещений военных академий в Париже и Берлине для изучения опыта преподавания.

Хотя в это время уже более отчетливо обозначились политические пристрастия Франко: по его приказу Академия регулярно получала журнал «Entente Internationale Anticommuniste contre la Troisiéme», издававшийся в Женеве[11].

Между тем над его покровителем сгущались тучи, о чем доходили слухи даже до традиционно консервативной Сарагосы.

«Примо де Ривера продержался у власти семь лет благодаря чудесам эквилибристики; он пугал короля армией и армию королем и их вместе политической и социальной революцией». И когда на политическом горизонте появились первые признаки того, что социальная революция из пугала становилась реальностью, механизм эквилибристики стал разлаживаться[12]. Даже те классы, которые находились у власти в период диктатуры — финансовая олигархия и латифундисты, давно уже недовольные тем, что режим Примо де Риверы усиливал и углублял противоречия, грозившие превратиться в глубокие политические конфликты, — опасаясь дальнейшего роста массового недовольства, решили пожертвовать диктатурой и вернуться к конституционной монархии.

Для Примо де Риверы не была тайной эта картина всеобщего недовольства. Так, в официальной ноте 31 декабря 1929 г. он писал, что диктатуре отказывают в поддержке аристократия и церковь, банкиры и предприниматели, чиновники и пресса.

Те же самые круги, которые способствовали перевороту 1923 г., стали активно поддерживать готовящийся военный заговор военного губернатора Кадиса монархиста генерала Годеда, ставившего своей задачей ликвидацию диктатуры. Примо де Ривера знал об этом заговоре; у него оставалась единственная надежда на поддержку высших слоев испанской военщины.

Утром 26 января 1930 г. без ведома короля диктатор обратился с посланием к десяти капитан-генералам,

главнокомандующему в Марокко, капитан-генералу морского министерства, начальникам корпусов гражданской гвардии, карабинеров и инвалидов. Признав в послании, что установление диктатуры оказалось возможным лишь в результате поддержки армии, он спрашивал, поддерживают ли его по-прежнему вооруженные силы. Диктатор заявлял, что в случае отказа он немедленно подает королю заявление об отставке. Реакция верхушки испанской армии была такова, что, не дожидаясь официального ответа, 28 января Примо де Ривера ушел в отставку. Через несколько часов было сформировано правительство генерала Дамасо Беренгера, объявившего о своем намерении управлять на основе Конституции 1876 года. Но эта конституция уже не устраивала даже «умеренных» — она предоставляла слишком широкие права королю.

Падение режима Примо де Риверы застало Франко в Париже. Он с огорчением наблюдал, что падение диктатуры, против установления которой в свое время активно не протестовал король, не стало тормозом на пути недругов монархии. Напротив, начиная с февраля 1930 г. антимонархические митинги и демонстрации становятся неотъемлемой частью политической жизни столицы и больших городов. 17 августа 1930 г. лидеры партий и группировок республиканского лагеря, включая недавних монархистов — Н. Алькала Самору и М. Мауру, собравшись в Сан-Себастьяне, заключили пакт и избрали Революционный комитет.

Участники Сан-Себастьянского пакта не исключали насильственных методов свержения монархии. Они сошлись на том, что основной силой переворота должна была стать армия. Свою ориентацию на армию заговорщики объясняли стремлением свергнуть монархию без большого пролития народной крови. Революционному комитету удалось склонить к своим планам некоторых офицеров.

Франко был в стороне от всех этих событий в отличие от своего брата Рамона. Рамон закончил, как и Франко, Академию в Толедо, но впоследствии стал летчиком. В 1922 г. Рамон был назначен командиром базы гидросамолетов в Мелилье. «Не хочу быть таким, как ты», — говорил он не раз брату, когда Франко выражал недовольство его образом жизни. Рамон был эксцентричен; бары, казино и кабаре — вот где он проводил свободное от несения службы время. Для Франко он всегда был «черной овцой», для Испании, начиная с 1926 г., — знаменитостью, прославившей свою страну. В этот год вместе с Руисом де Альдой, Дураном и механиком Пабло Радой на гидросамолете «Плюс Ультра» он совершил первый перелет через

Атлантику из Европы в Латинскую Америку. По возвращении он был принят королем. Затем последовали перелеты в США. В июле 1929 г. гидросамолет, управляемый Рамоном, упал в океан. Командующий авиацией Кинделан отдал его под суд. Рамона обидело, что король и Примо де Ривера не вмешались в его судьбу. С тех пор он не делал секрета из своих политических убеждений, открыто критикуя короля и диктатуру. Идальго де Сиснерос, который хорошо знал его, писал позднее: «Он был умен, легко и быстро ориентировался в обстановке и в то же время обладал рядом привычек и странностей, которые никому не удавалось искоренить в нем. Одной из них была привычка небрежно одеваться. Он всегда носил потрепанную и грязную гражданскую одежду или военную форму. Порой он совершал довольно странные поступки, нисколько не беспокоясь об их последствиях. Это был настоящий дикарь, и ему очень подходило полученное в авиации прозвище «шакал»»[13].

Рамон был одним из тех немногих военных, которых Революционному комитету удалось привлечь к заговору против короля.

Заговор был плохо подготовлен. Как выяснилось позднее, многие, на кого рассчитывал Революционный комитет, знали о подготовке к восстанию лишь понаслышке. Дата восстания неоднократно переносилась, связь между заговорщиками практически отсутствовала, и о переменах сроков не все были уведомлены. 12 декабря 1930 г. подняли восстание в Хака капитаны Фермин Галан и Гарсиа Эрнандес. Надежды на присоединение к ним других воинских частей оказались тщетными. Отряд Галана дошел до Уэски и был разгромлен верными монархии войсками. 14 декабря Галан и Эрнандес были расстреляны. Начальник гарнизона Бургоса генерал Нуньес дель Прадо, назначенный Революционным комитетом главой военного мятежа, в ночь на 13 декабря сообщил об отказе выступать.

В результате в день «Х», а он был назначен после неоднократных переносов на 15 декабря, восстание было поднято лишь летчиками-республиканцами на мадридском военном аэродроме «Куатро вьентос» («Четырех ветров»).

В шесть часов утра, после того, как механики по собственной инициативе закрасили монархическую кокарду красной краской, летчики поднялись в воздух, чтобы сбросить на город прокламации, призывавшие провозгласить Испанию республикой. «Однако к нашему разочарованию, — вспоминал позднее Идальго де Сиснерос, один из главных героев восстания, — транспорт работал нормально, жители спокойно ходили по улицам, на вокзалы, как обычно, прибывали и отправлялись поезда»[14].

Лишенные какой-либо поддержки, Идальго де Сиснерос и группа летчиков перелетели через португальскую границу.

Франко, несмотря ни на что, не порвал тогда связей с братом, хотя и не скрывал огорчения от того, что Рамон «оказался вне закона, совершил ошибку, изменив всем принципам». В ответ на просьбу о материальной помощи себе и своей семье, Франсиско писал: «Мой дорогой и несчастный брат, отзываясь на твою просьбу, я посылаю тебе 2 тысячи песет (по курсу 1930 г. — около 1 тысячи долларов США. — *Авт.*), и если позволят мне возможности, они сегодня же будут тебе доставлены». Рамон ответил без промедления: «Получил твое письмо и 2 тыс. песет, которые ты послал так быстро, как только смог. Но не согласен ни с чем, о чем ты мне написал. И мне жаль, что твои либеральные идеи еще более консервативны, чем идеи Романонеса. Меня не пугает расстрел. Если я возвращусь в Испанию, то только для продолжения борьбы. И я верю, что это будет большим благом для Испании и для Республики»[15].

В Испанию он возвратился лишь после того, как 14 апреля 1931 г. была провозглашена Республика.

Апрельская республика

Провозглашению Республики предшествовали муниципальные выборы 12 апреля 1931 г., отразившие полярное размежевание в испанском обществе.

За день до выборов наиболее влиятельные газеты консервативного направления — монархическая «ABC» и католическая «El Debate» — с оптимизмом писали о грядущей победе монархистов. В этой победе, по свидетельству министров последнего кабинета, был уверен и король. И они не ошибались: монархисты получили 22 150 мест в муниципалитетах, а республиканцы — всего 5875. Но 70 % избирателей больших городов и промышленных центров — Мадрида, Барселоны, Бильбао, Овиедо, Кордовы, Картахены — отдали свои голоса за блок республиканцев[16]. И это решило судьбу монархии. 14 апреля Республика была провозглашена «Мы уже захвачены вихрями урагана» — так воспринял то, что произошло, епископ Таррагоны Исиодора Гома, будущий примас Испании. «О те благословенные часы — Господи Боже! — сотканные из самого чистого льна надежды, когда мы, горстка старых республиканцев, подняли в Сеговии трехцветное знамя!» — вспоминал видный испанский поэт Антонио Мачадо[17]. Две Испании — два контрастных видения мира.

Этот феномен имел глубокие исторические корни. Он обозначился уже в эпоху Просвещенного абсолютизма, когда Карл III и его министры попытались ослабить путы старого порядка и преодолеть нежизнеспособность некоторых государственных и общественных институтов. Эти реформы встречали сопротивление. Как говаривал Карл III, «мои подданные поступают, как дети, которые плачут, когда их хотят вымыть». Не только аристократия и клир, но и крестьяне, и жители маленьких городов, преобладавших тогда в Испании, не понимали сути реформ, порой проявляя неприкрытую враждебность к ним, полагая, что они посягают на освященные веками традиции.

О «Двух Испаниях» свидетельствует размежевание нации в эпоху наполеоновских войн. Отвечая на вопрос, какие ценности в духовной и общественной жизни признавались постоянными и органичными, а какие случайными, преходящими, испанцы обнаружили контрастное несовпадение ориентации. Как отмечал П. Вилар, «две Испании, еще единые в борьбе против общего врага, в то же время глубоко противостоящие друг другу»[18].

Для большинства участников освободительной борьбы против

Наполеона Франция Просвещения и революции была олицетворением Зла, а борьба с Наполеоном — «святой Крусадой» с земным воплощением Антихриста.

Эта специфика дихотомии политической культуры испанского общества, отразившая узость социального спектра либеральной политической культуры, значительно уступавшей сфере культуры традиционной, сохранялась на протяжении всего XIX и в первой трети XX вв.

Еще маркиз де Мирофлорес, активный участник конституционного трехлетья 1820–1823 гг., спасаясь в Лондоне от роялистского террора, отмечал: «Народные низы и духовенство хотели сохранить перевес, ими достигнутый… Союз трона, народа и духовенства не мог быть побежден никакой силой и никакой комбинацией. Победа этой лиги над средним классом, над классом промышленников и ремесленников, с неизбежностью будет одерживаться до тех пор, пока будет существовать этот союз». И далее: «Не следует предаваться иллюзиям, надо видеть… что магические для иных призывы к свободе и равенству в Испании внимаются с насмешкой и презрением, и еще как крики о безбожии»[19]. Книга Мирофлореса была издана в 1834 г., за сто лет до провозглашения Второй Республики.

Дихотомия политической культуры отразилась в кровопролитных затяжных гражданских войнах XIX в. Карлистские войны пронизали весь XIX в.: политику, экономику, международные отношения, жизнь многих семей. Современник событий историк Х. Бальмес отмечал: «В карлистской войне старое общество боролось с новым; общество с глубоко укоренившимися религиозными верованиями, общество с традиционными обычаями с обществом материальных интересов и новшеств»[20].

Медленный, тернистый путь модернизации испанского общества в XIX–XX вв. не смягчил острые грани противоборства двух тенденций в исторически обусловленном комплексе испанской политической культуры. Этот феномен отразился в трудах поэтов и философов в образе «Двух Испаний» — антиномы, поэтически выраженной поэтом А. Мачадой в 1913 г., или даже «Испании» и «Анти-Испании».

Противостояние «Двух Испаний», столь отчетливо проявившееся 12 апреля 1931 г., имело роковые последствия для будущего страны.

Некоторые командующие военными округами предложили королю вывести войска на улицы, дабы удержаться на троне. Но Альфонс XIII отказался: «Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хотя бы капля крови. Я могу быть королем, если смогу

рассчитывать на любовь своего народа, но не когда испанцы отказываются от меня»[21].

В 8 часов вечера 14 апреля король тайно покинул Мадрид и направился в Картахену, где его ожидал крейсер «Принц Астурийский», который взял курс на Марсель. Вечером того же дня новоиспеченный республиканец, в недавнем прошлом консерватор и монархист Алькали-Самора, ставший во главе правительства, обратился по радио к народу, объявив, что Республика провозглашена «без малейших беспорядков», и Временное правительство готово приступить к исполнению своих обязанностей.

Что касается начальника Высшей военной академии в Сарагосе генерала Франко, то он в этот день отдал приказ, категорически запрещавший курсантам выходить из ее стен, дабы не присоединиться к ликующему народу. Он отдал распоряжение поднять трехцветное знамя Республики над Академией только после того, как получил письменное распоряжение нового генерал-капитана, командующего округом, к которому была «приписана» Академия.

В те дни надолго разошлись пути Франсиско Франко с младшим братом. Известие о том, что Рамон в Париже вступил в масонскую ложу, встревожило и огорчило Франко. С негодованием он воспринял реакцию Рамона на поджоги церквей и монастырей 10–11 мая 1931 г. В те дни в Мадриде были сожжены главная резиденция ордена иезуитов, иезуитский Университет искусств и ремесел, церкви и монастыри в провинциях, главным образом в Андалусии. Рамон приветствовал «майские пожары»: «Великолепная иллюминация… отражение того, что народ желает освободиться от обскурантизма и религиозного гнета»[22].

Командующий авиацией в начальный период республики, он вскоре оставил этот пост, будучи избранным в Учредительные кортесы в июне 1931 года. Он всецело отдался политической деятельности, но эта деятельность носила весьма странный характер. На первых порах он примкнул к группке ультралевых депутатов, возглавлявшейся Бальботином, которых в кортесах выразительно прозвали «кабанами». Их демагогические выступления успешно использовались реакцией во вред республике. Однако после победы правых в 1933 г. Рамон качнулся вправо, весьма цинично объяснив перемену своей позиции: уж если выбирать между тем, чтобы ему давали касторку или он ее давал, то предпочитает последнее.

А до этого еще должно было пройти время.

Пока же Франко больше беспокоила его собственная судьба: у

него не было сомнения в том, что Республика прервет его стремительную карьеру. И он не ошибся. 12 июля 1931 г. последовал приказ Мануэля Асаньи, военного министра тогда еще Временного правительства, о закрытии Академии. Из шести военных Академий оставались всего две: в Толедо и Сеговии.

Три дня спустя Асанья записал в дневнике: «Краткая речь генерала Франко перед кадетами Высшей академии в связи с окончанием курса была исключительно враждебной по отношению к правительству»[23]. Франко не был одинок в своем негативном восприятии Республики.

При анализе комплекса объективных и субъективных причин, способствующих политической поляризации армии, следует иметь в виду ее особенность, отмеченную в свое время Сиснеросом: «Воспитание и атмосфера, царившая в армии, способствовали формированию таких взглядов, которые легче поддаются отклонению вправо, чем влево»[24].

К моменту установления Республики испанская армия по технической оснащенности была одной из самых отсталых в Европе. Выступая в кортесах 30 июля 1931 г., Асанья, разъясняя суть военной реформы, объявил, что армия должна быть модернизирована, а ее офицерский состав сокращен, что дало бы немалую экономию и свело бы к нулю преторианский характер армии, который начал складываться еще в эпоху наполеоновских войн. В армии континентальной Испании согласно реформе должны были остаться 7600 офицеров (на 105 тысяч солдат), в марокканских войсках — 1700 офицеров (на 42 тысячи легионеров). Количество генерал-майоров было сокращено до 20, бригадных генералов — до 64, а чин генерал-лейтенанта упразднен. Асанье не удалось осуществить задуманное. Он успел частично сократить офицерский корпус. Однако возможностью подать в отставку воспользовались в первую очередь демократически настроенные офицеры, жаждавшие принять активное участие в созидательной работе республики и ее институтов.

Многие молодые офицеры, выпускники Высшей военной академии в Сарагосе, закрытой по приказу Асаньи 12 июля 1931 г., по привычке обращаясь к своему бывшему начальнику Франсиско Франко за советом, должны ли они подать к отставку, неизменно получали ответ, что они принесут гораздо больше пользы Испании, оставаясь в кадрах армии.

Реформа не коснулась верхушки армии, в которой преторианский дух был особенно ощутим.

После закрытия Высшей военной академии Франко получил новое назначение — принять командование 5-й дивизией в

Сарагосе. Затем опять понижение: с 13 февраля 1932 г. он — командир 15-й пехотной бригады в Ла-Корунье. Эти личные обстоятельства повлияли на выбор Франко — какую сторону принять в будущей схватке: пока у власти было правительство республиканцев и социалистов[25], у Франко было мало шансов взять личный реванш.

Но до поры до времени он оставался в стороне от тех военных, которые уже тогда готовились вступить на путь внепарламентской борьбы с Республикой.

17 декабря 1931 г. Франко был вызван в Мадрид: в парламентской комиссии шли слушания по поводу восстания в Хака 12 декабря 1930 г. Там он встретился с генералом Санхурхо, начальником гражданской гвардии в последние часы, отведенные историей монархии. Тогда на совещании у главы правительства графа Романонеса Санхурхо заявил о невозможности силой» оружия восстановить прежний порядок, а потому отказался вывести свои отряды на улицу. Теперь же он решил возглавить заговорщиков, готовящих военный переворот. Он предложил Франко примкнуть к заговору. Тот отказался. По свидетельству его двоюродного брата, называемого в семье Паконом, Франко так объяснил свой отказ: «Военное восстание в случае неудачи откроет дорогу коммунизму».

15 октября 1931 г. правительство возглавил Асанья. 9 декабря была принята Конституция, объявившая Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, подчиняющейся режиму свободы и справедливости». 44-я статья Конституции гласила: «Собственность на имущество всякого рода может быть объектом принудительной экспроприации ради общественного блага с условием справедливой компенсации, если только не будет принят другой закон, одобренный большинством голосов»[26]. Статья 47-я содержала обещание оказать помощь крестьянам, и среди прочего был принят закон о неотчуждаемой семейной собственности, свободной от всех налогов. Учредительные кортесы приступили к разработке законов об аграрной реформе, народном просвещении, об автономии Каталонии, военной реформе, рабочем законодательстве, поднявших уровень правовой защищенности испанцев до принятых в Европе норм.

Нация ожидала многих свершений от правительства республики и Учредительных кортесов. Среди депутатов были властители дум, блестящие умы — Х. Ортега-и-Гассет, М. Унамуно, К. Санчес Альборнос, Перес Айала, Х. Бестейро. Их красноречие будоражило страну, с восторгом или с возмущением им внимавшую. Е. Малфакс, известный американский историк, в

статье «Исторические и теоретические аспекты войны», опубликованной в воскресном приложении газеты «El Pais» 2 марта 1986 г., справедливо заметил, что «длительный иммобилизм прошлого требовал сделать решительный шаг к всестороннему возрождению страны: надо было сделать много, так как до этого было сделано очень мало. К тому же надо было иметь в виду и нетерпение тех, кто длительное время был жертвой социальной несправедливости».

Законодатели сделали решительный шаг к всестороннему возрождению страны. Но нельзя «насадить» фундаментальные изменения вечером, чтобы уже утром они дали ощутимые плоды. Те, кто долгие десятилетия были жертвой социальной несправедливости, все больше проявляли нетерпение. Критики низов сливались с возмущенными голосами тех, кого больно задели реформы. Это были не только аграрии-латифундисты, крупные коммерсанты и предприниматели, но и те, кого относили к «другой Испании» — Испании традиционной культуры, основу которой составляли католическая религия и церковь. Пробным камнем нового режима стала 26-я статья Конституции, провозгласившая отделение церкви от государства и запрещавшая религиозным орденам заниматься предпринимательской деятельностью и преподаванием. Президент республики Н. Алькали-Самора, избранный 10 декабря 1931 г., сказал, что «она призывает к гражданской войне». Но до войны было еще далеко, хотя негативные последствия принятия этой статьи трудно переоценить: она оскорбляла не только чувства миллионов католиков, принадлежавших к городским и сельским мелким и средним слоям, но и многих представителей низшего и среднего духовенства, особенно в Каталонии и Стране Басков.

Это отмечал и Сиснерос: «Священники боялись потерять свое и без того нищенское жалованье, на которое еле сводили концы с концами, живя в крайней бедности, столь обычной для деревенских церковных служителей Испании. Я не думаю, что их особенно волновала политическая сторона событий. Республика восторжествовала, и они приняли ее. Но потеря шести реалов в день означала для них катастрофу. Отменив жалованье священникам, республиканское правительство нажило в их лице опасного врага»[27]. Ж. Сориа, автор «Войны и революции в Испании 1936–1939 гг.», не ошибается, замечая, что «сведенная на уровень философских воззрений религиозная вера (и абсолютное право на нее для каждого гражданина) становилась делом личной совести и того или иного взгляда на происхождение и назначение человека. Ничуть не больше, ничуть

не меньше»[28]. Но для десятков тысяч полунищих священников речь шла не о философском осмыслении бытия, а о куске хлеба насущного. Аграрная реформа так и не дошла до глубин испанской деревни, зато редкая проповедь, с которой с амвона сельских церквей и церквушек обращались к прихожанам их пастыри, обходилась без осуждения безбожных кортесов, оскорбивших чувства католиков. Этим в полной мере воспользовалась пропаганда правых, делая все возможное, чтобы не только пастырей, но и паству превратить в противников Апрельской республики.

Франко, если судить по словам его прототипа в автобиографическом романе «Раса», после принятия 26-й статьи Конституции окончательно утвердился в своих предположениях, что Республика — в руках масонов, которые пытаются укоренить в Испании атеизм и «антикатолический дух», преследуют институты церкви. Он был убежден, что больше половины депутатов кортесов являются членами масонских лож. Его негативное отношение к утвержденной 9 декабря 1931 г. Конституции все же не подтолкнуло его к участию в заговоре Санхурхо.

О том, что готовится переворот, к которому подключены многие генералы, правительству было известно — об этом заявил Асанья в речи в кортесах в день мятежа, 10 августа 1932 г. И не только правительству: за месяц до мятежа, 10 июля, в Сарагосе лидер радикалов А. Леррус заявил: «Имеются две возможные диктатуры. Одна — социалистов, которая сейчас осуществляется, и другая — военных, которая может быть установлена как логическая реакция против этих господ».

Мятеж начался 10 августа в 5 часов утра в Мадриде и в Севилье. В Мадриде мятежники вскоре были рассеяны несколькими выстрелами гвардии де асальто (штурмовой гвардии). Уже в 7 часов утра все было спокойно. В Севилье гарнизон перешел на сторону мятежников. В тот же день генерал Санхурхо обратился к жителям Севильи с манифестом, в котором так обозначил цель мятежа: «Не установление антиреспубликанского режима, а освобождение Испании от состояния тревоги, которое за один только год принесло такой огромный моральный и материальный ущерб»[29]. Санхурхо удалось продержаться всего два дня. Мятеж был подавлен, Санхурхо бежал и был арестован между Кадисом и Уэльвой.

Франко не принял участия в заговоре. Асанья был очень доволен: когда он позвонил по телефону, он услышал голос Франко. Ходила легенда, возможно, более позднего происхождения, что на просьбу Санхурхо выступить в его защиту

на суде, он ответил: «Я не буду Вас защищать, поскольку Вы заслуживаете смертной казни, но не потому, что Вы восстали, а потому что потерпели поражение»[30]. Позиция Франко в дни мятежа получила одобрение правительства и вместе с тем желание удалить его с полуострова, как бы чего не вышло в дальнейшем. В начале 1933 г. он получил назначение на Балеарские острова, которое воспринял с удовлетворением. Он был принят в высшем обществе Лас Пальмас де Майорка и установил контакт с банкиром-мультимиллионером Хуаном Марчем, что имело далеко идущие последствия. Именно тогда Франко прочел книгу А. Гитлера «Mein Kampf», в переводе на испанский — «Mi lucha», и познакомился с работами Хименеса Кабальеро, раннего идеолога испанского фашизма.

Приход Гитлера к власти пробудил интерес испанских правых к природе и целям фашизма. Особое впечатление производила та быстрота, с которой в Германии было подавлено рабочее движение и разрушена структура либерального общества. Первые фашистские организации в Испании были созданы еще 10 октября 1931 г.: тогда на страницах еженедельника «La conquista del estado» («Завоевание государства») было объявлено о слиянии двух небольших групп фашистского толка и образовании новой организации «Хунты наступления национал-синдикализма» («ХОНС»).

В надежде привлечь внимание рабочих ХОНС избрали себе знамя из трех полос: красно-черно-красное — традиционные цвета испанского анархизма. Но в отличие от анархистов хонсисты превозносили беспрекословное повиновение государственной власти. Именно государство, по их мнению, должно было осуществлять опеку и верховное руководство синдикатами производителей, что должно было привести к окончательному искоренению классовой борьбы, которую хонсисты объявили «незаконной». Символом ХОНС были изображенные в виде креста пять стрел и ярмо (знак был заимствован из герба католических королей). Символика ХОНС, а также крайне националистические лозунги — «Арриба» («Возвысься») и «Испания — единая, великая и свободная» — позднее прочно вошли в арсенал франкизма.

По признанию лидера ХОНС Ледесмы Рамоса, «на протяжении всего 1932 года активность ХОНС была равна нулю». Первые испанские фашистские группы оказались в политическом вакууме. Им не удалось заинтересовать своей программой те слои, во имя сохранения экономических и политических позиций которых объективно они действовали. Не увенчались успехом и их попытки заинтересовать своей программой рабочих, и

единственной средой, где они поначалу обрели немногочисленных сторонников, оказалась студенческая, вернее, та ее часть, которая была заражена правоэкстремистскими настроениями.

Весной 1933 г. за организацию фашистской партии взялся Хосе Антонио Примо де Ривера — старший сын покойного диктатора. Маркиз, выходец из традиционной офицерской семьи, литератор и юрист (он был членом коллегии адвокатов Мадрида), Хосе Антонио был ярым врагом республики. В своем «Политическом манифесте», с которым он выступил как «независимый кандидат» на частичных выборах в октябре 1931 года, он объявил: «У меня только одна цель, во имя которой я хочу быть в Учредительных кортесах: защищать священную память моего отца». 16 марта 1933 г. Примо де Ривера выпускает первый, он же и последний, номер газеты с примечательным названием «El fascio». В подготовке этого номера принимал участие и лидер ХОНС Р. Ледесма Рамос. Редакторы этого листка, запрещенного правительством через несколько часов после выхода, объявили о своем походе против социалистической революции под знаменами революции «национальной» — терминология, явно заимствованная в Берлине и Риме.

В октябре 1933 г. Хосе Примо де Ривера посетил Рим. Он был принят Муссолини, который весьма одобрительно отнесся к планам создания фашистской организации в Испании. По возвращении из Рима Примо де Ривера заявил, что фашизм является, по существу, традиционалистским движением, и если в Италии он обращен к традициям Римской империи, в Испании он будет взывать к традициям Испанской империи. Через несколько дней (29 октября) в мадридском театре «Комедиа» собрание, претенциозно названное «Национальным утверждением», стало первой акцией «Испанской фаланги». Вся вступительная речь Примо де Риверы была пронизана духом воинствующего национализма, объявленного «традиционной испанской ценностью». Оратор объявил, что создаваемая им партия, которую он определил как антипартия, не будет ни левой, ни правой. Поскольку никто не родится членом политической партии, — поучал Примо де Ривера, — и в то же время все являются членами семьи, соседями по муниципалитету и коллегами по работе, то из этого следует, что политические партии — нечто чуждое самой природе человека, и его организация полна решимости их отменить. Оратор не злоупотреблял антикапиталистической фразеологией, как это делали лидеры ХОНС, что обеспечило его речи благосклонный прием и в тех кругах консервативного лагеря, которые с недоверием относились к псевдорадикальной

демагогии хонсистов. «Acción Española», консервативный журнал монархического толка, восторженно откликнулся на речь Примо де Риверы, назвав оратора «тем, кто поднял знамена».

13 февраля 1934 г. Национальный совет ХОНС принял решение о слиянии с фалангой. Само слияние произошло 4 марта того же года. Объединенная партия стала называться «Испанская фаланга и ХОНС». Все эмблемы, изобретенные в свое время Ледесмой, были официально приняты новой организацией — красно-черно-красный флаг, знак ярма и стрелы, девиз «Арриба». Билет с номером первым был выдан, по предложению Примо де Риверы, Ледесме Рамосу, затем следовал Примо де Ривера. Вновь созданную организацию возглавлял триумвират — Х. А. Примо де Ривера, Руис де Альда, Р. Ледесма Рамос (последние — лидеры ХОНС)[31].

Биографы Франко не обнаружили его интереса к испанской разновидности фашизма. Свои надежды он больше связывал с восхождением к власти испанских правых, не отрицавших парламентские формы правления. И его надежды оправдались. 19 ноября и 3 декабря 1933 г. (два тура) из 473 депутатских мандатов левые республиканцы получили 70 мандатов, социалисты — 60, в то время как «Испанская конфедерация автономных правых» (СЭДА) — 98 и радикалы — 100[32].

Для Франко наступило время надежд.

К гражданской войне

Осенью 1933 г. Франко сблизился с Х. Хилем Роблесом. Впервые имя Хосе Марии Хиля Роблеса, депутата от Саламанки, стало известно при обсуждении 26-й статьи Конституции. Молодой депутат-католик, член редакционной коллегии «El Debate» назвал эту статью фронтальной атакой на лучшие испанские традиции. Год спустя Хиль Роблес стал создателем и лидером Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА). К моменту своего создания — 22 декабря 1932 г. — СЭДА насчитывала в своих рядах 619 тыс. членов. Партии и организации, вошедшие в СЭДА, провозгласили своей главной задачей защиту чувств и интересов католиков от антиклерикальных намерений кортесов и правительства[33]. Установить контакты с Хилем Роблесом Франко помог его шурин Р. Серрано Суньер, муж сестры его жены — Зиты, руководитель организации «Молодежь народного действия», примыкавшей к СЭДА: их девиз «Превыше всего — Испания, и превыше Испании — БОГ» был близок ему. С этого времени вновь начался взлет Франко, прерванный установлением республики. Но особые надежды на восхождение к вершинам военной карьеры он возлагал на лидера радикалов А. Лерруса, с которым он установил тесную связь через Пейре, представителя Хуана Марча, своего коллегу по учебе в Академии в Толедо.

В феврале 1934 г. мать Франко решила совершить паломничество в Рим. Франко получил разрешение выехать в Мадрид и сопровождать ее до Рима. Но далее ехать не пришлось — Пилар Франко умерла, ее сын задержался в Мадриде. Ему удалось произвести хорошее впечатление на военного министра, радикала Д. Идальго. Позднее Идальго написал: «Франко был предан до конца своей профессии и был в совершенстве наделен всеми достоинствами профессионального военного: он много работал, ясность его мышления, понимание и общее образование — все было поставлено на службу армии… Он был педантичен в выполнении своего долга, что, возможно, заслуживает критики». Результат — повышение в чине: в марте 1934 г. Франко в 41 год стал самым молодым дивизионным генералом. Скоро для него нашлось и дело.

В ночь на 5 октября 1934 г. в знак протеста против вхождения трех членов СЭДА в правительство началась всеобщая политическая стачка по всей Испании, в Астурии — районе шахт и производства металла — стачка вскоре переросла в вооруженное восстание.

В Мадриде, в военном министерстве, с нетерпением ожидали Франко, задержавшегося на маневрах: вместе со своим двоюродным братом Франко Салгадо Араухо он должен был возглавить центр по подавлению восстания; Идальго так объяснял это назначение: Франко долго жил вблизи Астурии, имел там связи и знал не только столицу, провинции и шахтерские поселки, но также побережье и линии коммуникаций в этом районе[34].

Франко оправдал надежды министра: оба порта Астурии — Хихон и Авилес — стали местом высадки карательных войск, переброшенных 10 октября на крейсерах «Либертад» и «Сервантес»; на другой день на линкоре «Хайме I» прибыли три бандеры Иностранного легиона и части марокканцев, вызванных Франко. Командовал легионом приятель Франко по службе в Африке подполковник Ягуэ. Сам Франко прибыл в Овьедо 24 октября. Астурия была залита кровью. Ответственность за подавление октябрьского восстания взял на себя Идальго, хотя, как он и отдавал себе отчет, у «Терсио» и «Регулярес» отсутствовало уважение к закону и правам человека.

Франко же не только разделял чувства Идальго: напротив, как свидетельствует его интервью в Овьедо, он гордился своей ролью в тех кровавых событиях. Заявив, что «война в Марокко, которую вели «Регулярес» и «Терсио», имела в некотором смысле дух романтики, дух реконкисты. Но эта война — война во имя защиты границ, за которыми — социализм и коммунизм и все другие формы, угрожающие цивилизации, чтобы сменить ее на варварство»[35]. Обе стороны стали активно готовиться к реваншу.

Октябрьские события 1934 г. покончили с политической индифферентностью Франко. Правая пресса писала о Франко как о защитнике Отечества, левая — как о правом консерваторе, до сих пор не заявлявшем о своих политических взглядах.

После подавления астурийского восстания Франко был назначен командующим вооруженными силами в Марокко. В мае 1935 г. по инициативе Хиля Роблеса, военного министра в правительстве Лерруса, Франко получил новое назначение — начальник генерального штаба[36]. Но это еще не было вершиной его карьеры.

Новый начальник генерального штаба не терял времени даром: по его инициативе военный министр отдал распоряжение о закупке современного вооружения, истребительной и бомбардировочной авиации, броневиков; была начата модернизация морской базы в Картахене. Франко тогда жил в Мадриде, занимая великолепный дом на бульваре Кастельяно. В столице проживали тогда и его сестра Пилар, и брат Николас,

профессор Высшей школы морских офицеров. К огорчению Франсиско, он стал членом «Ротари клуба», о котором ходили слухи, что он связан с масонством.

Страна постепенно оживала от того оцепенения, в которое была погружена после подавления астурийского восстания. Все громче звучали требования распустить кортесы и назначить новые выборы. Мощное народное движение вынудило подать в отставку правительство, в котором заправлял Хиль Роблес. 20 октября 1935 г. лидер оппозиции Асанья на 200-тысячном митинге произнес знаменитую фразу: «Вы должны выбрать между демократией со всеми ее недостатками, заблуждениями или ошибками и тиранией со всем ее ужасом»[37]. В начале января 1936 г. президент распустил кортесы и назначил выборы на 16 февраля 1936 г.

15 января в обстановке подъема народного движения левые и левоцентристские партии подписали «Избирательный пакт», вошедший в историю как «Пакт о Народном фронте». Документ был подписан представителями Испанской социалистической рабочей партии, Всеобщего союза трудящихся, Федерации социалистической молодежи, Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), Синдикалистской партии, Левой республиканской, Республиканского союза и Коммунистической партии.

Франко во время предвыборной кампании находился в Лондоне, куда прибыл 26 января на похороны английского короля Георга V. Сохранилась фотография: на ней запечатлен советский военачальник М. Н. Тухачевский, приглашенный на траурную церемонию, и маленький генерал с усами Чарли Чаплина, имя которого тогда никому за пределами Испании ничего не говорило. До того, как его узнали в Европе и мире, оставалось шесть месяцев.

Франко был весьма озабочен предстоящими выборами. По свидетельству Барросо, испанского военного атташе во Франции, с которым Франко вместе возвращался на континент, он говорил, что надеется, Народный фронт не победит, но не исключал и эту возможность. «Если случится худшее — наш долг вмешаться, — заявил он. — И если Барросо услышит, что Франко в Африке, это будет сигналом к действиям»[38]. Свидетелей разговора не было: во время переправы через Ла-Манш штормило, и на палубе были только двое — Франко и Барросо. Но последующие события подтверждают достоверность слов военного атташе.

На выборах 16 февраля Народный фронт одержал победу. Из 9864 тыс. избирателей, принявших участие в голосовании, за Народный фронт проголосовало 34,3 %, за правых и «правый

центр» — 33,2 %. Перевес — всего 1,1 %. Позднее историк В. Роа назовет победу Народного фронта «Пирровой победой». Однако использование мажоритарной системы обеспечило объединенным левым 269 депутатских мандатов (из них социалисты получили 88, коммунисты — 16, ПОУМ — I)[39].

Как заметил испанский политолог и историк Х. Тусель, крайне правые восприняли результаты выборов 16 февраля 1936 г., принесшие победу Народному фронту, как свидетельство того, что «демократическая система передала страну в руки революции, поэтому необходимо без промедления начать работу по подрыву ее»[40].

Вечером 16 февраля, еще до окончательного подсчета голосов, начальник генерального штаба Франко по телефону пытался убедить военного министра Молеро объявить военное положение. Молеро отослал Франко к главе правительства Портеле Вальядаресу. Как вспоминал позднее Франко, Портела был очень любезен с ним, но тем не менее устоял, заявив, что «противопоставить штыки воле нации равносильно самоуправству»[41]. Так был ли Франко ключевой фигурой заговора против правительства Народного фронта?

Спустя более 20 лет, в ноябре 1957 г., Франко прочел в журнале «Reino» статью генерала Хорхе Вигона о событиях 1936 г. По мнению Вигона, «главной фигурой в подготовке Движения (т. е. заговора и мятежа. — С. 77.) был бывший командующий группой войск в Северной Африке генерал Эмилио Мола, а Франко — маленький его спутник». Генералиссимус был возмущен: «Как мог Вигон это написать, не будучи хорошо осведомлен о ситуации?!». И рассказал о совещании в доме биржевого дельца Дельгадо 8 марта 1936 г., где собрались в основном бывшие «африканцы». Незадолго до этого Франко, бывший командующий военно-воздушными силами генерал М. Годед и генерал Мола получили приказ главы нового правительства, пришедшего к власти, покинуть Мадрид. Новое назначение Франко, теперь уже бывшего начальника генерального штаба, — Канарские острова. Полковник Варела, представлявший находившегося в изгнании генерала Х. Санхурхо, предложил немедля совершить переворот. Мола и Франко отказались: время упущено, надо ждать более благоприятной ситуации, когда в стране воцарится анархия и выход армии на улицы будет оправдан. По словам Франко, ему предложили быть руководителем движения, но он отказался, предложив кандидатуру генерала Санхурхо[42].

То, как впоследствии развивались события, дает основание с доверием отнестись к словам Франко. Это не означает, однако,

преуменьшения роли Молы — бывшего командующего группой войск в Северной Африке, души и мозга заговора, «Директора», как он подписывал свои секретные циркуляры. Заговорщики сумели сохранить в тайне свои приготовления. И тем не менее проницательный И. Прието, лидер испанских социалистов и министр многих кабинетов Республики, во время дополнительных выборов в кортесы в выступлении в Куэнке уже 1 мая 1936 г. назвал Франко «ферментом сокрушения»: «Генерал Франко благодаря своей молодости, своим дружеским связям в армий, своему личному престижу представляется в данный момент тем человеком, который может возглавить движение такого рода»[43].

Он оказался провидцем. Между тем атмосфера становилась все более тревожной. 12 марта группа фалангистов попыталась устранить видного социалиста, одного из авторов Конституции, профессора Хименеса де Асуа. Сам он остался жив, погиб охранявший его полицейский. 14 марта был арестован Примо де Ривера по обвинению в терроризме и незаконном владении оружием.

Как отметит позднее в своих мемуарах посол США в Испании К. Бауэре, «к концу марта было совершенно ясно, что готовится военный государственный переворот»[44].

В марте-июне фалангистами были совершены покушения на Ларго Кабальеро, Хосе Ортегу-и-Гассета, Альвареса Мендисабля и многих других. 14 апреля во время демонстрации в честь 5-й годовщины Республики фалангисты пытались совершить покушение на членов правительства. У рабочего класса страны, который бурно реагировал на эти эксцессы, не оставалось сомнения в том, что шла организация контрреволюции.

Однако встревожены были и те, кто ассоциировал себя не только с правыми, но и с политиками и электоратом либеральной тенденции: они с беспокойством вчитывались в статьи, публикуемые в журнале «Leviatan», редактором которого был социалист Луис Аракистаин, а также в газетах «Claridad» и «El Socialista».

21 апреля «El Socialista» опубликовала материалы мадридской федерации ИСРП, где подавляющее большинство были сторонниками Ф. Ларго Кабальеро. В эти материалы входил и проект программы ИСРП для предстоящего конгресса, в котором утверждалось, что «единственным классом, который может противостоять фашизму, является пролетариат. Пролетариат отрицает необходимость буржуазной демократии, но обязан добиваться всеми средствами завоевания политической власти для осуществления при ее помощи социалистической революции и собственной гуманной всесторонней демократии: бесклассовой

демократии»[45]. Максималистский тон этого документа был встречен с тревогой партнерами по Народному фронту и использован правыми для оправдания своих действий.

В том, что время переворота, а возможно, и гражданской войны неминуемо приближается, отдавали себе отчет многие: туманные намеки прессы правых, массовый «исход» за границу семей богачей, закрытие фабрик, изъятие крупных денежных вкладов из банков — все предвещало грозу.

10 мая в «Хрустальном дворце» мадридского парка Ретиро президентом Республики был избран М. Асанья — враг армии, как полагали многие военные. Еще один стимул к ускорению подготовки заговора.

Франко было известно, что первоначально мятеж был назначен на 24 июня. За день до этого предусмотрительный генерал направил главе правительства Касересу Кироге письмо, в котором с напускным негодованием выступал в защиту «чести мундира». «Лгут те, — писал генерал, — кто изображает армию враждебной республике. Вас вводят в заблуждение те, кто, преследуя свои темные цели, разглагольствуют о мнимых заговорах. Дурную услугу оказывают родине те, кто превратно истолковывает заботу, достоинство и патриотизм командного состава армии, изображая эти качества как признаки заговора и враждебности»[46]. В приближающейся катастрофе, по его мнению, виноваты были иные силы, силы анархии, и генерал заклинал премьер-министра принять безотлагательные меры по ее предотвращению.

Имя Франко в эти тревожные дни все же не было многим известно, на авансцене истории внимание общества было привлечено к иным лицам — к Х. М. Хилю Роблесу и Х. Кальво Сотело.

После прихода Гитлера к власти в Германии Хиль Роблес не упускал случая противопоставить свое движение германскому нацизму и итальянскому фашизму. Выступая в Эскориале в апреле 1934 г., он сказал: «Я не боюсь, что в Испании это национальное движение вступит на путь насилия. Я не допускаю, что национальные чувства, как это имело место у иных наций, будут стремиться к возрождению языческого Рима или мрачным восхвалениям расы… Мы — армия граждан, но не армия, которой нужны форма и парады»[47]. В июне 1936 г., когда деятельность кортесов была парализована обструкцией правых, в своих речах глава СЭДА Хиль Роблес употребил все свое красноречие для доказательства нежизнеспособности существующей Республики и неспособности правительства руководить страной. 16 июня Хиль Роблес обратился с внеочередным запросом к правительству

Республики по поводу общественного порядка. Он заявил: «Государство может жить при монархии или при Республике, с парламентарной или президентской системой, под властью коммунизма или фашизма. Но оно не может жить в состоянии анархии. Сегодня же Испания во власти анархии. И мы скоро будем присутствовать на панихиде по демократии». И привел своеобразную статистику «преступлений» Народного фронта, утверждая, что за 5 месяцев его существования было разрушено полностью 169 церквей, частично повреждено — 257, убито 269 человек, ранено — 1879, совершено вооруженных ограблений — 161, проведено 113 всеобщих и 228 локальных стачек, взорвано 146 бомб. При этом Роблес не счел нужным уточнить, какая доля в этих преступлениях падает на фалангу и правых[48].

Речь Хиля Роблеса позднее многие рассматривали как своего рода попытку «идеологически» обосновать необходимость государственного переворота 18 июля 1936 г.

Кальво Сотело, правая рука покойного диктатора М. Примо де Риверы, его министр финансов, был главой и создателем «Национального блока». О его устремлениях достаточно определенное представление дают выдержки из его «Манифеста», которые были опубликованы в испанской прессе в декабре 1934 г. Весь документ цензура не сочла возможным допустить к публикации.

Авторы «Манифеста» объявляли парламентарно-конституционную систему «антииспанской по духу и букве», высказывались за корпоративный принцип организации экономической жизни, провозглашали своим идеалом «новое интегральное государство», основанное на принципах «единства, преемственности, иерархии, компетенции, корпоративизма и религиозности», способное покончить со стачками, локаутами и «антигосударственным тред-юнионизмом»[49].

Среди подписавшихся были все депутаты кортесов от «Испанского возрождения», карлисты, один член СЭДА, а также бывшие министры периода диктатуры Примо де Риверы, группа «Испанское действие». По социальному составу, согласно анализу английского историка Робинсона, это были бизнесмены, банкиры и иные владельцы крупной собственности, адвокаты, инженеры, несколько академиков, писатели и среди них весьма известный Бенавенте. В исполнительный комитет вошли три монархиста, сторонники Альфонса XIII и два карлиста. «Национальный блок» был элитарной организацией, своего рода «мозговым трестом» испанской экономической правящей верхушки. Необходимую массовую базу, исполнителей Кальво Сотело надеялся обрести при помощи союзов с родственными по духу правыми

группировками.

На первых порах попытки привлечь фалангу, фашистские устремления которой были близки к авторитарным построениям самого Кальво Сотело, не привели к успеху. Честолюбивому Примо де Ривере, претендовавшему на особую роль в жизни страны, не понравились планы истинных властителей Испании — воротил финансового капитала и латифундистов — отвести фалангистам второстепенную роль боевиков реакции, а затем исключить ее из тех сил, которым должна была принадлежать политическая власть после свержения Апрельской республики.

Нежеланием смириться с отводимой фаланге вспомогательной ролью объясняется отсутствие ощутимого результата встречи Х. А. Примо де Риверы с Кальво Сотело в Париже в марте 1934 г., резкие, на грани оскорбления эпитеты, которыми награждали фалангисты деятелей «Национального блока», и как результат — скудость денежных субсидий, оказываемых время от времени деятелями испанского финансового мира: банкирами-традиционалистами Бильбао, мультимиллионером Хуаном Марчем, маркизом Элиседа и др. Фалангисты жаловались, что этих субсидий едва хватало на приобретение оружия и экипировку, издание пропагандистской литературы, оплату налогов.

Что же касается союза «Национального блока» с СЭДА, то препятствием оказались взгляды и позиция самого Хиля Роблеса. И не только потому, что Хиль Роблес видел пути к достижению цели в постепенной эволюции вправо существовавшего государства, в то время как Кальво Сотело видел «начало начал» в создании «сильного» правительства и в негативном отношении к парламентской системе.

Кальво Сотело подозревал главу СЭДА в намерении поставить будущее Испании в зависимость от прихоти избирателей. Он не уставал повторять, что именно демократия, имея в виду сам принцип парламентаризма, ведет Испанию к хаосу. В марте 1935 г. Кальво Сотело обратился к СЭДА через голову Хиля Роблеса с предложением объединиться во имя ревизии действовавшей конституции, после чего каждый пойдет своим путем. Предложение Кальво Сотело было приемлемо для многих сэдистов, однако, такое соглашение, если бы оно и было заключено, способствуя консолидации сил правых, не разрешало самой проблемы создания надежного инструмента переворота. Этот инструмент Кальво Сотело обрел в верхушке испанской армии.

Обращение к армии не было случайным. Вмешательство военных в политику было одной из констант Испании бурного XIX

века, а государственные перевороты — «пронунсиаменто» — превратились в обычный инструмент не только смены правительства, но и разрешения социальных конфликтов. Гражданская власть была слабой не потому, что военная была сильной; напротив, власть военных была сильной, потому что гражданская власть была слабой.

Однако тех офицеров, с которыми Кальво Сотело пытался поддерживать контакт, не устраивало, что армия, вернее, ее роль инструмента и гаранта будущего режима, должна была быть ограничена во времени. Чрезмерное возрастание ее роли вряд ли устраивало руководителей «Национального блока».

Уже в годы гражданской войны В. Кодовилья, представитель ЦК Коминтерна в Испании, в докладе 22 сентября 1936 г. утверждал, что вождем военно-фашистского восстания должен был явиться Кальво Сотело, который был одним из фашистских теоретиков еще во время Примо де Риверы и занимал при нем пост министра финансов.

Не ставя под сомнение оценку Кальво Сотело как «политически наиболее подготовленного и наиболее смелого»[50], справедливости ради следует все же внести некоторые коррективы: лидеру «Национального блока» не удалось установить союз с военными, не желавшими смириться с отводимой им второстепенной ролью, а поэтому он и не мог стать вождем военного восстания. Что же касается утверждения, что он был «фашистским теоретиком», то, по-видимому, Кодовилья имел в виду выступление Кальво Сотело в кортесах 16 июня 1936 г. Обосновывая концепцию «интегрального государства», единственную альтернативную, по его разумению, замену существующего, он заявил: «Это государство многие называют фашистским государством, пусть так; если это фашистское государство, я, который верю в него, объявляю себя фашистом»[51]. Но «объявить себя фашистом» и «быть фашистом» — несовпадающие понятия. Кальво Сотело не был фашистом, и таковым его фалангисты в стране и родственные им образования за рубежом не считали. Не был он и главой заговора, мятеж готовили иные лица.

Мола, взявший в начале мая с согласия Санхурхо все нити заговора в свои руки, установил прочные связи как с Испанским военным союзом, куда входили офицеры чином ниже полковника, так и с карлистами — наиболее архаичными во всем потоке испанских правых, ставившими целью восстановление монархии во главе с представителями той ветви Бурбонов, которая безуспешно добивалась трона еще с 30-х годов прошлого века. Карлисты имели опору в традиционно консервативных областях

Испании, прежде всего в Наварре, были весьма активны и представляли собой реальную силу — их военизированные отряды, называемые «рекете», насчитывали в то время 9 тыс. человек.

9 июля стороны пришли к компромиссному решению: союз военных и карлистов не будет на первых порах связан с флагом — монархическим или республиканским.

Что касается фаланги — испанской разновидности фашизма, получившей организационное оформление в 1933 г., то поначалу Мола контактов с ней не искал, так как полагал, что руководить мятежом должны только военные. Тем не менее «вождь» фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера, находившийся в тюрьме в Аликанте по обвинению в незаконном хранении оружия, весьма энергично атаковал Молу, предлагая услуги своей военизированной милиции. 14 июля Примо де Ривера предупредил генерала: если военные не начнут действовать через 72 часа, фаланга сама начнет мятеж. Заговор, бросивший страну в траншеи гражданской войны, вступил в заключительную стадию.

12 июля был убит лейтенант Х. Кастильо, добровольно исполнявший обязанности инструктора антифашистской милиции. Его убийцы были агентами Испанского военного союза. В ответ на другой день был убит Кальво Сотело, лидер правого «Национального блока». А в это время заговорщики, укрепившиеся в убеждении, что без колониальных войск, размещенных в Испанском Марокко, не обойтись, заканчивали разработку плана по переброске Франко с Канарских островов в Африку.

В начале июля корреспондент «ABC» в Лондоне Л. Болин, следуя инструкциям своего шефа Лука де Тена, вступил в переговоры с английской авиакомпанией «Олли Эвейс» об аренде самолета. 11 июля, за два дня до убийства Кальво Сотело, самолет «Стремительный дракон», пилотируемый капитаном Беббом, покинул английскую землю. И когда Болин находился уже в воздухе, направляясь в Лиссабон, где, перед тем, как лететь за Франко, он должен был встретиться с Санхурхо и проинформировать его о ходе приготовлений, вступила в заключительную стадию реализация долго вынашиваемого плана[52].

14 июля, на другой день после убийства Кальво Сотело, Франко приобрел билеты для жены и дочери на немецкое судно, которое отплывало в Гавр 17 июля. 16 июля при загадочных обстоятельствах погиб генерал Бальмес, военный комендант Лас Пальмас. В тот же день там приземлился «Стремительный дракон». На другой день в Лас Пальмас прибыл Франко,

формально — на похороны Бальмеса. В тот же день агент Молы Ф. Маис отправил с телеграфа французского города Байонны шифрованные телеграммы. По одной из версий, текст их гласил: «17 в 17. Директор». Это был сигнал к мятежу. В два часа ночи 18 июля Франко получил телеграмму Молы, а утром он обратился с воззванием, названным впоследствии «Манифестом Лас Пальмас», в котором он обращался к тем, кто «находился по долгу службы в рядах армии и флота и дал клятву «защищать родину от врагов до потери жизни»». Их он освободил от имени нации от присяги.

Он обещал испанцам любовь и мир, работу для всех, социальную справедливость. «Испанцы, да здравствует Испания! Да здравствует достойный испанский народ и проклятие тем, кто вместо того, чтобы выполнять свой долг, предают Испанию!»

Часть II

Гражданская война. Начало

Стремительная поляризация сил вымывала центр; взаимные претензии и обиды, жажда мести определили политический вектор в это жаркое лето как конфронтационный. Однако, как писал позднее министр первого послефранкистского правительства Х. де Ареильса, «никто не был готов к гражданской войне длительностью в 1000 дней».

Испания знала гражданские войны и в прошлом — в XIX веке она была трижды вовлечена во внутренние конфликты так называемой карлистской войны. Противоборствующие стороны защищали право на свое видение социально-экономического порядка на своей земле. Но тогда это было внутренним делом самих испанцев. В накаленной международной атмосфере второй половины 30-х годов XX века это оказалось невозможным.

В считанные часы мятеж не только перерос в гражданскую войну, но в тревожной атмосфере предвоенной Европы произошла интернационализация конфликта, причем по воле его участников. Первый шаг был сделан главой республиканского правительства, направившим телеграмму с призывом о помощи премьер-министру Франции Леону Блюму.

«Застигнуты врасплох внезапным опасным военным переворотом. Прошу Вас без промедления оказать нам помощь оружием и самолетами» — таков был текст телеграммы, направленной Блюму 19 июля 1936 г. Хосе Хиралем, ставшим накануне главой правительства Испании. На другой день премьер-министр Франции телеграфировал в Мадрид: «Законное правительство дружественной страны, рожденное законными выборами, просит помощи, и наш моральный долг предоставить ему оружие. Кроме того, это совпадает с интересами Франции, состоящими, вне всякого сомнения, в том, чтобы не допустить установления какой-либо формы фашизма на своих юго-восточных и восточных границах»[53].

На другой день Фернандо де Лос Риос, представитель Испании в Лиге Наций, вручил военному министру Франции Эдуарду Даладье и министру авиации Пьеру Коту подробный перечень необходимых военных материалов и чек на их оплату в 11 млн франков. Но уже 9 августа, получив предупреждение из Лондона, что в случае франко-германской войны, вполне возможной в результате вмешательства в дела Испании, Англия не будет помогать Франции, Блюм полностью приостановил экспорт оружия мадридскому правительству. Как заметил испанский историк А. Виньяс, «французская политика плелась в

хвосте британской, испытывая глубокий страх перед своим могучим центральноевропейским соседом»[54].

Второй шаг, ставший катализатором процесса интернационализации «испанских обстоятельств», был сделан Франко. Он прилетел в Тетуан 19 июля. Его узнали с трудом: он сбрил усы и оделся, как если бы был туристом.

В тот же день он послал Болина на том же «Стремительном драконе» в Биарриц, где находились тогда Х. Марч и Лука де Тена. Оттуда самолет взял курс на Рим: просить помощи у Муссолини.

Ожидаемая помощь от Муссолини не разрешала главной заботы Франко, как перебросить мятежные воинские соединения из Марокко на континент. Ему стало известно, что в Мадриде был арестован начальник службы связи военно-морского флота, ранее имевший контакт с заговорщиками. Его арестовал радист Б. Бальбоа, установивший прямую связь с операторами кораблей. Экипажи были предупреждены, сторонники мятежников из числа адмиралов и старших офицеров арестованы. Для Франко с особой остротой стал вопрос о «воздушном мосте». Помощь мог оказать только Берлин.

Даже на исходе жизни Франко, как свидетельствует запись его двоюродного брата и доверенного секретаря Франко Салгадо Араухо от 5 июля 1965 г., подтверждал, что «Гитлер никогда не вмешивался в подготовку мятежа»[55].

Это признание согласуется с точкой зрения германского историка М. Меркеса, что «версия об активной позиции Германии в период предварительной подготовки мятежа — не более, чем фантазия»[56].

Эту позицию разделяют и многие современные испанские историки[57]. В ее пользу свидетельствует и негативная первая реакция на просьбу о закупке десяти транспортных самолетов у частных фирм, переданная от имени Франко Х. Бейгбедаром министерству иностранных дел Германии. «Известие о том, что мы поставляем оружие мятежникам… будет иметь чрезвычайно серьезные последствия», — ответил начальник политического департамента германского министерства иностранных дел Г. Дикгоф, будущий посол в Мадриде в годы Второй мировой войны[58].

Франко нашел другие пути. 23 июля письмо Франко Гитлеру было вручено шефу заграничных организаций нацистской партии Боле, тот передал его Гессу. 25 июля письмо получил Гитлер в Байрейте, где проходил традиционный вагнеровский фестиваль. Гитлеру понадобилось не более двух часов, чтобы принять решение о помощи Франко; для этого 26 июля был создан «штаб

В», формально особый отдел военного министерства, но под строгим контролем Геринга. Между 28 июля и 1 августа в Тетуане (Марокко) приземлились 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52», а транспортное немецкое судно «Усамо» находилось в то время на пути к Кадису. 27 июля Муссолини после непродолжительных колебаний дал согласие на передачу Франко 12 бомбардировщиков «Савойя-81».

К началу августа африканская армия мятежников на германских самолетах и под прикрытием германских кораблей была переброшена на Пиренейский полуостров. 6 августа юго-западная группировка мятежников под командованием Франко начала марш на Мадрид. Одновременно северная группировка под командованием Молы двинулась на Касерос, где планировалось соединение обеих армий. Началась «большая война».

6 августа Франко прибыл в Севилью, и в тот же день произошла его первая встреча с подполковником германского генерального штаба Верлимонтом. Днями позже, 12 августа, Верлимонт доносил в Берлин: «Франко занимает место первого среди равных». И разъяснял, почему Франко следует отдать предпочтение перед Молой, который также занимает выдающееся место в «Движении»: он — вождь всех марокканских войск, представляющих ударную силу в схватке, у него высокий личный престиж, основанный на успехах, сопутствующих ему до сих пор[59]. Воинские соединения под командованием Франко и Ягуэ, именуемые марокканскими войсками, насчитывали тогда 47 тыс. человек.

Донесение Верлимонта послужило еще одним аргументом в пользу позиции адмирала Канариса, горячо поддерживавшего кандидатуру Франко: адмирал почитался в Берлине за знатока Испании, с которой он «познакомился» еще в годы Первой мировой войны.

Известия об Испании тогда поступали противоречивые, и адмирал Канарис, частый гость в мятежной зоне, сделал немало для организации наиболее эффективных форм оказания поддержки Франко — единственного получателя германской помощи.

Из двадцати одного генерала, имевшего мандат дивизионного или приравненного к нему, только четверо участвовали в мятеже — Франко, Годед, Кейно де Льяно и Кабанельяс. Не присоединились к мятежу 80 процентов бригадных генералов и 70 процентов полковников и подполковников. По свидетельству начальника Главного штаба республики В. Рохо, на службе законного правительства было

2 тыс. офицеров. По сведениям же Р. Саласа Ларрасабля, автора четырехтомной «Истории народной армии республики», увидевшей свет в Мадриде еще при жизни Франко в 1973 г., из 15 167 офицеров действительной службы 3500 с самого начала взяли сторону законного правительства, а 1500 присоединились позже[60]. И против них, в прошлом товарищей по оружию, была направлена ярость мятежников не в меньшей степени, чем против ненавистных левых и масонов. Мятежники тех военных, кто остался верен присяге и был на стороне правительства Республики, считали врагами Испании. Причем многие жертвы были на совести самого Франко.

Были расстреляны командующий республиканской авиацией Нуньес дель Прадо, верховный комиссар Марокко А. Буилья, генералы М. Ромалес, Г. Морато, В. Абрилья, Сальседо-и-Пита, адмирал Асорала. Франко не остановился перед преданием военно-полевому суду и последующему расстрелу своего двоюродного брата Ла Пуэнте Баамаонде, сына единственной сестры его матери: военный летчик, он отказался передать аэродром в Тетуане в руки мятежников. На совести Франко и расстрел генерала Кампинеса, его друга, в прошлом вице-директора Генеральной военной академии, в канун мятежа — военного коменданта Гранады. Он был арестован по приказу Кейпо де Льяно, «севильского правителя». Вмешательство Франко ограничилось письмом Кейпо, но тот его даже не счел нужным прочесть. Между тем Франко мог лично встретиться с ним. Вдова Кампинеса прямо обвинила Франко в смерти мужа: «Вы сегодня — первая фигура в Испании. И Вы не могли его спасти?»

Генеральный директор Управления по аэронавтике, убежденный республиканец Нуньес дель Прадо, участник заговора против монархии в декабре 1930 г., получив известие о мятеже, вылетел в Сарагосу Он надеялся повлиять на генерала Кабанельяса и убедить его не присоединяться к мятежу, так как ему показалось, что генерал колеблется. Когда он уже находился в кабинете Кабанельяса, туда вошли несколько военных и фалангистов. Они арестовали Нуньеса дель Прадо, вывезли его за город, расстреляли и бросили труп на дорогу, где он пролежал в те жаркие июльские дни более недели.

28 июля Франко дал первое интервью иностранным корреспондентам, которое было на другой день опубликовано в «News Chronicle». Франко так обозначил свою цель: «Взять столицу, спасти Испанию любой ценой». На вопрос, означает ли это, что для достижения этой цели надо будет предать смерти половину Испании, ответил: «Повторяю, чего бы это ни стоило».

Испанцы узнали об этом интервью четыре года спустя после

смерти Франко из публикации Ф. Диаса-Плаха в журнале «Historia-16» за август 1979 г. Но и не зная об этих словах, они в свое время на собственном опыте познали, что означает «кредо легионера»: «Да здравствует смерть!»

Весь мир содрогнулся от известия об убийстве 9 августа близ Гренады великого испанского поэта Гарсии Лорки. Но мало кто за пределами Испании тогда знал, что после того, как Х. Ягуэ взял Бадахос, по его приказу на Пласа де Торрес были расстреляны две тысячи «красных»: «кредо легионера» — пленных не брать. По сведениям Дж. Аллена, друга Ларго Кабальеро и Негрина, корреспондента «Chicago Tribune» — четыре тысячи: ведь кроме тех, кто был расстрелян на Пласа де Торрес, улицы Бадахоса были завалены трупами, преимущественно гражданских лиц. Ягуэ никогда не отрицал самого факта расстрела. Террор, крайняя жестокость были испытанным средством для реализации осознанной цели: парализовать волю противника к сопротивлению.

Давно отгремели битвы гражданской войны, но битвы историков продолжаются и поныне. П. Моа попытался «уравновесить» террор мятежников сходными, как он полагал, явлениями в республиканской зоне. Их целью было, как он считал, «очистить общество от классового врага». И напоминает о расстреле в мадридской тюрьме «Модело» 22 августа 1936 г. семидесяти заключенных, среди которых были генерал Капас-и-Вильегас, брат Хосе Антонио Фернандо Примо де Ривера и один из основателей фаланги Руис де Альда, герой знаменитого перелета на самолете «Плюс Ультра». В ноябре была новая серия расстрелов узников этой тюрьмы, также без соблюдения правовых норм[61].

Убийство Гарсии Лорки в августе 1936 г. Моа также пытался «уравновесить» расстрелом 1 октября 1936 г. выдающегося философа и публициста Рамиро де Маэсту.

Р. Маэсту, блестящий представитель «поколения 98-го года», серебряного века испанской культуры, в своих поисках «души Испании» в 30-е годы, как отмечала известная отечественная исследовательница Л. В. Пономарева, «придал образам «двух Испаний» религиозно-политический смысл и соответствующую исключительность: существует только одна Испания, вторая — это личина, призрак, лживое зеркало, отображение»[62]. «Дуб и плющ» — вот образное восприятие двух Испаний, — поясняла в своем исследовании В. В. Кулешова. — Дуб — могучее дерево, глубоко ушедшее своими корнями в почву, — олицетворял традиционалистскую, католическую, монархическую Испанию: плющ же, лишенный самостоятельности, находящий опору в

существовании дуба, воплощал либерализм, принесенный с Запада и не имеющий корней в Испании»[63].

Религиозно-политическая доктрина Маэсту, отраженная в его труде «Защита испанидад», позднее вошла в идеологический комплекс франкизма. Но и в годы Второй Республики она воспринималась как враждебное идеологическое противостояние демократическим идеалам многими, и прежде всего, партиями и организациями левой и левоцентристской тенденции. Мятеж застал Маэсту в Мадриде. Опасаясь за свою жизнь, он попытался скрыться, но был опознан и 1 октября 1936 г. расстрелян, также без суда.

Но разве нарушение прав человека, проявление жестокости одной стороной в гражданской войне может служить оправданием преступлений другой? Как в этой связи не вспомнить слова Идальго де Сиснероса, командующего авиацией Республики, сказанные им в начале 60-х годов. Рассказывая о терроре мятежников, он заметил: «Когда я писал эти строки, у меня не было специального намерения рассказывать об ужасах гражданской войны. Я убежден: ни к чему испанцам бередить старые раны.

Но как бы ни было велико мое желание не чинить препятствий восстановлению согласия в нашей стране, я не могу изменить событий. Последствия тех методов, к которым прибегали так называемые силы порядка, поднявшие мятеж, столь трагичны, что о тех годах нельзя говорить без ужаса и стыда за то, что эти чудовищные злодеяния совершили испанцы.

Гражданские войны всегда ужасны. Но преднамеренные жестокости мятежников, хладнокровное убийство тех, кто не присоединился к ним, — явление, не имеющее в своей основе ничего испанского. Трудно было представить, что подобные преступления могут совершиться в нашей стране. Этот элемент крайней жестокости привнес фашизм с его человеконенавистнической доктриной поголовного физического истребления политических противников»[64].

У меня также нет намерения бередить старые раны. Но трудно забыть безымянные общие захоронения республиканцев, «фосос комунес», близ дорог и даже на огородах, на севере Испании, которые я видела во время поездки с бывшими интербригадовцами, с так называемым Караваном памяти осенью 2000 г. Захоронения без памятных знаков, на неосвященной земле, в стране, в которой более 90 % осознают себя католиками.

Генералиссимус

Главнокомандующим вооруженными силами мятежников по предварительной договоренности с руководителями заговора должен был стать генерал Санхурхо, сын карлистского генерала в последнюю карлистскую войну 1872–1876 гг., с детства воспитанный в идеалах традиционалистов. Он уже однажды попытался возглавить путч против республики 10 августа 1932 г. Но мятеж провалился: пожизненное заключение Высший военный суд сменил высылкой Санхурхо в Португалию.

20 июля 1936 г. Санхурхо, который все еще находился в Эсториле (Португалия), полагая, что пришел его час, вылетел на самолете в Бургос. Но произошла катастрофа, и генерал погиб. Хуан Интуральде, автор трехтомного труда «Католицизм и крестовый поход Франко», высказал предположение, которое еще раньше имело хождение в среде журналистов, что Франко каким-то образом был причастен к гибели Санхурхо. В пользу этого предположения среди всего прочего было то, что уж очень часто преждевременная смерть убирала с пути генерала тех, кто ему мешал, начиная с загадочной гибели генерала Бальмеса, военного коменданта Лас-Пальмаса, в самый канун мятежа, 16 июля 1936 года, в день приземления там «Стремительного дракона»[65].

Но Хуан Ансальдо, пилотировавший потерпевший аварию самолет, на котором летел Санхурхо, и спасенный, как он писал позднее, крестьянином, вытащившим его, раненого и обгоревшего, из-под обломков, не подтверждает этого предположения. Монархист Ансальдо впоследствии стал яростным врагом Франко, и тем не менее он предполагал, что виной всему был тяжелый сундук, который внесли вслед за генералом в маленький самолет. В сундуке, по словам сопровождавшего генерала, были парадные мундиры, которые, как полагал Санхурхо, ему должны были понадобиться в самое ближайшее время.

Но как бы то ни было, смерть Санхурхо поставила особо остро вопрос о верховном командовании силами мятежников. 24 июля под председательством генерала М. Кабанельяса в Бургосе была создана «Хунта национальной обороны» в составе генералов Саликета, Понте, Давила и Молы. Временный и случайный характер этой хунты не вызывал сомнений: из всех ее членов только Мола имел командные позиции на севере страны. 64-летний Кабанельяс имел, возможно, и не заслуженную репутацию республиканца и масона, а поэтому был неприемлем ни для монархистов, сторонников восстановления на престоле

Альфонса XIII, ни для карлистов. В хунту не вошел и генерал Кейпо де Льяно, захвативший к тому времени часть Андалусии и обосновавшийся в Севилье. Но главное, в нее не вошел Франко, выдвинувшийся на первый план уже в начале мятежа.

Он полагал, что еще не время. К тому же «быть одним среди равных» его не устраивало. Для того, чтобы отпали все сомнения о его верховенстве, нужны были убедительные победы.

Самоотверженные, не щадящие жизни, но необученные и необстрелянные отряды народной милиции, имевшие к тому же весьма смутное представление о воинской дисциплине, не смогли в эти первые недели «большой войны» стать непреодолимым препятствием на пути мятежников. 3 сентября отряды Ягуэ вступили в Талаверу де ла Рейна. Впереди были Толедо и Мадрид.

27 сентября колонны, ведомые Ягуэ, взяли Толедо, освободив кадетов, засевших в Алькасаре, где размещалось военное училище, именуемое Академией, которое закончил в свое время Франко. Полковник Москарде, возглавлявший оборону Алькасара, и потерявший в боях сына, стал заметной фигурой в мифологии франкизма.

До Мадрида оставалось менее 80 км.

Еще во время боев за Алькасар генерал А. Кинделан предупредил Франко: «Толедо может стоить Мадрида». На что Франко напомнил генералу о значении «духовного фактора» и добавил: «Через восемь дней мы будем в Мадриде»[66].

Ощущая себя хозяином положения, он решил, что настал его час.

Впервые свои претензии на пост главнокомандующего он заявил 12 сентября. С трудом он все-таки добился желаемого. Однако Франко стремился к большему. 29 сентября на новом совещании, которое проходило на аэродроме Саламанки, преодолев сопротивление сторонников Молы, он настоял на принятии формулировки проекта, подготовленного его адептом Кинделаном и его братом Николасом, дававшей Франко не только военную, но и гражданскую власть: «Звание генералиссимуса влечет за собой на время войны и функцию главы правительства».

Сам Франко позднее скажет: «Я никогда бы не принял назначение, которое ограничивало бы мою юрисдикцию или срок пребывания на посту». 1 октября в тронном зале «Капитонии Хенераль» в Бургосе Франко первым своим декретом объявил себя главой государства. После прочтения декрета он произнес речь: «Вы отдали в мои руки Испанию. Мой шаг будет твердым, мой пульс не будет трепетать. Я добьюсь, чтобы Испания заняла

место, предназначенное ее исторической судьбой»[67]. В речи с балкона он взял иную тональность: «Мы будем править для народа… Ни один испанский очаг не погаснет, ни один рабочий не будет нуждаться в хлебе, так как те, кто имеет слишком много, должны будут лишить себя части своих богатств в пользу обездоленных. Если понадобится, мы осуществим социальную справедливость твердой рукой… Надо верить в Бога и Родину, потому что человек, не имеющий веры, это уже не человек, не испанец, никто»[68].

Несколько дней спустя Франко перенес свою штаб-квартиру в Саламанку — епископ Пла-и-Даниэль уступил ему свою резиденцию. Туда же переехала и его семья — Кармен Пола, дочь Карменсита или Нанука, как звал ее отец, возвратившиеся из Франции. Там же были генеральный штаб, главный секретариат, руководимый братом диктатора Николасом, дипломатическая служба, во главе которой стоял Сангронис, служба пропаганды, руководимая Мильяном Астраем, служба прессы во главе с Л. Болином. Духовником Франко был отец Биларт, секретарем — «Пакон».

Казалось, ничто не могло омрачить настроения Франко, добившегося власти, пока еще над половиной Испании. Но как раз в эти дни нарождавшийся режим получил удар с неожиданной стороны такой силы, что до сих пор ни одно исследование, посвященное гражданской войне, не обходит его молчанием.

12 октября 1936 г. в актовом зале Саламанкского университета, расположенного в нескольких сотнях метров от епископского дворца, резиденции Франко, торжественно отмечался «День испанской расы», очередная годовщина открытия Колумбом Америки. Новый шеф пропаганды, в прошлом создатель Испанского легиона, в угаре обличения интеллигенции за ее колеблющуюся позицию в отношении «националистов» не удержался от выкрика: «Да здравствует смерть!» и «Смерть интеллигенции!» Х. Мариа Пеман, один из немногих известных литераторов, поддержавших мятежников, постарался сгладить выходку Астрая: «Да здравствует интеллигенция и смерть плохим интеллектуалам!»

Тогда Мигель Унамуно, великий поэт и мыслитель, оставшийся во франкистской зоне и продолжавший занимать пост ректора Саламанкского университета, а потому председательствующий на этой церемонии, бросил в лицо всесильного друга Франко свои знаменитые слова, ставшие своего рода эпитафией франкизму: «Это — храм интеллигенции, и я его первосвященник. И что бы ни говорилось в притче, всегда был

пророком в своем Отечестве… Вы можете победить, но не можете убедить… Ненависть не оставляет места состраданию. Мне кажется бесполезным просить вас подумать об Испании»[69]. Жена Франко, Кармен Пола, присутствовавшая на церемонии, взяла философа под руку и увела его, спасая от разъяренных сподвижников Астрая. Ее защита не спасла Унамуно: великому философу запретили после этого выходить из дома. 31 декабря 1936 г. его не стало. Говорят, что его последними словами были: «Несмотря ни на что, Испания спасется».

История не сохранила достоверных свидетельств о реакции Франко на эти события. Его занимали другие проблемы: как наверстать время, потраченное на завоевание Толедо.

Это потерянное время дорого обошлось Франко, хотя он и не сразу это осознал. До Мадрида оставалось 75 км, и Франко не сомневался, что через неделю он будет у стен Мадрида, а там и закончится война. Сменив Ягуэ, авторитет которого в войсках несколько померк из-за задержки при взятии Алькасара, на Х. Варелу, Франко отдал приказ двигаться на Мадрид четырьмя колоннами. Тогда и родилось знаменитое изречение Молы, командовавшего соединениями северо-запада: «А пятая колонна нас будет ожидать в Мадриде».

«Многие тогда, как в Испании, так и за ее рубежами, были уверены, что уже невозможно противостоять Вареле», — замечает П. Моа. Но они ошибались.

4 сентября было сформировано правительство Народного фронта, которое возглавил социалист Ф. Ларго Кабальеро. В правительство впервые за всю историю Западной Европы вошли два представителя Компартии — члены Политбюро В. Урибе и Х. Эрнандес: на этом настоял сам Ларго Кабальеро. 30 сентября был издан приказ военного министра — этот пост Ларго Кабальеро оставил за собой — о переводе отрядов народной милиции Центрального фронта, а с 20-го октября и всех остальных, на положение воинских частей. 16 октября Ларго Кабальеро был поставлен во главе всех вооруженных сил Республики в качестве верховного главнокомандующего.

Первые шесть бригад были созданы к середине октября. Первую бригаду возглавил Э. Листер, окончивший в свое время Академию вооруженных сил СССР им. Фрунзе. Затем были созданы еще четыре бригады. 14 октября в Альбасете прибыли первые иностранные добровольцы. К 22 октября — официальной дате создания интербригад — было сформировано три батальона в номенклатуре республиканской армии. 1 ноября Ларго Кабальеро назначил командующим 11-й бригадой генерала Клебера (Манфреда Штерна).

Но один человеческий фактор был явно недостаточен, Республике были необходимы массированные поставки вооружения извне, так как испанская военная промышленность была не в состоянии обеспечить армию.

По мнению П. Моа, если война и продолжилась, это вовсе не означало, что Франко ошибался в своих прогнозах. Причину этому Моа видит в «советском факторе», который Франко до тех пор игнорировал, несмотря на предостережения Берлина. По свидетельству Р. Ванситарта, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании, посетившего Берлин в конце июля — начале августа, и особенно после беседы с Гитлером 5 августа, «русский аспект в Испании был решающим фактором, определившим реакцию гитлеровской Германии на испанскую гражданскую войну»[70]. Гитлер ошибся лишь в сроках — решение политбюро ЦК ВКП (б) об «Операции Х» было принято 29 сентября 1936 г.

Ю. Рыбалкин впервые в отечественной историографии опубликовал документы, дающие представление о том, как принималось это постановление.

«Вопрос НКО

а) Утвердить план операции по доставке личного состава и специальных машин в «Х» (в Испанию. — *Примеч. авт.*), возложив полное осуществление всей операции на тт. Урицкого (начальник Разведывательного управления НКО СССР. — *Примеч. авт.*) и Судьина (тогда исполняющий обязанности народного комиссара внешней торговли СССР. — *Примеч. авт.*).

б) На проведение специальной операции отпустить Разведупру (Разведывательное управление НКО. — *Примеч. авт.*) 11 910 000 советских рублей и 190 000 американских долларов.

Выписки посланы: тт. Урицкому — все, Судьину — «а», Гринько (народный комиссар финансов СССР. — *Примеч. авт.*) — «б»».

В основу постановления был положен план, разработанный 14 сентября С. Урицким и А. Слуцким (начальник иностранного отдела НКВД).

Все последующие решения о военной помощи республиканской Испании также принимались на заседаниях Политбюро. Однако окончательное слово по объемам и срокам поставок было за Сталиным. Находясь в сентябре 1936 г. на отдыхе в Сочи, он по телефону руководил всей работой по организации «Операции Х». В то время на просьбы республиканского правительства советское руководство реагировало оперативно, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи телефонных переговоров. В связи с этим интерес

представляют записки наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова:

«26/IX 1936 г. 15 ч.[асов] 45 м.[инут] Позвонил т. С. [талин] с С. [очи] и предложил обсудить вопросы:

1) Продажу 80–100 танков системы «Викерс» (Т-26. — *Примеч. авт.*) с посылкой необходимого количества обслуживающего персонала. На танках не должно быть никаких признаков сов. [етских] заводов.

2) Продать через Мексику 50–60 «СБ» (скоростной бомбардировщик. — *Примеч. авт.*), вооружив их иностранными пулеметами. Вопросы обсудить срочно. КВ».

Уже на следующий день нарком обороны докладывал Сталину:

«…подготовлены к отправке 100 танков, 387 специалистов; посылаем 30 самолетов без пулеметов, на 15 самолетов полностью экипажи, бомбы. Пароход идет в Мексику и заходит в Картахену. Танки посылаем 50 шт.»

«Сочи — Сталину

Для памяти по авиации для друзей сообщаю:

1) где находятся в пути пароходы, с чем, сколько.

Прошу указаний по новым поставкам. 15.X.36 г. Ворошилов».

На заседании Политбюро 9 октября 1936 г. Ворошилову было поручено «срочно подготовить 50 шт. автоброневиков: 30 больших трехосных, вооруженных двумя пулеметами, и 20 малых, вооруженных одним пулеметом»[71].

Для реализации военных поставок в рамках «Операции X» были задействованы как советские, так и испанские грузовые суда. Корабли, на которых прибывало вооружение, условно назывались «Y», они доставили в испанские порты свыше 500 тыс. т вооружения, боеприпасов и других материалов. Всего с октября 1936 по февраль 1939 г. в портах Испании разгрузились 66 «Y». Последний «Y» вышел из Марселя в Картахену 23 февраля 1939 г. [72]

Для оплаты вооружения и услуг военных советников было явно недостаточно тех средств, которые смогли собрать, как предполагалось ранее, Коминтерн и Профинтерн. В ноябре 1936 г. нарком финансов Г. Гринько, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский и посол республиканской Испании в Москве М. Паскуа подписали акт о передаче на хранение в СССР 510 т золота как гарантии предоставления кредитов для поставок вооружения[73]. К марту 1938 г. от «испанского золота» практически ничего не осталось: всё поглотили военные поставки. В июле 1938 г. в Москву отправился Х. Альварес дель Вайо, неоднократно занимавший пост министра

иностранных дел республиканского правительства, для ведения переговоров о предоставлении кредита в размере 75–100 млн долларов. После отъезда Альвареса дель Вайо переговоры были продолжены командующим авиацией республики И. Идальго де Сиснеросом. Кредит был предоставлен. Однако, как отмечает М. Эспадас Бургос, прибытие советских материалов на французскую территорию совпало с последними месяцами войны, когда наступила заключительная стадия распада республиканской армии[74].

Несмотря на все трудности, связанные с доставкой вооружения, с перерывами в этих поставках, важно отметить, что отчаянные просьбы испанского республиканского правительства о поставках находили отклик только в Москве: Лондон, Париж и Вашингтон оставались глухи к ним. А это создавало определенную идеологическую направленность в интернационализации испанского конфликта по их же вине.

П. Моа высоко оценивает роль советских советников: Воронова (артиллерия), Смушкевича (авиация), Кривошеина и Павлова (танки). Но ничего не говорит о структуре аппарата советников[75].

Возглавлял аппарат военных советников главный военный советник со своим штабом. Ему подчинялись старшие военные специалисты по штабной работе, по пехоте, авиации, механизированным войскам, артиллерии, ПВО, морским силам, санитарной службе. Пост главного военного советника занимали: в 1936–1937 гг. — Я. Берзин (псевдоним — Доницетти), в 1937–1938 гг. — Г. Штерн (Себастьян, Григоревич) и в 1938–1939 гг. — К. Качанов.

Как отмечал Рыбалкин, до сих пор не известно точное число советских специалистов, работавших в армии и на флоте республики. По его подсчетам, сделанным на основании архивных материалов, в республиканской Испании с октября 1936 по март 1939 гг. функционировали около 600 советников, что было явно недостаточно. «Не хватает советников даже на корпуса, а о дивизиях и бригадах говорить нечего, — докладывал Штерн 8 октября 1937 г. — Если считать на каждый корпус, дивизию и бригаду хотя бы по одному человеку, то обеспеченность советниками была 25–28 %. Немецкие советники и инструкторы находились в каждом батальоне (2 немецких офицера и 6–7 немецких унтер-офицеров)».

Ларго Кабальеро высоко оценил деятельность советских военных специалистов. В письме к Сталину, Молотову и Ворошилову 12 января 1937 г. он писал: «Товарищи, которых Вы прислали нам по нашей просьбе, оказывают нам большую

услугу… Они выполняют свои обязанности с подлинным энтузиазмом и беспримерным мужеством»[76].

Военная техника, поставляемая из СССР, как правило, получала высокую оценку испанских историков, включая и тех, кто занимал противоположную от защитников Республики сторону траншей гражданской войны: танки Т-26, бомбардировщики СБ-2, прозванные испанцами «Катюшей», истребители И-15 («курносые») и И-16 («мухи»).

И все же Моа переоценивает «советский фактор» в срыве планов Франко: ко времени обороны Мадрида поставки военной техники только начинались. Участие XI интербригады имело все же хотя и значительный, но не решающий характер: об этом писал позднее и сам Манфред Штерн. Главную роль сыграли, без всякого сомнения, испанские соединения Республики.

Созданную в эти дни «Хунту обороны» (правительство перебралось в Валенсию) возглавлял генерал Миаха, в прошлом «африканец» и член монархического «Испанского военного союза», и его не смущало присутствие в этом органе коммунистов С. Каррильо и А. Михе. Создателем Главного штаба был майор В. Рохо, католик, в прошлом «правый». Анархисты С. Мера и Б. Дуррути, командовавшие одними из наиболее боеспособных соединений, не видели тогда в Э. Листере и Х. Модесто своих соперников. И когда при невыясненных до сих пор обстоятельствах 20 ноября погиб Дуррути, его смерть отозвалась гневом и печалью в сердцах многих защитников Мадрида, включая и тех, кто вышел из рядов созданного коммунистами Пятого полка. В дни обороны Мадрида в правительство Республики впервые в истории вошли представители анархо-синдикалистской НКТ. К сожалению, это единение, способствовавшее тому, что. Мадрид удалось отстоять, надолго сохранить не удалось.

Ставшее знаменитым выражение Молы — «Пятая колонна» — сыграло тогда роль детонатора, спровоцировавшего волну репрессий, и не только в Мадриде.

Трезво оценив причины своих просчетов у стен Мадрида, Франко перенес центр тяжести своих операций на Север Испании. И здесь его действия были удачными.

Новое государство

12 декабря 1975 г. главный редактор белоэмигрантского «Часового» В. В. Орехов вспоминал о встрече с Франко в 1936 г.

«В губернаторском доме в Саламанке, охраняемом маврами в живописных бурнусах, куда уже начинал переходить штаб восставших из Бургоса, мы были собраны для представления каудильо, как тогда уже начали называть Франко. К нам быстро вышел молодой генерал с умным и волевым лицом, и началось представление. Когда дошла очередь до меня и полковник Баросо (будущий военный министр) доложил генералу, что я «руссо бланко», он, видимо, был удивлен. Ему объяснили… Начался разговор. Из него беру то, что нас всех может заинтересовать. «Я очень интересовался белым движением… Ваше мнение — почему белые не победили?» Я начал объяснять: «Мы были в малом количестве, одни против отуманенной большевистской пропагандой страны, поддержки никакой, огромные склады вооружения, оставшиеся после войны, находились в руках большевиков, и т. д.». Генерал выслушал, а потом прервал меня: «Все это верно, но вы не сумели создать для вашей борьбы тыл. Вот этого у меня не будет»»[77].

Как же Франко строил свой тыл?

Прежде всего он озаботился признанием, хотя бы частью «международного сообщества», альтернативной государственности, им создаваемой. Переговоры с Берлином и Римом шли еще в те дни, когда не было сомнений в скором падении Мадрида. «Задержка» у стен испанской столицы не внесла корректив. Напротив, осознание того, что Франко нуждался в поддержке, ускорило процесс подготовки к его признанию. 18 ноября 1936 г. в качестве германского представителя при «правительстве» Франко был назначен генерал Вильгельм Фаупель, которого 22 сентября 1937 г. сменил Эберхард фон Шторер.

28 ноября 1936 г. был подписан секретный протокол, зафиксировавший итало-испанское (т. е. Франкистское) соглашение. Дипломатический представитель Италии — Канталлуо. 28 июля 1937 г. его сменил посол граф Гвидо Компальто.

Посол США в Берлине Уильям Додд, как явствует из его записи в дневнике 22 ноября 1936 г., так оценил мотивы этих решений: «Пошатнувшееся положение Франко, по-видимому, и явилось причиной признания его Германией и Италией… и посылки в помощь Франко немецкого генерала Фаупеля»[78]. Но

за это надо было платить… идеологически.

Посол Германии генерал Фаупель не скрывал, что хотел бы видеть националистическую Испанию «политически унифицированной». По его мнению, правительству Франко явно не хватало ярко выраженной идеологической ориентации[79]. Возможно, именно поэтому судьба аликантского узника Х. А. Примо де Риверы не была безразлична для Берлина: его агенты предприняли две попытки спасения лидера фаланги. В отличие от Франко, не проявлявшего к Примо де Ривере особого интереса, во всяком случае, пока тот был жив, Г. Кабанельяс в книге «Война 1000 дней» так объяснил это безразличие генералиссимуса: «Сосуществование на одном и том же пространстве двух властолюбцев первого ряда — Хосе Антонио и Франко». Руководство операцией по его спасению Вильгельмштрассе, министерство иностранных дел Германии, возложило на консула Хоакина фон Кноблаха, прибывшего в Аликанте в августе 1936 г., где тогда в тюрьме находился Хосе Антонио.

3 сентября фон Кноблох доносил в Берлин: «Заключенный в Аликанте — важный персонаж для нашей политики». Первая попытка его освобождения была предпринята 15 сентября 1936 г., но она провалилась. Официальная версия: из-за недостаточно умелого поведения эмиссара Франко. Но, возможно, он следовал соответствующим инструкциям?

Подготовка к новой попытке началась 6 октября. Кроме фон Кноблаха в ней приняли участие фалангисты Августо Аснар и Хосе Гарсеран. Но она тоже не удалась[80]. 20 ноября 1936 г. Хосе Антонио был расстрелян.

«Для германской политики, — заключает Анхель Виньяс, выдающийся исследователь истории гражданской войны, — Франко был очень важным персонажем осенью 1936 г. Хосе Антонио, возможно, не считался таковым. Мертвый Хосе Антонио ни на кого не отбрасывал тень. Можно было его превозносить и прославлять без того, чтобы нанести ущерб культу личности Франко.

Посол Германии Фаупель неоднократно встречался с М. Эдильей, фактически возглавившим фалангу после расстрела республиканцами ее «вождя» Хосе Антонио Примо де Риверы. Он убеждал Эдилыо не противиться созданию единой государственной партии фашистского типа, куда вошли бы все противники Народного фронта. Но Эдилья не хотел делить власть в фаланге с кем бы то ни было. 11 апреля 1937 г. Фаупель встретился с Франко, чтобы обсудить кандидатуры претендентов на пост «национального вождя», которого должна была выбрать фаланга 18 апреля.

Серьезных претендентов кроме Эдильи на этот пост не было. О нем и шла речь. Франко объявил себя самым горячим приверженцем идей фаланги и попытался развеять какие бы то ни было сомнения Фаупеля на этот счет.

Вряд ли Франко мог знать о том, что за несколько дней до упомянутой встречи итальянский посол Канталупо в донесении в Рим с уверенностью писал, что немцы поддерживают не Франко, а фалангу. Перед тем как покинуть Испанию, Канталупо беседовал с германским послом и пришел к выводу, что «Германия ставит условием поддержки Франко передачу им всей политической власти фаланге перед тем как он войдет в Мадрид»[81]. Хотя Франко хорошо был осведомлен о том, что гитлеровцев не устраивает его тесная связь с монархистами и католической иерархией, тем не менее он сообщил Фаупелю о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и лично возглавить эту «объединенную партию». Армия была всесильна в мятежной зоне, и Франко был уверен, что это обстоятельство подскажет Фаупелю «здравое» решение.

На это его решение несомненное влияние оказал Р. Серрано Суньер, прибывший в Саламанку в марте 1937 г. Шурин Франко, в прошлом лидер «Молодежи народного действия», полагал, что фаланга более приспособлена к новой эпохе, нежели СЭДА: ее идеи он считал архаичными, обращенными к прошлому Испании. По его представлению, фаланга должна была пройти реорганизацию на твердой консервативной основе, отбросив излишнюю демагогию.

13 апреля Фаупель встретился с представителем зарубежной организации нацистской партии и представителем итальянской фашистской партии Данци, и они решили, что «несмотря на все их расположение к фаланге… в конфликте между Франко и фалангой они поддержат Франко». События последующих дней ускорили развязку: 16 апреля на внеочередном заседании политической хунты притязания Эдильи на пост национального лидера фаланги, по его собственным словам, поддержали только три члена политической хунты из семи. 18 апреля участь его была решена окончательно: из 22 членов Национального совета фаланги за Эдилью проголосовали только 10, 8 предпочли бросить пустые бюллетени, 4 проголосовали против. Для Франко не оставалось сомнения в том, что в фаланге царит разброд. Настало время действовать без промедления.

Вечером того же дня с балкона епископского дворца в Саламанке, где находилась тогда штаб-квартира мятежников, Франко произнес речь в защиту объединения фаланги и традиционалистов (карлистов), а 19 апреля был опубликован

декрет об их слиянии «в единый политический организм национального характера», принявший название «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС». При этом Франко недвусмысленно дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее государству[82].

Франко, согласно 47-й статье нового устава, стал «верховным каудильо» движения, ответственным только «перед Богом и историей».

Все, кто составлял консервативную иерархию прежних времен — генералы и адмиралы, офицеры всех родов войск — обязаны были считать себя членами «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС».

Милиция фаланги и рекете сливались в единую национальную милицию, выполнявшую роль вспомогательных воинских частей. Много лет спустя Эдилья обвинил Суньера, одного из авторов декрета, в том, что тот «продал фалангу Франко». Однако вечером 18 июля он сам стоял на балконе рядом с каудильо. Между тем Эдилья не мог не разделять недовольства большинства членов «старой» фаланги: фалангисты рассчитывали на передачу им всей полноты власти. Совсем недавно это недвусмысленно обещали Эдилье послы фашистских держав. Власть над страной, как им казалось, такая близкая, ускользнула из их рук. Особое недовольство у фанатичной и разнузданной фалангистской «вольницы» вызывало подчинение милиции армейскому командованию.

Два дня спустя Эдилья отказался от поста члена секретариата новой фаланги и сам назначил новую хунту, куда были включены сестра основателя фаланги Пилар Примо де Ривера, 24-летний «хефе» («вождь») провинции Вальядолид Д. Ридруехо и некоторые другие. Всем провинциальным отделениям были разосланы телеграммы, тексты которых, по существу, означали призыв к неповиновению.

Франко сам поощрял создание особого культа мертвого вождя — Х. Примо де Риверы, «великого отсутствующего», как его называли фалангисты. День его смерти был объявлен днем национального траура, отмечавшимся ежегодно. Франко не возражал против того, чтобы на собраниях фалангистов звучал хорал: «Хосе Антонио жив!» Но действительно живых лидеров фаланги, которые не проявляли необходимого восторга в связи с планами Франко приспособить фалангу к его нуждам, диктатор быстро и решительно обезвредил: в ночь с 24 на 25 апреля Эдилья и 20 ведущих фалангистов, его сторонников, были арестованы и по обвинению в заговоре предстали перед военным судом. Эдилью и еще троих фалангистов осудили на смертную казнь,

которую затем заменили на длительное тюремное заключение[83]. Остальных Франко и его окружение рассчитывали «подкупить», включив их в бюрократическую иерархию создаваемого «нового» фашистского государства. Раньше, чем с другими, удалось найти «общий язык» с Арресе, пользовавшимся большим влиянием в фалангистских организациях Андалусии. Со временем он был щедро награжден Франко за сговорчивость.

Определяя основную «миссию» фаланги как прочное соединение («агглютинация») всех политических сил «нового государства», Франко в выступлении, опубликованном 19 июля на страницах «АВС», обратил особое внимание на существование в Испании громадной нейтральной массы, не испытывавшей до того времени привязанности к какой-либо партии, как на основной резерв фаланги. Но приходилось до поры до времени считаться и со «старыми» фалангистами, которых активно поддерживала Германия.

Дом сестры основателя фаланги Пилар Примо де Ривера в Саламанке стал своего рода штаб-квартирой «старой фаланги». Именно здесь состоялись переговоры между посланцем Франко Серрано Суньером и представителем фалангистов Д. Ридруехо. Фалангистам были обещаны партийные посты и «теплые» места в административном аппарате «нового» государства, а также сохранение принципов фалангистского движения, которые были «священными» для Примо де Риверы. Взамен фалангисты обещали свою поддержку. 4 августа 1937 г. был опубликован декрет о структуре руководящих органов фаланги. По статуту новой фаланги в целом сохранялась ее прежняя структура за одним весьма существенным исключением: вновь было подтверждено положение декрета 19 апреля, что принцип выборности «национального шефа» отменяется. Пост «каудильо» — вождя Франко, который уже был и главнокомандующим, и «главой» государства, предпочел оставить за собой[84].

Молы уже не было в мире живых: как и многие другие, стоявшие на пути Франко, он погиб в авиационной катастрофе 3 июня 1937 г. Единственным, кто косвенно оказал ему сопротивление, был Д. Ридруехо, который при обсуждении нового статута фаланги предложил проект статьи, в которой шла речь о том, что каудильо мог быть отстранен от должности в случае предательства.

27-й пункт прежней программы фаланги, в котором отразилось отрицательное отношение их авторов к объединению с другими силами, практически упразднялся; вся консервативная иерархия прежних времен обязана была считать себя членами «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС».

Новая фаланга не была прочным блоком. Мадридский корреспондент берлинской газеты «National Zeitung» даже в июле 1940 г. обращал внимание на то, что «монархо-теократическая программа рекете находится в резком противоречии с идеалами фашистов». Генерал А. Аранда в беседе с полковником германского генерального штаба Крамером в июне 1939 г. заметил: «Проведенное объединение национальных партий не дало желаемых результатов, так как здесь столкнулись друг с другом огонь и вода, получилось объединение, в целом представляющее компромисс бесспорно плохого свойства». В январе 1939 г. правительственным декретом была введена обязательная форма для новой фаланги — голубые рубашки, которые носили «старые» фалангисты, и красные береты — принадлежность официальной формы рекете. Аранда, смеясь, рассказывал Крамеру, «как одни ходят с поднятым воротником пиджака, дабы спрятать форменную рубашку другой партии, а другие, наоборот, выставляют напоказ рубашку, но зато носят под мышкой красный берет, чтобы его не заметили. Уже по этим внешним мелочам убеждаешься, что о каком бы то ни было единстве не может быть и речи»[85].

Но Франко это не тревожило: фаланга была не единственным компонентом его идеологического комплекса. Еще в тот день, когда была учреждена «Хунта национальной обороны», архиепископ Бургоса отдал распоряжение звонить в колокола. Секретарь Молы Хосе Мария Ирибаррен вспоминал позднее: «Архиепископ прошел между двумя рядами каноников, облаченных в красные и золотистые ризы. Папамоскас (скульптурное украшение колокольни собора в Бургосе. — С. 77.) созерцал со своей высоты две центурии фаланги, которые слушали мессу в одной из часовен. Как странно видеть ружья, красные береты и голубые рубашки в храме»[86].

30 сентября епископ Саламанки Энрике Пла-и-Даниэль, тот самый, кто уступил свой дворец для штаб-квартиры Франко, опубликовал пространное пасторское послание «Два города», в котором уверял верующих, что «светская Испания уже не есть Испания». Именно там и была предложена «Концепция крусады», иначе «крестового похода», вошедшая позднее в идеологический арсенал франкизма.

«Внешне она (то есть война) носит характер гражданской войны, — внушал его преосвященство, — но в действительности это крестовый поход. Это был мятеж, но его целью было не нарушение, а восстановление порядка, сторонницей которого всегда являлась испанская церковная олигархия»[87].

1 июля 1937 г. было опубликовано коллективное письмо

испанских епископов, составленное кардиналом Гомá и подписанное почти всеми прелатами Испании за исключением епископа Витории Мухики и кардинала Таррагоны Видаля-и-Барракера, в котором церковь подтвердила свое согласие с «Концепцией крусады».

Эта концепция встретила одобрение у Франко, убежденного католика. 19 января 1937 г. в одной из первых своих речей, произнесенных перед массовой аудиторией, он внушал внимавшим ему слушателям, что Испания всегда страдала из-за заблуждений интеллектуализма и подражания иностранному. Испания должна стать католическим государством[88].

16 ноября 1937 г. «l'Eco de París» опубликовала фрагменты его выступления, в котором он уже официально идентифицировался с концепцией крусады: «Наша война — это война религиозная».

Но в то же время трезвый политик Франко не мог не отдавать себе отчет, что среди фалангистов было немало антиклерикалов. А фалангу поддерживали Германия и Италия. И человек консервативных убеждений и ревностный католик Франко при выборе основополагающей доктрины не ограничился «концепцией крусады», во всяком случае, во время гражданской войны.

К этому его побуждали не только Берлин и Рим, без помощи которых ему было не обойтись, но и внутренние обстоятельства: в эпоху «массового общества», анатомированного еще Х. Ортегой-и-Гассетом в его «Восстании масс», даже диктатор не мог обойтись без массовых организаций с их агглютинирующей функцией.

19 марта 1938 г. декретом была утверждена «Хартия труда», подготовленная фалангистом Гонсалесом Буэно: корпоративизм был возведен в степень государственной политики. Учреждавшиеся вертикальные синдикаты, объединявшие рабочих и предпринимателей по отраслям производства, наделялись правами государственных организаций. Рабочие теряли право на забастовку, а все вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений, объявлялись прерогативой государства[89].

12 октября 1937 г. на официальной церемонии в честь дня «Испанской расы» Франко в первый раз появился в фалангистской форме — в голубой рубашке и красном берете. Его речь была посвящена масонам и интернационалистам, которые, по его убеждению, «не являются сынами родины»: «Наша война — это не гражданская война, не война партий, не война пронунсиаменто. Это — крусада, крестовый поход тех, кто верит в Бога. Все мы, которые участвуют в этой борьбе, христиане и мусульмане, мы все — солдаты Бога и боремся не против других людей, но против атеизма и материализма»[90]. Казалось, он развивал идеи Х. Мата, изложенные в книге «Испания! Историко-критические заметки о

патриотическом восстании против масоно-большевистской экспансии», увидевшей свет уже в ноябре 1936 г. Мата утверждал, что коммунистическая революция должна была совершиться 20 июля (Мола относит дату на 29 июля) и даже сообщал такие подробности: «В Вальядолиде в Народном Доме установлена гильотина и подготовлен список, куда внесены 10 000 человек, обреченных на смерть».

Одним из элементов «черной» легенды была версия о том, что своим рождением республика была обязана заговору масонов, контролируемому силами «Интернационала масонов». Масонами были, как утверждалось, крупнейшие деятели республики — М. Асанья, М. Альварес, М. Портела Вальядарес, М. Барриос, М. Доминго, Л. Кампанис, А. Леррус; социалисты — Л. Хименес де Асуа, Ф. де лос Риос; военные — Л. Очоа, С. Посас; и даже коммунист Каэтано Боливар, «доктор бедных», единственный депутат-коммунист в кортесах 1933 г. Эта легенда, по замыслу ее создателей, должна была уязвить чувства католиков[91].

Среди тех, кто сфабриковал эти «секретные документы», Рикардо де ла Сьерва, известный историк, автор десятков книг, называет фалангистского писателя Т. Борраса, никакая из книг которого, давно забытых, не имела такого успеха, как эти «изыскания»[92].

Истины ради не следует забывать: среди тех, кому принадлежит право первооткрывателя «коммунистического масонского заговора», был не кто иной, как сам Франко. Еще в мае 1934 г. он направил приветствие конгрессу «Интернационал Антанты против III Интернационала», заседавшему в Швейцарии. Франко высказал пожелание объединить действия единомышленников в Испании «с вашими великими усилиями».

Это письмо сохранилось в архиве Франко и было обнародовано в 1984 г.

Впоследствии Франко неоднократно повторял, что он обладал совершенно точными, научно выверенными сведениями, что Коммунистический Интернационал сплел заговор: «Было известно о документах, касающихся разрушения церквей и монастырей, и у нас был список лучших мужей Испании, которые должны были быть убиты. Мы знали день, точную дату»[93]. Отметим, что при скрупулезном изучении документов, хранящихся в Российском Государственном архиве социально-политической истории, таких сведений нами не обнаружено.

Испанский историк Ж. Фонтана замечает, что Франко и Мола как бы забыли, что мятеж готовился задолго до того, как «были обнаружены» эти «секретные документы»[94].

Корни масонофобии Франко не могут быть раскрыты

полностью без учета личных мотиваций, без разграничения личных причин от политических. Так полагает крупнейший в Испании авторитет в исследованиях по истории масонства Х. Феррер Бенимели. Но если до сих пор все еще многое остается неясным в персональных причинах масонофобии покойного диктатора, то, бесспорно, что Франко никогда не делал секрета из своей «страсти», обнаружив при этом неизменную твердость и постоянство. Отдав в самом начале мятежа приказ о реквизиции и систематическом секвестре всех масонских архивов, библиотек, он завершил свой политический и жизненный путь последним публичным обращением к 150-тысячной толпе с балкона королевского дворца в Мадриде, всего за несколько недель до своего смертного часа, обвинив «некоторые развращенные страны в пособничестве левомасонскому заговору, перед угрозой которого вновь оказалась Испания».

Примечательно, что Франко не только публично демонстрировал свою масонофобию, но и сам, по-видимому, глубоко верил в масонский заговор, о чем свидетельствуют записи бесед с ним его двоюродного брата «Пакона» — Салгадо Араухо. Ведь Франко никак не мог предполагать, что после его смерти эти записи будут опубликованы.

Поистине масонофобия стала вторым естеством Франко, навязчивой идеей, дьявольским наваждением, как не раз отмечали его биографы. Именно в масонстве он видел основные причины исторического упадка Испании и политического вырождения — так он определял состояние государства и общества в канун гражданской войны.

Без искоренения масонства, по его глубокому убеждению, невозможно возродить страну. Но эта задача — на многие годы. А пока Франко продолжал строительство своего государства в соответствии со своими представлениями и вкусами.

12 августа 1937 г. Франко перенес свою резиденцию в Бургос. 30 января 1938 г., в восьмую годовщину падения диктатуры Примо де Риверы, было создано первое франкистское правительство. Пост министра иностранных дел получил генерал граф Г. Хордана, а общественного порядка — генерал М. Анидо, оба в прошлом входившие в правительство Примо де Риверы. Так Франко наметил еще одну линию своей «родословной».

В него вошли: два монархиста — генерал граф Гомес Хордана, министр иностранных дел, и Андрее Амадо, министр финансов; два карлиста — Родесно, министр юстиции, и Педро Саинс Родригес, министр просвещения; генерал Да́вила получил пост военного министра; генерал Мартинес Анидо — пост министра общественных работ; Хуан Антонио Суанчес, друг

отроческих лет Франко, получил пост министра торговли и промышленности.

Из старой фаланги в правительство вошел только Фернандес Куэста. Зато «новорубашечников», как стали называть фалангистов, ставших таковыми только после 19 апреля 1937 г., в новом правительстве было два — Г. Буэно, министр труда, и Серрано Суньер. Занимая пост министра внутренних дел, он, по существу, был вторым человеком в правительстве после Франко.

С именем Суньера связан и закон о печати от 22 апреля 1938 г., который, как явствует из его первой статьи, поставил под полный контроль государства все, что связано с изданием и распространением периодической печати и книг. Этот закон ввел самую жестокую в истории Испании предварительную цензуру.

Этот «баланс сил» во франкистских кабинетах, отражавший своеобразный «усеченный» консервативный плюрализм, стал традиционным на протяжении многих лет.

Генерал Аранда в беседе с полковником германского генерального штаба Крамером 5 июня 1939 г., уже после падения Республики, заметил, что «Франко и на внутриполитической арене приходится все делать самому. Давно назначенные им министры ничем себя не проявляют». Он, Аранда, «вообще не думает, чтобы кто-либо из испанцев знал, кто же именно является министром»[95].

Позднее историки и политологи назовут такое государственное и общественное устройство тоталитаризмом. Для Франко этот термин не носил негативного характера: он сам его неоднократно употреблял, но в позитивном ключе. Достаточно вспомнить его речь перед Национальным Советом фаланги 17 июля 1942 г.: «В Европе существует только один опасный враг — коммунизм, и только одна система, способная его победить — тоталитарный режим». Но он и ранее, еще в годы гражданской войны, восхвалял порядок тоталитаризма и обливал презрением хаос, порожденный демократией. Он полагал, что для этого у него были основания. Наряду с прочими примерами он имел в виду и тот феномен, который историки позднее назовут «гражданская война в гражданской войне».

Завершение войны

«Историческим утром 19 июля мы увидели, как все, абсолютно все, не вспоминая о прошлом, не вглядываясь друг в друга, чтобы увидеть, не является ли сосед вчерашним врагом, боролись бок о бок и имели только одну общую цель — овладеть цитаделями фашистов»[96], вспоминал лидер анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда М. Васкес. Но старые распри все же не были забыты.

Мятеж дестабилизировал прежнее государство. Центральный аппарат бездействовал, старая власть на местах была дезорганизована, новая только создавалась, причем нередко присваивала себе функции верховной власти. «Каждая организация и партия, — вспоминала Долорес Ибаррури, — считала себя правительством в миниатюре»[97]. Настала пора, как полагали многие партии и организации республиканской зоны, воплощения в жизнь их социальных и политических идеалов, представлявших собой весьма пестрый калейдоскоп. Это никак не способствовало борьбе с такими сплоченными, действующими как единый организм, вооруженными силами и верховной властью националистической зоны, возглавляемыми Франко.

В тот день, когда было сформировано правительство, возглавляемое Ларго Кабальеро, его глава призвал «оставить в стороне идеологические различия, потому что в данный момент не может существовать иного желания, кроме желания добиться подавления мятежа»[98]. Но этот призыв не всеми был услышан.

Грань между «своими» и «чужими» для многих партий и организаций не всегда совпадала с линией траншей, отделявших республиканцев от националистов. И не так были далеки от истины те исследователи, которые отмечали, «что тыл республиканской Испании был охвачен настоящей «второй» гражданской войной, где социалисты и троцкисты боролись против коммунистов, а анархисты — против коммунистов и социалистов»[99].

Порой взаимное недоверие выливалось в вооруженные конфликты. Примером тому может служить майский путч 1937 г. в Барселоне и братоубийственная борьба в Мадриде в последние дни Республики в марте 1939 г. На взаимное недоверие обращал внимание и Манфред Штерн (генерал Клебер) в своем отчете Исполкому Коминтерна 14 декабря 1937 г.[100]

И все же, несмотря на все издержки «революционного процесса» в республиканском тылу, тенденция к консолидации сил возобладала: почти до самого завершения войны не была

потеряна вера в победу, хотя успехи не раз сменялись поражениями. И даже когда чаша весов клонилась в сторону франкистов, защитники Республики находили силы к сопротивлению.

Даже через два года после начала мятежа, 25 июля 1938 г., орудийные залпы возвестили о начале самой крупной операции гражданской войны — 113-дневной битве на р. Эбро. И хотя исход этой битвы был трагическим для защитников Республики, ее продолжительность, несмотря на большие потери, свидетельствовала о высоком уровне боеспособности республиканской армии, а на выдающиеся качества ее командования обращал внимание даже посол Германии Э. Шторер.

Сражение под Гуадалахарой в марте 1937 г., в котором был практически разгромлен итальянский экспедиционный корпус, стало последней попыткой франкистов овладеть Мадридом с северо-востока. По словам французского историка Ж. Сориа, «коварный каудильо не мешал высмеивать своих фашистских союзников на страницах газет и в кабаре»[101]. Но важнее было то, что анализ причин неудач под Мадридом побудил Франко изменить саму концепцию войны.

Как отметит много лет спустя генерал Н. Н. Нестеренко, главный военный советник Генерального военного комиссариата республиканской армии, в эволюции стратегии Франко можно различить три этапа: «Первый — когда операции планировались как колониальные карательные экспедиции. Второй — когда после провала этих операций началась позиционная война на подступах к Мадриду. И, наконец, когда перешли к маневренной войне, которая закончилась весной 1938 г. прорывом в направлении Винареса. В Каталонской битве 1938–1939 гг. франкисты одержали победу, имея огромное количество военной техники, которой они располагали»[102]

Военные победы способствовали укреплению «националистической Испании» на дипломатической арене. По сведениям министерства иностранных дел в Бургосе, резиденции «национального» правительства Франко в течение 1937–1938 гг., т. е. до окончания войны, оно было признано де-юре девятью странами. Среди них — Германия, Италия, Ватикан, Япония, Португалия, Венгрия. Признавших де-факто было еще больше — 16, среди них — Англия (неофициальный представитель Р. Ходжсон), Югославия, Греция, Швеция, Голландия, Норвегия, Дания, Финляндия, Польша, Чехословакия, Эстония. 24 июля 1938 г. получил назначение при «правительстве» в Бургосе нунций Его Святейшества монсеньор Гаэтано Чичоньяни[103].

Бомбежки мирных городов, варварское разрушение священного города басков Герники 26 апреля 1937 г. германскими самолетами «Легиона Кондор», исход гражданского населения во Францию не оказывали влияния на поток дипломатических признаний националистов. Между тем гражданская война приближалась к своей трагической развязке. В победе Франко уже почти никто не сомневался.

В разгар битвы на р. Эбро 29–30 сентября состоялась мюнхенская конференция. И хотя до завершения этого грандиозного сражения оставалось еще почти полтора месяца, исход войны, как представлялось лидерам Запада, был предрешен.

Мюнхенская конференция 1938 г. была использована Чемберленом для того, чтобы попытаться достичь соглашения с Гитлером и Даладье и по испанскому вопросу. Он предложил, чтобы ее участники — правительства Англии, Франции, Германии и Италии — потребовали от воюющих сторон в Испании прекращения огня, а вслед за этим на новой конференции окончательно «разрешить» дело. Муссолини обещал «обдумать» английские предложения, Гитлер наотрез отказался обсуждать их. Вместо этого он прочитал лекцию Чемберлену о том, что германская интервенция в Испании преследует одну цель — уничтожение «опасности коммунизма».

Мотивы гитлеровского руководства, отвергнувшего план Чемберлена, видны из меморандума, составленного чиновниками МИД Германии 5 октября 1938 г.: «Мы заинтересованы в создании сильной Испании, тяготеющей к оси Берлин — Рим… Ясно, что наше положение в случае европейского конфликта будет намного благоприятнее, если на нашей стороне окажется сильная в военном отношении Испания. Однако Испания, возникшая из компромиссного мира между белыми и красными, не была бы сильной… Поэтому мы заинтересованы в полной победе Франко. Италия, по всей вероятности, также в этом заинтересована. Ось Берлин — Рим должна стремиться к быстрому и победоносному завершению гражданской войны в Испании в максимально короткие сроки»[104].

6 декабря 1938 г. в Париже между фашистским министром иностранных дел Риббентропом и его французским коллегой Боннэ состоялась примечательная беседа. Риббентроп распинался о том, что Германия-де оказывает услугу Франции, избавляя ее «от большевистского соседа». Боннэ согласился с Риббентропом, присовокупив, что французское правительство «не имеет ни малейших возражений против победы Франко». Он сослался и на заслуги Франции — закрытие франко-испанской границы[105].

Оба собеседника в секретных переговорах квалифицировали Испанскую республику «большевистской» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Публичное подписание франко-германской декларации 6 декабря 1938 г. было равносильно подписанию между этими державами пакта о ненападении.

В разгар битвы за Каталонию дипломатический агент Франко в Париже Киньонес де Леон сообщил Хордане 14 января 1939 г., что накануне ему позвонил сам Боннэ, хотя и с предосторожностью, что граница по-прежнему закрыта, несмотря на слухи, дошедшие, возможно, до него[106].

27 января Каньонес де Леон сообщил Хордане на другой день после падения Барселоны, т. е. 26 января: в Париже состоялось совещание под председательством Марселина Доминго, на котором присутствовали известные деятели Республики. Цель собравшихся — анализ последствий падения Барселоны (в донесении сказано: «освобождение» — *С. П.*). Все сошлись на том, что сопротивление бесполезно, и что нет иного выхода, как капитуляция в Каталонии и в центральной зоне, и что со всей срочностью надо сообщить об этом решении властям национальной зоны. Де Леон сообщил также, что «красный посол Марселино Паскуа заявил, что он совершенно согласен с тем, что не надо продолжать сопротивление и что нет иного выхода как сдача». Паскуа посетовал, что не может одобрить такую инициативу, не сообщив о ней республиканскому правительству. Что он и сделал на другой день, сообщив о решении совещания Альваресу дель Вайо[107].

27 февраля правительства Англии и Франции объявили о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством Негрина и признании правительства Франко.

В ночь на 5 марта Сегизмундо Касадо, возведенный 25 февраля 1939 г. в чин генерала, объявил по радио, что правительство Негрина низложено. Франко отказался обсуждать любые предложения об условиях мира. «Националисты победили, и их противники теперь должны безоговорочно капитулировать». Как вспоминал Р. Канталупо, посол Италии, на вопрос, возможны ли переговоры с красными, Франко ответил: «Красные никогда не сдадутся. Они не примут моих условий, т. к. государство, которое я хочу создать, — антитеза для них. Мы пойдем до конца»[108].

1 апреля 1939 г. Франко тожественно объявил, что война закончена. Но уже 3 апреля он призвал испанцев к бдительности: «Испания продолжает оставаться в состоянии войны против всех врагов, внутренних и внешних, оставаясь на веки верной своим павшим»[109].

В тот же день правительство США признало правительство

Франко.

18 мая 1939 г. состоялся парад победителей, в котором приняли участие 120 000 его участников, среди них — итальянский корпус, представители «Легиона Кондор», 500 португальских добровольцев.

В этот день Николас Франко, незадолго до этого возвратившийся из Португалии, сказал брату: «Сегодня твой день. Великий день, который ты ждал с детских лет, который твои тщеславные черные глаза всегда предвидели в будущем». Но его Великий день еще не закончился. Все еще стоял вопрос: «После победы — что?»

2 марта 1939 г. посол Испании Франко в Риме П. Гарсиа Конде сообщил Хордане, что накануне Его Величество дон Альфонсо поставил в известность о том, что получил приглашение от короля Румынии посетить его страну вместе с Его Высочеством доном Хуаном и принять участие в охоте 25 мая. У посла сложилось впечатление, что у короля не было сомнения, что приглашение на охоту — всего лишь предлог, что там речь пойдет о реставрации монархии в Испании, возможно, с подсказки Англии. По словам посла, он проявил поистине дипломатическую изворотливость, т. к. не был осведомлен о намерениях генералиссимуса в этом вопросе, хотя и предполагал, разумеется, гипотетически, что в будущем не исключена реставрация монархии в персоне дона Альфонсо или дона Хуана»[110]. Но тогда идея реставрации в обозримом будущем не разделялась ни самим Франко, ни его влиятельными союзниками.

Накануне визита Чиано в Испанию Муссолини в письме Франко от 6 июня 1939 г. предупреждал: «реставрация монархии будет очень опасной для режима, учрежденного с такой славой и такими кровавыми жертвами». По возвращении из Испании в своем докладе 19 июля Чиано успокоил Муссолини: «Ни Франко, ни большинство из его окружения не благоприятствуют реставрации монархии». По его мнению, режим имеет полную поддержку испанского народа[111].

Но среди «победителей» все же не было такого единодушия, как это представлялось Чиано.

Большинство военных, участвовавших в гражданской войне на стороне Франко, все же надеялись, что с ее окончанием будет упразднена и система личной власти. Среди «инакомыслящих» были и монархисты, и традиционалисты, и фалангисты. Среди тех, чей голос прозвучал раньше других, по мнению Бустельса, был генерал Антонио Аранда. Тот самый Аранда, что с восторгом отзывался о Франко в беседе с полковником Кремером.

Старый либерал, до войны сотрудничавший с партией

радикалов Алехандро Лерруса и, как поговаривали, масон, Аранда отказался во время подавления астурийского восстания принять помощь фалангистов. После окончания гражданской войны, будучи военным губернатором Валенсии, освободил сотни заключенных, что увеличило антипатию к нему фалангистов. Тогда же он был одним из первых генералов, кто обратился к Франко с призывом восстановить конституционную монархию. Франко ограничился смещением его с командной должности, назначив начальником Высшей военной академии. Арестован он был позднее, уже после окончания Второй мировой войны, в 1947 г., а реабилитирован только после смерти Франко Хуаном Карлосом в ноябре 1976 г.

Вторым был генерал-лейтенант Кейпо де Льяно; он получил отставку и отправлен в посольство в Рим на почетную, но ничего не значащую должность, получил разрешение вернуться только в 1942 г.

Третьим был генерал А. Кинделан, монархист, никогда не скрывавший своих убеждений, а 8 сентября 1943 г. вместе с генералами Оргасом, Давилой, Сольчагой, Понте, Монастерио, Саликетом и Варелой направивший письмо Франко с просьбой восстановить монархию. Многие годы провел в ссылке и даже был арестован в 1949 г.[112]

Но никто из них не был лишен жизни. Эта участь также не постигла участников заговора подпольной политической хунты, руководимой полковником Тардучи и Ягуэ, считавших себя обойденными. Политическая программа хунты копировала нацизм. Хунта обратилась к шефу германских нацистов в Испании Томсону с просьбой устранить Франко. Зимой 1941 г. адъютант Ягуэ донес на своего генерала, и хунта прекратила свою деятельность. Франко не принял никаких мер против заговорщиков, ограничившись личной беседой с Ягуэ. И это в то время, когда редкий день в Испании обходился без казни республиканцев, вся вина которых состояла в их убеждениях[113].

Позднее Франко скажет: «Нет искупления без крови». 1939 г. был объявлен годом очищения. Хосе Мария Пеман облек этот императив в поэтическую форму: «Пожары Ируна, Герники, Малаги или Баэна подобны сожжению жнивья, дабы очистить землю для нового урожая».

Исход гражданской войны Франко оценил как победу подлинных и вечных принципов над ложными и антииспанскими. Для него носители тех «ложных» принципов были не сыновья Испании, а «бастарды».

Франкистские законы первых лет существования режима были куда более лаконичны в определении тех, кто принадлежал

к «анти-Испании», а потому подлежал наказанию: сразу после поражения республики на всю страну распространилось законодательство «националистов», а значит, и февральский декрет 1939 г. Согласно этому декрету судебному преследованию подлежали все лица, которые прямо или косвенно принимали участие в демократическом движении, начиная с 1 октября 1934 г.[114] Масштабы репрессий были таковы, что, казалось, франкисты намеревались преодолеть пресловутый «кризис нации» и разделение на Испанию и анти-Испанию путем физического уничтожения или строгой тюремной изоляции не только своих активных противников, но и всех не поддающихся «единению во франкизме» элементов. «Трибуналы выбиваются из сил, чтобы угнаться за темпами арестов», — отмечал мадридский корреспондент «The Times» 3 января 1940 г.

Согласно официальным сведениям, в начале 1939 г. в тюрьмах Испании находилось 100 200 заключенных, в конце 1939 г. — 270 719. И это, не считая 400 000 солдат республиканской армии. Германский посол фон Шторер был убежден, что к началу 1941 г. в тюрьмах и концлагерях продолжало оставаться 1–2 млн красных[115].

Согласно сообщению корреспондентов «Associated Press», основывавшихся на официальных данных, между апрелем 1939 г. и июлем 1944 г. число расстрелянных и умерших заключенных составило 196 994[116]. Хавьер Ту-сель в специальном номере «El Pais» от 18 ноября 2000 г., посвященном 25-летию со дня смерти Франко, писал о «50 тысячах казненных после войны».

Но победители казнили своих противников не только по приговору трибуналов: на самосуд власти закрывали глаза.

20 ноября 1939 г., в третью годовщину расстрела Хосе Антонио Примо де Риверы, Франко распорядился о переносе его тела из Аликанте в Эскориал, в усыпальницу королей и королев. Десять дней и ночей фалангисты несли на плечах гроб Хосе Антонио, убивая на 500-километровом пути сотни пленных республиканцев.

После падения Франции гестапо был арестован президент Генералитета Л. Компанес и в сентябре выдан властям Испании. 14 октября он был приговорен к смерти и на следующий день расстрелян. Это послужило как бы сигналом к массовым казням республиканцев, занимавших высокие посты в годы гражданской войны. Но ужесточения различной степени коснулись и тех, кто принадлежал к лагерю победителей.

Даже кардинал Гома́ в августе 1940 г. призвал Франко к милости в отношении поверженных, к примирению, необходимому для построения будущей Испании. Призыв не был

услышан. Мало того, Серрано Суньер запретил публикацию пасторского послания Гомá «Уроки войны и обязанности мира», как до этого было подвергнуто цензуре послание папы Пия XII, поздравившего Франко с победой и вместе с тем призвавшего «проявить добрую волю к побежденным».

Для престарелого прелата это был удар, который он не перенес. 22 августа 1940 г. его не стало.

В новогодней речи 31 декабря 1939 г. сам Франко признал, что репрессии затронули значительную часть населения[117]. К тому же около полумиллиона из тех, кто связал свою судьбу с республикой, ушли в эмиграцию — бойцы армии и милиции, политические деятели, лидеры и рядовые члены рабочих и демократических партий, женщины, старики и дети. В этом скорбном исходе заметную струю составил цвет испанской интеллигенции, и среди них — всемирно известный виолончелист Пабло Касальс, прославленные поэты Хуан Рамон Хименес, Антонио Мачадо и Рафаэль Альберти, известный художник и скульптор Альберто Санчес и многие другие. И все они на языке Франко были «анти-Испанией», которая подлежала покорению, дабы не допустить в будущем того состояния нации, которое и породило столь трагический конфликт. Ведь даже Канарис, частый гость в Испании тех лет, не исключал возобновления гражданской войны.

1 января 1940 г. корреспондент «The Times» отмечал: «Мысль о примирении настолько далека от сознания и сердца испанцев, что даже не предпринималось никаких попыток в этом направлении». Однако никаких попыток «в этом направлении» не предпринималось и по прошествии весьма длительного времени, так как консервация политического разделения нации была сознательной политикой франкизма. На эту политику углубления раскола, обострения ненависти, враждебности, страстей, доставшихся в наследие от войны 1936–1939 годов, обращали внимание почти все исследователи франкизма, даже те, кто не испытывал симпатий к Республике. И даже Э. Шторер и Г. Чиано.

На развалинах республики франкисты принялись возводить здание «новой Испании». Но прежде всего Франко был озабочен «конструированием» собственного имиджа.

Низкорослый, физически непривлекательный, с невыразительным голосом он не обладал внешними харизматическими чертами «спасителя Испании». К конструированию харизматики каудильо были привлечены писатели и академики, журналисты и художники.

Единственный голос, прозвучавший диссонансом, принадлежал архиепископу Севильи кардиналу Сегуре, с кафедры

собора провозгласившего: «слово «каудильо» означает предводитель закоренелых преступников, скрывающихся от правосудия». Добавив: «каудильо» — синоним дьявола».

Это был тот самый Сегура, который отказался поместить имена павших на стенах севильского собора. Заметим, что такие надписи до сих пор сохранились; автор этих строк мог увидеть в ноябре 2000 г. имена павших фалангистов на стенах собора в Альканьисе.

И как результат усилий интеллектуальной элиты «победителей» — образ Франко, далекий от действительности, был вездесущ на всем пространстве национальной жизни благодаря радио, а позднее и телевидению: он взирал с высоты монументов, напоминал о себе в названиях улиц и площадей, в почтовых марках и монетах, смотрел с портретов в учреждениях, школах, казармах и больницах. Но все же главным «архитектором» своего имиджа был сам Франко: он конструировал его на протяжении почти четырех десятилетий.

В первые месяцы после окончания войны сам Франко был не в последнюю очередь занят обустройством своей жизни: была перенесена столица в Мадрид, определена резиденция. Первоначально хотел разместить ее в королевском Восточном дворце: «Разве я не глава государства? Почему бы мне не иметь ту резиденцию, которую имели король и президент республики Асанья?» Серрано Суньер отговорил: «Что можно ожидать от революции, если вождь разместится во дворце, который идентифицируется с декадансом Испании, который привел нас к гражданской войне?»[118].

Суньер убеждал, что надо построить новое грандиозное здание, как напоминание для истории о великом периоде нашей национальной жизни. Франко одобрил эту идею, но для ее реализации требовались время и деньги. Тогда он избрал в качестве резиденции Эль Пардо, хранившем память о королях, использовавших эти дворцовые постройки в качестве охотничьих домиков. Там он и поселился, оставаясь в Эль Пардо до самой смерти.

Резиденцию охраняли полк мавританской гвардии, отряды гражданской гвардии и полиции. Там же проходили не только личная жизнь, но и совещания кабинета министров, контакты с иерархами режима, гражданскими и военными, аудиенции с послами и иностранными журналистами. Это был своего рода «франкистский двор».

Но когда в марте 1940 г. Франко окончательно переселился в Эль Пардо, в Европе бушевала Вторая мировая война.

Часть III

В годы второй мировой войны. По дороге в Эндай

15 октября 1938 г., когда уже не было сомнения в том, что Франко выиграет войну, Берлин в меморандуме британскому министерству иностранных дел выразил свою позицию: «Мы заинтересованы в создании сильной Испании, тяготеющей к оси Берлин — Рим. Ясно, что наше положение в случае европейского конфликта будет намного благоприятнее, если на нашей стороне окажется сильная в военном отношении Испания. Однако Испания, вышедшая из компромиссного мира между белыми и красными, не была бы сильной. Поэтому мы заинтересованы в полной победе Франко»[119].

Но Франко не стал марионеткой Берлина и Рима.

17 августа 1939 г. Муссолини поставил Франко в известность, что война между Германией и Польшей разразится в самое ближайшее время, и обещал держать его в курсе дела. До подписания советско-германского пакта о ненападении оставалось еще шесть дней. Поверенный в делах Италии в Мадриде граф Гидо Ронкали де Монтеро информировал Рим, что Франко был явно озабочен этой информацией, что было вполне объяснимо. В эти тревожные дни испанская дипломатия искала пути хотя бы временного ослабления своих уз с Берлином, дабы Испания, только что вышедшая из огня гражданской войны, не оказалась автоматически, вместе с Германией, втянутой в новый конфликт[120].

Отвечая Муссолини, Франко в письме от 21 августа сообщил дуче, что готов взять на себя инициативу, обратив внимание Европы на всю абсурдность конфликта[121].

28 августа посол Испании в Лондоне герцог Альба информировал Мадрид о том, что германо-русское соглашение произвело в Лондоне эффект разорвавшейся бомбы, т. к. означало дипломатический провал и еще одно поражение, несмотря на многие жертвы последних лет, предупредил, что общественное мнение Англии достаточно единодушно в своем решении вступить в войну. Эта информация еще более укрепила желание Франко избежать вступления в войну[122].

1 сентября 1939 г. войска вермахта пересекли польскую границу. В тот же день посол Германии в Мадриде фон Шторер встретился с министром иностранных дел Х. Бейгбедером и шурином Франко Р. Серрано Суньером. На замечание Шторера, что Испания, вне всякого сомнения, не может на самом деле

остаться нейтральной в этой войне, поскольку все ее надежды на лучшее зависят от побед Германии, министр иностранных дел поспешил заявить, что полностью с этим согласен. В то же время, к удивлению германского посла, Бейгбедер не исключал, что Англия может победить, а поэтому Испания должна воздержаться от конфликта[123].

4 сентября Франко выступил по радио, дав указание испанцам сохранять строгий нейтралитет. В тот же день им был подписан декрет о нейтралитете, а послы великих держав получили соответствующий меморандум: «Я апеллирую к здравому смыслу и ответственности правительств всех наций и призываю их направить все усилия на локализацию конфликта… дабы предотвратить катастрофу, не имеющую прецедента в истории»[124].

На запрос Берлина о мотивах уклонения Испании от вступления в войну Шторер сообщил: «Каудильо стремится избежать преждевременного вступления в войну и, следовательно, такого длительного в ней участия, которое было бы не по силам Испании, а при некоторых условиях послужило бы источником опасности для режима»[125].

В результате гражданской войны в 192 городах и селах было разрушено 60 % зданий, 40 % подвижного состава железных дорог, множество мостов и дорожных сооружений. В новогодней речи Франко признал, что количество заключенных в тюрьмах свидетельствует о том, что репрессии затронули значительную часть населения.

Золотовалютные резервы были весьма незначительны, и Испании практически было нечем оплачивать импорт даже тех видов оборудования и сырья, которые могли бы дать невоюющие страны, к тому же не были выплачены военные долги. 20 мая 1940 г. германское посольство в Мадриде сообщило в Берлин о состоявшихся итало-испанских переговорах. Поскольку Испания была не в состоянии уплатить к 1 января 1941 г. долг в размере 5 млрд лир, стороны договорились о внесении долга по частям с 30 июня 1942 г. по 30 июня 1967 г.[126]

Испанский военный долг Германии составил 378 млн рейхсмарок. Частные поставки составили 15 млн рейхсмарок, 45 млн рейхсмарок составил ущерб, понесенный германским капиталом в результате гражданской войны. В переговорах с испанской делегацией в октябре 1940 г., возглавлявшейся Суньером, была достигнута общая договоренность о постепенной выплате долгов за счет интенсивного испанского вывоза. Наибольшую заинтересованность Германия проявила в поставках ванадия, вольфрама, свинца, молибдена для обеспечения

германской военной промышленности[127].

Свои надежды на получение столь необходимых для Испании кредитов Мадрид возлагал не на Германию и Италию, а на Англию и США.

18 марта 1940 г. были завершены англо-испанские переговоры. Испания получала кредит в 2 млн фунтов стерлингов, которые она должна была выплатить в течение 10 лет. Испании предоставлялась возможность в пределах полученного кредита покупать товары в Англии, ее колониях и других странах стерлингового блока. 15 мая 1940 г. посол Мадрида в США Карденас направил запрос заместителю госсекретаря Уэллесу, может ли испанское правительство рассчитывать на получение кредита на 120–200 млн долларов. 27 мая 1940 г. в телеграмме американскому поверенному в делах в Мадриде госдепартамент предписал поставить испанское правительство в известность, что просьба о займе изучается[128].

Посол А. Веддел, находившийся в те дни в Вашингтоне, был уполномочен информировать испанское правительство, что Соединенные Штаты готовы предоставить Испании кредиты, но только в том случае, если она останется нейтральной.

Но когда посол США, возвратившись в Мадрид, ожидал аудиенции у Франко, испанская политика претерпела изменения[129].

Свою «лепту» в предотвращение вступления Испании в войну пытался внести и Уинстон Черчилль, сменивший 10 мая 1940 г. на посту главы кабинета Невиля Чемберлена.

У Хора, близкого друга Чемберлена, ушедшего в отставку, не было ни малейшей надежды занять подобающее ему место в новой администрации. К его удивлению, вскоре после формирования нового кабинета лорд Галифакс предложил ему без промедления выехать в Мадрид: «Как следствие войны, Иберийский полуостров важен для нас как никогда». И все же Хор колебался, тем более, что Чемберлен, с которым он счел нужным посоветоваться, был настроен весьма пессимистично: «Сомневаюсь в пользе этой миссии для Вас… Отправляйтесь в Испанию, если хотите, но я не надеюсь, что Ваша миссия будет удачной».

То были дни, когда падение Франции не вызывало сомнений. И все же Хор внял совету адмирала Тома Филлипса: «Вы должны ехать немедленно… Если атлантические порты Иберийского полуострова и северо-восточное побережье Африки попадут к врагу, я не знаю, как мы будем продолжать. Крайне необходимо также, чтобы морская база Гибралтар продолжала оставаться доступной для наших средиземноморских и восточных

коммуникаций».

24 мая состоялось официальное назначение Хора, а 29-го он выехал в Мадрид. Однако по прибытии в испанскую столицу прежние сомнения овладели им, и он вновь и вновь задавал себе вопрос, не был ли прав Чемберлен и не слишком ли поздно началась его миссия. В Лиссабоне В. Селби, с которым Хора связывала дружба еще с Оксфорда, сообщил весьма неутешительные новости: «Немцы займут всю Францию меньше, чем в течение недели, и понадобится всего пятнадцать дней, чтобы оккупировать весь Иберийский полуостров. Генерал Франко даст немцам «добро», когда они войдут в Испанию, и останутся лишь часы, чтобы дойти до Лиссабона».

Официальный Мадрид встретил британского посла прохладно, хотя и был соблюден предусмотренный церемониал. На всем пути в Королевский дворец посла сопровождал эскорт мавританской кавалерии. Церемония вручения верительных грамот состоялась в тронном зале, знаменитом своими фресками Тьеполо. Франко, его министры, епископ Мадрида, военные высокого ранга, гражданские чиновники. Все, как положено. Франко был корректен, но не больше. После подробной беседы с каудильо — возвращение в посольство. Никакой личной встречи, хотя, как было известно британскому послу, Франко часто и подолгу беседовал с послами держав «оси» и нейтральных стран.

Когда возвращались в посольство, временно размещенное в отеле «Ритц», что на бульваре Кастельяно, переименованном в Авениду Генералиссимуса Франко, посла сопровождали не только почетный эскорт, но и крики «Гибралтар для Испании». «Крики, которые я буду слышать не раз в последующие два года», — запишет в своих мемуарах Хор[130].

П. Престон, в своей монографии «Три Испании», увидевшей свет в 1999 г., приводит слова Серрано Суньера, сказанные им в беседе с послом Италии: «Франко, имевший менталитет скорее военного, нежели политика, был плохо подготовлен для той трудной диалектической игры, которую ему навязали немцы»[131]. Но Суньер, ставший 16 октября 1940 г. министром иностранных дел, сменив на этом посту англофила Бейгбедера, к тому же имевшего любовницу-англичанку Розалинду Пауэр Фокс, был неправ. Франко блестяще справился с этой ролью.

12 июня 1940 г., когда до падения Парижа оставались считанные часы, Франко и Бейгбедер скрепили своими подписями декрет, объявлявший Испанию «невоюющей стороной».

Испания воспользовалась поражением Франции для достижения определенных целей. 14 июня испанские войска оккупировали Танжер.

19 июня испанское правительство направило в Берлин меморандум, где допускалась возможность вступления в войну, «если это окажется необходимым». В качестве предварительной платы за участие в войне Мадрид требовал передачу Испании Гибралтара, французского Марокко, части Алжира, включая Оран, и расширения испанских колоний в Африке. В надежде на молниеносное завершение войны Франко было утратил привычную осторожность. В донесении Риббентропу 20 августа 1940 г. Шторер высказал предположение, что «министр иностранных дел рассматривает вопрос об участии Испании в войне как практически решенную задачу»[132].

Но Франко все же сумел уклониться от вступления в войну. Это отчетливо проявилось осенью 1940 г., когда Берлин особенно на это рассчитывал.

К этому времени план захвата Гибралтара германской армией был полностью разработан. От Испании требовалось одно — разрешить двадцати немецким дивизиям, включая танковые, пересечь полуостров. Гибралтар должен пасть 10 января 1941 г. Место встречи — городок Эндай, что на границе Испании и Франции.

11 октября 1940 г. за несколько дней до встречи в Эндае герцог Альба телеграфировал Франко: хотя он не присутствовал на последней сессии Палаты общин, т. к. она была секретной, и до сих пор не имеет текста выступления премьер-министра, его друзья, члены Палаты, сообщили ему, что Черчилль, касаясь Испании, заявил, что он желает поддерживать добрые отношения с этой страной и помогать, как это возможно, ее восстановлению, прибавив, что она занимает место, которое ей соответствует как великой средиземноморской державе. И далее слова самого Черчилля: «Нет другой страны в Европе, которая больше бы нуждалась в мире, продовольствии и содействии в процветании, в торговле, как Испания, недавно вышедшая из опустошительных последствий гражданской войны. Как в дни войны за независимость, интересы и политика Великобритании являются единственной основой независимости и единства Испании»[133]. Это известие укрепило намерение Франко уклониться от предложенного Гитлером плана.

Франко намеренно опоздал на час на встречу с Гитлером. «Я должен прибегнуть ко всякого рода ухищрениям, и это одно из них. Если я заставлю Гитлера ждать, он будет психологически подготовлен с самого начала», — разъяснил Франко сопровождавшим его офицерам, привыкшим к его педантичной точности[134].

Гитлер и Риббентроп, теряя терпение, ходили по платформе.

Но когда Франко показался в двери вагона, первое, что он увидел, была улыбка на лице фюрера. Позднее Франко в течение долгих часов, пока длилась беседа, был свидетелем «смены выражения лица Гитлера», как он вспоминал 15 лет спустя. Перед салоном-вагоном в окружении военных, громко славивших его, он держался очень прямо, высоко подняв голову, с грозным видом. Когда же вошли внутрь, лицо Гитлера изменилось, стало спокойным, мирным и улыбающимся. Это показалось Франко весьма театральным[135].

После взаимных объятий Франко произнес длинную речь, заверив своего собеседника, что «Испания ввиду ее тесной духовной связи с державами «оси» занимает ту же позицию, что и Италия прошлой осенью», т. е. невоюющей стороны. Гитлер ответил, что рад впервые видеть каудильо лично, хотя мысленно часто был рядом с ним во время гражданской войны. Но теперь его заботит настоящее. Англия терпит поражение, но она еще не готова смириться. Надо помешать Англии завладеть Средиземным морем и Северной Африкой, а для этого необходимо лишить ее Гибралтара. От Испании требовалось немедленно заключить соглашение об объявлении войны Англии, и Франко ответил, что этот план захвата Гибралтара задевает чувство испанского национального достоинства: крепость должна быть взята самими испанцами. Для этого испанская армия должна быть обеспечена современным вооружением, тяжелой артиллерией и транспортом. Нужно время, к тому же зимой покрытые снегом и льдом горы затруднят продвижение танков. Не вся Испания на стороне «оси», далеко нет. Не надо забывать уроки истории — восстание против Наполеона.

Гитлер, как вспоминал Франко, спросил, «полагает ли он, что война будет долгой?», на что Франко ответил, что «не сомневается в этом ни в малейшей степени, и поэтому, хотя он и верит в победу Германии, Испания не в состоянии вступить в борьбу, не разрешив прежде многих проблем, в первую очередь, снабжения населения продовольствием… Но Гитлер как в озарении все твердил, что победа будет очень скоро».

Как вспоминал позднее Франко, «фюрер не был удовлетворен встречей, что было естественно». Еще бы: ведь это было его первое крупное дипломатическое поражение[136].

И на этой встрече, как заметила Дж. Ашфорд Хаджес, автор книги «Психологический портрет диктатора», проявился «глубокий нарциссизм этих людей, до этого никогда не встречавшихся лицом к лицу. Оба верили, что, как минимум, были избраны Богом для выполнения своей миссии на земле и были, по крайней мере, реинкарнацией самого Мессии. Гитлер

идентифицировался с Третьим Рейхом, в то время как Франко — с «Родиной»»[137].

Но в этот раз, когда Франко говорил о том, что не вся Испания на стороне «оси» и напомнил о восстании против Наполеона, в понятие «Родина» он чуть ли не впервые включил и «вторую» столь нелюбимую им Испанию, или «Анти-Испанию», как он предпочитал ее называть. Но это было скорее исключение. Перед угрозой германского нашествия, одержимый желанием во что бы то ни стало сохранить свою власть, он готов был иногда поступиться и своими пристрастиями». Позднее У. Черчилль заметил: «Они (испанцы. — С. Я.) не хотели, чтобы иностранные армии ступали по их земле. Хотя по своей идеологии эти мрачные люди были нацистами и фашистами, они предпочитали обходиться без иностранцев. Франко полностью разделял эти чувства и умело их направлял»[138].

Рузвельту вскоре стало известно об Эндайской встрече прежде всего от своего агента Р. Мэрфи, срочно вызванного с юга Франции в Вашингтон. Отвечая на вопрос, какова же позиция Испании в настоящем и предсказуемом будущем, Мэрфи пересказал Рузвельту слова Ф. Лекерики, посла Испании при правительстве Виши: «Если бы немцы проявили настойчивость, мы не могли бы им противостоять. У нас не имелось ничего, что могло бы противостоять 10 немецким дивизиям, но мы удержали их дипломатией»[139].

Впоследствии американская дипломатия высоко оценила позицию, занятую Испанией в Эндае. В январе 1945 г. посол США в Испании К. Хейс, покидая Мадрид в связи с завершением своей дипломатической миссии, в беседе с директором политического департамента МИД Испании Х. Доуссинаге сделал признание, что «если бы он был испанским политиком в 1940, 1941 и 1942 гг., то он проводил бы в основном германофильскую политику, т. к. это было единственным способом избежать германского нашествия». Что касается Германии, то, по мнению К. Хейса, она «совершила три грубых ошибки, которые помешали ей выиграть войну.

1. Не состоялось вторжение в Испанию в июне 1940 г., дабы запереть Гибралтар.

2. Не была доведена до конца кампания на Севере Африки, что не позволило соединить там все ее войска, чтобы запереть Суэц.

3. Ее [Германии] нападение на Россию»[140].

Но это была не единственная помощь, оказанная союзникам, как полагали в Мадриде.

Однако встреча в Эндае имела и другие последствия. В августе 1949 г. немецкий еженедельник «Frankfurter Illustrierte»

опубликовал статью «Когда Гитлер решил напасть на Россию?». В статье говорилось: после того, как Франко отбыл, Гитлер, выходя из салон-вагона, сказал Кейтелю: «В прусской армии этот Франко не поднялся бы выше унтер-офицера». В связи с этим автор статьи заметил: «Фюрер забыл, что он сам в прусской армии не поднялся до чина унтер-офицера, оставаясь ефрейтором». Далее автор статьи ссылается на доклад полковника Ф. Фалькенштейна, входившего в руководство O.K.W.: «Переговоры между фюрером и Франко по вине последнего ограничились соглашением о сотрудничестве в области экономики». Эта фраза, по мнению автора статьи, поставила точку в грандиозном плане «Изабелла и Феликс» как основополагающего в войне против Империи: «Его сменил «План Барбаросса» — план нападения на Россию…

Той же ночью по пути во Флоренцию Гитлер окончательно решился на войну против Сталина». Автор статьи ссылается на исследование Петера де Мендельсона, посвященное анализу документов германского генштаба: «В этот день, 30 октября 1940 г., в документах впервые появился термин «Ostfall» («Бросок на Восток»)». Эта дата не расходится с показаниями Геринга на Нюрнбергском процессе, хотя место принятия решения указывалось иное — Берхтесгаден. И вывод автора: «Завершающий удар по Англии откладывался до грядущего сокрушения СССР»[141]. Чего, как известно, не произошло.

На исходе войны Гитлер в кругу своих единомышленников не раз поговаривал о том, что каковы бы ни были качества испанского солдата, Испания, учитывая ее нищету и неподготовленность, оказалась бы скорее тяжким бременем, чем приобретением; документы свидетельствуют, что он неоднократно пытался в 1941–1942 гг. побудить Франко вступить в войну[142].

Уже после окончания Второй мировой войны консервативная «Stockholms Tidningen» за 21 и 27 октября 1945 г. опубликовала три письма Гитлера Муссолини: он не утратил надежду и после встречи с Франко добиться своей цели.

20 ноября 1940 г. он настаивал: «Испания должна быть немедленно вовлечена в конфликт… для того, чтобы «запереть Средиземное море»». Эту тему он продолжил и в письме от 22 ноября: «Срочная необходимость, чтобы испанское правительство и каудильо как главнокомандующий приняли решение о вступлении в войну». В письме от 31 декабря 1940 г. — та же тема. Испания его беспокоила. «Франко изменился и отвергает сотрудничество со странами «оси». Я боюсь, что Франко совершает величайшую ошибку в своей жизни. Рассматриваю как сумасшедшую саму идею получать сырье от демократий как

своего рода вознаграждение за то, чтобы остаться в стороне от конфликта». Гитлер выразил сожаление таким решением Франко, т. к. «отданы все распоряжения о пересечении границы 10 января и атаки на Гибралтар в начале февраля». «Очень огорчен этим решением Франко, т. к. не соответствует той помощи, которую мы — Вы, Дуче, и я, предоставили ему, когда он оказался в трудной ситуации»[143]. Об этом свидетельствуют и другие документы.

В письме от 6 февраля 1941 г. Гитлер убеждал Франко, что вступление Испании в эту войну было задумано вовсе не исключительно в интересах Германии и Италии и что «в том случае, если Германия и Италия потерпят поражение, тогда всякое будущее для сегодняшней национальной и независимой Испании окажется невозможным»[144].

Накануне встречи в Бордигере 12 февраля 1941 г., когда Франко единственный раз в жизни был в Италии, Муссолини получил послание Гитлера, где тот просил вернуть «испанского блудного сына». Но Франко не поддавался на уговоры. По словам Франко, «они говорили совершенно дружески обо всем». Он убеждал Муссолини, что «Испания, как и прежде, хочет сотрудничать со странами «оси» и внести свой вклад в дело окончательной победы. Однако Испания испытывает самый настоящий голод и в военном отношении совершенно не подготовлена».

В результате беседы у Муссолини сложилось определенное мнение, и он написал Гитлеру, что Испания не в состоянии вступить в войну[145].

Возвращаясь из Бордигеры, Франко навестил в Монпелье Петэна и попросил его помочь Испании в том случае, если Гитлер односторонне примет решение ввести войска на территорию Испании. Но Петэн посоветовал лишь не гневить Гитлера. Переговоры с Муссолини приободрили Франко, а неудачи Италии в Греции окончательно укрепили его нежелание ввязываться в войну.

В Берлине была уже известна позиция, занятая Франко в Бордигере. 22 февраля Риббентроп, которому было поручено осуществление «испанской операции», доложил, что Испания не готова вступить в войну на стороне Германии. 26 февраля это сообщил Гитлеру и сам Франко. Он вновь заверил Гитлера в своей преданности, горячо одобрил план нападения на Гибралтар, но в то же время категорически настаивал на том, чтобы в этой операции принимали участие только испанские войска, оснащенные германским оружием. А на это было необходимо время[146]. Гитлер, получив письмо Франко, разразился бранью: возмущаясь его «неблагодарностью», он

называл его «трусливым дезертиром»[147]. В дело попыталась вмешаться германская разведка. Шеф германских нацистов в Испании Томсон еще в 1940 г. установил связь с подпольной политической хунтой, которую возглавлял подполковник Тардучи. Тардучи был фалангистом и считал себя обойденным и неоцененным по «заслугам». В руководящую группу хунты входили почитатели нацизма — журналист Патрицио Каналес и Хосе Антонио Хирон. Политическая программа хунты копировала нацизм. Хунта была связана с генералом Ягуэ, который также считал себя обойденным. Хунта обратилась к Томсону с просьбой помочь устранить Франко. В обмен Тардучи обещал вступление Испании в войну на стороне Германии. Каналес позднее утверждал, что хунта готова была убить не только Суньера, но и самого Франко. Зимой 1941 г. адъютант Ягуэ донес на своего генерала, и хунта прекратила свою деятельность. Франко не принял никаких мер против заговорщиков, ограничившись личной беседой с Ягуэ. И это в то время, когда редкий день в Испании обходился без казни республиканцев, вся вина которых состояла в их убеждениях.

Ссора среди своих не была опасна для режима, но все же не благоприятствовала активной военной политике.

Отказ от вступления в войну все же не означал изменения в направлении вектора испанской внешней политики. Несколько дней спустя после донесения Риббентропа Гитлеру в Мадрид прибыл полковник Уильям Дж. Донован, нередко выполнявший деликатные поручения Рузвельта и в недалеком будущем ставший директором Управления стратегических служб США, этого прообраза ЦРУ. Все его попытки встретиться с Франко не увенчались успехом — по обоснованному суждению П. Престона, из-за интриг Серрано Суньера. Сам же Суньер, принявший Донована 28 февраля, с уверенностью сказал: «Надеемся и верим в победу Германии в этом конфликте»[148].

Успехи Германии на севере Африки, в Югославии и Греции произвели на Франко такое впечатление, что он утратил свою привычную осторожность: выступая 17 апреля 1941 г. на открытии Высшей военной школы, он разъяснил: «Мир — это всего лишь подготовка к войне, и война — нормальное состояние человеческой природы».

В донесениях Шторер вновь и вновь возвращался к конфликту Суньера с генералитетом. Этот конфликт, по мнению германского посла, носил не только персоналистский характер: военные возмущались тем, что Суньер был и министром иностранных дел, и генеральным секретарем фаланги, и шефом правительственной и партийной прессы, и членом Национального совета. Конфликт

углублялся и из-за расхождения во взглядах — Суньер советовал немедленно вступить в войну[149]. Так или иначе, Суньеру завидовали и одновременно презирали его. Даже в ближайшем окружении Франко его презрительно именовали «куньядисимо» (от испанского слова «куньядо» — шурин).

В анализе внутреннего положения страны, сделанном Шторером, нет ни слова о монархическом движении, хотя в это время наблюдалось его оживление. 21 февраля 1941 г. умер король Альфонс XIII, и с его сыном, доном Хуаном, связывались определенные надежды на близкую реставрацию монархии. Франко заказал реквием по Альфонсу, но тут же приказал именовать его сына всего лишь графом Барселонским.

Для Франко не был тайной конфликт между Суньером и армией, вернее, ее высшим командованием. Верный принципу «соблюдения баланса», он, наконец, принял решение «укоротить крылья» шурину, хотя это и могло вызвать недовольство «семьи». Последней каплей, переполнившей терпение Франко, стала статья Суньера в органе фаланги «Arriba» 2 мая 1941 г., где он обосновал претензии фаланги на монополию власти.

7 мая 1941 г. Франко учредил пост «субсекретаря президенции», практически помощника главы государства, для Луиса Каррера Бланко — 36-летнего капитана флота, ультраконсерватора и католика-интегриста. Это вызвало новый взрыв недовольства фалангистской элиты. Франко прибег к испытанному средству: внести в их ряды раскол. В реорганизованном 19 мая 1941 г. правительстве Хосе Луис Арресе получил пост министра-секретаря фаланги, Мигель Примо де Ривера — министра сельского хозяйства, Хосе Антонио Хирон сохранил пост министра труда. Другие сторонники Суньера утратили свои посты. Что же касается таких фалангистов-диссидентов, как Антонио Товар и Дионисио Ридруехо, то для них май 1941 г. стал первым шагом на пути к разрыву с режимом.

Сам Франко не страшился фалангистской фронды, ибо у него была надежная опора — армия. После окончания гражданской войны он не пожелал вернуть армии ее обычные функции, и неучастие в мировой войне тому способствовало. Армия использовалась не только как инструмент политических репрессий, но и как тигель, где «плавились» будущие политики, чтобы затем отлиться в ту форму, которая, по мнению Франко, соответствовала моменту. Это мнение военного историка Хулио Бускетса, полковника, до того, как он стал депутатом первых послефранкистских кортесов, он обосновывает тем, что за 40 лет существования режима из 114 министров Франко 40 были военными, причем 8 из них были министрами более 10 лет, а

Карреро Бланко — 32 года.

Военные, как справедливо отмечал Бускетс, в основном консервативны, хотя и бывают исключения. Но обычно система ценностей военного совпадает с консервативной идеологией. Во время войны, для которой армия и существует, ее первейшей обязанностью является готовность убивать и умирать, для чего не надо вдаваться в оценки и делить тех, кто находится с ними на одной стороне траншей, на хороших и плохих. В мирное время жизнь военных сориентирована на такие ценности, как продвижение по иерархической лестнице, твердость, авторитет, порядок, честь, доблесть, патриотизм и дисциплина, и они не включают, как правило, такие, как свобода, равенство, права человека и т. д. И поэтому, как правило, военные должны быть более консервативными, чем современные им политики в своей собственной стране.

Но армия эпохи Франко не была консервативной в этом нормальном для людей армии духе. Она была жестко идеологически ориентирована, политизирована, причем ее идеология была не столько консервативной, сколько реакционной. По мнению Бускетса, это было следствием гражданской войны, длительной и жестокой, в которой левые — демократы, либералы и социалисты — были побеждены и уничтожены. Военные левой ориентации, сражавшиеся на стороне Республики, были расстреляны, высланы, заключены в тюрьмы или в лучшем случае изгнаны из армии. И армия, потерявшая свое «левое крыло», по мнению Бускетса, была полунациональной армией[150]. К тому же испанская армия не имела опыта участия в международных конфликтах ни в XIX, ни в XX вв. И Франко это понимал.

«Голубая дивизия». Начало пути

Начиная с марта 1941 года, Берлин ослабил нажим на Испанию, поскольку Германия в это время уже глубоко увязла в подготовке войны против СССР. Но Испания и Гибралтар пока не исчезли из планов германского командования. 4 мая 1941 г. Гальдер упоминает о директиве «относительно подготовки операций на Иберийском (Пиренейском) полуострове в случае, если Англия начнет боевое действие против Испании и Португалии (или против Испанского Марокко)». В записях 17 и 20 мая он обращается уже к проблеме переброски резервов во Францию и вооружения частей для операции «Изабелла»[151].

После нападения Германии на Советский Союз все планы овладения Гибралтаром были надолго отложены.

После нападения на Советский Союз в Берлине полагали, что уж теперь Испания станет активной воюющей стороной. 22 июня 1941 г. Серрано Суньер, ставший в октябре 1940 г. министром иностранных дел, заявил Штореру, сославшись на мнение Франко, что «испанское правительство выражает глубочайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России и в равной степени сочувствует Германии, вступившей в новую трудную войну», и через него обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам, членам фаланги, принять участие в борьбе против общего врага — русского коммунизма. «Этот жест солидарности, — разъяснял Суньер, — делается, разумеется, независимо от договоренности о полном и окончательном вступлении Испании в войну на стороне «оси», которое последует в соответствующее время»[152].

Министр иностранных дел в особо теплых словах выразил свою «твердую уверенность в том, что война с Россией закончится для Германии так же счастливо и победоносно, как и предшествующие войны». 24 июня Риббентроп известил Шторера, что «германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги»[153].

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР. Фалангистская пресса с энтузиазмом подхватила призыв своего шефа (Суньер был одновременно и главой фаланги), причем иные горячие головы посчитали необходимым собрать и отправить рать из 100 тыс. добровольцев[154].

Однако с первоначальным замыслом формирования добровольческого соединения исключительно из членов фаланги Серрано Суньеру пришлось расстаться. 25 июня Шторер сообщил

в Берлин: «Испанский министр иностранных дел очень рад согласию Германии на участие испанских добровольцев в войне против России. Он обещал поднять этот вопрос на сегодняшнем заседании Совета министров и вслед за тем обо всем договориться с начальником фалангистской милиции генералом Москардо, и прежде всего о немедленном опубликовании призыва к вербовке. Но из-за соперничества фаланги и армии добровольцы будут набираться не только из фалангистов, но и из легиона, связанного с армией»[155].

В ответ на пожелание Шторера (было бы «своевременно и желательно» объявить, что Испания находится в состоянии войны с Советским Союзом) министр ответил, что обсудит этот вопрос с Франко. От себя Суньер добавил, что в этом случае «Англия и, возможно, Америка откликнутся на такое заявление, если и не объявлением войны Испании, то, во всяком случае, установлением блокады, в результате чего Испании грозит потеря ее судов, находящихся в настоящее время в пути»[156].

В телеграмме от 26 июня 1941 г. Шторер с огорчением сообщил, что решение об объявлении Испанией войны Советскому Союзу до сих пор не получено и что это в большей степени зависит от реакции на посылку испанских добровольцев. Выяснилось, что Англия уже отозвалась — импорт бензина в Испанию запрещен[157].

Не следует, однако, слишком серьезно относиться к ссылке испанских официальных лиц на возможную отрицательную для Испании реакцию США и Англии как на основную причину воздержания от открытого объявления войны СССР. То была не главная причина и, во всяком случае, не единственная. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует новая телеграмма Шторера уже от 28 июня 1941 г., из текста которой следует, что протест армии против отправки фалангистских формирований имел более серьезную основу, нежели некоторое соперничество: «Военные попытались выступить против всего плана в целом, так как, по их мнению, его выполнение могло поставить Испанию на грань войны…». Сам Суньер, по мнению Шторера, хочет войны, однако он ожидает более благоприятного для Испании момента, который наступит после получения сырья и материалов, находящихся в пути[158], и после соответствующей подготовки общественного мнения. Главные противники вступления в войну — военные, которые, по словам Суньера, имели большое влияние на Франко. Но основная причина оттяжки вступления Испании в войну, по мнению Шторера, — «недостаточность экономической и военной подготовки»[159]. Шторер высказал надежду, что политика Суньера неизбежно в конце концов приведет Испанию к

вступлению в войну.

Тем временем оттяжка решения об официальном вступлении в войну на стороне Германии не помешала форсировать формирование «добровольного» соединения для войны на Востоке.

27 июня 1941 г. начальник итальянского генерального штаба У. Кавальеро записал в своем дневнике: «Глава нашей миссии в Мадриде сообщил, что немцы вербуют в Испании добровольцев для отправки в Россию. Распространяются слухи, что и мы пошлем своих добровольцев. Муссолини заявил, что не видит в этом смысла, так как в Россию отправляются регулярные части итальянской армии»[160]. В Риме не усмотрели никакой разницы между тем, что делали в Италии и Испании. Государственные же руководители Испании прибегли к уловке, обычной в условиях военных интервенций, — без официального объявления войны принять в ней самое прямое участие.

Более того, отправкой дивизии в далекую Россию они хотели заменить вступление в уже начавшуюся войну. Игра Франко была очевидна, во всяком случае, для тех, кого он хотел ввести в заблуждение. Чиано записал в эти дни: «Вклад «голубой дивизии» в дело держав «оси» нельзя было бы сравнить с успешным осуществлением операции «Изабелла-Феликс»». В беседе с Муссолини вечером 25 августа 1941 г. в своей штаб-квартире Гитлер с горечью говорил об Испании, заявив, что эта страна «страшно его разочаровала».

При ретроспективном взгляде на ход событий замысел Франко также совершенно очевиден. Он, «низведя эту интервенцию до крестового похода против коммунизма, стремился обойти вступление в войну против Англии», — отмечает биограф каудильо К. Мартин[161].

Франко не только и не столько не хотел воевать, сколько не мог воевать. Франкисты откладывали вступление в войну, надеясь со временем стабилизировать экономическое положение и обеспечить политическую устойчивость режима. Эти надежды не оправдались. «Последствия революционных лет ни с точки зрения чувств народа, ни с точки зрения экономики страны все еще не ликвидированы»[162], — отмечал обозреватель швейцарской газеты «Basiler Nachrichten».

В результате фашистская Испания при всей своей симпатии к странам «оси» так и не вступила в войну: слишком велик был риск. По темпераменту Франко был очень осторожный человек, типичный «гальего»[163], или, как сказали бы в Соединенных Штатах, «человек из Миссури». К тому же у него не было иллюзий относительно слабости и истощения, которые принесли Испании

предшествующие три года ужасной гражданской войны. Он не имел никаких иллюзий относительно продолжающегося глубокого разделения, которое охватило всех испанцев, и сознавал опасность, которой может подвергнуться недавно установленный и все еще неустойчивый режим, если он совершит в корне непопулярную акцию. «Он знал, что подавляющее большинство испанского народа хочет мира, а не войны, все равно — гражданской или внешней»[164], — писал посол США Хейс. А поэтому «испанское правительство, не желая вступить в конфликт официально, объявило о создании добровольческого соединения, которое должно было сражаться рука об руку с немецкой армией на Востоке»[165], — замечает английский историк С. Пейн.

Испанское добровольческое соединение, известное в истории второй мировой войны как «голубая дивизия»[166] (поскольку идея создания дивизии принадлежала лидерам фаланги, ее и стали называть «голубой»: голубые рубашки и красные береты были обязательной формой фалангистов), было сформировано в самые сжатые сроки. Была развернута гигантская пропагандистская кампания, и в телеграмме от 4 июля 1941 г. германский поверенный в делах Геберлейн сообщил в Берлин: «На призыв к вербовке в «голубую дивизию» откликнулись в 40 раз больше добровольцев, чем это было необходимо. Сегодня окончательный выбор проведут все штабы корпусов»[167]. Местом сбора завербованных в «голубую дивизию» стал Ирун, расположенный около испано-французской границы. Геберлейн отмечал, что отправка дивизии в Германию начнется, «возможно, на будущей неделе». В составе дивизии — 641 офицер, 2272 унтер-офицера и сержанта, 15 780 солдат. Дивизия имеет три пехотных полка, четыре артиллерийских батальона, батальон разведки, саперный батальон, противотанковый батальон, батальон связи, медчасть и штабной дивизион[168]. Эскадрильей «Сальвадор» командовал Анхель Салас Ларрасабль. Статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер еще 3 июля сообщил Геберлейну, что правительство рейха «с радостью» примет испанских добровольцев всех трех видов вооруженных сил (армии, флота и авиации), а также фалангистов и надеется, что они составят объединенное в единое целое испанское формирование под испанским командованием, но входящее в вермахт[169].

Единственно, что, пожалуй, вызвало уже тогда серьезную озабоченность германских официальных лиц, причастных к созданию «голубой дивизии», была степень ее политической «благонадежности». Вопрос об этом встал сразу же, как только

части дивизии начали следовать по пути на Восток через Германию, и гитлеровцы смогли познакомиться с ними. В телеграмме от 20 августа гитлеровский дипломатический чиновник с тревогой сообщил из Берлина, что, по имеющимся сведениям, коммунисты пытаются проникнуть как во французские (фашистские), так и испанские добровольческие формирования с целью перехода к русским. По полученным им сведениям, «коммунистические элементы» находились преимущественно в войсках Испанского Марокко[170].

В своем ответе 21 августа Шторер сообщил в Берлин о мерах, принятых для предупреждения коммунистического «проникновения». «Голубую дивизию» составят преимущественно военнослужащие регулярных войск, «марокканцы» приниматься не будут. И главное: при соблюдении правила (основное условие вступления в дивизию) наличия у военнослужащих не менее чем десятилетней военной выслуги, коммунистическое проникновение окажется едва ли вероятным. И поскольку дивизия теперь в Германии, Шторер советовал поручить все дальнейшее расследование германской службе безопасности[171]. Еще ранее, в приведенной выше телеграмме от 3 июня, Вейцзекер обратился с просьбой не принимать в дивизию русских эмигрантов.

К середине июля испанские «добровольцы» были готовы к походу на Восток, 30 июля первые испанские летчики приземлились на аэродроме Темпельгоф в Берлине. Им была устроена помпезная встреча, которая однако не обошлась без конфликта, досадного для организаторов этого «тоталитарного торжества»: оркестр воздушных сил с большим подъемом исполнил гимн. Летчики удивленно крутили головами: вместо привычного официального гимна франкистской Испании они вдруг услышали полузабытую мелодию государственного гимна Испанской Республики[172].

13 июля 1941 г. под оглушительный пропагандистский гром отправился первый эшелон испанских «добровольцев» в Германию. На торжественных проводах присутствовали и выступили с соответствующими напутствиями Серрано Суньер и военный министр Варела[173]. Но когда эшелоны с испанским воинством проходили через Францию, французы оказывали им весьма холодный прием[174], несмотря на все усилия местных коллаборационистов. Наконец прибыли к месту назначения — Германия, лагерь под Графенвером. В дальнейшем маршевые батальоны, посылавшиеся на пополнение «голубой дивизии», направлялись не только в Графенвер, но и в Ауэрбар, и главным образом в Гоф, где дислоцировался 481-й западный батальон 13-

го округа рейхсвера, к которому была приписана дивизия[175].

В Графенвере испанцы прошли медицинский осмотр и почти утратили свой первоначальный вид. Им раздали обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком дивизии повыше локтя. На знаке дивизии специалисты фашистской геральдики изобразили щит с черной каймой. Середину щита рассекала горизонтальная желтая полоса на красном фоне (цвета национального флага Испании), а на ней красовался четырехконечный крест и пять перекрещивающихся стрел, брошенных веером наконечниками вверх. Замысловатое сооружение венчала лаконичная надпись «Испания». Годы спустя, 26 октября 1948 г., посольство Испании в Риме поставило в известность главу генеральной дирекции внешней политики Европы МИД Испании, что накануне, 25 октября, в еженедельнике «L'Europeo» (Милан) были опубликованы воспоминания главы канцелярии Г. Чиано в МИД Италии Ф. Анфузо «То, что не говорил Чиано». В них шла речь о записной книжке, подготовленной Муссолини в феврале 1941 г. для переговоров с Франко, который должен был прибыть в Сан-Ремо. В одной из записей говорилось: «Немцы никогда не смогут понять испанцев. Испанец — лучший солдат в Европе, но он никогда не наденет униформу, которую предпочитает O.K.W.», т. е. штаб Верховного главнокомандования вермахта. Но Муссолини ошибся. В ущерб чувству национального достоинства, как Франко это понимал, он предпочел, чтобы воины «голубой дивизии» были одеты в униформу вермахта, а Испания воздержалась от открытого объявления войны СССР. Осторожность не помешает: хотя он в то время и не сомневался в конечной победе Германии, в отличие от немцев он имел опыт «знакомства» и с техникой, и с военными специалистами СССР.

Получив и пригнав на себе обмундирование, солдаты приняли суровую присягу верности Германии. Отныне соединение стало называться 250-й пехотной дивизией вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила свое первоначальное название «голубая», хотя никто из ее участников уже не носил столь дорогих сердцу фалангиста голубых рубашек и красных беретов. В 20-х числах августа 250-я пехотная дивизия отправилась к границам СССР. Первые тяготы свалились на плечи крестоносцев антикоммунизма, и без того навьюченных снаряжением, при вступлении на территорию СССР; выяснилось, что путь к фронту предстояло проделать походным порядком, пешком, да еще сохранять дисциплину на марше. Длинные колонны солдат потянулись по дорогам, разбитым войной. Сначала жара, потом дожди, слякоть. Менялись

ландшафты, шли через сожженные деревни и города, но не менялось одно — команда «принять в сторону», когда испанские части обгоняли немецкие грузовики, с которых ухмыляющиеся германские солдаты приветствовали «союзников по оружию». «Голубая дивизия», как и части других сателлитов Германии, вполне оценила «дружелюбие» гитлеровцев — они не обеспечивали «добровольцев» транспортом. А чтобы не было жалоб, германское командование взяло на себя «связь» дивизии с родиной и в интересах сохранения военной тайны полностью отрезало ее от внешнего мира.

4 октября 1941 г. посол Испании в Берлине Майалде, сменивший в июле 1941 г. генерала Эспинозу де Монтеро, передал министру иностранных дел Германии, что он получил от Франко и Суньера инструкцию немедленно установить личный контакт с командованием «голубой дивизии». Дело в том, жаловался посол, что очень долго не было никаких известий о дивизии: ни о ее деятельности, ни о ее судьбе. Послу было разъяснено, что в настоящее время дивизия находится в пути. Риббентроп передал послу слова Гитлера, сказанные им накануне, 3 октября, при открытии кампании зимней помощи армии: «Испанцы сегодня участвуют в нашей борьбе»[176]. А в это время «голубая дивизия» приближалась к границам СССР. Первые фотоснимки «голубой дивизии», опубликованные в испанской прессе, сопровождались такими комментариями: «Торжественный момент. С военной песней и фалангистским приветом добровольцы «голубой дивизии» переходят русскую границу…». «Генерал Москардо говорит с солдатом на русском фронте. Герой Алькасара несет свою помощь и свою непобедимую славу добровольцам-испанцам в самую Россию»[177].

14 октября 1941 г. «голубая дивизия» походным порядком после 47-дневного перехода прибыла в район Новгорода и заняла позицию на участке Новгород — Теремец, сменив части 126-й немецкой пехотной дивизии.

16 октября немецкие войска перешли в наступление на волховско-тихвинском направлении. В наступлении участвовали девять дивизий, в том числе танковые и две моторизованные[178], а также вновь прибывшая «голубая дивизия». «В первый день наступления противнику удалось прорвать нашу оборону в стыке ослабленных предыдущими боями 4-й и 52-й армий», — вспоминает генерал армии И. И. Федюнинский.

Как следует из октябрьских разведсводок штаба 52-й армии, «голубая дивизия» действовала перед фронтом армии. Фронтовая сводка в Москву от 25 октября сообщает о том, что «испанская дивизия, овладев деревнями Шевелево, Сытино, Дубровка,

Никитино, Отенский Посад, пока их удерживает». В первых же сводках, содержащих упоминание о «голубой дивизии», сообщалось, что дивизия укомплектована испанцами в возрасте 20–25 лет и командует ею генерал Муньос Грандес[179].

В середине декабря советские войска перешли в контрнаступление вдоль реки Волхов. В сводках 52-й армии от 24, 25 и 27 декабря сообщалось, что «части 250-й испанской пехотной дивизии, оставив Шевелево, в прежней группировке обороняются по западному берегу реки Волхов на участке Ямно — Еруново — Старая Быстрица и оказывают упорное сопротивление продвижению наших частей, неоднократно переходя в контратаки». Но уже 27 декабря войска 52-й армии вышли к реке Волхов и захватили плацдарм на левом берегу. «В итоге противник был отброшен на тот рубеж, с которого 16 октября начал наступление…»[180]. Немало испанских добровольцев осталось лежать на заснеженных полях и в лесах, а иные, прозрев под артиллерийским огнем, подняли руки.

Военнопленные 2-го батальона 269-го пехотного полка, взятые на участке Ловково 27 декабря, показали, что в ротах осталось по 50–60 человек вместо 150, есть обмороженные. Пленные того же 269-го пехотного полка, взятые на участке Красный Ударник, показали, что в ротах всего 30–50 человек. В 3-м батальоне 263-го полка в ротах осталось 60–80 человек, во 2-м батальоне 262-го полка — до 80 человек. И лишь в немногих подразделениях 250-й дивизии, по показаниям военнопленных, осталось по 100 человек — в 9, 10 и 14-й ротах 2-го батальона 269-го полка, в 1-м и 2-м батальонах 263-го полка[181]. И почти всегда в показаниях пленных речь шла об обмороженных. Да это и не удивительно: декабрь 1941 г. в тех местах был суров. Стояли тридцатиградусные морозы, бушевали снежные метели.

Откатившись на западный берег Волхова, части 250-й пехотной дивизии стали в оборону на рубеже Ямно — Крупною — Ловково (269-й пехотный полк), Ловково — Новая Быстрица — Делявино (3-й батальон 263-го пехотного полка) и далее на юг — до Новгорода (части 262-го и 263-го пехотных полков)[182]. Спокойно отсидеться по блиндажам и залечить раны не удалось. 7 января 1942 г. началось новое наступление войск Волховского фронта, хотя оно и не получило развития, и «уже 14–15 января 4-я и 52-я армии, не выполнив своих задач, перешли к обороне». В разведсводке штаба 225-й дивизии 52-й армии от 18–28 января 1942 г. отмечалось, что «263-й и 262-й полки 250-й дивизии, опираясь на узлы сопротивления, упорно сопротивляются действию наших частей»[183].

Это сопротивление, как и предыдущие декабрьские бои,

дорого стоило испанцам — по сведениям военнопленных, численный состав дивизии на конец января 1942 г. составил всего лишь 5–6 тыс. человек. В сводке штаба 52-й армии от 9–19 февраля 1942 г. отмечалось, что за рассматриваемый период, т. е. за 10 дней, полки испанской дивизии потеряли по 150–180 человек убитыми. К началу февраля 1942 г. в 262-м и 263-м полках осталось по два батальона, ибо по одному батальону было взято для усиления 269-го полка, понесшего большой урон[184].

Перебежчик 263-го полка, перешедший на сторону Красной армии в середине апреля 1942 г., рассказал, что потери дивизии за все время пребывания на фронте составили 8 тыс. человек[185]. Эти сведения подтверждает и генерал Э. Эстебан Инфантес, сменивший в дальнейшем Муньоса Грандеса на посту командира дивизии. Он сообщает, что потери на берегах озера Ильмень и реки Волхов (убитыми, обмороженными, ранеными) составили 14 тыс. человек (дивизия находилась в этом районе до конца августа 1942 г.)[186].

Военнопленные и перебежчики говорили, что количество обмороженных достигало 10–15 % личного состава, зимнего обмундирования дивизия не имела, лыж — также. Тыловые госпитали в Риге и Вильнюсе были переполнены ранеными.

Тяжелые потери дивизии объяснялись тем, что немецкое командование предпочитало ставить испанцев на самые опасные и уязвимые участки фронта. К тому времени у немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. 5 января 1942 г. во время очередной «застольной» беседы в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Нет более смелых парней. Они почти не укрываются. Они предпочитают смерть. Я знаю, что в любом случае наши солдаты всегда рады иметь соседями в своем секторе испанцев… Они очень храбры, стойки в лишениях, но дико недисциплинированны»[187]. Фюрер высоко оценил испанских солдат. Но все же ему хотелось, чтобы добровольцы «голубой дивизии» больше соответствовали требованиям, предъявляемым к солдатам современной армии. Некоторые качества испанских солдат вызывали у немцев недоумение: «Солдатам (немецким. — *С. П.*) испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только, чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их. Но испанцы никогда не уступали ни дюйма занятой территории»[188].

Но как бы то ни было, немецкое командование считало, что

«голубая дивизия» выдержала испытание, и в плане весеннего наступления немцев ей отводилась определенная роль.

Перебежчик 263-го пехотного полка 250-й дивизии в середине апреля 1942 года рассказал о том, что слышал от офицеров: Муньос Грандес разработал «план весеннего наступления».

Этому плану не суждено было осуществиться: оборонительные бои испанцев продолжались, а сам Муньос Грандес в конце мая уехал в Испанию. Вместо него временно командовать дивизией прибыл бригадный генерал Э. Эстебан Инфантес. Начиная с 1 мая 1942 г. в «голубую дивизию» стало поступать новое пополнение, а сменившиеся подразделения отправлялись в Испанию. По сведениям, полученным от военнопленных и перебежчиков, смена подразделений должна была полностью закончиться к 15 июня 1942 г., когда в дивизии число солдат и офицеров достигнет 12 тыс. Эти сведения в дальнейшем подтвердились, к концу июля было обновлено до 80 % состава дивизии[189].

Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре, командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и «голубую дивизию».

С 20 августа 1942 г. подразделения «голубой дивизии» небольшими группами со знаменами стали уходить на запад, а к 26 августа дивизия была полностью снята с фронта в районе Новгорода и по железной дороге переброшена под Ленинград — в Сиверскую, Сусанино, Вырицу, Большое Лисино, где оставалась 15–17 дней для окончательного укомплектования, подготовки и отдыха. 10–15 сентября дивизия заняла оборону на Кол пинском участке Ленинградского фронта, сменив 121-ю немецкую пехотную дивизию. Из общего оперативного приказа по 250-й дивизии следует, что границами сектора дивизии были: с востока железнодорожная линия Колпино — Тосно, а с запада — селение Баболово. Так «голубая дивизия» заняла свое место в кольце блокады, созданной немцами вокруг Ленинграда. «Голубая дивизия» тоже несет прямую ответственность за смерть, муки и страдания его мирного населения.

Гитлер был удовлетворен солдатами «голубой дивизии». Они пока, в общем, безропотно клали головы за дело фашистского рейха, подставляли лбы под пули, предназначенные немцам. Но в упоении от временных успехов — шла ранняя осень 1942 г. — фюрер связывал с «голубой дивизией» далеко идущие планы. 5 сентября 1942 г. в очередной «застольной» беседе он сообщил своим сотрапезникам: «Я думаю, что одним из наших лучших

решений было разрешение испанскому легиону сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это окупит себя. Любые солдаты всегда любят мужественного командира. Когда придет время для возвращения легиона в Испанию, мы по-королевски вооружим и снарядим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. Легион триумфальным маршем вступит в Мадрид, и его престиж будет недосягаем»[190].

К этому времени предположение Франко, что война продлится долго, под влиянием событий на Восточном фронте переросло в убеждение.

Между «блоком» и «осью»

В разгар прогерманской и антикоммунистической кампании в испанской прессе, сопровождавшей поход «голубой дивизии» на Восток, который находил горячий отклик в фалангисгских кругах, пришло известие о разгроме немцев под Москвой. Впечатление было ошеломляющее. Английский историк С. Пейн даже утверждает, что «высшая точка энтузиазма в Испании по отношению к войне, которую вела Германия, спала вскоре после поражения под Москвой в декабре 1941 г.»[191]. Политика испанского правительства еще очень длительное время была открыто прогерманской и пронацистской. Но после декабрьского поражения немцев под Москвой Франко с еще большей настойчивостью стал избегать всего, что могло бы поставить Испанию на грань войны.

8 декабря 1941 г. Япония совершила нападение на Пёрл-Харбор. Америка вступила в войну. 11 декабря Германия объявила войну Соединенным Штатам. В тот же день Чиано записал в своем дневнике: «Вечером Риббентроп попросил нас поддержать предложение Германии о том, чтобы страны тройственного пакта объявили войну Соединенным Штатам. А как Испания?»[192]. Испания хранила молчание неделю. 18 декабря 1941 г. Франко и Серрано Суньер скрепили своими подписями декрет, в котором говорилось: «Испания сохраняет, как и в предыдущей фазе конфликта, свою позицию невоюющей страны»[193].

К толпам фалангистов, скандирующих время от времени «Гибралтар! Гибралтар!» у стен британского посольства, присоединились их коллеги, выкрикивающие «Куба! Куба!» у стен американского посольства. Всесильная гражданская гвардия спокойно взирала на эти бесчинства. Серрано Суньер «позволял» прессе «метать гром и молнию» в адрес как Англии, так и США. И почти в то же время, в начале января 1942 г., вступили в решающую стадию переговоры, которые вел в Вашингтоне посол Испании Х. Карденас. 5 февраля от имени испанского правительства Карденас дал абсолютные гарантии, что «продукты, полученные от Соединенных Штатов, будут использованы только в пределах национальной территории и на благо испанского народа»[194]. Госдепартамент принял на веру гарантии испанского правительства, соглашение было подписано. И тогда же стало известно, что 13 февраля в Севилье встретились Салазар и Франко. На беседах двух диктаторов присутствовал и Серрано Суньер. Но Франко говорил с Салазаром только на

португальско-галисийском диалекте, который Суньер плохо понимал. Впоследствии Суньер жаловался друзьям, что он практически «отсутствовал». Были приняты все меры, чтобы содержание беседы осталось в глубокой тайне, и прессе оставалось лишь строить догадки. Кое-какое основание для предположений о возможном содержании беседы давала речь Франко, произнесенная на другой день перед севильским гарнизоном. Это была та самая печально известная речь, в которой Франко с гордостью говорил о «кулаке» испанских добровольцев в «степях России» и обещал, что в том случае, если дорога на Берлин будет открыта, миллион испанских добровольцев придет на помощь Германии[195]. Отсюда иностранные обозреватели делали вывод о новом приливе прогерманских настроений в Испании.

Из публикаций, увидевших свет уже после окончания войны, стало известно, что во время беседы Салазар полностью исключал возможность нападения на острова и также на саму Португалию со стороны англичан. Не верил он также и в нападение Германии. Салазар признал, что в США часть общественного мнения оказывает на правительство давление в пользу оккупации Азорских островов и т. д. Однако он не думает, что это давление окажется достаточно сильным, чтобы привести к такого рода действиям. Салазар заверил, что в случае такого нападения, как и в любом подобном случае, Португалия будет обороняться против любого агрессора всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Франко обещал оказать любую возможную помощь. Собеседники откровенно обсудили и опасность, угрожающую, по мнению испанцев, правительству Салазара в связи с происками англичан и коммунистов. Салазар признал наличие известной угрозы со стороны коммунистов, в связи с чем и были произведены в Португалии в последнее время аресты, прибавив при этом, что все же не видит с этой стороны никакой серьезной опасности. Но он решительно не согласился с утверждениями испанцев, что англичане пытаются его свергнуть. На возражение Серрано Суньера, что «англичане здесь, в Испании, совершенно открыто готовили революцию против существующего режима», Салазар удивленно заметил, что совсем недавно английский посол сэр Сэмюэль Хор «уверял его как раз в обратном».

Некоторое различие в оценках ситуации не помешало Франко и Салазару договориться об установлении более тесной связи «между испанской и португальской полицией и совместно следить за коммунистами и противниками правительства».

«Проанглийская» точка зрения Салазара и «прогерманская» — Франко наиболее отчетливо проявились, если верить Суньеру, в

отношении Германии. Это касалось и общеполитической концепции, и конкретных вопросов. На заявление Франко и Суньера, что «Испания тесно связана с Германией и Италией чувством благодарности и дружбы и что по этим, а также политическим причинам (так сказать, в силу инстинкта самосохранения от большевизма и от традиционных врагов Испании) последняя желает победы Германии, Салазар ответил, что не следует переоценивать опасности большевизма, так как Англия и США из эгоистических побуждений будут пытаться препятствовать его дальнейшему распространению». Салазар выразил уверенность, что «в случае победы англосаксов Германия всегда будет существовать в качестве известного бастиона».

Салазар опасался победы немцев и последующей германизации всей Европы, вследствие чего такие страны, как Португалия, потеряют свое самостоятельное лицо. Он опасался, что наступит день, когда Германия нападет на Испанию и Португалию и оккупирует их. Франко и Суньер весьма энергично пытались рассеять его сомнения. О мере искренности собеседников можно судить по тому, как Франко и Суньер ответили Салазару, когда тот осторожно осведомился о силе германского давления на Испанию с целью вовлечения ее в войну. Франко и Суньер заявили Салазару, что в «известный момент» Германия действительно «указала на желательность» военного сотрудничества с Испанией, но когда испанцы «попросили» Германию отказаться от своих намерений, последняя согласилась и «с тех пор никогда не проявляла настойчивости в этом вопросе». Салазар ответил буквально следующее: «Честное слово, я не верил этому и не считал это возможным»[196]. По возвращении в Мадрид, вечером 19 февраля, Суньер сразу же принял Шторера, опасаясь, как бы немцы не истолковали встречу, прошедшую в обстановке строгой секретности, как недружественный в отношении Германии акт. Суньер сообщил, что во время бесед, которые проходили по заранее намеченному плану, был поднят прежде всего вопрос об испано-португальских отношениях. «При этом испанцы заявили, что всякое нападение на европейскую португальскую территорию, а также и на острова, они вынуждены рассматривать как нападение на Испанию»[197], — доносил Шторер в Берлин сразу же после окончания беседы с Суньером. Речь Франко перед севильским гарнизоном успокоила Берлин.

2 марта 1942 г. Х. Бюксенштутс в «Deutsche Allgemeine Zeitung» опубликовал статью «Англия и США против Испании». В ней говорилось: «Национальная Испания уже давно оплачивает своей кровью право на участие в Новой Европе… Генерал Мильян Астрай подсчитал потери армии Франко в борьбе против

большевизма — 70 тыс. убитыми и 335 тыс. ранеными. И сегодня борьба «голубой дивизии» в рядах германской армии на полях Востока — вновь против большевизма. В своем великом докладе в Севилье генерал Франко вновь напомнил о связи между войной за независимость и европейской крусадой против большевизма, указав, что без победы Национальной Испании не было бы сегодня ни одного испанского добровольца в далеких степях Советского Союза. Богатством территорий Востока, которые будут использованы победившей Германией, Испания также сможет воспользоваться для своего экономического воскрешения».

Два дня спустя, 4 марта, Суньер встретился с американским временным поверенным в делах Булаком — речь шла о возобновлении поставок в Испанию жизненно важных для нее товаров. Булак выразил сожаление по поводу того, что Франко «счел необходимым произнести свою антикоммунистическую речь сразу после встречи с Салазаром». На что Суньер ответил: «Франко лишь точно выразил хорошо известное официальное отношение Испании к коммунизму. Испания рассматривает Германию как оплот против коммунизма. Если Франко сказал, что испанские добровольцы придут на помощь, если Германия будет терпеть поражения от русских, то это полностью и исключительно согласуется с испанской позицией в отношении коммунизма»[198]. Позднее Суньер разъяснил Булаку: «Ссылка на возможную испанскую помощь Германии была чисто теоретической, поскольку Испания уверена, что Германия победит русскую армию»[199].

Не изменил своей позиции Франко и летом 1942 г., когда Красная армия с тяжелыми боями и невосполнимыми потерями отступала к Волге. 17 июля в своей традиционной речи перед Национальным советом фаланги он выразил уверенность, что страны «оси» в скором времени сокрушат коммунизм: «В Европе существует только один опасный враг — коммунизм, и только одна система, способная его победить, — тоталитарный режим»[200].

Очевидцы событий, а вслед за ними и многие исследователи утверждали, что вплоть до осени 1942 г. внутреннее положение в стране занимало Франко гораздо больше, чем международные дела. По словам Хейса, «весна и лето 1942 г. были временем настоящей эпидемии студенческих бунтов, скандалов и уличных волнений, так что испанские тюрьмы начали пополняться не только одними «красными», но и ссорящимися «патриотами»»[201]. Обозреватель цюрихской газеты «Die Weltwoche», анализируя причины, по которым Испания до сих пор сохраняла нейтралитет, несмотря на открытое выражение

симпатий к державам «оси» со стороны руководителей страны, пришел к выводу о том, что для Испании вступление в войну едва ли возможно. И дело не только в медленно восстанавливавшейся экономике, которая лишь весьма приблизительно покрывала потребности собственного населения, сколько в политической неустойчивости режима. «Фаланга, которая претендует на то, чтобы быть носительницей политической мощи, имеет очень мало корней в народе, в то время как сам генерал Франко находит признание больше как военный деятель. Народ отвергает фалангу, члены которой имеют все необходимое, в то время как население нуждается. Между фалангой и рекете, которая является вторым правительственным компонентом, имеются значительные политические различия. Военные образуют третий правительственный компонент»[202]. Но интриг между группами и группировками внутри правящего лагеря было гораздо больше, чем это названо в статье швейцарского журналиста. В связи с заявлением о своем праве на престол дона Хуана, сына недавно умершего Альфонса XIII, вновь оживились никогда не прекращавшиеся старые распри между карлистами (традиционалистами) и альфонсистами, между монархистами-консерваторами и монархистами-прогрессистами. Внутри правящей партии никогда не прекращались разногласия между носителями монархистской и антимонархистской тенденций. Летом 1942 г. эти разногласия обострились в связи со слухами о готовящемся компромиссе Франко с монархистами. И когда в июне 1942 г. Суньер отправился в Италию, его визит к Муссолини всезнающая и всеведущая молва связала с обсуждением проблемы возможности восстановления испанской монархии. Шторер сообщил в своем донесении в Берлин 11 июня 1942 г.: «Сегодня уже весь Мадрид говорит о том, что испанский министр иностранных дел поехал в Италию, чтобы обсудить с итальянскими государственными деятелями вопрос о монархии…»[203]. Слухи подтвердились и на этот раз.

15 июня Суньер прибыл в Италию, 16-го — присутствовал на завтраке у короля, а 20-го был принят Муссолини. Как свидетельствует Чиано, во время встречи Суньера с Муссолини действительно обсуждался вопрос о монархии. Чиано записал в своем дневнике 20 июня: «Муссолини выразил враждебность к монархии как к потенциальному естественному врагу тоталитарных революций. Он полагал, что пройдет немного времени и в Испании у короля возникнет желание задушить фалангизм».

О монархии в те дни так много говорили в Испании, что этой теме Хейс посвятил свое донесение Рузвельту от 30 июня 1942 г.

В этом донесении Хейс выразил свою уверенность в том, что теперь уже не является первоочередным вопрос о вступлении Испании в войну или об активной помощи державам «оси». Первостепенным является вопрос о «внутреннем устройстве Испании в течение ближайших месяцев или лет». Он полагал, что, вероятнее всего, произойдет «реставрация монархии или путем военного переворота, или при помощи покровительства Франко. Восстановленная монархия будет едва ли не наверняка и более либеральной, и более дружественной к нашему делу»[204].

В том, что «реставрация монархии в Испании будет полезной союзникам в течение и после войны», был убежден и английский посол С. Хор, который во время первой же встречи с Хейсом просил его оказать поддержку монархистам.

Суньер во время визита к Муссолини утверждал, что Англия тратит 10 млн песет в месяц на британскую пропаганду в Испании[205]. Известная часть этих средств, возможно, шла на пропаганду идей реставрации монархии.

Но Франко не спешил выпускать власть из своих рук, и надежды на реставрацию монархии при покровительстве самого Франко были едва ли обоснованными. Скорее всего все эти разговоры в правительственных кругах были лишь очередным маневром, задуманным самим Франко в надежде снискать расположение Англии и США, маневром, который был составной частью его курса на постепенную внешнеполитическую переориентацию. Франко и его окружение отдавали себе отчет в том, что реставрация монархии и для монархической Англии, и для республиканской Америки представлялась наиболее приемлемым решением «испанской проблемы». И с фашизмом как будто будет покончено, и возрождения демократической республики, а возможно, и повторения событий 1936–1939 г. в каком-либо варианте удастся избежать. И хотя расставание с властью не входило в планы диктатора, однако, все эти толки вокруг проблемы реставрации встревожили экстремистов в фаланге, для которых нацистская Германия была образцом решения всех внутренних и внешних проблем и которые тем не менее, по словам Ридруехо, считали себя самой «революционной» группой в фаланге. «В этой группе господствовало представление о том, что все беды и недостатки в Испании, включая нищету и социальную несправедливость, происходят главным образом из-за подчинения англо-французской гегемонии», — отмечает Ридруехо, который сам когда-то в прошлом принадлежал к этой группе. С победой «оси» связывалось создание единой Европы, независимой и могучей, в которой Испания — не известно только каким образом — сможет играть важную роль»[206].

Именно с этой группой постоянно поддерживали тесную связь многочисленные агенты VI отдела Главного управления имперской безопасности, которые умело подогревали пронацистские настроения ее членов. Поскольку среди монархистов, как альфонсистов, так и традиционалистов, было много англофилов, это усиливало к ним ненависть и как к противникам «оси» со стороны фанатически преданных нацизму фалангистов-экстремистов.

Кризис достиг кульминационного пика в августе 1942 г. 14 августа на военного министра генерала Варелу — карлиста и, по твердому убеждению германских агентов, англофила — во время мессы в Бильбао в память павших во время гражданской войны традиционалистов было совершено покушение. Когда Варела выходил из церкви, на улице взорвалась бомба. Сам Варела остался жив, но несколько человек из окружения были убиты или ранены. Полицейское расследование обнаружило, что участники покушения принадлежали к фалангистской молодежной организации, и один или два из них были тесно связаны с Серрано Суньером. Прослеживалась связь и с германскими нацистами. Немедленно были введены новые строжайшие указания для цензуры, и в то время как испанское радио и пресса даже не касались покушения, слухи о нем, подобно лесному пожару, распространились по всей Испании[207]. Строились самые различные предположения о том, что же предпримет Франко? Даст ли отставку Серрано Суньеру и распустит фалангу, как того требовали традиционалисты? Или даст отставку Вареле и подвергнет репрессиям традиционалистов, как того требовали фалангисты? 27 августа Франко прервал свою традиционную поездку по провинциям и возвратился в Мадрид. Несмотря на поздний час, между Франко и его зятем состоялась беседа, о содержании которой можно только догадываться. На другой день три министра — генерал Варела, генерал Вигон и адмирал Морено — были вызваны в резиденцию Франко Эль Пардо, где пробыли довольно длительное время.

1 сентября был казнен организатор покушения. Серрано Суньер попытался его спасти, но безуспешно.

3 сентября в вечерних газетах было официально объявлено о частичной смене кабинета: министром иностранных дел был назначен монархист граф Франсиско Го-мес Хордана, министром внутренних дел — профессор Блас Перес, военным министром — генерал Асенсио. Серрано Суньеру была дана отставка.

«Тот «экзальтадо», который бросил бомбу в тогдашнего военного министра Варелу и затем за свой поступок был приговорен к смертной казни, сослужил плохую службу своему

делу», — комментировал события, приведшие к правительственному кризису, корреспондент швейцарской газеты «Faterland» в статье с примечательным названием «Останется ли старый курс?»[208]. Если иметь в виду коллег фалангистского террориста по партии, то нельзя с этим не согласиться — после окончания расследования обстоятельств покушения на Варелу новая волна чистки обрушилась на фалангу, дабы устранить и изолировать реальных и потенциальных заговорщиков. Но для самого Франко августовские события оказались весьма своевременными. Суньер был одиозной фигурой, ассоциировавшейся с открытой прогерманской линией внешней политики Испании, и Франко воспользовался его связями с заговорщиками, чтобы дать ему отставку. «Эра куньядисимо кончилась», — шептались в те дни в Мадриде. Строились различные предположения по поводу возможных изменений во внешнеполитическом и внутриполитическом курсе. Контролируемая правительством пресса была заполнена статьями, в которых с уверенностью утверждалось: никакой смены линии, никакого разрыва с прежними друзьями, никаких переходов в другую группировку держав. Частичная смена кабинета, уверяли испанские газеты, не означает разрыва ни с прежней внешнеполитической линией правительства, ни с проводившейся до сих пор линией активной борьбы с коммунизмом. Газета «Arriba» с негодованием писала о тех, кто «смеет говорить о смене правительства, в то время как в нашем отечестве есть только одно неизменное правительство: каудильо, генералиссимус армии и национальный шеф фаланги»[209].

Своеобразной реакцией на иное соотношение внешнеполитического «баланса сил» были всевозрастающие нападки представителей высшей церковной иерархии Испании на нацизм и идеологию тоталитаризма. Отношение к германским нацистам у высших прелатов испанской церкви было весьма сложное. Германский фашизм способствовал победе Франко, которому церковь была многим обязана: Франко отменил антиклерикальное законодательство периода Республики, восстановил религиозное обучение в школах, восстановил положение 1851 г. о пенсиях служителям культа, вернул церкви ее собственность и т. д. Им было известно резко отрицательное отношение к католицизму Гитлера и вслед за ним многих руководителей германского рейха. Им были известны заявления Гитлера, сделанные Суньеру, что «он в общем не вмешивается в дела церкви, но требует, однако, чтобы церковь в свою очередь не пыталась вторгаться в сферу государственной власти». Но до поры до времени католические прелаты считали нужным

сдерживать свое недоброжелательство к немцам, имея в виду общую направленность испанской внешней политики. С конца лета 1942 г. они, напротив, неоднократно демонстрировали свое негативное отношение к тем или иным аспектам нацистской идеологии. Незадолго до падения Суньера новый примас испанской церкви архиепископ Толедо Пла-и-Даниэль в беседе с американским послом сетовал на то, что при Суньере и его приближенном Хосе де Луна нацистское влияние привело к распространению расизма. В разное время Франко и франкисты выступали против евреев в той же мере, как и против масонов, либералов и коммунистов, но лишь как против иноверцев. Фаланга пыталась привить антисемитизм расистского толка, что, по мнению того же Пла-и-Даниэля, было чуждо испанскому народу. Пытаясь заслужить благоволение церкви, фалангистская пропаганда даже создала миф о Гитлере как о «великом католике», что вызвало гнев у церковников. Франко держался в стороне, не вмешиваясь в распри церкви и фаланги. В конце сентября 1942 г. с разрешения архиепископа Толедо в его официальном бюллетене была опубликована большая статья, подготовленная кардиналом Сегурой, в которой решительно осуждалась переведенная на испанский язык нацистская книга, излагающая доктрины расизма, принудительной стерилизации «неполноценных» народов и т. д.[210]

К этому времени предположение Франко, что война продлится долго, под влиянием исхода событий на Восточном фронте переросло в убеждение. И то, что на посту министра иностранных дел Испании фалангиста Суньера сменил монархист граф Гомес Хордана, пробританская ориентация которого была известна, не было случайностью. И хотя первым актом Хорданы как руководителя испанской дипломатии было совещание с послами Германии и Португалии, тем не менее назначение министром иностранных дел Хорданы некоторые сочли признаком возможных изменений во внешнеполитическом курсе Испании. Для демократической части лагеря противников «оси» шестидесятипятилетний Гомес Хордана был достаточно одиозной фигурой. Он был верховным комиссаром в Испанском Марокко в 1920 г., не впервые возглавлял министерство иностранных дел: в 20-е годы — на короткое время при монархии, а в 1938–1939 гг. — в правительстве Франко. Он не принадлежал к «старой» аристократии, графский титул был впервые получен его отцом, также генералом, в 1895 году за «заслуги» на Кубе. Его монархистские, традиционалистского толка убеждения были широко известны. Но в то же время весьма лестную характеристику ему давали как посол Великобритании С. Хор, так

и К. Хейс. Первая встреча Хейса и Хорданы произошла 8 сентября. По словам посла США, в ходе беседы «выяснилось горячее желание Хорданы улучшить отношения с США». Министр убеждал посла, что величайшим его желанием было сделать все, что в его власти, чтобы удержать Испанию от вступления в войну»[211].

Вскоре Мадриду представился удобный случай провести зондаж внешнеполитических намерений США не столько в отношении Испании, сколько в отношении держав «оси».

28 сентября личный представитель Рузвельта в Ватикане М. Тэйлор, возвращаясь из Рима в Вашингтон, прибыл в Мадрид. На следующий день он посетил папского нунция, присутствовал на обеде в американском посольстве, а 30 сентября намеревался вылететь в Лиссабон. На аэродроме Тэйлору сообщили, что полет отменяется. Вскоре стало известно, что его ожидает Франко. Но если для Тейлора приглашение в резиденцию Эль Пардо было неожиданностью, Франко, как свидетельствуют памятная записка «То, что следует знать господину Майрону Тэйлору» и «Проект конкретных предложений для переговоров Генералиссимуса с Майроном Тэйлором», тщательно заранее готовился к встрече. Суть высказываний Франко, которые намеренно облекались в парадоксальную форму, сводились к выяснению возможностей для Германии заключения сепаратного мира с Англией и США. Он пытался убедить собеседника, что мир может быть достигнут при условии, что ни одна из воюющих сторон не будет уничтожена: «Уничтожение одной или нескольких воюющих сторон приведет к израсходованию всех сил и будет означать для всех стран в будущем зло более тяжелое, чем сама война».

В течение почти полуторачасовой беседы, которую вели Франко и Тэйлор, а Хордана и Хейс только присутствовали при этом, диктатор отстаивал свою уже неоднократно высказываемую в публичных выступлениях позицию, заключавшуюся в том, что США ведут войну с Японией, совершенно отличную от европейской, что война в Европе представляет собой борьбу против коммунизма, и в этой борьбе США не приемлют никакого участия; что Гитлер как честный джентльмен не искал ссоры с Англией, да и теперь не посягает на ее независимость; что величайшим врагом Англии и Соединенных Штатов, так же как и Германии, Италии и всего христианского мира, является «варварская восточная коммунистическая Россия». Тэйлор не только не согласился с тезисом Франко, но и серией вопросов добился от него признания, что Соединенные Штаты ведут войну, в которой участвуют все державы «оси», а не только Япония, что Гитлер не уважает независимость народов и не намеревается уважать целостность Британской империи и что нацистская

Германия, а не коммунистическая Россия первой вступила на путь войны. Тэйлор дал понять, что США преследуют цель закончить войну победой[212].

Франко по-прежнему оказывал посильную поддержку Германии. В далекую Россию шли воинские эшелоны для пополнения «голубой дивизии», которая в это время была переброшена под Ленинград, где ей предстояло сыграть отведенную ей германским командованием роль в осеннем наступлении на Ленинград. В Германию шли эшелоны со стратегическим сырьем, американским бензином и аргентинской пшеницей. На испанских морских базах находили себе пристанище германские подводные лодки. Во славу германского капитала продолжал свою деятельность концерн Ровак-Софиндус. Испанские дипломаты и сам Франко выполняли «деликатные» поручения Берлина. Испанские газеты по-прежнему прославляли германское оружие. Однако в той двойной игре, которую франкистская Испания вела на протяжении Второй мировой войны, произошли определенные изменения. Эти изменения были еще очень незначительны, и официальные круги США и Англии пытались воздействовать на «маленького генерала» в надежде «умиротворить» его. С этой целью 28 августа 1942 г. по инициативе Рузвельта был принят план спасения и охраны произведений искусства, рукописей, литературы и знаменитых памятников архитектуры Испании с целью поощрения в будущем туризма из Западного полушария при непременном условии соблюдения испанским правительством строгого нейтралитета[213]. То было время, когда заканчивались последние приготовления к операции «Торч». Эта операция была задумана как замена открытия второго фронта в Европе высадкой в Северной Африке. Окончательное решение о высадке в Северной Африке было принято Англией и США еще 25 июля 1942 г. В течение августа-сентября были разработаны и уточнены детали будущей операции и, как свидетельствует У. Черчилль, «окончательное решение о проведении операции было принято 22 сентября на заседании начальников штабов… Дата операции «Торч» была назначена на 8 ноября»[214].

Мнения относительно позиции Испании в связи с операцией «Торч» разошлись. Самуэль Хор не сомневался в том, что Испания вступит в войну на стороне «оси». Черчилль колебался. В послании президенту Рузвельту от 26 августа 1942 г. он писал: «С моей точки зрения, было бы разумно предположить: а) что Испания не вступит в войну с Англией и Соединенными Штатами из-за «Торч»; б) что понадобится, по крайней мере, два месяца для того, чтобы немцы смогли проникнуть через Испанию или

добиться у нее каких-либо баз…»[215]. Две недели спустя его уверенность поколебалась: по его собственному признанию, его «беспокоила Испания». В послании бригадиру Хиллису для комитета начальников штабов он писал 16 сентября 1942 г.: «Нам придется очень пристально следить за реакцией Испании на подготовку «Торч», которая станет очевидной в Гибралтаре… Что произойдет, если приблизительно за две недели до даты «Торч» немцы окажут нажим на Испанию, потребуют объяснений по поводу этой подготовки и заставят очистить нейтральную полосу либо разрешить им использовать аэродромы Валенсии для своих самолетов? Какова возможная испанская реакция на этот нажим и какой должна быть наша позиция? Нам, возможно, придется столкнуться с Франко по этому поводу в самый неблагоприятный момент. Я думаю, что нам следует подготовить планы на этот счет»[216].

В послании к государственному секретарю Хэллу от 9 октября 1942 г. он советовал не вступать на испанскую территорию, если только сама Испания или страны «оси» не вынудят к этому. Вторжение на территорию Испании могло, по мнению Хейса, привести к вступлению Испании в войну на стороне «оси», что создаст дополнительные трудности для союзников, к тому же будет нанесен моральный ущерб позиции США[217].

В результате изучения положения в Испании Хейс пришел к выводу, что в том случае, если вооруженные силы Объединенных Наций после высадки во Французском Марокко не нарушат неприкосновенности испанской территории, «Испания, возможно, останется нейтральной и даже может склониться к тому, чтобы выступить на нашей стороне»[218]. Рузвельт не разделял оптимизма своего посла, так же как и командующий силами союзников генерал Эйзенхауэр, который в сентябре 1942 г. в одном из своих донесений в Вашингтон писал, что, если Испания вступит в войну на этой стадии, последствия будут «очень серьезными».

3 сентября 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Как мы с вами решили уже давно… вы (т. е. англичане. — С. Я.) должны будете заниматься положением в Испании»[219]. 11 октября Хейс получил указание сообщить Франко, что «желание Испании остаться в стороне от войны находит полное признание в Соединенных Штатах». 30 октября Хордана сообщил Хейсу, что аналогичные заверения по указанию своего правительства сделал и С. Хор.

В вербальной ноте, переданной Хором 8 ноября 1942 г., британское правительство заверяло, что операция, осуществляемая в настоящее время в Северной Африке, «никоим образом не угрожает интересам Испании… Правительство Его

Величества полностью разделяет желание испанского правительства уберечь Иберийский полуостров от разрушений, причиняемых войной, и желает, чтобы Испания имела все возможности восстановить силы и преодолеть разруху как следствие гражданской войны и занять достойное место в будущей Европе»[220].

Опасения Рузвельта в связи с возможным вступлением Испании в войну были так велики, что накануне высадки англо-американских войск в Северной Африке он счел необходимым направить личное послание Франко. Посол К. Хейс получил инструкцию, не мешкая, передать письмо Франко.

В час ночи в субботу, 8 ноября, Хейс позвонил по телефону Хордане и попросил немедленно принять его. Хордана встретил посла в пижаме и был очень встревожен. Хейс заявил о своем желании немедленно встретиться с Франко для передачи срочного послания президента Рузвельта. После безуспешных попыток в течение получаса связаться по телефону с Эль Пардо, загородной резиденцией Франко, Хордане ответили, что Франко нет во дворце, что он охотится и вернется только утром. После длительных уговоров Хейс все-таки показал письмо Рузвельта Хордане. Тон послания Рузвельта был необычайно любезным: «Поскольку Ваш народ и мой — друзья в самом лучшем смысле этого слова и поскольку я искренне желаю продолжения этой дружбы к нашей взаимной выгоде, я хочу очень просто рассказать Вам о причинах, заставивших меня отдать приказ американским вооруженным силам высадиться во французских владениях в Северной Африке». Рузвельт сообщил об имеющейся у него точной информации относительно намерения Германии и Италии захватить французскую Северную Африку. «С Вашим обширным военным опытом Вы должны ясно представить, что в интересах обороны Северной и Южной Америки необходимо безотлагательно принять меры для предупреждения захвата державами «оси» французской Африки», — льстил президент. Он заверил Франко, что эти действия никоим образом «не направлены ни против правительства или народа Испании, ни против Испанского Марокко и испанских территорий — метрополии или заморских территорий». В заключение президент выразил надежду, что «испанское правительство и испанский народ желают сохранить нейтралитет и остаться в стороне от войны. Испании ничто не грозит со стороны Объединенных Наций»[221]. Когда Хордана прочел послание Рузвельта, он вздохнул с облегчением: «Итак, Испания не будет втянута»[222]. По-видимому, в условиях, когда на Западе начинают развертываться активные боевые действия, он ожидал худшего.

В тот же день Хордана сообщил Штореру: «Посол США в Мадриде передал Его высокопревосходительству каудильо послание президента Рузвельта. Испанское правительство максимально срочно желает знать точку зрения правительства Германии»[223].

Германия отреагировала тотчас же: возобновились переговоры о поставках оружия, прерванные в начале сентября, хотя в Берлине и имелись весьма серьезные сомнения в том, что Испания желает бороться против «западных» врагов Германии.

Позиция Испании в эти тревожные дни не всегда была понятна даже ее представителям за рубежом. Некоторые из них обращались в Мадрид за разъяснением. Приходилось отвечать. Образцом такого ответа может служить послание 27 ноября 1942 г. министра иностранных дел послу Испании в Лондоне герцогу Альбе, в котором Хордана обращал внимание на улучшение отношений с англосаксонскими странами, подчеркнув при этом, что переговоры с ними идут «под высшим руководством генералиссимуса во исполнение его идей».

Хордана категорически отвергал всякую возможность вывода «голубой дивизии» с Восточного фронта: «Когда думают, что мы находимся в большей степени на стороне «оси», чем на стороне англосаксов, то необходимо разъяснить, что мы не столько с «осью», сколько против коммунизма. Невозможно, чтобы тот, кто действительно знает, чем была красная зона в нашей гражданской войне, не понимал, что быть врагом коммунизма и воевать с ним там, где можно, — жизненный вопрос для Испании».

Хордана нарисовал благостную картину положения в Испании, которая «медленно, но верно возвращается к нормальной жизни после нашей гражданской войны. Сегодня наша экономика развивается, наша промышленность функционирует и производит больше, чем когда-либо, происходит феномен адаптации к автаркии, замещая бесчисленное количество продуктов на другие, которые раньше импортировались и теперь производятся в нашей стране».

Что же касается реставрации монархии, о которой так много говорят в Англии, то «это зависит от нашего свободного режима и нашего суверенитета». И тут же в противоречие этому тезису: «Решение принадлежит исключительно главе государства генералиссимусу Франко». Иными словами, для монархиста графа Хорданы Франко — воплощение суверенитета[224].

1943 г. принес новые тревоги Мадриду: близилось завершение Сталинградской битвы с трагическим для Берлина результатом. 3 февраля Франко встретился с С. Хором и сказал

ему, в частности, следующее: «Я считаю роковой ошибкой Англии то, что она продолжает поддерживать Советскую Россию… По одному моему чувству солидарности с Европой я полагаю, что единственно правильным было бы, если бы Англия своевременно вступила бы на путь компромиссного мира с Германией»[225].

Вскоре после победы Красной армии под Сталинградом, 21 февраля 1943 г. правительство Испании, которое возглавлял, как известно, сам Франко, будучи одновременно и главой государства, направило послу Великобритании С. Хору меморандум, в котором говорилось: «Наша тревога в связи с русским наступлением разделяется не только нейтральными государствами, но и всеми людьми в Европе, которые не утратили чувства опасности. Коммунизм и является той чудовищной опасностью для мира, особенно сейчас, когда он опирается на победоносные армии великой державы. Все, кто не ослеп, должен проснуться…

Если Россия выйдет победительницей в войне, мы убеждены, что сама Англия присоединится к нам… Мы, которые не вступили и не хотим вступать в войну, можем видеть события с большей беспристрастностью. Если ход войны не претерпит изменения, очевидно, что русские войска глубоко проникнут на территорию Германии. Если это произойдет, не будет ли огромной опасностью для континента и самой Англии советизированная Германия, которая предоставит России свои секреты и военное производство, своих инженеров, своих техников и специалистов, обеспечив создание фантастической империи, от Атлантики до Тихого океана… Кто в центре Европы, в этой мозаике наций и рас, без твердости и единства, обескровленной войной и истощенной оккупацией, может сдерживать амбиции Сталина? Очевидно, никто»[226].

В своем ответе 25 февраля Хор постарался успокоить правительство Испании: «Есть ли хоть одна нация, способная доминировать в Европе после войны? Россия в ближайшее время будет нуждаться в масштабном восстановлении и будет зависеть от поставок и помощи Британской империи и США. Кроме того, война не будет выиграна так, чтобы одна из держав преобладала над всеми. Военные усилия будут общими и победа будет делом всех союзников.

Возможная ситуация по окончании войны будет следующая: великие армии американцев и англичан займут Европейский континент. Наши армии будут снабжены лучшим вооружением всех классов. Они будут сформированы свежими силами, а не истрепанными и усталыми, как русская армия… Я не принимаю тезис о существовании русской опасности для Европы в

послевоенное время. Я не могу также согласиться с тем, что Россия после окончания войны устремится к собственной антиевропейской политике»[227].

Эти документы Главное управление внешней политики испанского МИД передало директору департамента американской политики того же МИД пять лет спустя, 11 марта 1948 г. То было время, когда Испания активно боролась против режима изоляции. В мире уже ощущалось дыхание «холодной войны». Кто был прав в своем прогнозе? В Мадриде полагали, что Испания, иначе говоря, правительство, возглавляемое Франко.

Отзыв «голубой дивизии»

16 апреля 1943 г. посол в Париже Х. Лекерика приложил к своему очередному посланию обзор прессы, посвященной декларации М. Литвинова, посла СССР в Вашингтоне, в связи с вручением им верительных грамот в Гаване в качестве посланника, заявившего, что «Россия рассматривает себя в состоянии войны с Испанией». То же самое сообщил и генконсул в Стамбуле А. Гильон. Ссылаясь на прессу Гаваны, он доносил, что посол Литвинов заявил журналистам, что «СССР реально находится в состоянии войны с Испанией, т. к. эта страна послала армейскую дивизию, которая вторглась в Россию»[228].

Вряд ли это заявление было инициативой самого Литвинова — полномочия посланника не допускали этого. Скорее всего это был тот аргумент, который мог побудить Мадрид совершить то, на чем уже давно настаивали С. Хор и К. Хейс: вывод «голубой дивизии».

30 апреля 1943 г., в полдень, в бывшем королевском дворце Франко принимал верительные грамоты от нового германского посла Генриха Дикгофа.

Прием проходил, как заметил Дикгоф, «с принятой здесь кастильско-африканской помпой». Глава государства, как всегда, начал с послом длительный разговор. Кроме посла и Франко присутствовал Хордана, который ни разу не вмешался в беседу. Говорил только Франко. По своему обыкновению, в начале беседы Франко «подчеркнул общую установку борьбы против большевизма и подробно говорил о грандиозной борьбе Германии на Восточном фронте». Замечание посла об активном участии «голубой дивизии» Франко принял с заметным удовлетворением. Однако при анализе внешних событий пессимистические воззрения главы испанского государства отчетливо дали о себе знать: «Бросалось в глаза, что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов; он неоднократно говорил об огромных пространствах и о массе людей, и вообще в его рассуждениях нельзя было не слышать скептической ноты. Характерно его неоднократное подчеркивание того, что силы обеих воюющих сторон находятся приблизительно в равновесии и что касается наших противников, то надо считаться даже с возрастанием их силы». Франко, по словам Дикгофа, «не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка». Присутствие крупных английских и американских сил в Северной Африке и в Средиземном море, по мнению посла, способствовало «усилению имеющейся уже осторожности» и даже «боязливости»

каудильо[229].

Пессимизм Франко не повлек окончательного отхода Испании от прогерманской линии во внешней политике, а опасения за неблагоприятный для Германии исход войны лишь укрепили его желание расколоть антигитлеровскую коалицию неустанными напоминаниями об угрозе коммунизма.

Франко не мог не знать, что в Испании отношение к участию «голубой дивизии» было далеко не однозначно. Х. Барт, бывший, по мнению Р. Гарриги, одним из лучших обозревателей Берлина в Испании, с горечью говорил в те дни последнему: «Те, кто судит об Испании по воздвигнутому вами фасаду, поверит, что вся страна — фалангистская и истовый друг нации. — Но хороший наблюдатель, который ищет то, что скрыто за фасадом, отдает себе отчет в том, что реальная Испания, Испания промышленников и коммерсантов, крестьян и рабочих, священников и генералов, эта Испания не испытывает к нам симпатий, потому что возлагает на Берлин вину за то, что он способствовал победе и утверждению всех фалангистских элементов, которые дезорганизовали страну»[230].

К тому же опросы вернувшихся из России солдат и офицеров не могли не наводить на размышления, далекие от того восторженного настроения, с которым провожали первые эшелоны дивизии в июле-августе 1941 г. Представление о настроениях, разделяемых многими в «голубой дивизии» в конце 1942–1943 гг., дают показания военнопленных и перебежчиков.

28 августа 1943 г. лондонское радио одну из своих передач посвятило Испании: «Генерал Франко изучает документацию, переданную сэром Самуэлем Хором от имени Британского правительства». Что же содержалось в этой «документации»?

«Английская сторона подтверждает, что Англия не против предложений сохранить Франко у власти. Хотела бы только:

1. Чтобы Испания выступила с новой декларацией о нейтралитете.
2. Чтобы перестала посылать войска на русский фронт.
3. Чтобы испанские войска оставили Танжер.
4. Чтобы испанское правительство не только успешно продвигалось вперед к Объединенным нациям, но и постепенно направлялось к либеральному режиму.
5. Чтобы пришла к нейтрализации фаланги.

Особое недовольство вызывало присутствие в России «голубой дивизии». Это означает, что «испанцы воюют против наших русских союзников на Восточном фронте. Возвращение дивизии будет дипломатическим жестом огромного значения»[231].

«Офицеры и солдаты пали духом» — эти слова бывшего солдата 263-го полка, захваченного в плен 5 февраля 1943 г., звучат, как рефрен, в показаниях военнопленных и перебежчиков. Солдаты пассивно настроены к продолжению войны, утверждал перебежчик — солдат 269-го полка. У солдат нет ни духа, ни здоровья. Даже у солдат отдельной лыжной роты, в большинстве своем состоявшей из фалангистов и ветеранов, по словам солдата, перешедшего на сторону Красной Армии 16 января 1943 г., пропало желание воевать, так как они очень устали от войны.

Война против Советского Союза и служба в «голубой дивизии» оказались совсем не такими, как представляли в завлекающих россказнях щедрые на посулы вербовщики. Солдаты в большинстве своем воевать не хотят, устали от войны и ее ужасов, утверждал солдат 262-го полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 г. Капрал-фуражир 262-го пехотного полка 23 января 1943 г. записал в своем дневнике: «В дивизии имеются и такие, для которых русская авантюра (участие в войне против СССР. — *С. П.*) привела к разочарованию в жизни, и они часто жалуются на ошибку, ими совершенную. Не преувеличивая, могу сказать, что у меня, вероятно, больше, чем у кого бы то ни было, оснований для того, чтобы проклясть тот день, когда мне пришла в голову мысль поехать на родину Достоевского. Россия всегда будет для меня во многих отношениях великим укором жизни».

«Война солдатам надоела, многие не желают воевать, так как считают себя обманутыми. Их приглашали нести охрану и оборону на тихих участках у рек и озер, а они оказались на самом активном участке военных действий», — возмущался сержант, взятый в плен 10 февраля 1943 г. «Солдаты считают себя обманутыми. При вербовке от них скрыли истину о русских, утверждая, что Россия — пустое пространство, технически отсталая страна и какого-либо сопротивления войскам другой страны оказать не может», — с запоздалым прозрением сетовал бывший солдат 269-го пехотного полка, взятый в плен разведгруппой 26 января 1943 г. По его словам, испанские солдаты теперь очень высокого мнения о русской военной технике и стойкости красноармейцев. Перебежчик, солдат 262-го полка, говорил, что его товарищи, которых он знает еще по 18-му маршевому батальону, убеждены, что «немцам в России не победить».

Но в «голубой дивизии» было немало солдат, о настроениях которых перебежчик, солдат 269-го полка, говорил так: «Вообще же солдаты о войне и ее перспективах задумываются мало, так как сильно перегружены работой».

Многие перебежчики и военнопленные утверждали, что в дивизии очень сильны антигерманские настроения. Солдат 269-го полка рассказывал, что «он и несколько его товарищей в конце декабря (1942 г. — *С. П.*) были свидетелями того, как немецкий капитан, начхоз, жестоко избивал солдата-испанца Бермудоса за то, что он, придя в баню, вошел в раздевалку, а не захотел подождать на улице: в бане в это время мылись немцы. Бермудос был фалангистом…». Солдат отдельной роты лыжников, перешедший линию фронта 16 января 1943 г., сообщил, что солдаты его роты, в большинстве своем фалангисты, «очень злы на немцев за то, что они испанцев и других солдат вассальных стран ставят под удар, посылая их на передний край, в то время как свои войска оставляют на второй линии».

По словам военнопленного, солдата 269-го полка, захваченного разведгруппой 26 января 1943 г. в районе совхоза «Пушкинский» (он утверждал, что в прошлом был членом НКТ), «солдаты… считают себя обманутыми в отношении того, что им обещали при вербовке на военную службу. Вместо обещанного союза с Германией существует дикий антагонизм между испанцами и немцами».

По словам перебежчика, солдата 269-го полка, при встрече немецких солдат с испанскими затевается драка, подчас даже без всякого повода.

Да, было за что злобиться на немцев — война против Советского Союза требовала повседневно громадных жертв и тяжких лишений. «Жизнь в окопах — поистине ад. Метели и вьюги беспрерывно следуют друг за другом, и помимо того времени, которое солдатам приходится стоять на посту, работа по очистке траншей непрерывна. Длительность русской ночи занимает три четверти суток. Добавьте к этому, что категорически запрещалось ночью спать, и вы получите приблизительно представление о жизни солдата в России зимой. Говорю приблизительно потому, что в моем дневнике я не говорю о постоянной опасности, которая подстерегает в каждом уголке окопа или землянки, об отвратительной грязи, к которой в конце концов привыкает даже самый утонченный сибарит».

Как правило, испанские солдаты очень редко жаловались на плохое питание. Это не удивительно: солдаты «голубой дивизии» питались лучше немцев, то есть регулярно получали дополнительные продукты из Испании, а время от времени и посылки в качестве подарка. На рождество (декабрь 1942 г.) каждый солдат получил подарок — посылку весом 9–10 кг. В посылке было 2 бутылки коньяку, конфеты, шоколад, колбаса, папиросы, табак, свитер, носовые платки, перчатки. По словам

перебежчика, солдата 269-го полка, посылки боевого энтузиазма у солдат не вызывали. Многие солдаты объелись и заболели[232].

Американский историк Дж. Хиллс много лет спустя после окончания Второй мировой войны произвел опрос бывших участников «голубой дивизии», живущих в Испании: «Я во время своего опроса не встретил ни одного человека, который не признался бы, что вначале был добровольцем, — пишет Дж. Хиллс. — Как и у всех добровольцев, мотивы, побудившие их к этому шагу, были различными: одни надеялись получить большие деньги, другие, — что на русском фронте они будут лучше питаться, чем в Испании; были и такие, которые искали смерть или славу, некоторые были германофилы и еще в большей степени антикоммунисты. Среди бывших членов «голубой дивизии» я встречал и таких, кто был настроен пробритански в такой же степени, как и антисоветски… Некоторые добровольцы раскаялись в своем решении; иные утратили иллюзии, другие выражали удивление, как им вообще пришла в голову мысль стать добровольцами…»[233]. Многое в настроениях бывших участников «голубой дивизии», опрошенных Хиллсом, совпадает с материалами опросов перебежчиков и военнопленных. Не совпадают только сведения о политической позиции экс-добровольцев. Но это вполне объяснимо.

О постепенной эволюции сознания даже тех, кто считался «опорой» франкистского режима, свидетельствует книга бывшего члена Национального совета фаланги Дионисио Ридруехо «Письма в Испанию»: «Для меня 1940–1941 гг. были самыми противоречивыми, душераздирающими и критическими в моей жизни… К моему счастью, у меня открылись глаза, — я пошел добровольцем воевать в Россию. Я выехал из Испании твердокаменным интервенционистом, обремененным всеми возможными националистическими предрассудками. Я был убежден, что фашизму суждено стать самым целесообразным образцом для Европы, что советская революция была «архиврагом», которого нужно уничтожить или, по крайней мере, заставить капитулировать…»

Стоило ему попасть на фронт и провести несколько месяцев, как настроение автора резко изменилось. Он продолжает: «В моей жизни русская кампания сыграла положительную роль. У меня не только не осталось ненависти, но я испытывал все нарастающее чувство привязанности к народу и земле русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства, что и я… Короче говоря, я вернулся из России, очищенным от скверны, свободным поступать по велению своей совести…»[234].

Прозрение Ридруехо было вознаграждено испанскими

властями. Он с тех пор жил в Испании под строгим политическим надзором, изгнанником в родной стране. А радио Испании каждое утро передавало официальный гимн, слова которого в годы юности написал поэт Ридруехо…

Хотя многие жаловались на отсутствие регулярной информации, кое-какие сведения все же просачивались сквозь цензурные препоны. «Исключительно важным мне представляется краткая и лаконичная сводка Верховного командования, которая признает прорыв фронта южнее Сталинграда. Но этому здесь едва ли придают даже второстепенное значение, хотя этот факт представляется мне весьма симптоматичным. Такова уверенность испанского солдата в исходе войны»[235], — с горечью отмечал 7 декабря 1942 г. в своем дневнике капрал-фуражир 262-го пехотного полка. Как не вспомнить в этой связи клятву молодого фалангиста: «Обещаю отвергать и игнорировать голос, который может ослабить дух нашей фаланги, будь то голос друга или голос врага».

Впрочем, командование «голубой дивизии» смотрело на события с большой степенью трезвости: «Мы жили в это время ожиданием предстоящего наступления на Ленинград… — писал в своих мемуарах командир дивизии генерал Эстебан Инфантес. — Уверенные в победе, мы с нетерпением ожидали начала предстоящей операции, но вдруг поступили первые сообщения о сражении под Сталинградом! Как только мы осознали поражение немцев и увидели, что германские войска уходят с нашего участка фронта на юг, мы поняли, что ход войны изменился, и мы наступать не будем… Сперва ушли подразделения тяжелой артиллерии, затем пехотные дивизии, транспортные средства и др. На нашем участке фронта остались только дивизии, предназначенные для обороны»[236].

«Мы» — означает командование дивизии, высшие офицеры, специальная подготовка которых и общий уровень образования были значительно выше уровня основной солдатской массы. Но какие бы ни были сомнения у офицеров, перед строем рядовых они охрипшими, срывающимися голосами говорили, что при всех условиях «Германия выиграет войну».

Вот страницы уже цитировавшегося дневника: «…Холодные и неспокойные ночи… В окопах тревоги беспрерывны, и принимаются всякого рода меры, чтобы предупредить сюрприз русских. Ночью, когда я наконец заснул, несмотря на разрывы русских снарядов, авиабомбы упали так близко от моего дома, что, выскочив на улицу, я увидел, что исчезла крыша помещения, в котором находились запасы боеприпасов нашей дивизии… Остается несомненным, что легкие и громкие триумфы достаются

все труднее… В дивизии по-прежнему царит нервное предчувствие грядущих неизбежных атак. Сегодня (27 декабря), например, пронеслись слухи о довольно важных военных операциях, которые якобы должны скоро начаться.

Никто не знает, кто будет атаковать первым, но, по всей вероятности, наши военные приготовления имеют цель сдержать русское наступление, а затем ответить мощной атакой на одном из флангов дивизии…».

Январские записи 1943 г. свидетельствуют о нараставшем с каждым днем напряжении. «Тревоги в секторе дивизии, можно сказать, стали постоянными. Это война нервов, которая изматывает даже наиболее крепких людей. Часы неописуемого напряжения с вечно натянутыми нервами в ожидании противника, лучший союзник которого — внезапность. Но русские не атакуют испанцев. Страх? Простая случайность. Время — высший судья, расшифрует тайну неподвижности нашей дивизии… Сейчас остались позади мирные дни у Ильменского озера. Война начинает становиться жуткой реальностью; в шуме и грохоте сражений на обоих флангах дивизии война становится с каждым днем все более ожесточенной, неумолимо приближая час великих решений»[237].

Тревожные ожидания оправдались. Утром 12 января 1943 г. артиллерия и авиация Волховского и Ленинградского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили на позиции врага лавину стали и огня. Началось наступление советских войск. А уже к 18 января командующий немецкой 18-й армией генерал-полковник Линдеман вынужден был отдать приказ о том, чтобы каждая дивизия его армии на других участках выделила для закрытия прорыва по одному пехотному батальону или артиллерийской батарее. Командование «голубой дивизии» послало в район Мги 2-й батальон 269-го полка, который считался одним из лучших и наиболее боеспособных в дивизии.

В феврале 1943 г. настала очередь и для всей дивизии. 10 февраля войска 55-й армии нанесли удар по врагу из района Колпино на Красный Бор. К 12 часам дня Красный Бор был освобожден. По словам перебежчика, солдата 263-го полка, удар, нанесенный советскими войсками 10 февраля в районе Красного Бора, произвел на испанцев удручающее впечатление. Военнопленный, солдат 262-го полка, взятый в плен 3 марта в районе Путролово, рассказал, что «последние бои были сильнейшим испытанием для испанцев, они понесли колоссальные потери, были уничтожены целые батальоны…». Война, и особенно последние бои, по словам пленного, сурово отразилась на сознании даже солдат-фалангистов, фанатически

верящих в силу Германии. В результате боев на Колпинском участке фронта 262-й полк, понесший особенно большие потери, был с линии фронта снят и отведен на укомплектование. «На следующий день (И февраля. — *С. П.*) бои разгорелись с новой силой. Противник спешно подтянул к Красному Бору резервы. Наше наступление замедлилось»[238], — за этими лаконичными строками, которые авторы исторического очерка, посвященного Ленинградскому военному округу, уделили февральским боям в районе Красного Бора, стоит, по существу, разгром «голубой дивизии». После боев под Красным Бором от дивизии осталось меньше половины ее состава. Но зато ленинградцам осталась от дивизии память особого рода. Вот что записал в своем дневнике год спустя писатель Л. Лукницкий, увидевший город Пушкин сразу после его освобождения: «Длинный флигель Циркумконференции завален навозом, двери из комнат в коридор вырваны, в каждой из комнат — стойло ддя лошадей. Это сюда указывала стрелка у Третьего пруда, на которой написано по-испански «Caballos alpaso» и намалевано изображение лошади. Бродяги из испанской эсэсовской «голубой дивизии» устроили здесь конюшни!» Близ Павловска — новые следы «голубой дивизии»: «На одном из уцелевших каменных домов на Слуцком шоссе черными буквами размашисто намалевано: «Villa Asturias». Здесь происходили оргии фашистских молодчиков Франко, который напрасно старается уверить цивилизованный мир в том, что Испания не имеет никакого отношения к Восточному фронту»[239].

Серьезные потери «голубой дивизии» во время зимнего наступления Красной армии на Ленинградском фронте еще больше сгустили атмосферу пессимизма в Мадриде, вызванную итогами Сталинградской битвы.

Всего лишь за год до этого, 9 июня 1942 г., между Франко и новым послом США в Испании К. Хейсом после вручения верительных грамот состоялась примечательная беседа (кроме Франко присутствовали Суньер и официальный переводчик барон де ла Торрес). Хейс спросил, может ли Франко спокойно относиться к такой перспективе, как господство на всем континенте нацистской Германии с ее фанатическим расизмом и антихристианским язычеством. Франко ответил, что это не совсем приятная перспектива для него самого и для Испании, но он надеется, что Германия сможет пойти на какие-то уступки западным державам и установить какого-либо вида «баланс сил» в Европе. «Франко настаивал, что опасность для Европы и Испании исходит не столько от нацистской Германии, сколько от русского коммунизма. Испания не столько желает победы «оси»,

сколько поражения России»[240]. Статус «невоюющей стороны», разъяснил Франко, означает, что Испания не является нейтральной в борьбе против коммунизма, прежде всего в войне между Германией и Советским Союзом, с другой стороны, Испания не принимает участия в конфликте между «осью» и западными державами. Испания, по его словам, не питает вражды к США.

За год многое изменилось…

29 июля 1943 г. в своей резиденции Эль Пардо Франко принял К. Хейса по его просьбе. На беседе присутствовали министр иностранных дел граф Хордана и барон де ла Торрес. В конце беседы Хейс заявил, что «испанское правительство должно отозвать свою «голубую дивизию» из германской армии, воюющей в России». Хейс напомнил, что в 1939–1940 гг. не было никакой «голубой дивизии», она была создана только после того, как Германия напала на Россию. Отсюда складывается впечатление, что Испания больше заинтересована в оказании военной помощи Германии, хотя бы символически, чем в борьбе с коммунизмом.

Когда Германия напала на Польшу, продолжал Франко, он и «все испанцы» симпатизировали католической Польше. Затем, когда началась советско-финская война, Франко изучал возможности посылки дивизии испанских добровольцев на помощь Финляндии и только недостаток вооружения и транспортных средств помешали ему это сделать. Наконец, когда Германия и Россия вступили в борьбу, возникла практическая возможность посылки испанских добровольцев на Восточный фронт. По мнению Франко, это не было актом помощи Германии в борьбе против союзников, а выражало враждебность Испании к коммунизму.

Хейс отметил, что не Россия напала на Германию, а Германия на Россию, и если у каудильо вызывало протест русское вмешательство в Испании, то как он может признать справедливой испанскую интервенцию в Россию? И что произойдет, если Советский Союз объявит войну Испании?

Франко сказал, что положение изменилось с тех пор, как «голубая дивизия» впервые появилась на Восточном фронте. Вступили в войну Соединенные Штаты. «Было бы полезно, — прибавил он, — оставлять некоторое количество испанских солдат и офицеров на Восточном фронте для сбора информации о том, что происходит на фронте и в самой Германии». Последний довод чрезвычайно удивил Хейса. Он лишь заметил, что всю эту информацию можно получить через испанского военного атташе в Берлине и только для этого не стоит держать целую дивизию на Восточном фронте[241]. Франко удивил Хейса тем спокойствием, с

которым он отвечал. Каудильо для начала обратился к истории в том виде, в каком он ее понимал, и повторил свой излюбленный миф о «вмешательстве русских агентов» в период испанской гражданской войны, чем и объяснил свое присоединение к Антикоминтерновскому пакту. Далее он подробно перечислил все случаи своих «расхождений» с Германией. Он напомнил о протесте Гитлеру, который, по мнению Франко, грубо нарушил Антикоминтерновский пакт в августе 1939 года.

7 августа Хейс вновь встретился с Хорданой. Хордана сообщил Хейсу, что вскоре после беседы 29 июля Франко созвал заседание Высшего военного совета, на котором присутствовали министры всех трех видов вооруженных сил и начальник штаба; было принято решение о постепенном возвращении частей дивизии. Сам Хордана, по его словам, всегда считал посылку «голубой дивизии» в Россию ошибкой[242].

20 августа накануне своего отъезда в Англию английский посол С. Хор встретился с Франко. Франко сокрушался по поводу захвата Филиппин Японией, но больше всего, по словам Хора, его пугала перспектива освобождения русскими Европы. Хор, в свою очередь, пожаловался на испанскую прессу, на антисоюзнические действия, на нарушение Испанией нейтралитета и в самом конце беседы посетовал на пребывание в России «голубой дивизии»[243]. Беседа с Франко внесла успокоение в его душу, и он отбыл в Англию весьма довольный своей деятельностью. Тотчас же по прибытии Хора в Англию, «Би-Би-Си», английские и американские газеты сообщили читателям, что британский посол добился согласия на вывод «голубой дивизии».

Однако публикация материалов о предстоящем выводе «голубой дивизии» вызвала раздражение в Мадриде. 26 августа Хордана сообщил Хейсу, что от германского посла получен энергичный протест, и это отнюдь не способствует преодолению практических трудностей, связанных с выводом «голубой дивизии» из германских траншей и возвращением ее через Германию. Более того, по мнению Хорданы, сам факт возвращения «голубой дивизии» мало что даст Испании, если он будет рассматриваться не как добровольный шаг испанского правительства, а как результат давления английского посла[244]. Не мог простить Хору и Хейс, который считал, что впервые протест со стороны союзников против пребывания испанских добровольцев на Восточном фронте был выражен им в беседе с Франко 29 июля 1943 г.

10 октября во время ежегодного приема в честь открытия Колумбом Америки, так называемого Дня расы, Франко публично объявил о переходе от статуса «невоюющей стороны» к

нейтралитету. 12 октября последовал приказ о возвращении «голубой дивизии» с Восточного фронта как подтверждение твердого намерения Мадрида придерживаться строгого нейтралитета.

15 октября английский военный атташе получил сообщение от начальника испанского генерального штаба о достижении соглашения с Германией о возвращении дивизии. Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября; к 20-м числам она была снята с фронта и временно отведена в район Нарвы, а затем — в район Кенигсберга. Хордана уверил Хейса, что заканчиваются последние приготовления к транспортировке дивизии, и ее возвращение в Испанию будет осуществлено как можно быстрее. Первые 600 солдат и офицеров «голубой дивизии» прибыли в конце октября в Сан-Себастьян.

Двумя неделями позже американский военный атташе сообщил, что, по весьма надежным сведениям, 4 тыс. солдат и офицеров из общего числа 12 тыс. прибыли на родину, а остальные должны возвратиться в течение ближайших недель, и что все слухи о новом наборе в дивизию неоправданны[245]. А 5 декабря 1943 г. агентство Рейтер передало, что с конца октября около 8 тыс. солдат «голубой дивизии» вернулись в Испанию. Пункт расформирования — Вальядолид. «Все испанские парни до рождества вернутся из русских траншей», — с уверенностью писал в эти дни Хейс президенту Рузвельту. Однако его надежды оправдались далеко не полностью. Экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен был находиться исключительно под германским командованием. В результате «голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «голубой легион».

Окончательно легион был сформирован в середине ноября 1943 г. Легион состоял из трех воинских частей (трех бандер). О желании остаться воевать в России офицеры спрашивали только у солдат-пехотинцев, из которых и были составлены две бандеры, в каждой пехотной бандере было по четыре роты. Солдат специальных подразделений (артиллеристы, саперы, связисты и т. д.) оставили в приказном порядке. В «голубом легионе» было 2500 человек, командовал им полковник Антонио Наварро, бывший начальник штаба дивизии. То, что на Восточном фронте остался испанский легион, хранилось в глубокой тайне.

В испанских газетах не сообщалось об отзыве «голубой дивизии». Это связывают со страхом Франко перед покушением со стороны нацистских элементов в фаланге. Ходили слухи, что именно эти элементы при поддержке германских агентов готовят

«государственный переворот», считая, что Франко недостаточно верен державам «оси». Хейс сообщал государственному секретарю 2 октября 1943 г. о связи немецкого гестапо с прогерманскими элементами фаланги, о снабжении их оружием в предвидении возможного вторжения германских вооруженных сил в Испанию. Однако слухи о готовящемся покушении на Франко не подтвердились. Сам же он сумел убедить немцев сменить гнев на милость.

В беседе с Дикгофом 3 декабря 1943 г. Франко разъяснил, что «такая осторожная политика отвечает не только интересам Испании, но и интересам Германии. Нейтральная Испания, доставляющая Германии вольфрам и другие продукты, в настоящее время ей нужнее, чем Испания, вовлеченная в войну»[246].

Испания, как и прежде, была наводнена агентами держав «оси». Мало того, в течение октября-декабря 1943 г., согласно информации, имеющейся у послов Англии и США, число их резко возросло, а их деятельность активизировалась. Среди этих агентов, действующих в Испании, были активные члены нацистской партии, офицеры гестапо, шпионы. По сведениям Хейса, резко возросло давление немцев на те элементы фаланги, которые занимали активную антинейтралистскую позицию.

27 октября 1943 г. в шести милях восточнее Лас-Пальмаса (Канарские острова) итальянский самолет атаковал американский патрульный самолет. Аналогичные инциденты произошли 28 октября и 1 ноября[247].

Фалангистская пресса прекратила открытые выпады против США и Англии, но по-прежнему вела антисоветскую кампанию.

Хейс, следуя указаниям Рузвельта, вынужден был вновь 21 октября напомнить министру иностранных дел Хордане о том, что «Россия — один из основных членов Объединенных Наций. Любые атаки против России будут рассматриваться как нападение на основного союзника Соединенных Штатов. Попустительство по отношению к нацистской Германии, с другой стороны, является попустительством по отношению к врагу Соединенных Штатов… Известия о военных победах в России доходят до испанского народа из многих источников, и испанцы достаточно умны, чтобы не быть введенными в заблуждение германскими коммюнике».

Хейс от имени своего правительства дал совет «в собственных интересах» Испании выполнить следующие «пожелания» США: «объявить о возвращении «голубой дивизии»; публиковать военные коммюнике России так же, как публикуются коммюнике других воюющих держав; прекратить атаки против России, будь то публичные выступления испанских официальных лиц, статьи

испанских газет или передачи радио; немедленно перестать делать вид, что германская агрессия против России является «крестовым походом», в то время как само германское правительство во многих случаях признавало, что эта война носит завоевательный характер»[248].

На другой день Хордана сообщил Хейсу, что вывод «голубой дивизии» состоится 25 октября, и после этого ни один испанский солдат не останется на Восточном фронте. Дивизия будет репатриирована отдельными группами в течение ноября. Все в Испании знают о выводе дивизии, но «если об этом объявить публично, то создастся впечатление, что вывод дивизии связан с представлением британского посла, в то время как на самом деле это представление не оказало никакого влияния на вывод дивизии». Что же касается прочих вопросов, то их следует изучить и обсудить с Франко. А для этого потребуется неделя или дней десять[249].

Однако прошла неделя, затем месяц, а Хордана не торопился с ответом. Это вполне объяснимо — от испанского правительства требовали реальных доказательств политики строгого нейтралитета, в то время как основная линия внешней политики Испании оставалась все же прогерманской. В Германию по-прежнему вывозился вольфрам в обмен на германское оружие.

К тому же еще не улеглась тревога от известий, что, начиная с января 1943 г., на франко-испанской границе происходила усиленная концентрация германских войск. Как стало вскоре известно в Мадриде, германское командование разработало план оккупации северного побережья Испании, так называемую операцию «Гизела», которую предполагалось осуществить в апреле 1943 г., и хотя уже миновал апрель, но германские войска все еще не были отозваны с границы.

Не прибавляли спокойствия и вести из Берлина: 9 сентября 1943 г. германские газеты опубликовали интервью Геббельса, который обвинил Франко в предательстве: «Испанское правительство пытается радикально изменить свою внешнюю политику. Франко и испанский народ уже не верят в победу Германии и склоняются все больше и больше к англосаксам… Официальные круги полагают, что Рейх перестал быть бастионом против большевизма в Европе». 21 сентября это интервью перепечатала «The New York Times», расценив негодование Геббельса как ответ на коррекции политических пристрастий Франко[250].

«Траектория эволюции». Миф или реальность

Впервые о «траектории эволюции», как выразился сам Франко, он заявил американскому журналисту Генри Тэйлору 4 декабря 1943 г. Это было первое интервью с тех пор, как Франко стал главой государства, в котором бы шла речь о месте Испании, как выразился диктатор, в современном мире. Он внушил корреспонденту «Юнайтед Пресс», что образ Испании искажается за границей, что наносит ей ущерб: «Мы хотим, чтобы за границей знали об истинной идее Испании, об ее эволюции».

Для того, чтобы составить представление о траектории эволюции страны, поучал Франко, надо изучать историю возрождения испанских кортесов — «истинного центра власти в стране». Испанцы испытывают гордость за изменения такого рода, представляющие собой, по его словам, «шаги, которые могут обеспечить Испании место в сообществе наций»[251].

17 июня 1942 г. главой государства был подписан закон, учреждавший кортесы, которые, как говорилось в преамбуле закона, «являются восстановлением славных испанских традиций». В состав кортесов входили прокурадоры по должности и выбранные муниципалитетами и соответствующими корпорациями, министры, члены Национального совета фаланги, представители национальных вертикальных синдикатов, в состав которых входили как работавшие по найму, так и предприниматели, алькальды пятидесяти провинций, а также алькальды Сеуты и Мелильи, ректоры университетов[252].

Этот орган, в основе которого лежал корпоративный принцип, не имел аналога не только в прошлом Испании, кроме просуществовавшей весьма непродолжительный срок Национальной Ассамблеи М. Примо де Риверы, но и в парламентской истории Запада. Поэтому ни на сам закон, ни на открытие кортесов 9 марта 1943 г. за рубежом не было столь желанной для Франко реакции государственных мужей и общественного мнения.

Более подробно о том, как представляют будущее Испании военные, занимавшие верхние ступени на иерархической лестнице, являвшиеся, как полагали на Западе, опорой режима, поведал Тэйлору в тот же день Альфонсо Орлеанский, племянник претендента на трон. Речь зашла о монархии.

Инфант разъяснял: «Первое, что я хочу, чтобы вы поняли, монархическое движение в настоящее время не является

движением антифранкистским… Наш нынешний глава государства никогда не рассматривался нами как конечная цель испанской политики. Он лишь выполняет функцию подготовки пути — восстановление монархии Дона Хуана… Впечатление, существующее за границей, что генералы, такие как я, бросили перчатку Франко, абсурдно. В то же время мы надеемся, что находящийся в изгнании наш король возвратится на трон без монархического переворота… Франко упорствует на прежней организации государства на базе единой партии, на что король публично выразил свои возражения в швейцарской прессе… День реставрации должен быть максимально приближен»[253].

Не известно, как отреагировал Франко на отводимую ему роль генерала Монка, героя «славной революции» в Англии. Но следует заметить, что он сам всегда различал не только тон, но и смысл своих высказываний в стране и за рубежом. И многие следовали его примеру.

На Западе к этому уже привыкли. Руководители внешнеполитических ведомств Англии и США и их представители в Испании ждали от Мадрида не только обещаний, но и конкретных шагов, которые свидетельствовали бы о строгом соблюдении нейтралитета и реальных признаков начала эволюции режима.

24 января 1944 г. посол Испании герцог Альба, выполняя волю Франко, встретился с А. Иденом. Вопрос, который особенно волновал Идена, был следующий: «Легион добровольцев и авиационная эскадрилья на русском фронте». По мнению министра иностранных дел, со стороны правительства Испании не оказывается достаточного давления, чтобы вывести их из России, в то время как английское общественное мнение весьма взволновано этим, особенно тем фактом, что среди добровольцев имеются армейские офицеры.

Посол пожаловался на передачи ВВС, которые фальсифицируют факты, касающиеся «голубой дивизии» и авиационной эскадрильи. В ответ на это Иден заверил посла, что им даны строгие инструкции: прекратить нападки на режим Испании и не вмешиваться в ее внутреннюю политику[254].

31 марта 1944 г. Хордана сообщил Хору: ««Голубая дивизия». Этот вопрос окончательно разрешен в соответствии со всеми пожеланиями британского правительства, несмотря на значительные трудности, которые удалось преодолеть»[255].

Не отставал от своего британского коллеги и Хейс.

В письме, направленном в Госдепартамент 1 мая 1944 г., он с большим удовлетворением сообщил о соглашении, заключенном им с правительством Испании, а значит, и с согласия Франко:

1. Испанские солдаты не будут больше служить в германской армии. Те, кто служил в армии Германии в прошлом, уже репатриированы в Испанию.

2. Новый экспорт испанского вольфрама для Германии или территорий, оккупированных или контролируемых Германией, в течение 1944 г. не будет превышать 20 тонн на протяжении июня и 40 тонн ежемесячно после июня.

4. Генеральное консульство в Танжере будет закрыто и его персонал обязан выехать из Испании или территорий, контролируемых Испанией.

5. Японская миссия в Мадриде также должна отозвать своего представителя в Танжере.

6. «Агенты» саботажа и шпионажа «оси» должны быть высланы из Испании и из территорий, контролируемых Испанией.

9. Испанское правительство продолжает предоставление США и Великобритании все необходимое для купли и экспорта продовольствия. Правительство США совместно с правительством Великобритании разрешит возобновление поставок нефти в Испанию[256].

19 июня Хейс встретился вновь с Хорданой. Шел тринадцатый день высадки союзников на берега Франции — столь долго ожидаемой. Второй фронт наконец-то был открыт. В начале беседы посол пожаловался на дебош, устроенный фалангистами у «Дома Америки», сказал о том, что в одной из машин, припаркованных у этого здания, находилась дочь посла. После того, как министр выразил сожаление и обещал принять меры, приступили к главному. Посол обратился с просьбой к правительству Испании предоставить возможность кораблям союзников ввезти через порт Барселоны продукты и лекарства для гражданского населения юга Франции, а также вывезти, опять-таки через этот порт, раненых военнослужащих союзников, когда в этом будет нужда.

Министр ответил, что правительство Испании сделает все возможное в пределах ее статуса нейтральной страны. Он предложил, чтобы эвакуация раненых осуществлялась по линии испанской службы Красного Креста. Это же касается и поставок продовольствия и лекарств для гражданского населения.

Что же касается переговоров, которые вел генеральный директор экономической политики МИД Испании Гомес Наварро еще с октября 1943 г. о возможности использования гражданскими самолетами аэродромов Испании, то этот вопрос находится в стадии разрешения. Хейс связал будущее соглашение с увеличением поставок нефти[257].

Даже традиционный период отпусков не стал препятствием

для встречи Хейса с новым министром Х. Лекерикой — Хордана умер 3 августа 1944 г. Она состоялась 4 сентября 1944 г. в Сан Себастьяне, где в то время находилось на отдыхе правительство.

Посла беспокоили полеты по маршруту Барселона — Берлин, через зоны действий англо-американских войск. Министр обещал поставить эти полеты под контроль и в ответ попросил не чинить препятствия полетам Барселона — Швейцария.

После очередной беседы в начале ноября Х. Лекерика счел необходимым направить донесение Франко. Он сообщил, что, по мнению Хейса, война закончится в течение нескольких месяцев, затем состоятся важные международные конференции, и его желание — участие Испании в них. В письме говорилось о том, что все это надо учесть в «Декларации Вашего высокопревосходительства», находившейся в стадии завершения подготовки. Х. Лекерика сослался на замечание посла США, что, хотя он сам не видел текста «Декларации», его советник по печати говорил о нем в «хвалебных терминах», сказав, что «Ваше высокопревосходительство в своих утверждениях идет так далеко, как этого и не могли ожидать»[258].

И, наконец, ожидаемое свершилось.

3 ноября 1944 г. Франко в своей резиденции Эль Пар-до дал интервью представителю Юнайтед Пресс Интернэшнл (ЮПИ) Бредфорду. Испания, уверял Франко, в течение войны придерживалась полного нейтралитета, «присутствие испанских добровольцев из «голубой дивизии» не несло в себе никакой идеи завоевания или ненависти к какой-либо стране, а было лишь проявлением антикоммунистического духа. Поскольку идеологические принципы режима на протяжении восьми лет концентрировались в понятиях «Бог, родина и справедливость», Испания не могла быть связана идеологически ни с кем, кто отрицает католицизм как принцип», т. е. с нацизмом[259].

Но Франко не ограничился «декларацией», как его интервью предпочитали называть в Испании. 2 декабря посол США Хейс и министр иностранных дел Испании Х. Лекерика скрепили своими подписями соглашение, по которому американские гражданские самолеты получили право на полет над Испанией в трех направлениях и на взлет и посадку на аэродромах страны, хотя это и выходило за рамки нейтралитета[260]. Это соглашение не смягчило тон американской прессы: режим постоянно подвергался критике.

Взоры Франко в поисках опоры в будущем послевоенном мире все больше притягивала Англия, вернее глава ее кабинета У. Черчилль. На Франко особое впечатление произвела речь Черчилля в Палате общин 24 мая 1944 г., в которой он призывал

отнестись с признательностью к Испании за то, что она не поддалась угрозам и давлению Германии, в противном случае положение союзников серьезно бы осложнилось. Накануне высадки в Северо-Западной Африке «испанцы оставались абсолютно спокойны и ничего не спрашивали… Следует делать различие между человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал…

Испания в прошлом была самой прекрасной в мире империей, и до сих пор — сильное сообщество с замечательными деятелями и выдающейся культурой». Напомнив, что Великобритания 130 лет назад помогла Испании освободиться от наполеоновской тирании, премьер перешел к делам сегодняшним. «Без сомнения, очень важно было то, что Испания приняла решение остаться в стороне от войны… Если бы Испания поддалась нажиму Германии, Средиземное море было бы заперто. Что касается внутренних политических порядков, то это является делом самих испанцев. И как правительство мы не компетентны вмешиваться в эти вопросы».

На вопрос лейбориста Джаста, разве это не фашистское правительство, Черчилль ответил: «В нашей программе обновления мира не фигурируют насильственные действия против какого-либо правительства, чья внутренняя форма не соответствует уровню нашей собственной концепции». В заключение он выразил надежду на улучшение отношений с Испанией во время войны и особенно во время мира.

«Мы здесь не могли бы согласиться выступить против стран, ничем нам не досаждавших, и только лишь потому, что нам не нравится их тоталитарная форма правления»[261].

Депутаты-лейбористы негодовали. Бурной была и реакция американской прессы на публичные проявления симпатий к Франко. Черчилль, уязвленный нападками на него американских газет, 4 июня 1944 г. в письме к Рузвельту попытался разъяснить мотивы своей позиции: «Мне нет дела до Франко, но я не хочу, чтобы после войны Пиренейский полуостров занимал враждебную позицию по отношению к англичанам… Я не вижу возможности положиться на Францию де Голля. Германию надо будет держать при помощи превосходящих сил, и есть договор о 20-летнем союзе между нами и Россией. Вы должны помнить, что нам весьма импонируют все эти приятные перспективы.

Я упомянул имя Франко лишь для того, чтобы показать, как глупо делают у нас, отождествляя в карикатурах Испанию с ним и его с Испанией».

18 октября 1944 г. Франко направил испанскому послу в Англии герцогу Альбе письмо и поручил передать его содержание

«нашему доброму другу британскому премьер-министру» В этом письме Франко прежде всего делился впечатлением, которое произвели на него «благородные слова», произнесенные Черчиллем в адрес Испании в палате общин 24 мая 1944 г., и выражал желание способствовать сближению между Испанией и Англией в будущем. Это сближение, по мнению Франко, имело бы целью борьбу против СССР и США. «Если Германия будет уничтожена, — писал каудильо, — и Россия укрепит свое господство в Европе и Азии, а Соединенные Штаты будут подобным же образом господствовать на Атлантическом и Тихом океанах как самая мощная держава мира, европейские страны, которые уцелеют на опустошенном континенте, встретятся с самым серьезным и опасным кризисом в своей истории». Попутно Франко жаловался на «деятельность британской секретной службы и на мелкие интриги Англии».

Франко не мог знать о содержании послания Черчилля Рузвельту. Тем примечательнее совпадение мыслей имевшего устойчивую репутацию интеллектуала Черчилля и «ограниченного», как полагали многие современники, испанского диктатора, выраженное в письме герцогу Альбе.

В своем ответном письме Черчилль все же счел нужным напомнить Франко о тех затруднениях, которые Испания чинила во время войны военным усилиям союзников, о помощи, которую она оказывала их противникам, о пренебрежительных отзывах Франко об Англии. «Я был очень рад наблюдать, — пишет далее Черчилль, — благоприятные по отношению к Великобритании перемены в испанской политике, которые начались во время пребывания в правительстве покойного генерала Хорданы[262], причем я публично отметил эти события в речи, произнесенной мною в Палате общин 24 мая. К сожалению, как Вы, Ваше превосходительство, признаете в Вашем письме к герцогу Альбе, эти события не получили еще достаточно глубокого развития, чтобы удалить барьеры между нашими обеими странами»[263]. Бельгийский историк Е. И. Дзелепи назвал письмо Франко документом, «беспримерным по своей наглости и цинизму»[264].

Доклад Черчилля вызвал большой резонанс. Швейцарская «National Zeitung» от 28 мая 1944 г. сообщала, что в дипломатических кругах доклад Черчилля рассматривается как преамбула к вопросу о реставрации монархии. Для тех влиятельных лиц в Англии и США, которые «не столь благоприятны к фашистскому режиму Франко, как это вытекает из доклада Черчилля… реставрация представляется лучшим способом для постепенной смены системы». «Tribune de Geneve» в обзорах за 2 и 6 мая сообщала, что С. Хор находится в

Швейцарии, чтобы встретиться с графом Барселонским, однако тот ответил, что не намерен возвращаться в Мадрид по первому призыву Франко.

Заметим однако, что такого «призыва» не последовало ни тогда, ни много лет позднее.

Через 15 лет, 2 февраля 1959 г., газета «The New York Times» в статье «Банкет монархистов», ссылаясь на свидетельство своего корреспондента, побывавшего у Франко, сообщала читателям, что испанский диктатор сменил в своем кабинете портреты Гитлера и Муссолини на портреты Пия XII и бразильского президента Кубиче-ка. Франко был глубоко уязвлен этой публикацией. Фотографии папы и бразильского президента, сказал он, постоянно находятся в кабинете с тех пор, как он их получил. Что же касается фотографии Муссолини, то ее никогда в кабинете не было, фотография же Гитлера, действительно, висела, «но она была убрана, когда наступило охлаждение отношений Испании с гитлеровской Германией, намного раньше, чем закончилась Вторая мировая война». Франко не сказал, когда это произошло. Можно предположить, что это было в 1943 г.[265] И тогда же министр иностранных дел граф Г. Хордана, сменивший Серрано Суньера 3 сентября 1942 г., поведал послу США К. Хейсу: «Испания никогда не была и не будет марионеткой Германии… Хотя Испания и не является демократической страной типа Соединенных Штатов, она — не тоталитарная, как Германия, и нацистские доктрины ее отталкивают»[266].

Бывший министр времен монархии Габриэль Маура писал в том же самом 1944 г.: «Хотя мы знаем от самого каудильо, что современный режим не является тоталитарным, в отношении прессы и пропаганды применяются точно такие методы, которые характерны для тоталитарного режима»[267]. Маура имел в виду, что, как и прежде, испанские газеты не публиковали не только ни одной критической статьи о Франко или его деятельности, но даже ни единой строчки, которая могла бы быть ему неприятна. Как и прежде, о Франко можно было писать только в превосходной степени. Сам диктатор с удовольствием принимал неумеренные восхваления, но не известно ни одного случая, когда бы он хотя бы раз попытался утихомирить славящий его хор.

Газета «El Español» сравнивала Франко с Карлом V, Цезарем и Наполеоном, «Arriba» — с Александром Македонским; «АБС» Мадрида писала, что он избран Богом. Были и политические оценки: Франко — «моральный вождь антикоммунистической Европы», «поборник свободы, защитник христианского Запада, гордость расы, гений из гениев». И всего лишь за несколько

месяцев до интервью ЮПИ еженедельник «Мундо» был оштрафован на 5 тыс. песет за то, что не отметил День рождения Гитлера 20 апреля 1944 г.

Но Франко беспокоили не только предполагаемые санкции союзников.

Франкистское правительство с беспокойством наблюдало за действиями испанских партизанских бригад на юге Франции. Тревоги Мадрида оправдались. Начиная с середины сентября 1944 г., испанские газеты стали систематически помещать сообщения о концентрации на франко-испанской границе в Пиренеях больших партизанских соединений, состоявших из испанцев — бывших участников французского движения Сопротивления. 11 октября 1944 г. испанское правительство направило официальный протест временному правительству Франции, обвиняя французские власти в благожелательном отношении к действиям «испанских мятежников»[268].

24 октября 1944 г. газеты поместили официальное сообщение о том, что повстанцы проникли в Ронсевальес и Валь-Даран — провинция Лерида. Вечерняя газета «Madrid» тут же постаралась «успокоить» своих читателей сообщением о том, что «население пиренейской зоны тесно сотрудничает с испанскими вооруженными силами и ведет борьбу с анархистами и коммунистами, вторгшимися в испанские области». Трудно сказать, насколько соответствовало действительности это сообщение. 2 ноября агентство Рейтер передало из Парижа: силы республиканского «маки» захватили в плен 50 франкистских солдат. Партизаны вернулись во Францию[269].

В письме к де Голлю в октябре 1944 года руководители Национального испанского союза напоминали:

«Вам известно, что шахтеры Астурии, крестьяне Валенсии, андалузцы и мадридцы вступили во французскую армию из концентрационных лагерей и рабочих батальонов. Они вошли в освобожденный Париж, в то время как другие испанцы составили тайную армию бойцов-партизан. Испанцы боролись в Савойе, Центральном массиве и Бретани, так же как и на улицах Парижа, где их командир, 24-летний Хосе Барон Карреньо пал при штурме ратуши. В тот же день испанские партизаны штурмом взяли тюрьму в Тулузе и освободили 12 членов Национального испанского союза, которые за месяц до этого были арестованы»[270].

В секретном донесении в Берлин 16 октября 1944 г. германский посол с тревогой сообщил о том, что бывшие сторонники испанского Народного фронта в Тулузе становятся все более активными, особенно Национальный испанский союз,

куда, по сведениям посла, входили коммунисты, социалисты и левые партии. Посол предполагал, что под именем доктора Агеска, президента Союза, скрывался Айгуаде, один из виднейших деятелей Республики. С доктором Айгуаде, по словам посла, сотрудничали каталонские сепаратисты, влиятельнейшей фигурой среди них был каталонский священник Хуан Вилар[271].

3 ноября 1944 г. пресс-атташе германского посольства переслал в Берлин сообщение специального корреспондента агентства Рейтер Гарольда Кинга об открытии в Тулузе конгресса Национального испанского союза. В сообщении указывалось, что делегаты представляли 300 тыс. испанцев-эмигрантов. Присутствовали на конгрессе коммунисты, социалисты, члены республиканских партий, представители эмигрантов-католиков, бывшие депутаты республиканских кортесов, руководители испанской секции ФФИ. Конгресс обратился с «Воззванием к испанскому народу», в котором говорилось, что союз ставит своей целью «освобождение Испании от Франко при условии, что страна не будет ввергнута в новую гражданскую войну». В дальнейшем Национальный испанский союз не оправдал возлагавшихся на него надежд, но в то время франкистские власти и дипломаты рейха придавали ему большое значение и с понятным беспокойством следили за его деятельностью.

Правительство Испании, помимо надежды на успешные действия гражданской гвардии и других пограничных соединений против партизан, базировавшихся на юге Франции, с большим удовлетворением восприняло тезис Хейса, высказанный в его беседе с Х. Лекерикой: «Агрессия «маки» против Испании абсолютно незаконна и компрометирует внутренний и международный статус режима де Голля»[272].

Вероятность нового тура гражданской войны не исключалась в те дни ни испанцами, ни иностранными наблюдателями. Толковали о необходимости избежать его и сторонники режима, и его противники.

Консервативное крыло оппозиции видело наиболее надежный путь предотвращения нового кровопролития в восстановлении монархии.

19 марта 1945 г. с манифестом к испанскому народу обратился претендент на испанский трон дон Хуан Барселонский. Впервые о своих взглядах и симпатиях дон Хуан публично заявил почти два года назад в письме к министру иностранных дел Хордане. В этом письме, воспроизведенном в июне 1943 г. прессой европейских нейтральных стран, он осудил внутреннюю и внешнюю политику Мадрида. Предметом особой его критики была фаланга. В манифесте 19 марта 1945 г. дон Хуан осудил

режим генерала Франко, созданный по образцу тоталитарных систем держав «оси», как совершенно не соответствовавший характеру и традициям испанского народа. Представляя монархию как наиболее приемлемое для самой Испании и для внешнего мира средство примирения и установления согласия между всеми испанцами, автор манифеста, призвав к «восстановлению традиционного режима», обещал гарантию демократических свобод, широкую политическую амнистию, созыв законодательной ассамблеи, проведение необходимых политико-социальных мер в духе времени.

Манифест претендента не давал ответа, какие же силы должны были обеспечить восстановление монархии. По мнению Р. Гарриги, само появление манифеста можно объяснить только тем, что «Черчилль и Рузвельт, возможно, обещали претенденту, что союзники посадят его на испанский трон»[273]. Оставляет этот вопрос без ответа даже после смерти Франко и Кальво Серрер, который в свое время привез этот манифест в Испанию из Лозанны, где в то время находился претендент. В своем интервью Марта Комесу, характеризуя манифест как «разрыв с Франко, как настоящий заговор», он сообщает лишь о том, что говорил по поводу положений этого документа с генералами Ягуэ, Арандой, Муньос Грандесом, Канделаном, а также Карреро Бланко, единственным человеком, который из всех приближенных диктатора имел ежедневные контакты с ним[274].

Как свидетельствуют очевидцы, в ближайшем окружении дона Хуана кое-кто полагал, что «франкизм автоматически преобразуется в монархию». Франко, по разумению этой группы, в изменившихся международных условиях не сможет удержать власть, и передача ее сыну Альфонса XIII — единственное приемлемое решение испанской проблемы, которое должно было устроить всех — и испанцев, и внешний мир.

В возможность «автоматического» преобразования режима в преддверии разгрома фашизма были убеждены очень многие. Даже деятели, имевшие репутацию реалистически мыслящих политиков, находились во власти иллюзий, полагая, что им удастся «уговорить» Франко добровольно уступить власть претенденту на престол. Герцог Альба, полагавший, что его заслуги перед режимом позволяют ему многое, самовольно оставил пост посла в Лондоне и отправился в Мадрид, чтобы добиться аудиенции у главы государства. Он напомнил Франко о данном ему обещании накануне назначения послом в Лондон восстановить монархию в стране, на что Франко, согласно распространенной версии, ответил, что он никогда не уточнял, о какой именно монархии идет речь[275].

Между тем война приближалась к своей уже предсказуемой развязке: победа союзников не вызывала сомнений в Мадриде.

24 марта 1945 г. Франко принимал нового посла США Н. Армюра. При церемонии вручения верительных грамот присутствовал Лекерика. Посол был несколько удивлен тем, что его приняли в довольно простой комнате, а не в тронном зале, как за месяц до этого был принят итальянский посол. Не было обычных торжественных речей, и после того, как верительные грамоты были вручены и переведены, Франко пригласил посла и министра в соседнюю комнату для беседы. Говорил, как всегда, один каудильо. Он рассуждал о различном характере войн в Европе и на Тихом океане и о том, что Испания не может занять позицию безразличия по отношению к опасности коммунизма, которая неизбежно усилится после поражения Германии. На это Армюр лишь ответил, что еще Хейс в письмах Хордане от 29 октября и 27 декабря уже обратил внимание на то, что следует делать различие между Россией, союзником США в войне, и коммунизмом как таковым, и что вслед за Хейсом он также считает, что коммунизм — это исключительно внутренняя проблема.

Еще шла война, Советский Союз был могущественным союзником США, и Армюр как лицо официальное и не мог дать другой ответ, к тому же он имел весьма определенные инструкции от Рузвельта.

Вначале беседа проходила в том же духе, как и два с лишним года назад, когда Хейс вручал свои верительные грамоты. Но вот Франко затронул вопрос о потенциальной угрозе гражданской войны, угрозе, которая, по его словам, вновь встала перед Испанией. На это Армюр немедленно и без колебаний ответил, что никто не желает увидеть страну, вновь ввергнутую в гражданскую войну, но его правительство надеется на эволюцию испанского правительства в соответствии с новым духом, господствующим в мире. Тогда Франко вновь пустился в рассуждения о «широко распространенных заблуждениях» о современном режиме Испании. По словам Франко, фаланга — вовсе и не политическая партия, а прежде всего совместное объединение лиц с общей целью, заинтересованных в поддержании порядка, благоденствии страны, в развитии Испании по религиозной, культурной и экономической линиям. Армюр не стал опровергать Франко, а лишь заметил, что разве не верно, что в тюрьмах Испании содержатся многие тысячи политзаключенных, что все еще продолжаются казни. Замечание Армюра вывело Франко из себя. Он с большой горячностью ответил, что цифра в 225 тыс. политзаключенных, приводимая

американской прессой, фантастична и ничего общего не имеет с действительностью, что в тюрьмах Испании сейчас не более 26 тыс. политзаключенных[276].

Линия, определившаяся в этой беседе, была весьма характерна и для испанской, и для американской дипломатии. Франко вновь и вновь пытался убедить своих партнеров в угрозе дальнейшего распространения коммунизма в мире и возможности нового возобновления гражданской войны в Испании. Американские дипломаты пытались убедить Франко, что современный режим в Испании плох, вызывает нарекания общественного мнения их стран, а поэтому необходимо, чтобы он эволюционировал, но так, чтобы не вызвать второго издания гражданской войны.

Франко чувствовал, что он не вполне удовлетворил любознательность Армюра, какова же будет и будет ли эволюция испанского режима в ближайшем будущем. Понадобилось время для составления программы, которая, как полагал каудильо, могла бы удовлетворить американского посла.

12 апреля министр иностранных дел Испании Лекерика более подробно информировал Армюра по поводу тех новшеств, которые Франко готовил для Испании. Предполагалось восстановить монархическую форму правления. Должен быть создан королевский совет, который назначит короля; он, однако, не будет принимать на себя полномочий до тех пор, пока Франко не умрет или добровольно не оставит свой пост. В стадии доработки находится «Билль о правах». Предполагалось отменить смертную казнь за преступления, совершенные во время гражданской войны, а также аннулировать приговоры за аналогичные преступления, предусматривающие 20-летний срок заключения, что позволит тем, кто захочет, вернуться в Испанию[277]. Франко считал, что обещание восстановить монархию будет одной из тех дверей, через которую ему удастся «протиснуться» в возрождавшийся после разгрома фашизма мир. Однако Испании пришлось пройти через многие испытания, прежде чем этот план стал реальностью.

В тот же день Лекерика дал интервью корреспонденту американского еженедельника «Newsweek» Эдварду Вентолу. На вопрос, почему Франко сотрудничал с Гитлером и Муссолини, корреспондент получил такой ответ: «Это злобная клевета… Желал бы знать, что сделала бы любая другая страна, если бы имела германскую армию у своих границ и испытывала бы давление Гитлера, добивающегося объявления войны союзникам? И что сделали мы, чтобы помочь Германии больше, чем союзникам? Немного речей и кое-какие жесты, которые, в

сущности, ничего не значили».

Бывший министр иностранных дел Серрано Суньер, как это явствует из его беседы с Р. Гарригой, полагал, что нервозность Лекерики безосновательна, т. к. Соединенные Штаты связали себя определенными обязательствами в отношении Испании осенью 1942 г.: «Я не понимаю Лекерику. Дипломату, у которого в руках письмо, собственноручно написанное президентом Соединенных Штатов, начинающееся словами «Дорогой генералиссимус Франко» и заканчивающееся фразой «Испании ничего не грозит со стороны Объединенных Наций», следовало бы быть более спокойным в отношении будущего, истина в том — и это говорю я, который следил за второй фазой войны как простой наблюдатель, а не как активный политик, — что первая великая победа, одержанная англо-американцами над державами «оси» была следствием того, что Франко смотрел на все происходившее в Гибралтаре и Марокко, сложа руки»[278].

Однако Суньер ошибался в предполагаемой оценке позиции Белого дома на пороге победы. Ответом Рузвельта на претензии Франко принять участие в послевоенном устройстве мира можно считать его напутствие Армюру, сменившему Хейса. По мнению Рузвельта, возникший с помощью фашистской Италии и нацистской Германии и взявший за образец тоталитарную линию современный режим Испании, естественно, не пользовался доверием огромного большинства американских граждан, которых трудно убедить в необходимости продолжения поддержания отношений с этим режимом. Тот факт, что правительство США поддерживает формальные дипломатические отношения с существующим в Испании режимом, не должен быть истолкован кем бы то ни было как одобрение этого режима и его единственной партии, фаланги, которая пыталась распространить идеи фашистской партии на западное полушарие.

Рузвельт считал, что формы правительства Испании и политика, проводимая этим правительством, является делом самого испанского народа. Вместе с тем Рузвельт счел необходимым выразить свое резко отрицательное отношение к планам Франко занять место за столом мирных переговоров: «Мы никогда не забудем ни официальную позицию Испании по отношению к нашим врагам — державам «оси», ни ту помощь, какую она им оказала в то время, когда война развивалась неблагоприятно для нас. Мы не можем также проходить мимо деятельности, организации и официальных идей фаланги как в прошлом, так и в настоящем. Воспоминания такого рода не могут уничтожить различные благожелательные жесты в отношении нас, когда мы стоим на пороге полной победы над нашими

врагами, с которыми существующий в Испании режим был связан в прошлом не только в духовном отношении, но и своей политикой, и своими действиями»[279].

С приближением окончания войны давление официальных лиц Испании на американского посла усилилось. Министр иностранных дел Лекерика, военный министр Асенсио, министр промышленности и торговли Карсельер, ссылаясь на оппозиционные элементы в стране, уже достаточно ободренные действиями групп испанских диссидентов по ту сторону французской границы, убеждали американского посла, что «открыто враждебная позиция по отношению к современному испанскому правительству может привести к новой» гражданской войне». Асенсио уверял, что эволюция политической жизни страны должна быть весьма постепенной, поскольку испанский народ «по природе горяч и вспыльчив» и «всего лишь несколько лет тому назад был вовлечен в кровавую гражданскую войну»[280].

13 апреля радио разнесло весть о кончине Рузвельта. Берлин был в восторге. Геббельс потребовал принести «лучшего шампанского» и дрожавшим от радости голосом провозгласил: «Вот поворотный пункт. Это как смерть царицы во время Семилетней войны»[281].

В Мадриде реакция была иной — не обесценятся ли гарантии, данные Рузвельтом в 1942 г.?

О напутствии Рузвельта Армюру Франко не знал, но сам тон нового посла был обнадеживающим: речь не шла о демонтаже режима, а лишь о его эволюции. Новой гражданской войны в Испании обе стороны стремились избежать.

Часть IV

В послевоенном мире. Изоляция

Победа держав антигитлеровской коалиции над германским фашизмом принесла Мадриду новые тревоги. Но Франко не терял веры в возможность участия Испании в воссоздающемся мировом сообществе. Для этого он не жалел слов, пожалуй, никогда еще за годы своего правления он не был так щедр на обещания перемен ни своим соотечественникам, ни иностранным слушателям. 16 июля 1945 г., за день до открытия в Сан-Франциско конференции стран-учредительниц ООН, в интервью агентству ЮПИ он заявил: «Испания находится на пути политической свободы» и выразил желание сотрудничать с Англией и США. Он говорил, что никогда не был союзником Гитлера, никогда не хотел вступить в войну и даже отговаривал Муссолини от нападения на Францию[282].

На другой день кортесы одобрили Хартию испанцев: вопреки прокламировавшемуся в недавнем прошлом антиконституционализму в новые времена режим «осчастливил» испанцев некоторым подобием конституции. Им было обещано соблюдение гражданских прав — неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки. Отныне никто не мог быть арестован иначе, как в случаях, установленных законом, и вопрос о продлении ареста или освобождении должен был быть решен в течение 72 часов после задержания. Хартия декларировала свободу ассоциаций, если «они преследуют дозволенные цели», и свободу выражения идей, если они «не посягают на основные принципы государства». Механизма гарантии прав гражданина Хартия не предусматривала[283].

Выступая перед национальным советом фаланги, Франко заявил, что у испанцев нет иной альтернативы, кроме выбора между режимом, который он назвал мирной революцией, и коммунизмом. Политическая система западных держав-победительниц, по мнению каудильо, также не подходила для испанцев, ибо испанская история свидетельствует, что всякая попытка импорта любой внешней доктрины обречена на неизменный провал в силу своего несоответствия национальному характеру и традициям[284].

Два дня спустя был реорганизован правительственный кабинет. Впервые генеральный секретарь Национального движения (фаланги) не получил министерского портфеля. Министерство образования возглавил католик Х. Ибаньес Мартин. Но самую большую жертву Франко принес, как считали в близких к нему кругах, сменив на посту министра иностранных дел фалангиста Лекерику, к которому испытывал дружеские

чувства, на А. Мартина Артахо, лидера Католического действия.

Одним из мотивов такого назначения была надежда на то, что для дипломатического мира Западной Европы, где позиции христианских демократов были весьма значительны, католик Мартин Артахо будет более приемлемым, нежели фалангист Лекерика. Но особые надежды возлагались на благоприятную для режима реакцию американской католической общины.

Честь «открытия» Мартина Артахо как «великого дипломата» принадлежала епископу Мадрида — Алькалй доктору Леопольде Эихо-и-Гараи. Раньше, чем кто-либо из представителей высшего духовенства усвоивший терминологию фалангистской риторики, за что и получил в свое время прозвище «голубого епископа», Л. Эихо после разгрома европейских держав «оси» счел уместным вспомнить о существовании «Католического действия» и входившей в его систему университетской «Национальной католической ассоциации пропагандистов», видная роль в деятельности которой принадлежала Мартину Артахо. Последнего к тому же связывало многие годы сотрудничество с Анхелем Эррерой, начавшееся еще во времена «El Debate» в 30-е годы.

Было также известно о тесных связях Мартина Артахо с Ватиканом и даже о «старой дружбе» с папой Пием XII, начавшейся еще в бытность последнего государственным секретарем. В те дни в журналистских кругах Мадрида имела хождение такая «периодизация» внешней политики франкистской Испании, данная известным острословом Аугустином Фоксй: «Во времена Серрано Суньера, когда ты звонил по телефону в министерство, тебе отвечали: «Арриба Эспанья! Это министерство иностранных дел». В эпоху Хорданы и Лекерики ответ был: «Вива Эспанья! Это министерство иностранных дел». Теперь, когда настали дни Мартина Артахо, ответ стал таков «Аве Мария, Дева Пречистая. Это монастырь иностранных дел»[285]. Но все было тщетно: международное сообщество отказывалось принять в свои ряды Франко, а значит, и Испанию.

Реакция внешнего мира на испанские новшества разочаровала Мадрид: речь идет о решениях Потсдамской конференции. 17 июля, на первом же заседании, глава делегации Советского Союза И. Сталин внес предложение «рассмотреть также вопрос о режиме в Испании».

Вопрос об Испании рассматривался на третьем заседании конференции. Первым взял слово Черчилль. Он сказал: «Британские правительства — настоящее и предыдущее — питают ненависть по отношению к Франко и его правительству. Меня неправильно поняли и говорили, что я отношусь дружелюбно к

этому господину. Все, что я сказал, это было то, что в испанской политике заключается больше, чем только карикатуры на Франко. Я считаю, что постоянное истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили 6 лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны… Где я вижу затруднения в принятии проекта, предложенного генералиссимусом, так это в первом пункте, где говорится относительно разрыва всяких отношений с правительством Франко, которое является правительством Испании. Мне кажется, что такой шаг по своему характеру, имея в виду, что испанцы горды и довольно чувствительны, мог бы иметь своим последствием объединение испанцев вокруг Франко вместо того, чтобы заставить их отойти от Франко. Поэтому разрыв дипломатических отношений с правительством Испании мне кажется неудовлетворительным способом разрешения вопроса… Я думаю, что такой шаг может только укрепить положение Франко, а если его позиции будут укреплены, то нам придется терпеть от него обиды или употребить против него свои силы… Мне кажется, что власть Франко находится сейчас под угрозой, и я надеюсь, что дипломатическим путем удастся ускорить его падение…»

В отличие от Черчилля Трумэн был краток, но позиция его была аналогична позиции Черчилля: «У меня нет сочувственного отношения к режиму Франко, — заявил он, — но я не хочу участвовать в испанской гражданской войне. Для меня достаточно войны в Европе. Мы были бы очень рады признать другое правительство в Испании вместо Франко, но я думаю, что это такой вопрос, который должна решать сама Испания»[286].

Отвечая Черчиллю и Трумэну, высказывавших предположение, что способ разрешения испанского вопроса, предложенный Советским Союзом, может привести к новой гражданской войне, глава советской делегации сказал: «Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну. Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, — что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режима Франко, значит, мы его поддерживаем.

Какие имеются средства дипломатического порядка, которые могли бы показать испанскому народу, что мы не на стороне Франко, а на стороне демократии? Допустим, что такое средство, как разрыв дипломатических отношений, является чересчур

сильным, а нельзя ли нам подумать насчет других, более эластичных средств дипломатического порядка? Это необходимо сделать для того, чтобы испанский народ знал, что мы симпатизируем ему, а не Франко»[287].

На четвертом заседании 20 июля государственный секретарь США Д. Бирнс представил проект решения глав трех правительств о том, что «они поддержат вступление Италии в Организацию Объединенных Наций, но что они не будут поддерживать вступление Испании в Организацию Объединенных Наций до тех пор, пока Испания будет оставаться под контролем режима, существующего в этой стране в настоящее время»[288].

Специального документа об Испании не было принято, но в решении конференции «О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций» 20 июля был включен особый пункт о том, что «три правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства»[289].

Решения Потсдамской конференции вызвали некоторую деморализацию в Мадриде, но не у Франко: он ожидал вооруженного вмешательства держав-освободительниц, ибо такова была воля, как он предполагал, самого Сталина, роль которого в решениях конференции каудильо явно переоценивал. Тем не менее решения Потсдамской конференции побудили Франко ускорить проведение своей «операции» по дистанцированию режима от нацизма. 4 августа он подписал правительственную декларацию, где решительно отвергались «намеки, содержащиеся в решениях трех держав, пристрастные и несправедливые». Страна, говорилось в декларации, оставалась «нейтральной, свободной и независимой в двух наиболее великих и ужасных войнах, какие знала история»[290].

Конец года принес новые тревоги Мадриду — 21 ноября был отозван посол Норман Армюр, и Вашингтон не назначил ему преемника. Однако осталось посольство США, а значит, и сохранились дипломатические отношения между двумя странами. Тем не менее Франко надеялся, что ему удастся «переждать ситуацию». В 1946 г. эти надежды многим в стране и особенно за рубежом представлялись беспочвенными. Но Франко был прав.

Одновременно госдепартамент опубликовал сборник статей, состоящий из пятнадцати документов, подтверждавших связь

испанского правительства с европейскими державами «оси».

Мадрид выразил протест Вашингтону также против публикации госдепартамента (в ноте она названа «Белой книгой»): испанское правительство энергично выступило против нападок на испанский нейтралитет[291].

Как-то Николас Франко показал брату две фотографии: на одной — мертвые тела Муссолини и Клары Петаччи, на другой — Альфонс XIII спускается с трапа корабля в порту Марселя в апреле 1931 г. Обе фотографии произвели большое впечатление на Франко: «Если дела пойдут плохо, я закончу свой земной путь, как Муссолини, буду сопротивляться до последней капли крови. Я не сбегу, как это сделал Альфонс XIII». Осуждал он и своего покровителя, сделавшего в свое время так много для его карьеры. «Я никогда не совершу неразумного поступка, который сделал Примо де Ривера, и не выйду в отставку. Отсюда (из Эль Пардо. — С. П.) — прямо на кладбище»[292]. Франко и в эти тревожные для режима дни не терял присутствия духа: в этом были убеждены как его сподвижники, так и немногочисленные визитеры из внешнего мира. Он никогда не сомневался в своей исторической миссии, возложенной на него свыше. Но, будучи прагматиком, не чуждым известного цинизма, он действовал в духе пословицы, соответствующей русскому варианту: «На Бога надейся, но сам не плошай».

В своих интервью британским и американским корреспондентам он не уставал повторять, что фаланга не оказывает того влияния на политическую власть в Испании, как это представляется за рубежом. Он напоминал, что лишил фалангу контроля над прессой, передав его министерству просвещения, которое возглавлял католик Ибаньес Мартин и в котором влияние католической церкви было безгранично, что вместе с назначением А. Мартина Артахо министром иностранных дел и отставкой Арресе вносило существенные коррективы в составляющие внутреннего «баланса сил». Он даже дал указание молодым фалангистам выйти 1 октября 1945 г. на дефиле в честь девятой годовщины его пребывания у власти под государственными, а не фалангистскими знаменами.

Когда 9 февраля 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила «моральный бойкот» Испании, Франко с балкона муниципалитета в Сеговии бросил в толпу слова: «Если наша добрая воля не понята и мы не можем жить, глядя на внешний мир, мы будем жить, глядя внутрь». Воистину, еще раз подтвердилось сложившееся мнение, что Франко всегда полон был решимости защищать до самой смерти позиции, им завоеванные.

Какое содержание вкладывал каудильо в свои слова, Испания и весь мир с негодованием узнали несколькими днями позже: 20 февраля Мадрид официально объявил о казни Кристино Гарсиа и его девяти товарищей-коммунистов, осужденных на смерть несколькими неделями до этого. В мрачной атмосфере Испании тех дней казнь десяти коммунистов не была единичным эпизодом — в эти дни готовился процесс над 37 социалистами, в ожидании своей судьбы томились в тюрьмах члены двух групп «Фронта либертарного освобождения», созданных по решению НКТ и разгромленных в конце 1945 — начале 1946 гг. Но казнь Кристино Гарсиа, одного из руководителей маки на юге Франции, носила характер дерзкого вызова всем тем, кто надеялся на кардинальную смену режима в Испании.

Эта акция Франко дорого обошлась Испании. Ответные меры «внешнего мира» не заставили долго ждать.

Но Франко не поколебали ни закрытие границы правительством Франции 1 марта 1946 г., ни декларация правительств Великобритании, Франции и США, в которой говорилось: «Уход Франко должен произойти мирным путем, фаланга должна быть распущена и учреждено переходное или временное правительство, при котором испанский народ мог бы свободно решать, какой образ правления он желает, и выбрать своих лидеров»[293].

9 декабря 1946 г., когда в ООН начиналось обсуждение проекта резолюции, рекомендовавшей странам-членам ООН отозвать послов из Мадрида и впредь не принимать Испанию ни в ООН, ни в специализированные учреждения ООН, пока существует режим, Франко с балкона королевского дворца, обращаясь к тем, кто запрудил площадь Ориенте, осудил сам факт обсуждения резолюции как вмешательство во внутренние дела других наций. И он находил отклик — над толпой реяли плакаты: «Богатый или бедный, не забудь, что ты испанец».

Чувство горечи за унижение национального достоинства было отнюдь не единственной болевой точкой, воздействие на которую давало ожидаемый Франко эффект. Другой — было поддержание в населении страха перед возможностью возобновления гражданской войны.

Сульцбергер в заметке «Последнее фашистское государство» передает содержание беседы, состоявшейся 11 февраля 1946 г. в Мадриде с В. Батерворсом, поверенным в делах посольства Вашингтона, и с П. Бонсалом, первым секретарем. Согласно Бонсалу, «около 70 процентов населения — это те, кто потерпел поражение в гражданской войне и ждет смены правительства»[294]. То было время, когда в стране сохранились

партизанские отряды, оставшиеся со времен гражданской войны и пополняемые беглецами, спасавшимися от репрессий. Эти островки сопротивления были повсюду — в Эстремадуре, Каталонии, Андалусии, Астурии-Леон, в Галисии, Леванте и Кастилии. Порой их положение было трагическим. Зачастую только передача подпольного радио «Эспанья Индепенденте» («Независимая Испания») связывала их. По словам ветерана Объединенной социалистической партии Каталонии Мигеля Нуньеса, только за предоставление крова для партизан или за попытку передать им еду людей бросали в тюрьмы на многие годы[295]. Обескровленная бесконечным кровопусканием непрекращавшегося правительственного террора, страна еще не стряхнула оцепенение, порожденное страшными последствиями поражения Республики.

Мартин Артахо в письме послу Испании в Лондоне в декабре 1945 г. признался, что его страшит не столько перспектива оказаться, если применять военную терминологию, «в международном котле», сколько «встреча у ворот Испании с призраком разбитого в 1939 г. врага»[296]. Чтобы этот призрак не приобрел плоть и кровь, перейдя границы Испании, было реорганизовано Главное управление безопасности. В декабре 1946 г. оно информировало, например, что в течение сентября-декабря «силами политико-социальной бригады раскрыты и дезактивированы подпольные группы в Барселоне», разделявшие платформу Коммунистической партии Испании, имевшие военную организацию, прежде всего из тех, кто в прошлом сражался в Республиканской армии. Опасность виделась и в повторении имевших место попыток вторжения через границу в конце 1944 г. в Пиренеях, в окрестностях Вал-д'Оран.

По сведениям службы информации Главного управления безопасности, в окрестностях Марселя в октябре 1946 г. наблюдалась активизация партизанских отрядов. Консул Испании во Франции сообщал из По 9 ноября того же года о Сантьяго Каррильо, основателе террористической организации «Сражающаяся молодежь», о подобных же группах, стоящих на платформе социалистов. И даже в марте 1950 г., когда партизанского движения уже практически не существовало (разрозненные очаги его сохранялись со времен гражданской войны), посланник Мадрида во Франции специально сообщил по телефону в министерство иностранных дел, что в Париже находятся генералы республиканской армии Листер и Модесто. Об этом его персонально поставило в известность министерство внутренних дел Франции. Но граница Испании была закрыта не только для проникновения извне, причем лиц с сугубо мирными

намерениями, но и для выезда[297].

Разрешение на въезд и выезд из страны мог дать ни больше ни меньше как министр иностранных дел: об этом свидетельствуют многочисленные прошения на его имя, сохранившиеся доныне в архиве министерства. Эти прошения были подписаны коммерсантами, служащими Института национальной индустрии, священниками, реже — родственниками проживающих за границей испанцев.

20 февраля, в день, когда Мадрид объявил о казни Кристино Гарсиа, корреспондент «The New York Times» Сульцбергер удостоился приема в Эль-Пардо. Корреспондента, как он впоследствии писал, встретил невысокий плотный человек в аккуратной военной форме, с полным бледно-оливковым лицом и принужденной улыбкой. Это был Франко. Во время беседы его маленькие нервные руки все время находились в движении. Переводил барон де ла Торрес.

То, что произошло потом, была не беседа двух лиц, а монолог одного Франко. Франко сообщил Сульцбергеру, что, по его мнению, большинство испанцев предпочитает монархическую систему правления как более устойчивую, нежели республиканская, что он сам — монархист, и традиционная система правления в Испании — монархическая. Современная монархия, как он полагает, может подняться до методов президентского режима. Он пытался внушить зарубежному гостю, что существующее в Испании правительство можно рассматривать как переходное, прибавив при этом, что его «счастливейший день настанет тогда, когда ему не нужно будет тревожиться о будущем его страны». Время окончания этого периода он не определил.

Когда Сульцбергер завел речь о фаланге, Франко ответил, что многие иностранцы неправильно понимают роль фаланги, которая никогда не была политической партией, а просто отражает «дух нашего дела в гражданской войне», и основная идея фаланги — антикоммунизм. Он заверил Сульцбергера, что фалангистской милиции больше не существует, а остались лишь отряды типа бойскаутских. Неверным объявил он и представление, что спустя семь лет после окончания гражданской войны и почти год после мировой в Испании все еще остается полувоенное положение: суды и законы, по его словам, функционировали нормально, и в тюрьмах не было ни одного человека, кто бы содержался там без суда. Созданный Франко образ Испании Сульцбергер переложил на страницы представляемой им газеты[298]. Были и другие визитеры.

За день до опубликования тройственной «Декларации» 3

марта кардинал Спеллман проездом из Рима провел три часа в Мадриде. Это время он употребил на беседу с Мартином Артахо, которая, как подчеркивали ее участники, носила частный характер. Местом для беседы были избраны стены американского посольства. Кардинал сообщил испанскому министру иностранных дел, что Ватикан склоняется в пользу восстановления монархии, т. к. полагает, что это — наилучший выход. В связи с чем ему, Спеллману, папой Пием XII дано поручение оказать соответствующее воздействие на окружение Франко[299].

В поисках выхода

Находясь в международной изоляции, ведомое Франко правительство Испании тем не менее продолжало проводить институционные изменения, заявленные еще в канун окончания войны. 6 июля 1947 г. в результате «прямой консультации с нацией» главы государства, иначе говоря, плебисцита, был одобрен «Закон о наследовании поста главы государства»: из 17 178 812 голосовавших 14 145 165 высказались за монархию. 20 дней спустя Франко подписал этот закон, в соответствии с которым Испания объявлялась «католическим, социальным и представительным государством, которое в соответствии со своей традицией провозглашает себя конституированным как королевство»[300].

Много лет спустя, уже после смерти Франко, когда свершился мирный переход от диктатуры к демократии, известный испанский историк Л. Суарес Фернандес, рассматривая «Закон о наследовании» в исторической ретроспективе, расценил его как обещание реставрации монархии, которое Франко выполнил много лет спустя, как меру, способствующую первому шагу демократического характера к открытому обществу. По мнению исследователя, начиная с 1947 г., вопреки воле Г. Трумэна, никогда не скрывавшего своего негативного отношения к Франко, правительство США рационально изменило свою политику в отношении к Испании[301].

И действительно, поверенный в делах США в Испании Кальберстон в донесении госсекретарю высказался за «естественную либерализацию режима». Однако для ее успеха, по мнению американского дипломата, была необходима экономическая и финансовая реконструкция, а также политическая эволюция испанского правительства.

Политическая эволюция не входила в планы Франко. А вот к тому, чтобы внешний мир поверил, что идеологический «баланс сил» в стране претерпел изменения, Франко приложил немало усилий.

Помимо чисто внешнего камуфляжа — устранения с фасада режима его наиболее одиозных фашистских аксессуаров — правители страны сочли необходимым пойти на некоторые перемещения в системе блока националистов, поменяв для его компонентов места на своеобразной иерархической лестнице. Этот допускаемый перевес одних компонентов блока «победителей» над другими строго дозировался с тем, чтобы «жертва», понесенная во имя сохранения режима, не была

чрезмерно обременительной и не спровоцировала бы центробежных тенденций.

Вызывавшей резко отрицательную реакцию на внешнеполитической арене фаланге пришлось уступить некоторые позиции консервативно-клерикальным компонентам, выдвигаемым режимом в этих сложных для него внешних условиях на первый план в системе государственной власти. И хотя при определении идеологической ориентации режима все еще принимались во внимание клише, пропагандируемые основным органом Института политических исследований «La revista de estudios políticos», в «обоснование своей враждебности к либерализму и восхваления тоталитаризма»[302] власти проявляли все более заметный интерес к аргументации журнала «Arbor», с 1945 г. официального органа Высшего совета научных исследований.

Р. Кальво Серер, один из основателей и руководителей журнала, видел тогда миссию Высшего совета научных исследований в утверждении католицизма как динамичной доктрины, призванной «рехристианизировать» культуру, обязанную христианству своим рождением. И если в предшествующий период, ограничиваясь рамками авторитарной тенденции, идеологи обоих центров прилагали немалые усилия для совмещения «новейших» построений европейского фашизма с католической доктриной государства, конструируемой в первую очередь на основе идей М. Менендеса Пелайо, препарированных применительно к эпохе, то теперь руководители режима, не заботясь о «равновесии», сочли нужным явное предпочтение отдавать последним.

Это было вызвано надеждой не только на благоприятную реакцию за рубежом, но и на благосклонный прием консервативного крыла режима, монархистов в первую очередь. Цель эта казалась тем более легко достижимой, что, как отметил испанский исследователь С. Петшен, «все испанцы, начиная с 1939 г., на протяжении многих лет находились под влиянием идей Менендеса Пелайо». Под «всеми» подразумевались так называемые победители. Побежденная Испания во внимание не принималась. Как гимн в школах и студенческих аудиториях, повторялись слова Менендеса Пелайо, произнесенные в Ретиро в 1881 г.: «Я провозглашаю тост… прежде всего за апостолическую римскую католическую веру, которая на протяжении семи веков борьбы побуждала нас к отвоеванию родной земли и которая на заре Возрождения открыла кастильцам девственные леса Америки… За католическую веру, являющуюся субстратом, сущностью и всем тем, что есть самого величественного в нашей

теологии, нашей философии, нашей литературе и нашем искусстве».

Можно согласиться с теми исследователями франкизма, испанскими и зарубежными, которые полагают, что 1945 г. знаменует новую дату в истории режима. Профессор Сарагосского университета М. Рамирес определяет режим на этом этапе (1945–1960 гг.) как «эмпирио-консервативную диктатуру»[303].

«Официальный», интеллектуальный мир Испании, а впоследствии и многие исследователи, определили этот идеологический комплекс как «национал-католицизм». По обоснованному суждению Г. Морана, в сотворении этой идеологии большую роль сыграл сам Франко. Символами национал-католицизма для многих верующих испанцев были: «Каудильо и Святая мать церковь». Католические ценности определяли культуру, социальную жизнь и даже политику. Ибаньес Мартин призвал искоренять нейтральную идеологию, иными словами, нельзя быть нейтральным в вопросах католической веры и ставить под сомнение апостольскую миссию как историческую миссию Испании. Свою же миссию министр образования видел в том, чтобы способствовать искоренению «светского» в образовании и научных исследованиях. Моран даже пришел к выводу, что в Испании, в отличие от Германии и Италии, не было места для светского фашизма[304].

Большое значение в изменении образа Испании в глазах общественного мнения послевоенной Европы консервативное крыло Мадрида придавало привлечению на сторону режима как представителей политической и интеллектуальной элиты либералов в стране, так и противников Республики народного фронта, все еще находившихся за пределами страны. Во время гражданской войны они поддерживали «Белую Испанию», сыновья Г. Мараньона и Х. Ортеги-и-Гассета сражались в рядах националистов, но их отцы находились в раздумье: Франко для них был неприемлем. Одним из первых желание вернуться на родину в то время выразил великий испанский мыслитель 72-летний Хосе Ортега-и-Гассет, с 1942 г. проживавший в Португалии. Но надо было еще получить формальное разрешение властей.

Большую роль в том, что это разрешение было получено, сыграл Мануэль Аснар, известный публицист и историк, в то время занимавший высокий пост в посольстве Испании в Вашингтоне[305]. 9 июля, за двенадцать дней до отставки Лекерики, в письме министру иностранных дел он доказывал, что «философ только критиковал неуклюжесть цензуры над прессой, литературой и исследованиями, а в остальном был весьма

благосклонен: возвращение Ортеги будет сильным ударом для красных, действующих вне Испании».

Испанская пресса того времени много писала о прошлых публикациях Х. Ортеги-и-Гассета, в том числе и о его статье в «El Sol», опубликованной в марте 1925 г. в период диктатуры Примо де Ривера, в которой он критиковал конституционно-олигархический либерализм Романонеса, выступая против его призыва «создать единый конституционный фронт против диктатуры Примо де Ривера». «Arriba» от 12 августа 1945 г. напомнила о том, что Хосе Антонио Примо де Ривера обожал Ортегу и даже опубликовал в журнале «Haz» 25 декабря 1935 г. восторженную статью о нем.

По мнению Г. Морана, «Испания в послевоенной Европе была более близка образу мышления Ортеги, чем Республика Народного фронта». Он напоминает, что переводчик «Восстания масс» Дж. Брауэр эволюционировал от ультраконсерватора до активного антифашиста, участника Сопротивления и был расстрелян нацистами. Иное дело — Ортега-и-Гассет. По мнению Морана, в 1937–1938 гг. он эволюционировал от демократического либерализма к либерализму авторитарному. Другими словами — от либерализма XIX века к авторитаризму, «обусловленному обстоятельствами», который потребует от тоталитаризма фашистского типа восстановления социального порядка без риска социалистической опасности.

Иными словами, Ортега, как и многие испанские либералы, хотел бы видеть во Франко генерала Монка времен Славной английской революции, «почтительно» передавшего власть королю.

Г. Моран ссылается на письмо Ортеги Г. Мараньону по поводу «Пакта в Мюнхене», который философ расценил как первый шаг к тому, что в своем «Эпилоге» он назвал «временным соглашением» между тоталитарными государствами и либералами.

С 1937 г. и до конца нацизма Ортега опубликовал в Германии статьи в «Europüischer Revue», «Der Volkswart» и «Das Reich»[306].

Формально разрешение на въезд в Испанию дал министр внутренних дел Блас Перес, декан факультета права Барселонского университета во времена диктатуры Примо де Риверы. Но за этим разрешением стоял сам Франко в надежде, что этот жест будет положительно воспринят внешним миром.

Но Ортега вскоре разочаровал Франко: ему стало известно, что 22 октября 1945 г. британский посол в Мадриде принял каталонца Хуана Вентозу. Тот сообщил послу, что предполагается создание временного Комитета, который подготовит отставку Франко и установит монархию. В этот Комитет наряду с такими

личностями, как Хосе Мария Хиль Роблес, генерал Альфредо Кинделан, Сальвадор Мадарьяга, Грегорио Мараньон, должен войти и Ортега-и-Гассет. И это не должно вызывать удивления: по обоснованному суждению Морана, «Возможно, в узком смысле, Ортега никогда не был демократом, но либералом был всегда. До самой смерти»[307].

Но и Франко разочаровал Ортегу: он вовсе не имел намерения следовать примеру генерала Монка. И миссию свою видел вовсе не в том, чтобы «очистить Испанию» от коммунистов и сходных с ними сил, открыть дорогу «новому либерализму», а в том, чтобы удержать позиции, однажды им завоеванные, до конца. «Из Эль Пардо — только на кладбище».

Но и о «внутреннем» мире Франко не забывал. Чтобы объяснить враждебность «внешнего» мира к Испании, Франко вновь, как и в годы гражданской войны, попытался внушить испанцам, что все их беды — следствие заговора всемирного масонства.

Пятьдесят статей, посвященных масонству, опубликованные в «Arriba» в 1946–1951 гг. под псевдонимами Хуан де ла Коста и Хаким Бур, были затем собраны в книгу «Масонство», увидевшую свет в 1952 г. Автор — Х. Бур. Двадцать девять лет спустя Национальный фонд Франсиско Франко раскрыл псевдоним Х. Бура: им был сам диктатор[308].

Как следует из текста книги, Франсиско почитал благом решения Трентского вселенского собора 1545–1563 гг., которые «развели» католическую Испанию того времени с протестантской и светской Европой. «Нашествие» идей Просвещения автор определил как «просачивание зла». Он был убежден, что масонство всегда было орудием Англии, выкованным для подкопа под мощь Испанской империи, дабы низвести ее до уровня страны слабой и бедной.

По мнению Х. Бура-Франко, начиная с Фелипе Уортона, основателя первой масонской ложи в Испании в 1728 г., и до конца наших дней, «масонство приложило руку ко всем несчастьям родины. Оно было тем, кто спровоцировал падение Энсенады. Тем, кто добился изгнания иезуитов, кто сплотил «офранцуженных», кто подорвал нашу империю, кто разжигал страсти в наших гражданских войнах и кто содействовал тому, чтобы противоречия углублялись. И в наш век масонство было тем, кто сокрушил Мауру и кто поносил монархию и, наконец, кто яростно сопротивлялся нашим усилиям, направленным на достижение прочной независимости. Масоны в Испании означают следующее: предательство родины и угроза религии»[309].

Известный, возможно, самый известный исследователь

истории масонства в Испании Хосе Феррер Бенамели отмечает своеобразную аберрацию исторического видения Бура-Франко. Ограничимся лишь упоминанием, что отставка Зенона Энсенады, крупнейшего государственного деятеля Испании XVIII века, реформатора армии, при котором флот Испании вышел на второе место в мире, никак не связана с интригами масонов. Карл III, сменивший на престоле Филиппа VI, сменил и всю «команду» своего предшественника. В этом он следовал примеру всех властителей всех времен. О причинах падения Антонио Мауры речь уже шла в первой главе. Приказ об изгнании иезуитов пришел из Рима.

Многие исследователи отмечали, что у Х. Бура-Франко было немало соавторов и предшественников. И среди них — Карреро Бланко, который в беседе с Ромеро, известным испанским историком, сказал: «Для меня наиболее величественные страницы нашей истории — это те, которые охватывают период с конца пятнадцатого и до середины XVIII века, наиболее печальные — те, когда мы утратили наше лицо, дабы приспособиться к иностранной моде: от середины XVIII века и до нашей войны за независимость»[310].

Феррер Бенамели, в свою очередь, замечает, что в книге «Масонство» Франко лишь повторил с незначительными вариантами то, что содержалось в преамбуле закона от 1 марта 1940 г.: «В утрате колониальной империи, в жестокой войне за независимость, в гражданских войнах прошлого века, иссушивших Испанию, ускоривших падение конституционной монархии и взорвавших диктатуру (имеется в виду диктатура Примо де Риверы. — *С. П.*), в многочисленных преступлениях государства всегда можно обнаружить совместные действия масонов и анархиствующих сил»[311]. Но были у Франко и другие предшественники.

По мнению Абеля Молинса, автора статьи «Проникновение масонов в государственные учреждения», многие депутаты кадисских кортесов были масонами, как и многие герои войны за независимость: Р. Риего, Мина, В. Эспартеро, Ласи, Порлье, Эль Эмпесионада. К масонам он причислил не только многих выдающихся деятелей Просвещения, но и государственных и военных лидеров, так или иначе причастных к истории тернистого и сложного пути модернизации, который прошла Испания в XIX веке — П. Кампоманеса и П. Ховельяноса, Х. Мендисабла и Х. Серрано, Х. Прима и П. Сагасту. Эту позицию, как видно, разделял и сам Франко. «Мы выбросим XIX век из нашей истории», — призвал диктатор в одном из своих публичных выступлений в 1950 г.[312] XIX век был веком

либерализма.

Феррер Бенамели не без основания полагает, что раскрыть все внутренние мотивы масонофобии Франко нелегко. И хотя не вызывает сомнений, что для диктатора масонство и либерализм были синонимами, порой масонофобия побуждала Франко, обычно предельно сдержанного и, казалось, заранее планировавшего не только каждый шаг, но и каждый жест, к весьма экстравагантным поступкам.

4 июля 1952 г. Франко посетил Поблет. Расположенный там монастырь ордена Систерсиенсе, или Дель Систер, основанного бенедиктинцами, находился в процессе реставрации. Генерал ордена, он же аббат монастыря, подвел Франко к могильной плите герцога Уортена, находившейся в атриуме церкви. Как свидетельствовала надпись на могильной плите, Уортен умер в 1731 г. и, как следует из хроники монастыря, «в лоне Римской католической церкви». Франко потребовал от аббата перенести могильную плиту с именем Уортена за пределы стены, окружавшей монастырь и освященное кладбище, что и было сделано через несколько дней после визита Франко. Под этой плитой праха Уортена давно уже не было: могилы монастыря, осквернённые еще в XIX веке, давно уже были пустыми. Но монахи проявили упрямство — в 1955 г. под предлогом реставрации стены кладбища, могильная плита Уортена была водворена на освященную территорию: ведь Уортен умер в лоне Римской католической церкви и был достоин, по мнению монахов, христианского погребения[313]. Если не его прах, то, по крайней мере, его надгробная плита. Но эпизод в Поблет — скорее исключение, чем правило: Франко, военный до мозга костей, редко терял самообладание. Что же касается XX века, то главную роль в борьбе с масонством Франко отвел себе — «часовому, никогда не покидавшему свой пост»: «защитил Испанию от сатанинских козней» в гражданской войне. Теперь же он занят поисками средств, как защитить Испанию «от сверхмасонского государства», чьим приказам, по его убеждению, «подчиняются Вашингтон и Лондон и которое пытается разрушить Испанию по той простой причине, что она внесла Евангелие в мир, и ее люди — солдаты Бога». Х. Туссель в предисловии к книге А. Майора «Франко в изоляции» заметил, что Франко никогда не был фашистом, он был военным, консерватором и традиционалистом. Ни на секунду он не допускал даже возможности изменить нечто важное в своем режиме[314]. Франко, как свидетельствуют многочисленные источники, был убежден, что избран Провидением. Но все же особые надежды Франко возлагал на то, что дверь во внешний

мир ему откроет растущее напряжение в блоке победителей. Он был убежден, что его предупреждения рано или поздно будут услышаны. И он не ошибся.

Выход найден

Франко не мог тогда знать, что 3 марта 1946 г. Дж. Кеннан, советник посольства США в Москве в ранге посланника, в докладе государственному секретарю Бирнсу изложил основы «испанской» политики Кремля, как он ее понимал. Эта политика, по его мнению, — наследие опыта Москвы, приобретенного в годы испанской гражданской войны и Второй мировой войны. Советский Союз брал на себя обязательства перед правительством Республики, и его поражение вызвало сильную досаду. Посылка «голубой дивизии» на русский фронт была неприкрытой агрессией против Советского Союза. Кроме того, испанцы несли прямую ответственность за разрушение и ограбление дворца Екатерины в Царском Селе, возможно, самом прекрасном из русских исторических памятников: в нем они разместили своих лошадей[315].

Кремль, по мнению Кеннана, исходя из предсказуемых перспектив «холодной войны» не заинтересован в успехе политического перехода к умеренному правительству, которое упрочит западный характер Испании. Кремль стремится к дестабилизации правительства Франко, создавая ситуацию политического беспорядка, что позволит компартии, общеизвестной своей способностью к организации и дисциплине, взять под контроль ситуацию[316]. По необъяснимому совпадению два дня спустя У. Черчилль произнес в Фултоне речь, весьма схожую по своей тональности и смыслу с декларацией Дж. Кеннана.

12 марта 1946 г. в «Arriba» была опубликована статья, в которой Хуан де ла Коста (один из псевдонимов Франко и его соавтора Карреро Бланко) предупреждал: «Сталин будет доминировать в Старом Свете и это будет равносильно тому, что поставить на колени Соединенные Штаты. С укреплением позиций на Пиренейском полуострове, Россия будет располагать основными стратегическими позициями для нанесения удара в сердце Британской империи».

В начале июня 1946 г. во время дебатов в палате общин по международным проблемам У. Черчилль в своей пространной речи коснулся и испанского вопроса. Вызвав аплодисменты на скамьях оппозиции своим заявлением, что ему так же мало нравится нынешняя британская администрация, как и кое-кому — режим Франко, У. Черчилль заявил: «Между не нравится правительство и стремлением развязать гражданскую войну в стране существует весьма значительная дистанция… Даже

коммунисты в Испании не поблагодарят иностранные державы за стремление начать вторую гражданскую войну, и ничего нет более глупого, чем говорить испанцам, что они должны сбросить Франко и в то же время, что не нужно военное вмешательство со стороны части союзников, как это можно себе представить»[317].

29 апреля 1947 г. посол Испании в Риме маркиз де Десло в донесении в генеральную дирекцию по внешней политике МИД сообщал, что 24 периодических издания Италии опубликовали статью У. Черчилля «Какова была позиция Испании». В этой статье, необычайно благоприятной, по мнению посла, для Испании, Черчилль поделился своими размышлениями, во многом повторившими его прежние публичные высказывания: «В Англии есть много лиц, которые убеждены, что можно понять внешнюю политику Испании, основываясь на публикациях комических и исключительно оскорбительных карикатур генерала Франко. Это, по моему мнению, не политика». Черчилль так объяснил отказ Испании от участия в мировом конфликте: «Испанцы были сыты предыдущей войной и не хотели начинать вновь».

Он вспоминал о том, какую тревогу испытывали союзники накануне высадки в северо-восточной Африке: «Перед началом этой операции ситуация оставалась напряженной, не исключалась возможность нападения на нас Испании. Но испанцы, однако, сохраняли свою дружескую позицию и держались рассудительно и спокойно. По этой причине никогда нельзя предавать забвению услугу, оказанную Испанией не только Соединенному королевству и Британской империи и сообществу, но и всему делу Объединенных Наций».

Что касается внутренней политики, то только испанцы должны решать ее проблемы. Черчилль решительно высказался против вмешательства в деятельность иностранных правительств[318].

Возможно, эта статья Черчилля подтолкнула МИД Испании к работе над меморандумом «Деятельность различных нейтральных государств в период Второй мировой войны и их вклад в победу союзников». Этот меморандум состоит из нескольких частей. Авторы меморандума надеялись на особый эффект той его части, где шла речь об услугах, предоставленных Мадридом «без ущерба для своего нейтралитета»: правительство Испании «разрешило продажу союзникам, и прежде всего Англии, жизненно важной для военного производства продукции, например, металлических руд (имеется в виду прежде всего вольфрам); разрешило использовать для гражданских и военных судов флотов союзников воды, находившиеся под испанской юрисдикцией в

бухте Алхажирасе, дало согласие на сооружение аэропорта на перешейке Гибралтара для использования воздушных сил союзников; оказало покровительство переходу в Испанию многих тысяч французских граждан и их последующему выезду из страны для вступления в войска союзников; помогало сотням летчиков, вынужденных приземлиться на испанскую территорию или в зоне протектората Марокко; энергично протестовало против действий японских вооруженных сил на Востоке, оказало покровительство тысячам израильтян, способствуя эвакуации многих из них с территорий, оккупированных державами «оси» или же добиваясь их освобождения из всех концентрационных немецких лагерей, что было признано лидерами испанских сефардов, выразивших благодарность в письме в министерство иностранных дел в октябре 1941 г.»[319].

По мнению испанского правительства, «вклад» других нейтральных государств в дело союзников был иным:

«…*Швеция*. Согласно договору с Германией, давала разрешение на продвижение германских войск, провоз оружия и продовольствия для ведения войны в Норвегии. Торговля между Швецией и Германией была очень интенсивной, Швеция поставляла большое количество военных материалов и железных руд.

Швейцария. Вся промышленность Швейцарии была полностью мобилизована на службу военным потребностям Германии.

Дания. Разрешала продвижение германских войск через свою территорию без какого-либо даже символического сопротивления и на протяжении всей войны поддерживала тесное сотрудничество с захватчиками.

Россия. Из-за своего известного соглашения с Германией и ценой половины Польши и стран Балтии поставляла Третьему рейху большое количество угля и зерновых, помогая решающим образом победе Германии над англо-французскими войсками…

И наоборот!

Испания. Если бы в 1936 г. не было восстания под эгидой национального движения и в 1939 г. в Испании продолжало бы быть правительство Народного фронта, испанская армия была бы разбита вместе с французами и англичанами на полях Фландрии и на линии Мажино и было бы совершено германское наступление на Пролив, что вырвало бы из рук Англии ее базу Гибралтар. Пролив мог бы господствовать над сушей, как Скагеррак, и французская армия в Африке была бы обезоружена так же, как это было в метрополии. Весьма возможно, что французский флот попал бы во власть «оси». Весь стратегический маневр союзников на основе броска в Европу из Африки был бы

невозможен. Если немцы остановились перед Пиренеями, то лишь благодаря твердому испанскому нейтралитету»[320].

Особенно авторов меморандума возмущала благодарность союзников: «В то время как газеты и радио союзников захлебываются в нападках на Испанию и ее каудильо, главы других государств нейтральных стран, которые содействовали победе немцев, являются объектами любезности всех видов». И примеры:

«Предательство русских забыто (имеется в виду пакт 1939 г. — *С. П.*) и Сталин, назвавшийся маршалом, предстал перед народами Запада как великий друг мира.

Маршал Маннергейм, союзник Гитлера, награжденный железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами, пользуется еще большим уважением среди англосаксов.

Король Румынии, союзник Германии против России, сохранил трон и был награжден советским орденом Суворова. (Так в тексте. Король был награжден орденом Победы. — *С. П.*)

Густав — король Швеции, и Кристиан — король Дании, сохранили свои троны, и никто не проявлял озабоченности о внутренней политике их стран.

Принц Савойского дома Умберто, командующий войсками под началом Муссолини, получил защиту от коммунистов благодаря англосаксам.

Каковы же объяснения всему этому вопреки здравому смыслу? Но это же ясно… Если Испания подвергается атакам, то не из-за своего режима, который мир не знает и не хочет знать, не из-за своего каудильо и не потому что помогала или не помогала державам-победительницам. Она подвергается атакам из-за того, что является католической страной и хочет быть политически независимой, уклоняясь от вмешательства масонства в управление своего государства»[321].

Какая искаженная и пристрастная логика! Если Франко и не был непосредственно причастен к созданию этого документа, то, несомненно, его авторы находились под воздействием статей, посвященных масонству, публикуемых в эти годы в «Arriba». Их автор — Хуан де ла Коста, что, как известно, было одним из псевдонимов Франко.

«Пророчества» Д. Кеннана, Черчилля и самого Франко если и были услышаны в Европе и за океаном, то прошло немало времени, чтобы они воплотились в политическую практику. Но Франко умел выжидать.

Нельзя не согласиться с Васкесом Монталбаном, что путь к открытию Европы был все еще не проторен, к тому же часть «европейских демократий» занимала уклончивую позицию, когда

дело касалось Испании[322].

Первыми «проторили» путь к Испании США. Американская дипломатия заговорила вслед за Дж. Кеннаном о планах «экспансии» Кремля, и кто, как не Франко, мог стать барьером на ее пути. Но и Вашингтону на первых порах приходилось соблюдать осторожность: общественное мнение пока не было готово принять Испанию такой, какой она еще продолжала быть, в западное сообщество.

4 февраля 1948 г. адмирал Ф. Шерман, новый командующий VI американским флотом, прибыл в Мадрид. Как и следовало ожидать, посещение столицы Испании столь высоким американским должностным лицом практически впервые после окончания Второй мировой войны, вызвало большие толки в Европе и в Америке.

Последовало разъяснение, что этот визит носил частный характер: любящий отец посетил свою дочь, бывшую замужем за лейтенантом Дж. Фицпатриком, помощником морского атташе при американском посольстве в Мадриде.

30 марта 1948 г. палата представителей 149 голосами против 52 одобрила включение Испании в «план Маршалла», но сенат, столкнувшись с единодушным протестом правительств большинства стран Западной Европы, не поддержал резолюцию палаты представителей. В результате была принята совместная резолюция обеих палат, рекомендовавшая передать вопрос о включении Испании в «Программу восстановления Европы» на усмотрение самих европейских держав[323].

О'Конски объяснил это решение «постыдной политикой умиротворения красных из Москвы и из нашего госдепартамента и министерства торговли»[324]. Однако рассерженный конгрессмен напрасно зачислял всех опасающихся подрыва морального престижа США в глазах общественного мнения своей страны и мира в «красные». Скорее он сам со своими единомышленниками проявил неосмотрительность, добившись обсуждения «Испанского вопроса» в конгрессе. Все, что касалось мер по стабилизации франкистского режима, госдепартамент предпочитал не предавать широкой гласности, а тем более обсуждению в конгрессе, не всегда управляемом. И не случайно, что все соглашения с Испанией вплоть до самой смерти Франко не выходили из рамок статуса «исполнительных», т. е. не подлежащих ратификации в конгрессе.

Не прошел незамеченным и визит М. Тэйлора 30 марта 1948 г., по поводу которого вашингтонский корреспондент газеты «Le Monde», заметив, что смятение в связи с исключением Испании из «плана Маршалла», улеглось, с уверенностью писал,

что «в Вашингтоне полагают, что интерес к проблеме Испании не убавился и утверждают, что визит Майрона Тэйлора в Испанию тесно связан с этим интересом». Корреспондент отметил, что особое значение Испании придают в министерстве национальной обороны. Корреспондент «Le Monde» не ошибся.

В начале октября 1948 г. Мадрид посетил председатель комиссии сената по делам вооруженных сил республиканец Ч. Герни. Во время визита к главнокомандующему испанской армией генералу Х. Вигону сенатор и сопровождавшие его офицеры пытались выяснить отношение испанского правительства к возможности использования Соединенными Штатами некоторых испанских морских баз, в частности Барселоны, Кадиса и Картахены, а также ряда военных аэродромов, в том числе и на Балеарских островах. Сенатор проявил неожиданную «широту» взглядов, заявив, что «нам не приличествует указывать другим странам, какого рода правительства они должны иметь»[325].

Герни был принят в Эль Пардо. Франко согласился, что пришло время для установления сотрудничества между Испанией и Соединенными Штатами, но вместе с тем настаивал на том, чтобы обязательными предварительными условиями этого сотрудничества должны стать принятие Испании в ООН, распространение на Испанию помощи по «плану Маршалла» и возвращение послов стран Запада в Мадрид[326].

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне состоялось формальное подписание договора, учредившего НАТО. Испания не была включена, хотя специально было оговорено, что она, равно как и Западная Германия, могут быть приняты в НАТО «в определенное время». Однако обещание открыть в будущем двери в НАТО для Испании вызвало резко отрицательную реакцию западноевропейской печати. Внешнеполитические обозреватели ведущих газет Запада объясняли это тем, что Испания — такая, какой она продолжала быть, — одним своим участием в НАТО способна скомпрометировать организацию, в преамбуле устава которой записано, что государства, вошедшие в нее, поддерживают принцип «демократии, индивидуальной свободы и законных норм».

Тем временем госдепартамент вновь выступил с предложениями предоставить заем Мадриду в обмен на реформы политического и экономического характера и даже сулил немедленное принятие в ООН и НАТО в том случае, если будут сделаны решительные шаги в направлении восстановления гражданских свобод, или еще лучше, если Франко сам откажется от власти.

Но Франко не только не собирался оставить власть, а, напротив, все больше укреплялся в намерении обратить планы Пентагона в отношении Испании в универсальный ключ, которым надеялся отпереть ворота в стене международной коалиции.

Его уверенность основывалась на многочисленных источниках информации, включая и секретные сведения, иной раз разительно отличавшиеся от официальных заявлений госдепартамента и комментариев зарубежной прессы.

Так, 4 июля 1950 г. Мартин Артахо передал ему запись секретной беседы своего доверенного лица с полковником Дж. Миллером, военным атташе США в Мадриде, состоявшейся накануне.

Дж. Миллер поведал, что, несмотря на продолжающуюся борьбу между Пентагоном и госдепартаментом относительно Испании, скоро наступят перемены. «В не столь отдаленном будущем эта борьба закончится, и отношения, как дипломатические, так и военные, нормализуются на благо обеих стран»[327].

Публично Трумэн поддержал администратора «плана Маршалла», решительно выступившего против предоставления кредитов Мадриду. Однако в те же самые дни, когда в упомянутой сенатской комиссии дебатировался «испанский вопрос», президент дал согласие на то, чтобы адмирал Р. Коннэли, командующий морскими силами США в Средиземном море и восточной Атлантике, прибыл с «визитом вежливости» в Эль Ферроль.

Американская эскадра прибыла в место назначения 3 сентября 1949 г. и, как отмечали газеты того времени, это было первое официальное посещение такого рода с начала гражданской войны. Адмирал Р. Коннэли нанес визит Франко в его летней резиденции близ Ла-Коруньи и в течение часа беседовал в ним. Американская эскадра — два крейсера и два эскадренных миноносца — две недели находилась в испанских водах, а ее экипаж получил разрешение посетить Мадрид.

Мадридцы при чтении газет и при виде моряков-янки на улицах приходили к выводу, что, вероятно, наступает улучшение в отношениях между Франко и Соединенными Штатами и, возможно, со всем внешним миром. И они не ошиблись. Инициативу этому визиту приписывали морскому министру Ф. Мэтьюзу. В этой связи журналисты обращали внимание на то, что Мэтьюз был видным католиком. Гаррига называет его даже тайным рыцарем «плаща и кинжала папского двора»[328]. Можно предположить также его связь с активистами испанской «Национальной католической ассоциации пропагандистов», среди

которых был и Мартин Артахо, приложивший немало усилий, чтобы аргументы, обосновывавшие идентификацию устоев испанского режима с католицизмом, были услышаны и за океаном.

Однако Мэтьюз все же руководствовался критериями военными, разделяемыми и иными его коллегами в Пентагоне, согласно которым Испания должна стать важной опорной базой Западной Европы в предполагаемой войне с Россией. Несколькими днями позже Д. Ачесон заявил, что «Испания свободна обращаться к Импортно-Экспортному Банку, как и любая другая страна», а в январе 1950 г. нью-йоркские филиалы Нэшн Бэнк и Сити Бэнк уже предоставили Испании заем в 25 млн долларов для покупки продуктов питания.

Заявление Ачесона было с удовлетворением встречено Франко. 3 февраля 1950 г. Мартин Артахо назвал его запоздалым, но реалистическим признанием допущенной западными странами ошибки — принятия в Потсдаме предложения Советского Союза об исключении Испании из системы международного сотрудничества[329]. Перед Мадридом открывались перспективы возвращения в эту систему, причем на его условиях — сохранении прежнего режима. И если реакция Лондона и Вашингтона на включение Испании в НАТО по-прежнему была отрицательной, предложения об отмене резолюции 1946 г. в кругах ООН не встречали отныне большого сопротивления. А эта отмена в тех конкретных условиях рассматривалась американской дипломатией прежде всего как первое и необходимое условие для будущего включения Испании в НАТО.

26 октября 1950 г. Специальный комитет по политическим вопросам ООН приступил к обсуждению резолюции, внесенной делегациями Доминиканской Республики, Коста-Рики, Перу, Сальвадора, Филиппин, Никарагуа, предлагавшей отменить рекомендации ООН 1946 г. об отзыве послов из Мадрида и о недопущении Испании в специализированные учреждения ООН.

5 ноября резолюция специального комитета была внесена на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН. За резолюцию, предусматривавшую возвращение послов в Мадрид было подано 38 голосов, 10 — против, 12 делегатов воздержались. За принятие Испании в специализированные учреждения ООН: 39 — «за», «против» — 10, 11 делегатов воздержались[330].

Обычно сдержанный Франко не скрывал своего удовлетворения. Мадрид ликовал. Мартин Артахо по получении известия о результатах голосования сделал заявление, опубликованное в газете «ABC» 7 ноября, что на своего рода

политическом процессе в ООН Испания из обвиняемой превратилась в обвинителя, а поэтому может требовать соответствующее возмещение за причиненный в результате резолюции 1946 г. ущерб. Франко был более лаконичен: «Изменились они, а не мы»[331].

То, что вызвало прилив энтузиазма в Мадриде, ввергло в глубокий пессимизм те силы оппозиции, которые все надежды возлагали только на помощь «западных демократий». Индалесио Прието, находившийся в это время в Гаване, передал на пресс-конференции иностранным журналистам текст письма, направленного им Исполнительной комиссии ИСРП. «Мне как демократу с прискорбием приходится отметить, что правительство Вашингтона, лидер мировой демократии, оказало покровительство принятию подобной поправки, но как социалисту мне мучительно стыдно, что среди десяти голосов, поданных против Франко, не фигурировала ни одна европейская страна, управляемая полностью или частично социалистическими партиями, входящими в КОМИСКО, где состоим и мы. Провал полный… По моей вине партия стала жертвой иллюзий, которые ослепили меня»[332]. На той же пресс-конференции Прието заявил о своей отставке с поста председателя ИСРП и вице-председателя ВСТ.

Одним из символов нового внешнеполитического курса США было согласие Госдепартамента на назначение послом Испании в Вашингтоне 27 декабря 1950 г. Хосе Феликса Лекерики. Посол Мадрида при «правительстве» Петэна и министр иностранных дел в канун военного краха европейских держав «оси», после своей отставки с поста министра в июле 1945 г. он был назначен Франко послом в Вашингтон. Однако тогда правительство США отказалось признать это назначение из-за прошлого Лекерики. Так он и жил в Вашингтоне, выполняя функции нечто вроде полуофициального инспектора над послами и посланниками, щедро расточая, как заметил С. Мадариага, деньги испанских налогоплательщиков на торжественные приемы всех жаждущих до них в американской столице. 17 января Лекерика вручил свои верительные грамоты Трумэну. После аудиенции, продолжавшейся менее трех минут, — столь демонстративно короткий прием, по замыслу его устроителей, должен был внушить все еще многочисленным противникам франкизма в США, что правительство «морально» с ними — Лекерика заявил корреспондентам, что его страна «безусловно готова дать отпор любой агрессии и защитить Европу»[333].

Посол США в Испании С. Гриффитс, прибывший в Кадис двумя месяцами позже, вступив на испанскую землю, обещал

«приложить все усилия и использовать все имеющиеся у него возможности для того, чтобы узы взаимопонимания, культуры и торговли между великой Матерью-Родиной обеих Америк и ее дочерью стали еще более крепкими». Для своей речи при вручении верительных грамот новый глава американской миссии избрал ту тональность, которая, как он полагал, как нельзя лучше соответствовала взглядам главы испанского государства: «Испания является великой католической страной и у нее много братьев-католиков в США. США и Испания снова вместе… будут укреплять основу христианской цивилизации, одинаково нами ценимой»[334].

Выдержанные в традиционалистских тонах мирные речи Гриффитса не могли, однако, скрыть того факта, что именно Соединенные Штаты были заинтересованы в военном соглашении с Испанией, в то время как для Испании союз с США был желателен прежде всего как выход из состояния изоляции.

Сама мысль о союзе с Франко, казавшаяся невозможной пять лет назад, находила теперь поддержку у многих американских конгрессменов. В этой связи уместно вспомнить, что в те же самые дни, когда принималась резолюция с упомянутой выше оговоркой, Франко принимал в Эль Пардо одного из руководителей Американского Легиона Германа Люрса, которому была пожалована «медаль достоинства». Как известно, эта организация насчитывала тогда в своих рядах около четырех миллионов членов, и среди них — 256 депутатов и 58 сенаторов[335].

Через несколько дней после прибытия Гриффитса Мадрид принимал британского посла Бальфура. Его так же, как и Гриффитса, провезли по улицам испанской столицы в карете XVIII века, запряженной шестью лошадьми, украшенными плюмажами, в сопровождении всадников в мавританских одеждах. Но прием удивил его своей холодностью, несмотря на все атрибуты положенного церемониала. Ведь в свое время в прессе было опубликовано его интервью, в котором он высказал свое суждение о диктатуре Франко: по его мнению, она была более мягкая и эластичная по сравнению с диктатурой Сталина и Гитлера.

Бальфур был карьерным дипломатом, блестящим лингвистом, связанным с испанским миром, в начале карьеры он уже служил в посольстве Англии в Мадриде, а теперь прибыл из Аргентины в ранге посла.

Злопамятный Франко не мог простить Лондону, что он отказал в агремане Кастиэлье, в то время послу Испании в Перу, так как тот был добровольцем «голубой дивизии», принимал

присягу верности гитлеровской Германии, был удостоен ордена «Железный крест». Припомнили на Британских островах и его соавторство с Х. Ареильсой: в разгар войны они издали книгу «Испания — восстановление своего места», где обосновали империалистические притязания Мадрида[336].

Получив отказ принять Кастиэлью, Франко предложил Лондону в качестве посла плейбоя Мигеля Примо де Риверу, брата основателя фаланги, в прошлом министра сельского хозяйства, а в рассматриваемое время — алькальда Хереса.

Коварный диктатор, заметил П. Престон, предположил, что Лондон не откажет дважды дать агреман, и тем самым обяжет Великобританию принять в качестве посла живого символа фаланги, из-за которой Испания была приговорена к изоляции на протяжении пяти лет[337].

Не забыл Франко и выступление парламентского субсекретаря Э. Дэвиса, который заявил на сессии британского парламента, когда консерваторы добивались восстановления дипломатических отношений с Испанией, что режим Франко остался таким же отталкивающим сейчас, как и раньше.

Франко отплатил той же монетой в интервью корреспонденту итальянской газеты «Roma»: по мнению испанского диктатора, «нет никакой разницы между социалистическим империализмом Лондона и коммунистическим империализмом Москвы»[338]. Он был убежден, что враждебность Великобритании и США — это все еще продолжающийся заговор масонства. В демократические устремления Вашингтона и Лондона он не верил.

Несмотря на продолжающуюся изоляцию Испании, Франко не смягчил своего нрава. Сульцбергер, удостоившийся чести присутствовать 6 марта 1951 г. на завтраке в Париже у Эйзенхауэра, записал в своем дневнике, опубликованном много лет спустя, что генерал, ссылаясь на одного европейского деятеля, сказал, что ему известно о желании Франко получить приглашение вступить в НАТО с тем, чтобы иметь удовольствие с презрением его отвергнуть[339].

Франко было известно, что Трумэн в конце марта 1950 г. заявил, что не видит никакого различия между СССР, Германией Гитлера и Испанией Франко, т. к. все они — полицейские государства. Но Трумэн не всегда следовал своим симпатиям и антипатиям.

Направляя Ф. Шермана в Испанию, он напутствовал адмирала: «Франко мне не нравится и никогда не понравится, но я не позволю, чтобы мои личные пристрастия взяли верх над вашими, военных»[340].

16 июля адмирал Шерман прибыл в Мадрид и был принят

Франко. Во время переговоров в Эль Пардо, длившихся почти два часа, речь шла, по словам Фицпатрика, адъютанта и зятя адмирала, «о необходимости улучшения отношений между Соединенными Штатами и Испанией в свете международного положения». Собеседники пришли к взаимопониманию, но отложили вопросы о базах и о военной и экономической помощи до последующих переговоров[341].

18 июля Шерман и сопровождавшие его лица присутствовали на традиционном приеме в честь очередной годовщины мятежа, который Франко давал в королевской резиденции Ла Гранха. На другой день адмирал вылетел в Париж для встречи с Эйзенхауэром. Покидая столицу Испании, Шерман заявил, что вернется в Мадрид перед возвращением в Вашингтон. Однако 22-го, в Неаполе, адмирал умер от сердечного приступа.

Многие авторы, как испанские, так и американские, обнаружили явную склонность к переоценке последствий этой смерти для развития отношений между Вашингтоном и Мадридом.

Но переговоры продолжались, хотя для достижения соглашения понадобилось еще два года: не сразу удалось преодолеть несовпадение, вернее неполное совпадение побудительных мотивов договаривающихся сторон. Для Франко, как заметил Р. Гаррига, предстоящее соглашение было чем-то большим, «нежели операция обмена кое-каких баз на вооружение и экономическую помощь, он жаждал союза с американцами, т. е. того, на что Трумэн и Ачесон не могли взирать благосклонно, несмотря на давление Пентагона, поскольку роль борцов за мировую демократию нельзя было примирить с ролью союзника последнего фашистского режима, пережившего разгром Гитлера и Муссолини»[342]. Но были и весьма влиятельные в Европе и мире сторонники предстоящего соглашения. Черчилль, которого Сульцбергер посетил в его доме 19 июля, заметил, что Соединенные Штаты вправе вести переговоры о заключении негласного двухстороннего соглашения с Испанией[343]. Именно негласного, если доверять записи Сульцбергера. Даже Черчилль тогда не допускал гласного соглашения.

Были и противники соглашения с США не только в Европе и за океаном, но и в Испании. Уайтекер справедливо замечает, что в полной мере нельзя судить о сопротивлении в стране заключению испано-американского соглашения из-за отсутствия свободы прессы и публичных выступлений, однако, такое сопротивление вне всякого сомнения было, и к тому же, по его мнению, достаточно внушительное и широко распространенное. Сопротивление оказывали не только враги режима, но даже кое-

кто из его сторонников.

О позиции первых известно широко: весь спектр эмигрантской оппозиции — от коммунистической партии Испании до либералов, особенно тех, кто считал своим идейным лидером С. Мадариагу, — неоднократно публично высказывал свое резко негативное отношение к предстоящему военному союзу с США. О сопротивлении этому союзу со стороны тех, кто поддерживал режим, известно меньше.

Возможности для выражения своей точки зрения, отличной от Франко, у последних были относительно невелики, но все же имелись, поэтому и об их аргументах можно составить некоторое представление. Политологи обычно делят такого рода противников соглашения с США на три группы: националистов, традиционалистов и католиков. Националисты были против предоставления баз любой иностранной державе и присутствия иностранных войск на испанской земле; традиционалисты ссылались «на исконный испанский нейтралитет» и изоляцию; католики опасались контактов с протестантским миром, неизбежных при союзе с Соединенными Штатами[344].

Эти группы с явным недоверием взирали на намерение Франко «заманить на католическую землю Испании англосаксонские протестантские орды с их сомнительными манерами и с еще более сомнительной моралью». Деление на эти группы было весьма условным. Особенно слабо различима была грань между националистами и традиционалистами, т. к. и традиционалисты все еще руководствовались заветами Менендеса-и-Пелайо, согласно которым «единственным путем спасения Испании является искоренение в стране всех остатков иностранной скверны; страна должна черпать силы из своих собственных источников; лишь при выполнении этого условия в Испании может возродиться католическая культура, призванная в конце концов освободить мир»[345]. К тому же далеко не все католики боялись контактов с США.

Напротив, члены группы «Католическое действие», и особенно те из них, кто входил в «Национальную католическую ассоциацию пропагандистов», всеми доступными им способами оказывали воздействие на своих единоверцев в Соединенных Штатах, побуждая их к решительным шагам, направленным на вывод Испании из международной изоляции любым способом, в том числе и на путях заключения военного соглашения.

Сопротивление установлению более тесных связей с США проявляли преимущественно сторонники кардинала Педро Сегуры — архиепископа Севильи, духовного пастыря консервативной оппозиции Франко, который открыто протестовал

против обмена «католической совести» Испании на «еретический доллар». Воинственный престарелый прелат неоднократно выражал свое неудовольствие Франко за его отказ уступить трон «законным» владельцам. Когда Франко посетил Севилью в 1953 г. во время весенней ярмарки, Сегура отказался предоставить ему духовника, и диктатору пришлось вызвать своего из Мадрида. А несколькими месяцами позже архиепископ демонстративно отказался присутствовать на церковном собрании, т. к. там находился Франко[346].

Однако Франко не страшился фронды своего разрешенного режимом усеченного «гражданского общества». К тому же он надеялся, что предстоящий конкордат с Ватиканом, к необходимости заключения которого он, наконец, склонился, поможет дисциплинировать несговорчивых «ультракатоликов», сторонников Сегуры.

Ватикан в свое время неоднократно предлагал Испании возобновить конкордат 1851 г., расторгнутый Республикой в 1931 г. Франко не желал поступиться установленным им самим правом назначать высших иерархов испанской церкви. В свое время Франко считал уместным ссылаться на негативное отношение руководителей рейха к соглашениям с Ватиканом. Об их аргументации дает некоторое представление высказывание Гитлера: по его мнению, конкордат невыгоден потому, что «если однажды государственная политика перестанет устраивать Рим или клир, священнослужители выступят против государства»[347].

После разгрома европейских держав «оси» диктатор сменил аргументацию, но по-прежнему откладывал заключение конкордата, полагая, что он укрепит позицию тех католических деятелей, которые противились попыткам идентификации церкви и режима, предпринимаемым на исходе войны и в первые послевоенные годы. Поиски выхода из международной изоляции заставили испанское правительство внять доводам тех, кто полагал, что конкордат смягчит сопротивление консервативных католических кругов подписанию соглашений с Соединенными Штатами, которого они страшились из-за неизбежных контактов с протестантским миром. А значит, создаст благоприятные условия для выхода из изоляции. Особо активен был министр иностранных дел Мартин Артахо. Однако после принятия резолюции ООН от декабря 1946 г., Ватикан, по-видимому, не считал возможным проявлять большую настойчивость касательно конкордата со страной, которой большинство членов ООН объявило фактический бойкот. Эта сдержанность Ватикана была весьма относительной, т. к. дипломатические отношения с Испанией никогда не прерывались, нунций не покидал Мадрид на

более или менее длительный срок и в течение 1945–1950 гг. были подписаны частичные соглашения, детализировавшие соглашение от 7 июля 1941 г., давшее папе право назначать в церковную иерархию Испании своих чиновников[348]. Мартин Артахо, выступая в кортесах 14 декабря 1950 г., особо подчеркнул, что «Святой престол никогда не колебался относительно сохранения своего дипломатического представительства в Испании»[349]. Поиски выхода из международной изоляции побудили испанское правительство самому выступить с инициативой возобновления переговоров о конкордате.

В 1948 г. послом Испании при папском престоле был назначен Х. Руис Хименес, до этого директор Института испанской культуры. Инициатором этого назначения был Мартин Артахо, выпускник, как и Руис Хименес, иезуитского университета Деусто. Новый посол с 1940 по 1946 гг. являлся президентом международной католической организации «Pax Romana» и был известен как активист «Национальной католической ассоциации пропагандистов». Широкие связи Руиса Хименеса с влиятельными католиками многих стран мира сыграли, по-видимому, известную роль в том, что именно на него была возложена нелегкая задача ведения переговоров о конкордате.

По словам самого Руиса Хименеса, он вполне отдавал себе отчет в тяжести своей миссии: еще накануне его отъезда в Рим один видный деятель церкви (имя его Руис Хименес не называет. — *С. П.*), отражая весьма распространенное в своем кругу мнение, с уверенностью говорил новому послу: «Вам не удастся добиться того, чтобы начались переговоры о конкордате до тех пор, пока в Испании не изменится политическая ситуация»[350].

Но весь замысел Франко и состоял именно в том, чтобы добиться выхода из международной изоляции, минуя изменение политической ситуации. А конкордат и должен был сыграть роль «веского аргумента», который, как надеялся диктатор, убедит влиятельные католические круги в мире, и в первую очередь в Соединенных Штатах, в приемлемости для Запада той Испании, какой она и продолжала быть.

В течение 1949 — первой половины 1951 гг. Руису Хименесу удалось установить контакт с влиятельными в Ватикане лицами, и прежде всего с Тардини и Монтини, удостоиться приема у папы и подготовить проект конкордата. Однако в июле 1951 г., когда Руис Хименес был отозван из Рима в связи с включением его в обновленный состав правительства в качестве министра национального образования, до подписания конкордата было еще

далеко. Как видно, с пути подписания соглашений с Соединенными Штатами еще не все препятствия были устранены. Тем не менее 1951 г. знаменует для Испании завершение целого этапа: начало конца международной изоляции.

Официальные переговоры о заключении двухсторонних соглашений начались в Мадриде 14 апреля 1952 г. Уровень представительства Испании на переговорах был достаточно высок: делегацию возглавлял министр иностранных дел Мартин Артахо, его коллегами были генерал-лейтенант Х. Вигон и министр торговли М. Арбуруа, оба — сторонники более тесных контактов с внешним миром. Американская сторона была представлена новым послом Вашингтона в Мадриде Линкольном Майвигом, незадолго до начала переговоров переведенным из Лисабона, генерал-майором А. Кисснером, представлявшим военно-воздушные силы, и Дж. Туреном, экономическим экспертом, переведенным по просьбе посла из Лиссабона.

С приходом к власти администрации Эйзенхауэра темп ведения переговоров ускорился. У Пентагона исчезла необходимость оказывать давление на Госдепартамент, так как в штабном мышлении генерала-президента стратегическая роль Пиренейского полуострова была решающим аргументом в споре с противниками союза с франкистской Испанией.

Вскоре после прихода к власти администрации Эйзенхауэра Мадрид получил нового посла — Дж. Дана, до того представлявшего Соединенные Штаты в Париже.

В Мадриде не скрывали чувства удовлетворения назначением нового посла — влиятельный в католических кругах Соединенных Штатов заместитель госсекретаря в годы гражданской войны Данн имел репутацию друга националистической Испании. Сам Эйзенхауэр, по-видимому, сыграл исключительную роль в заключении испано-американского соглашения. В американской администрации все еще было много противников Испании и, возможно, переговоры закончились бы провалом, если бы каудильо не обратился прямо к генералу Эйзенхауэру, настойчиво умоляя его принять окончательное решение, которое покончит с тем постыдным торгом, который вел к унижению нашего достоинства. К этому письму «североамериканский президент, — как отметил Карреро Бланко, — отнесся как настоящий кабальеро и, убежденный нашими доводами и собственным опытом, дал указание своему послу немедленно подписать соглашения, что и было сделано 26 сентября 1953 г.»[351].

Заявление МИД Испании о грядущем соглашении Испании и США было благожелательно воспринято европейским обществом.

В обзоре прессы за 1952 г., подготовленном для Мартина Артахо, внимание было привлечено к позиции министерства иностранных дел Голландии: «О роли Испании в деле общей защиты Европы»[352]. Ту же самую тональность МИД Испании усмотрел и на страницах «Le Monde» от 20 февраля 1952 г.: «Испания готова сыграть свою роль в защите Запада, как об этом говорится в заявлении ее министерства иностранных дел. Испания должна стать базой для обороны и защиты континента. Что касается вступления в НАТО, то это вопрос не сегодняшнего дня, так как те, кто подписали Атлантический пакт, все еще не понимают истинной позиции Испании».

Но с особым удовлетворением в МИД Испании было встречено суждение комментатора «News Cronicle» от 24 апреля 1953 г.: «Испания, которая в последние 13 лет осуществила титанические усилия в области экономики, нуждается в иностранной помощи для продолжения своего движения по пути прогресса… Испания, лишенная благодеяний «плана Маршалла» и тех огромных дотаций, которые были предоставлены народам Европы — друзьям и недругам, законным и незаконным. Уже настало время, чтобы помощь была предоставлена также и Испании… Но не в форме милости, а достойная помощь, единственная, которую Испания может принять».

Франко был удовлетворен: то, что он пытался внушить Сульцбергеру, а вслед за ним и другим визитерам-дипломатам и журналистам, наконец-то встретило понимание влиятельных групп общественного мнения Западной Европы.

Заключенный 26 сентября 1953 г. пакт представлял собой не одно, а три соглашения: об обороне между правительствами США и Испании; об экономической помощи; об обеспечении взаимной безопасности. Все три соглашения имели исполнительный статус, т. е. не подлежали ратификации конгрессом США.

По соглашению об обороне США обязывались оказывать Испании «помощь военным снаряжением», а правительство Испании разрешало США содержать и использовать для военных целей совместно с правительством Испании «участки и сооружения, какие могут быть определены компетентными органами обоих правительств» (ст. 1).

Соглашение об экономической помощи накладывало на правительство США обязательство предоставить Испании «такую экономическую или техническую помощь, которая может потребоваться испанскому правительству и может быть одобрена правительством Соединенных Штатов в соответствии с условиями действующих законов Соединенных Штатов, а также в соответствии с условиями действующего соглашения» (ст. 1).

Правительство Испании обязывалось стимулировать развитие внешней торговли путем снижения таможенных барьеров, заключить соглашение, предусматривающее установление для американцев особой системы платежей и международных расчетов, понижение стоимости песеты по отношению к доллару, предоставление американским компаниям и предпринимателям права на «прогрессирующую конверсию» получаемой в Испании прибыли в долларах (ст. 2).

Соглашение об обеспечении взаимной безопасности накладывало на США обязательство по принятию мер, необходимых для приобретения материалов, в которых могут нуждаться США. Обе страны обещали предоставить друг другу в целях взаимного обеспечения безопасности «оборудование, материалы, услуги и другие виды помощи».

Срок действия соглашений устанавливался в 10 лет при автоматическом продлении на два последующих пятилетних периода, если ни у одного из правительств не будет возникать каких-либо возражений[353].

«Совместно используемые» военно-воздушные базы создавались в Торрехон-де-Ардосе, близ Мадрида, занимая 1320 га, в Мороне, близ Севильи, — 1000 га, в Сарагосе — 1800 га. Об этом было объявлено официально. Но имелись и секретные приложения. Директор мадридского бюро газеты «The New York Times» Тэд Шульц, касаясь этих положений, отмечал, что они предоставляли Вашингтону «право на полет над Испанией бомбардировщиков с ядерным оружием, на размещение самолетов стратегической авиации и заправщиков на новых базах и на заправку бомбардировщиков над испанской территорией»[354]. Эта часть соглашения в свое время не была оглашена, так как касалась совершенно секретных операций стратегической авиации США. Создание в последующем базы в Роте, близ Кадиса, для подводных лодок с ракетами «Поларис» оказалось первым открытым признанием, что Соединенные Штаты и Испания вступили в ядерное сотрудничество.

За месяц до подписания соглашений с Вашингтоном 26 августа был подписан конкордат с Ватиканом, предоставивший католической церкви в Испании большие привилегии в таких сферах, как гражданское право, образование, право собственности. Освобождалось от налогов принадлежавшее церкви имущество, государство взяло на себя обязательство оказывать церкви субсидии (статья XIX), подтвердилась обязательность «введения религиозного образования во всех центрах обучения, государственных и частных» (статья XXVII), подтверждался контроль церкви над содержанием программ

радио и телевидения; все книги и иные публикации, в первую очередь те, которые имели отношение к образованию, должны были соответствовать историческим догмам и морали — в противном случае церковь могла их изъять из обращения (статья XXIX)[355].

Конкордат был заключен без изменения политической ситуации в Испании. Ватикан как бы предлагал католическим общинам Европы и США примириться с той Испанией, какой она продолжала оставаться. За первой брешью в стене изоляции вскоре последовала и вторая — месяц спустя было заключено соглашение с США.

Связь между двумя этими актами была настолько очевидна, что она не ускользнула от внимания современников. Примас испанской церкви кардинал Пла-и-Даниэль 31 октября 1953 г. в журнале «Ecclesia» весьма своеобразно разъяснил причину этой взаимосвязи: «Божественному провидению было угодно, чтобы месяц спустя после подписания конкордата со Святым престолом, в котором устанавливалось единство католиков, наша страна смогла подписать соглашение экономического и военного характера с Соединенными Штатами».

Не ускользнуло от внимания современников и то обстоятельство, что все три дипломата высокого ранга — Мартин Артахо, Кастиэлья и Руис Хименес, — сумевшие добиться заключения конкордата и подписания соглашений, положивших начало размыванию изоляции Испании при сохранении устоев режима, были видными католическими деятелями.

Франко и Россия

Заключение 26 сентября 1953 г. испано-американского соглашения об обороне, экономической помощи и обеспечении взаимной безопасности помогло «приоткрыть дверь» в западное сообщество. Но и отношения с Востоком все же занимали Франко. Как явствует из рукописной пометки, 17 февраля 1947 г. Франко начертал: «Ни Восток, ни Запад». Он любил повторять свои критические замечания относительно Запада: «одряхлевший мир… экономические мифы… материализм… терроризм». Менее известны его суждения о Востоке, а точнее о русских: «Простодушие русского народа, различие между русским народом и коммунизмом, реализм русских, величайшие ошибки в строительстве государства и общества. Будущее русских — демократия против тоталитаризма, анархия и рационализация»[356]. СССР он всегда предпочитал называть Россией.

Интересовали его и условия, на которых могли бы вернуться пленные «голубой дивизии», а также те испанцы, «которые удерживались в России против их воли».

В 1948 г. испанский представитель в международном Красном Кресте маркиз Вильялобара передал советским представителям меморандум, в котором правительство Испании просило информировать о возможных условиях, на которых правительство СССР могло бы освободить военнопленных «голубой дивизии».

27 мая 1949 г. испанский поверенный в делах в Лондоне известил Мартина Артахо, что он выполнил его поручение: направил ноту новому послу Великобритании в СССР Келли накануне его отъезда в Москву. Келли был католиком, и в Мадриде ожидали благоприятный отклик на его просьбу разыскать и способствовать возвращению военнопленных, входивших в «голубую дивизию» и соединения СС; детей, отправленных в Россию в годы гражданской войны; летчиков-республиканцев, проходивших обучение в 1939 г., многие из которых воевали в годы Второй мировой войны в рядах Красной армии, но хотели бы вернуться в Испанию; экипажи судов, оставшихся в СССР в конце испанской гражданской войны. Достоверными сведениями ни о количестве, ни об именах испанцев, желающих вернуться на родину, испанское министерство иностранных дел не располагало[357].

Некоторое уточнение внес посол Испании в Берне в своем донесении в июне 1949 г. По сведениям, полученным от

австрийских военнопленных, возвратившихся на родину, 200 военнопленных из «голубой дивизии» находились в лагере № 7038/59 близ Череповца и еще 30 — около Харькова. Были и другие лагеря: близ Суздаля, Тулы, в Боровичах[358].

Министерство иностранных дел Испании отслеживало любые сведения и даже слухи об испанцах, удерживаемых помимо их воли в СССР. Так, Мартину Артахо 17 января 1951 г. была направлена нота с грифом «секретно», в которой сообщалось о контакте с журналистом, бывшим офицером польской армии, прибывшим в Мадрид в качестве представителя синдиката консервативной прессы. Согласно его сведениям, полученным от польского инженера Долины, недавно освобожденного из лагеря в Безинянске, что в сибирской зоне, в этом лагере находятся 1,5 тыс. испанцев. В большинстве своем — это пленные «голубой дивизии», остальные — интернированные «красные». При этом он ссылается на книгу Валентина Гонсалеса (он же — Кампесино) [359]. Коммунист, в прошлом шахтер, в годы гражданской войны он стал одним из наиболее выдающихся командиров республиканской армии, участвуя во всех наиболее важных битвах — под Гуадалахарой, Брунете, Теруелем, Леридой. В СССР он поступил в академию им. Фрунзе, но не «ужился» с советским строем и был заключен в лагерь в Воркуте, откуда бежал! Уже во Франции он опубликовал в 1950 г. книгу «Жизнь и смерть в СССР, 1939–1949 гг.». В этой книге он писал об испанцах, которые, несмотря на благоприятный прием, почет и награждение орденами, полученными после своего прибытия в СССР после поражения Республики, «не ассимилировались» с советским режимом.

У Долины создалось впечатление, что пленные «голубой дивизии» живут мирно, они создали, как это только возможно в условиях лагеря, возвышенную атмосферу испанизма, в которой патриотизм преодолевает все различия и все политические споры[360]. К сожалению, Долина не сообщил иных деталей, кроме почерпнутых из книги Кампесино. Что же касается численности военнопленных «голубой дивизии», некоторые сведения можно почерпнуть из документов Главного управления по делам военнопленных и интернированных, включенных в сборник «Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы».

На 1 января 1949 г. в системе ГУПВИ МВД СССР содержались 542 576 военнопленных из бывших европейских армий, из них — 430 640 немцев, 111 936 — граждан европейских государств[361].

5 марта 1950 г. министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский и министр внутренних дел С. Н. Круг-лов

представили Сталину проекты постановлений Совмина СССР и сообщений ТАСС об окончании репатриации военнопленных. Репатриация не касалась осужденных военнопленных. Но, согласно документам Российского Государственного военного архива (РГВА), по состоянию на 1 марта 1952 г. из общего числа 18 703 военнопленных и 2237 интернированных, 1236 военнопленных и 636 интернированных не были осуждены. Из них 445 человек были гражданами Югославии, Испании, Финляндии. Что же касается военнопленных Испании, то их было, согласно документам, — 305; из них осужденных — 46, 5 офицеров, остальные — солдаты и сержанты. Интернированных (все не осужденные) — 34[362].

Смерть Сталина и падение Берии не изменили отношения Франко к Советскому Союзу. «Коммунизм никогда не изменит цели, но лишь свою тактику», — заявил Франко в 1955 г. Он остался верен своей точке зрения и после того, как в его руки попал экстраординарный номер «Mundo obrero» от 30 июня 1956 г., изданный в Париже, где было опубликовано решение ЦК КПСС и комментарии испанской компартии в связи с разоблачениями «культа личности»[363]. Но в то же время большая «открытость» СССР к внешнему миру во времена, названные И. Эренбургом «оттепелью», создавала и более благоприятные условия для установления и поддержания торговых отношений — прямых с Польшей и непрямых с Россией (и не только торговых). Благодаря этим контактам, хотя и тщательно скрываемым, а также усилиям международного Красного Креста и была достигнута договоренность о возвращении 286 пленных «голубой дивизии», прибывших на корабле «Семирамида» в Барселону 2 апреля 1954 г.[364]

«Репатриация продолжалась и после 1954 г., но сведений об этом крайне мало; многие документы еще не прошли процедуры рассекречивания», — отмечает российский исследователь А. В. Елпатьевский. Он ссылается на справку ГУПВИ СССР от 24 января 1949 г., согласно которой было пленено всего 464 человека, из этого состава убыло 160 человек, в том числе репатриировано 78 человек, передано на учет интернированных — 1 человек, убыло в тюрьмы — 13 человек, сбежал — 1 человек (В. Гонсалес — «Кампесино». — *С. П.*), умерло — 67 человек, состоят на учете на 1 января 1949 г. — 304 человека.

В доказательство, что не все бывшие военнопленные вернулись на корабле «Семирамида», Елпатьевский ссылается на заявление на имя министра иностранных дел В. М. Молотова от испанского гражданина Каверо Антонио, амнистированного Указом Президиума Верховного Совета СССР 7 октября 1955 г.

(подлежали освобождению трое испанцев. — *С. П.*), но до сих пор находящегося в пункте репатриации. Мануэль Гомес Санотеро только в январе 1957 г. получил возможность вернуться в Испанию на теплоходе «Крым»[365]. Но это все же были единицы: в 1954 г. Франко полагал, что вопрос о возвращении испанских военнопленных практически был разрешен.

Интересовался Франко и процессами, происходившими в Советском Союзе. Он был убежден, что «марксизм случаен» и надеялся на «реализм русских». Готов был признать, что «Россия хочет мира», что «она далеко ушла вперед, что ею уже нельзя управлять, как в эпоху царизма или годы, предшествующие Второй мировой войне», что «власти Хрущева оказывается сопротивление, как раньше оно оказывалось Сталину, Берия и Ленину»[366]. Судя по переписке с Карреро Бланко в 1946 г., Франко весьма положительно относился к попыткам наладить контакты с СССР, предпринимаемым Испанией. Но, как замечает Луис Суарес Фернандес в книге «Франко и СССР», «все контакты между правительством Франко, по крайней мере до 1960 г., надо было реализовать в столь же секретной форме, избегая оставлять письменные документы; мы можем составить представление об этом только на основании свидетельств фрагментарных и косвенных»[367]. Он ссылается на статью в журнале «Europe — Amerique» от 2 января 1947 г., выходившего в Брюсселе, в которой утверждалось, что «СССР ведет двойную игру в отношениях с Испанией: с одной стороны, подвергает большим нападкам испанский режим, в то время как, с другой стороны, намерен установить контакты с режимом Франко, во имя сохранения его у власти». Причина — заинтересованность СССР в сохранении нейтралитета Испании, в ее отказе от участия в блоках и союзах со странами Запада[368].

Косвенным свидетельством того, что между Испанией Франко и СССР существовали контакты даже в годы жесткой изоляции, Суарес Фернандес рассматривает и корреспонденцию из Цюриха Мануэля Пенельи де Сильвы, некоторые фрагменты которой были опубликованы в «Arriba» 1 февраля 1947 г. Основной тезис де Сильвы: «Лучшая профилактика против заразы коммунизма — вступить в торговые отношения с Россией». И называет тех, кто был, по его сведениям, посредником по переговорам — военный советник в Румынии капитан Шеррер, который мог установить контакт с Деканозовым, заместителем Молотова. Сам Фернандес ссылается на документы министерства иностранных дел Испании, согласно которым 10 февраля 1947 г. в Женеве состоялась встреча между капитаном Шеррером и дипломатом, состоявшим на службе в посольстве в Париже, — господином Терраса.

Следуя полученным инструкциям, Терраса дал понять, что торговые отношения не могут быть установлены без того, чтобы стороны не обменялись жестами, носившими политический характер. «Испания заинтересована в возвращении тех испанцев, которые задерживаются «против их воли в СССР»». Шеррер перечислил шаги, на которые Советский Союз мог бы пойти: прекратить атаки в ООН, умиротворить партизан внутри Испании, вернуть пленных «голубой дивизии» и, кроме того, улучшить дипломатические позиции перед «англосаксонским миром». Терраса добавил, что жестом доброй воли могло бы стать освобождение офицеров и сержантов «голубой дивизии». Но это предложение было затем отвергнуто Франко: в освобождении пленных нельзя следовать иерархическому преимуществу.

Получив известие о результатах встречи Шеррера и Террасы, Карреро Бланко собственноручно отредактировал ноту, которую направил Франко («Мой уважаемый и любимый каудильо…»), а затем и Мартину Артахо. В ней говорилось: «Испания готова делать различие между русским народом, которому желает благополучия, и советским правительством… Испания также далека от коммунизма, как и от либерального капитализма… Испания придерживается твердой пацифистской позиции, как это она продемонстрировала в последних событиях» — имелись в виду годы Второй мировой войны. По мнению Карреро Бланко, разделяемому и Франко, СССР как свидетельство доброй воли мог бы выполнить следующие условия:

— отказаться от поддержки, которая сейчас оказывается испанским изгнанникам;

— отказаться от антииспанской деятельности в ООН и ее пропаганде;

— оказывать благожелательность и создать благоприятные условия для католической церкви во всех странах, где она пользуется влиянием, и проявить внимание и уважение Ватикану;

— предоставить гарантии территориальной целостности Испании и невмешательства в ее внутренние дела;

— репатриировать всех испанцев, которые помимо их воли находятся на территории России.

При выполнении этих условий Испания обещала соблюдать дистанцию между коммунистической доктриной и русской нацией и придерживаться нейтралитета в любой войне[369].

Шеррер и Терраса еще неоднократно встречались — по крайней мере известно об их переговорах 8 и 16 марта 1947 г. Известно также, что Терраса предложил, чтобы страной-посредником для переговоров по осуществлению торговых отношений между СССР и Испанией была Швейцария, Шеррер

предпочел Танжер.

Однако этот первый раунд в установлении торговых отношений завершился провалом. 5 апреля 1947 г. ТАСС официально и категорически опроверг сведения, опубликованные в газете «Svenska Morgenbladet», издававшейся в Стокгольме, о контактах между Испанией и СССР в Буэнос-Айресе и Танжере. Иное решение откладывалось на многие годы, во всяком случае, на официальном уровне.

Конец изоляции

В октябре 1954 г. фалангиста Лекерику на посту посла Испании в США сменил граф Монтрико Хосе Мария Ареильса. Тон его первого послания Мартину Артахо 3 ноября был ликующим: накануне его принял госсекретарь Д. Фостер Даллес, хотя в этот день у него было много визитеров — королева-мать Великобритании, главы правительств Германии и Японии, президент Либерии. К тому же в этот день проходили выборы в конгресс. Принял с большой сердечностью в своем кабинете. Симмонс, шеф протокола, заметил, что для сухого и строгого Даллеса такой тон не был характерен[370].

Описание приема, оказанного новому послу Испании в Нью-Йорке, окончательно убедило Мартина Артахо, а после его доклада в Эль Пардо и Франко, что для североамериканского истеблишмента Испания наконец-то перестала быть парией.

Ареильса был приглашен на обед, данный Советом по международным отношениям. Эта организация была создана Алленом Даллесом, среди ее членов — послы, профессора университетов, журналисты. На Ареильсу обрушился водопад вопросов — ведь он был первым испанцем после Хуана Негрина, посетившего собрание этого Совета в 1940 г. Слушателей больше всего интересовало положение протестантского меньшинства и иудеев, свобода прессы, проблема Гибралтара и возможность вступления в НАТО.

Не менее впечатляющий прием Ареильсе был оказан в Пресс-клубе, основанном североамериканскими журналистами, работающими за границей после Второй мировой войны. Журналисты были встревожены последними распоряжениями Ариаса Салгадо, ущемляющими свободу иностранных корреспондентов. Посол заверил, что грядет постепенное смягчение цензуры, хотя оно и не коснется врагов режима.

Особенно теплый прием был оказан Ареильсе в обществе «Друзей Испании», возглавляемом Стентоном Гриффитом. Среди 350 приглашенных на обед в отеле «Уолдорф Астория» присутствовали мэр Нью-Йорка, крупнейшие финансисты и герцог Виндзорский, который когда-то был Эдуардом VHI. Герцог, чью шею украшал орден «Золотого руна», которым его удостоил Альфонсо XIII в 1924 г. и на похоронах отца которого в далеком 1936 г. присутствовал начальник генштаба республики, поднял тост за «генерала Франко», одного из наиболее выдающихся государственных деятелей Европы. Но главный триумф был еще впереди[371].

5 ноября 1954 г. Хосе Мария Ареильса вручил верительные грамоты президенту Эйзенхауэру. На другой день в послании Франко, главе государства, он описал все подробности прошедшей церемонии. Он сообщил, что Эйзенхауэр поведал ему, что всегда интересовался Испанией, но ближе познакомиться с ней препятствовала, во-первых, его миссия главнокомандующего силами союзников в последней войне, а затем — его назначение верховным шефом SHAPE. «Его живой интерес к Испании и теперь не прошел, и он хотел бы лично познакомиться с этой страной. Он надеется, что ему представится возможность обсудить с Вашим превосходительством некоторые политические проблемы, поставленные перед западным миром». Этот визит, прибавил президент, непременно состоится, когда завершится его президентский мандат.

Эйзенхауэр, по словам Ареильсы, много раз обдумывал возможность личного контакта с Франко накануне высадки в Северной Африке, но имея в виду нейтралитет Испании, отказался от этой мысли. Ареильса был рад услышать, что «hobbies» президента — коллекционирование картин с морскими сюжетами — совпадает с «hobbies» Франко.

Переговоры прошли в благожелательной и сердечной обстановке, как двух старых знакомых. В заключение Эйзенхауэр заверил Ареильсу в «глубоком почтении и уважении к Его превосходительству генералиссимусу Франко»[372].

В ноябре 1955 г. А. Гарриман, в то время губернатор Нью-Йорка, пригласил Ареильсу, чтобы «обменяться впечатлениями и выпить бокал вина». Как сообщил посол Испании Мартину Артахо 17 ноября 1955 г.: «Гарриман выразил свое глубокое уважение и восхищение генералиссимусом, отметив, что он как либерал не разделяет некоторые постулаты нашего режима. Но в то же время он понимает, что особенности каждой страны в каждый конкретный момент диктуют линию поведения хорошего правителя». Гарриман иронически отозвался о тех, кто «претендует экспортировать джефферсоновскую модель демократии»[373].

Успешны были и результаты усилий по вступлению Испании в ООН. В послании Мартину Артахо 21 декабря 1954 г. он известил своего патрона, что к Испании весьма благожелательны генсек ООН Хаммар-шельд, послы стран Испанской Америки, Бразилии, США, Великобритании. Нет еще ответа от Франции, но это объясняется бюрократическими сложностями. Негативно относятся лишь представители СССР и Индии. Хаммаршельд рекомендовал Ареильсе встретиться с А. Соболевым, главой советской делегации в ООН. Эта встреча состоялась в первые дни

1955 г., Соболев пригласил Ареильсу посетить советское посольство.

Соболев поведал, что его правительство изменило критерии принятия в ООН: внутренние условия стран — новых претендентов на членство в ООН — отныне не будут учитываться. В связи с этим Советский Союз будет поддерживать ревизию решения 1946 г., когда Испании было отказано в приеме в ООН[374].

14 декабря 1955 г. Испания были принята в ООН. Представитель СССР был среди тех, кто голосовал «за»[375]. Это породило надежду на либерализацию режима в кругах либеральной и демократической интеллигенции, тяготившихся жестким контролем над всеми сферами общественной жизни. Выход из состояния изоляции вызвал шквал сомнений, развеявший в конце концов миф о достижениях национал-синдикалистской революции даже в глазах тех интеллектуалов, кто еще недавно свято верил в него. И прежде всего молодежи.

Много лет спустя, в феврале 1975 г., известный испанский историк М. Туньон де Лара в интервью журналу «Cambio-16» назвал «выход на авансцену тех, кто не участвовал в войне, наиболее примечательной чертой 1956–1957 гг., переломных в истории Испании[376]».

В декабре 1955 г. ректор Мадридского университета Педро Лаин Энтральго, более других осведомленный о том брожении, которое охватило студенчество, добился аудиенции у Франко, чтобы передать ему доклад, основным тезисом которого было: «То, что студенты выражают сегодня, остальное общество будет ощущать завтра». Франко, по-видимому, прочитал доклад, так как в своей речи 31 декабря 1955 г., транслировавшейся по радио, он призвал интеллигенцию по крайней мере быть лояльной[377].

Хуан Лопес, в свое время секретарь Национального комитета НКТ, и член правительства Ларго Кабальеро образно определили положение, сложившееся после голосования в ООН как вторичную утрату победы в гражданской войне.

Всякое иное решение «испанского вопроса» было все еще впереди.

Франко полностью контролировал ситуацию, и всякая динамика в политике и экономике Испании была невозможна без его личного соучастия.

В апреле 1956 г. Мартин Артахо посетил Вашингтон. Это был первый визит в США испанского министра иностранных дел после принятия Испании в ООН. 10 апреля его принял госсекретарь Джон Фостер Даллес.

Артахо беспокоили обстоятельства, изменившиеся после

подписания Пакта 1953 г., — возросшая опасность использования ядерного оружия в случае войны необычайно увеличивала риск для Испании, к тому же авиационные базы были расположены вблизи больших городов.

Министр напомнил, что в Испании во время гражданской войны было призвано обеими враждующими сторонами — националистами и республиканцами — 1200 тыс. солдат. У современной Испании имелась потенциальная возможность мобилизации такой же армии. Но этот человеческий потенциал нуждается в лучшем военном оснащении.

В настоящее время 37 % национального дохода Испании используется на военные нужды. Увеличение этого процента негативно скажется на уровне жизни испанского народа, который нуждается в школах, улучшении агрикультуры, социальных выплатах. «Поэтому мы желали бы, чтобы увеличение военной помощи проходило без тяжелых последствий для нашей экономики».

Даллес согласился: увеличение экономической помощи Испании необходимо. Не менее продуктивны были результаты и по другим затронутым Артахо проблемам. Артахо убеждал Даллеса, что «Испания принадлежит к трем семьям: латинской, арабской и испано-американской».

Арабские страны с их огромной нищетой и отсталостью открывают двери коммунизму, страны которого предоставляют экономическую помощь без всяких условий.

Непосредственно Испании проникновение коммунизма не грозит. Но надо иметь в виду, что арабы не доверяют Англии и Франции. В мае Мадрид посетит король Ирака, а в октябре — президент Египта Насер: будет начата новая глава в борьбе против проникновения коммунизма на Ближний Восток. Для успеха этой борьбы нужна экономическая помощь: «Генерал Франко одобрил бы это».

На это Даллес ответил, что «деятельность Франко в Марокко делает честь его способности как государственного деятеля». Он соглашался, что «исламская религия не является достаточно эффективной защитой против проникновения коммунизма, хотя и обладает известным иммунитетом… меня радует, что Испания пользуется такими симпатиями в арабском мире».

Собеседники пришли к взаимопониманию и в отношении стран Латинской Америки. Испания усиливает свои связи с испано-американскими странами, это вызывало тревогу США, но Артахо успокоил Даллеса: испанизм не претендует быть соперником панамериканизма, так как они представляются ему совместимыми. По мнению министра, помощь США в этой части

американского континента недостаточна, а ведь коммунизм избрал для своего проникновения в этот регион дорогу бедности.

Даллес признал, что по официальной линии странам Латинской Америки предоставляется мало денег, но вполне достаточно вложений частного капитала, что больше соответствует концепции США. На что Артахо высказал пожелание, чтобы Испания также заинтересовала частный американский капитал.

В заключение беседы Даллес поблагодарил Артахо за открытие протестантских семинарий: «Это произведет хорошее впечатление на некатолическое общественное мнение Северной Америки»[378].

Вершиной испанской дипломатии в конце 50-х годов стал визит президента Эйзенхауэра 21 декабря 1959 г., который необычайно приободрил Франко.

5 ноября 1954 г., когда посол Испании в США вручал верительные грамоты Эйзенхауэру, тот, выразив живой интерес к Испании, выразил надежду, что визит в эту страну состоится, когда завершится его президентский мандат. Но за прошедшие пять лет так изменились Испания и отношение к ней западного мира, что он счел возможным посетить Мадрид, обладая президентским мандатом.

14 августа 1959 г. посол Испании в Норвегии Эдуардо де Кальехон в донесении министру иностранных дел изложил содержание публикаций, появившихся накануне в «Dagbladet» — либеральном, как он полагал, органе. В публикации шла речь о предполагаемой в конце августа конференции в Лондоне испанского министра иностранных дел и президента Эйзенхауэра. По сведениям, которыми располагала газета, тема предполагаемой конференции — поездка Хрущева в ближайшем будущем в США. Как стало известно в Вашингтоне, «Франко выразил удивление и недовольство причинами, побудившими пригласить Хрущева в США», и правительство взяло на себя инициативу организовать встречу Эйзенхауэра и Кастиэльи, дабы разъяснить ему мотивы приглашения московского лидера[379]. Но за две недели, прошедшие до встречи министра иностранных дел Испании и президента Эйзенхауэра, Франко изменил свою позицию и даже одобрил приглашение Хрущева посетить США. Мотивы он изложил в личном послании.

Как и планировалось, встреча Эйзенхауэра с Кастиэльей состоялась в Лондоне 31 августа 1959 г. в резиденции испанского посла. В послании Франко прежде всего засвидетельствовал свою высокую оценку усилий Эйзенхауэра «по руководству западным миром» и выразил благодарность за помощь, которую Испания

получает от США по договору 1953 г.

Далее Франко писал: «Вашему превосходительству хорошо известно о превосходстве Запада, основанном на индустриальной мощи Соединенных Штатов и их способности адаптироваться к нуждам войны, но которые могут ослабеть, если Советский Союз полностью разовьет весь свой промышленный потенциал, а Западной Европе не удастся укрепить свое единство и свою подготовленность. Нации нашего континента, как Вы знаете, с легкостью склоняются к разъединению». Франко выразил уверенность, что пребывание Эйзенхауэра в Европе будет способствовать укреплению ее единства. Что касается визита Никиты Хрущева в США, то Франко, в отличие от прежней своей позиции, одобрил эту инициативу Вашингтона: «Все контакты полезны для уяснения непосредственных целей наших врагов. А посему я отвергаю точку зрения тех, кто, забыв свою личную историю, боится последствий Вашей встречи с Хрущевым. Я знаю, что такой великий стратег и солдат, как Вы, никогда не упустите из виду, что Советы всегда сохраняют свою постоянную главную цель — всемирное господство»[380].

Эйзенхауэр согласился с доводами Франко и в ответном послании приветствовал «новую экономическую программу» Испании, с одобрением отнесся к вступлению Испании в ОЭСР. Тогда же была достигнута в принципе договоренность о посещении Эйзенхауэром Испании в удобное для него время.

Полный текст посланий был опубликован 2 сентября, но уже 1 сентября «The New York Times» сообщала своим читателям: «Франко поддерживает переговоры с Советами».

5 сентября в Париже Кастиэлья удостоился беседы с де Голлем. Президент Франции выразил пожелание, «чтобы было покончено с изоляцией Испании, и она вступила в семью экономического и политического сообщества атлантических стран»[381]. Но это еще не была вершина его триумфа.

21 декабря 1959 г. в Мадрид прибыл Эйзенхауэр. И хотя посещение Испании было всего лишь эпизодом в кругосветном турне американского президента — он посетил Италию, Турцию, Пакистан, Афганистан, Индию, Грецию, Тунис, Францию и Марокко, — этот визит привлек особое внимание. Это был первый в истории визит американского президента в Испанию и первая личная встреча руководителя западной державы с генералом Франко за все годы, прошедшие после окончания гражданской войны. В Мадриде придали особое значение этому визиту еще и потому, что, как отмечает Х. Армеро, этот человек возглавлял вооруженные силы союзников в борьбе против «оси». Американского президента встречал мэр Мадрида граф Майялде,

вручивший Эйзенхауэру символические ключи от столицы, так же, как 20 лет назад он их вручил Гиммлеру.

На следующее утро президента принял Франко в его резиденции в Эль Пардо. Как отмечал сам Эйзенхауэр, встреча прошла в атмосфере сердечности. В тот же день президент США посетил расположенную рядом с Мадридом военно-воздушную базу Торрехон де Ардос. Там перед слушателями, преимущественно американскими, Эйзенхауэр, отдав дань сентиментальным воспоминаниям, из которых следовало, что его жизнь частично прошла в среде, созданной испанцами — он родился в Техасе, — заявил, что прибыл, чтобы передать послание американского народа испанскому, движимый наиболее достойным из всех человеческих побуждений — стремлением к «миру, дружбе и свободе»[382].

Франко был удовлетворен. Его убеждение, что Испания будет принята, рано или поздно, в западный мир без каких-либо предварительных условий, оправдалось.

Часть V

Реформатор? Начало пути

«Генерал Франсиско Франко не был человеком идеи, связанной с какой-либо политической доктриной, ему был свойствен известный эклектизм»[383], — весьма проницательно отметил А. Майор. Именно поэтому его режим был открыт для эволюции, но всегда в «круге антидемократии». Свидетельство тому — «Закон о наследовании поста главы государства», который воспринимался многими современниками как установление пожизненной диктатуры под видом королевства, но который в исторической ретроспективе стал первым опорным камнем будущей Испании.

Вторым опорным камнем того устройства, которое Франко пожелал оставить Испании, стала модернизация экономики. Путь к такому решению для него был тернистым и нелегким.

В серии статей, опубликованных в «Arriba» в 1946–1951 гг., подписанных Хуан де ла Коста, подготовленных с помощью Карреро Бланко, Франко не уставал повторять, что экономический либерализм коррумпировал испанское общество; человек остался беззащитным перед лицом социальной несправедливости, что побуждало его искать спасения в революциях. Однако жизнь заставила внести свои коррективы в «экономическое» мышление Франко.

1950 г. был отмечен небывалой засухой. 10 марта 1951 г. Франко, выступая перед постоянной комиссией Национального конгресса вертикальных синдикатов, посвятил свою речь не империи и величию, как обычно, а проблемам голода, нищеты и бедности. К этому времени он, судя по всему, осознал связь экономических трудностей с политикой автаркии.

Первые попытки пробить брешь в стене автаркии Франко «дозволил» технократу М. Арбуруа, министру торговли в правительстве, сформированном в 1951 г., куда наряду с ним вошел А. Муньос Грандес, занявший пост военного министра. Мартин Артахо сохранил пост министра иностранных дел. Этот кабинет и сделал свои первые шаги к либерализации экономики. Но для этого надо было преодолеть сопротивление фаланги.

Фалангисты испытывали страх перед концом изоляции Испании. Они были убеждены, что это может обернуться крахом режима. Их идеологи полагали, что принесение в жертву автаркии — несоизмеримая плата за поддержку Запада усилий Испании стать членом ООН, и винили в этом Мартина Артахо и «технократов». Но привлечение к руководству экономикой технократов высокой квалификации было бы невозможно без

согласия самого Франко.

В публичных выступлениях он был осторожен, но в доверительных беседах с Салгадо Араухо Франко был более прагматичен и не раз повторял, что он вовсе не стремился к экономической изоляции, но был вынужден покориться обстоятельствам, когда Испании было отказано в приеме в ООН.

4 декабря 1954 г. в беседе со своим двоюродным братом и многолетним соратником Салгадо Араухо Франко заметил: «Сегодня наши заводы устарели, отстали, и то же самое можно сказать и о наших инженерах-конструкторах. Надо способствовать ориентации молодежи на изучение физических и химических наук, особенно на исследования в области ядерной физики, как это делается в России»[384]. Но если тогда звучала озабоченность преимущественно отсталостью промышленности, то позднее он подверг критике саму концепцию «экономического национализма», основу автаркии, господствующую еще со времен гражданской и особенно мировой войны: «Наши законы (экономические. — С. Я.) устарели, так как многие из них были приняты в эпоху европейской войны, когда еще были живы Гитлер и Муссолини. Надо модернизировать их, сделав более гибкими».

«После нашей войны (имеется в виду гражданская война)… надо было оказать покровительство экономике, создав ИНИ, чтобы производить то, что частное производство не могло дать»[385], — так он определял в свое время необходимость создания государственно-монополистических структур.

Но теперь настали новые времена, изменилась вся социально-экономическая ткань общества.

Для Франко не было неожиданностью то яростное сопротивление, которое он встретил со стороны Института национальной индустрии (ИНИ), этого бастиона автаркии. Но он отдавал себе отчет и в том, что национальная буржуазия, окрепшая в годы восстановительного периода, завершившегося к этому времени, была готова пойти на ограничения гарантированных инвестиций и иных форм поддержки со стороны государства, согласившись на более широкое присутствие иностранного капитала ради укрепления экономических и политических связей с Западом.

Первые попытки пробить брешь в стане автаркии связаны с именем М. Арбуруа, министра торговли в правительстве. Борьба между сторонниками и противниками автаркии персонифицировалась в своего рода дуэли между Х. Суанчесом, директором ИНИ, и М. Арбуруа. Франко без колебаний взял сторону последнего: «Такого министра как Арбуруа, о котором много злословят, не так-то легко заменить, так как Арбуруа

хорошо знает внешнюю торговлю и добился больших успехов в поддержании торгово-платежного баланса. Суанчес этого не знал никогда и поэтому будет неразумным заменить его»[386].

В конце концов Франко пришлось уступить, однако, только в том, что касалось самого Арбуруа, но отнюдь не тенденции, которую он представлял. Для внесения корректив в экономическую политику ему было необходимо преодолеть сопротивление фалангистов. Повод вскоре представился.

Х.-Л. Арресе, вновь занявший пост министра-секретаря фаланги в феврале 1956 г., тогда же представил проект основного закона «Национального движения», включавший комплекс мер, направленных на усиление роли фаланги в государственной системе. Национальный совет фаланги превращался в высший орган государства с правом назначения кандидатов на министерские посты и наложения вето на любые решения правительства.

Половина советников этого органа должна была избираться всеми членами фаланги, а не назначаться Франко, как это было до сих пор. Этот проект представлял собой регрессию к прошлому, вернее ностальгию по несостоявшимся грезам Хосе Антонио Примо де Риверы и Мануэля Эдильи об абсолютной власти фаланги над страной.

Надежда на то, что с принятием в ООН начнется новая страница в истории Испании, побудила к активным действиям как тех, кто формально «вписывался» в «Движение», но стремился к рефалангизации страны, по рецепту Арресе, так и недругов режима — от монархистов, традиционалистов, военных до коммунистов. Эти настроения и использовал Франко.

Весной 1956 г. представитель дона Хуана граф де Руисеньяда передал генерал-капитану Барселоны Хуану Баутисте де Санчесу фантастический план свести на нет усилия Арресе путем восстановления монархии. Франко должен быть отстранен от активной деятельности и ему предлагалось довольствоваться ролью регента.

Франко очень скоро узнал об этом плане. Как и следовало ожидать, он отнесся к нему с иронией. У него был свой план свести на нет как планы Арресе, так и намерение пересадить его в кресло регента. Во время традиционного турне по Андалусии в конце апреля — начале мая того же года, в котором Франко сопровождал Арресе, он в привычном для прошлых времен агрессивном тоне обрушился на врагов фалангистской революции, либералов и всех тех, кто служит интересам масонских лож и международного коммунизма.

К радости Арресе Франко отчеканил: «Фаланга может жить

без монархии, но монархия, чтобы быть жизнеспособной, не может быть без фаланги»[387]. Поль Престон предполагает, что воинственность Франко была вызвана тем, что ему стало известно о плане Руисаньяда и генерала Баустисты Санчеса[388].

Лидеры фаланги были удовлетворены. Фернандес Куэста в порыве эйфории даже поделился своей мечтой, чтобы в новой конституции фаланге была бы отведена роль, подобная той, которую играла коммунистическая партия в СССР. Арресе даже пригрезилось правительство, составленное исключительно из фалангистов.

Лидеры фаланги, казалось, забыли, что Франко был непревзойденным мастером по поддержанию «баланса сил». Тем более для того, чтобы вернуть Арресе и Фернандеса Куэсту с небес на землю, у него нашлись веские основания. Против самой идеи рефалангизации страны выступил министр юстиции традиционалист Антонио Итурменди, поручивший Лауреано Лопесу Родо проанализировать план Арресе с точки зрения его соответствия новому международному положению страны после 1955 г. и уже сложившимся еще с времен гражданской войны традициям. Мало кому ведомый до сих пор, Лопес Родо блестяще справился со своей задачей. То было лишь начало восхождения на политическом небосклоне его звезды, что в дальнейшем немало способствовало укреплению позиций полусекретной организации «Опус деи», к которой он принадлежал. Эта организация была основана в 1928 г. арагонским священником Х.-М. Эскривой де Балагером, но вплоть до окончания Второй мировой войны она не играла сколько-нибудь существенной роли в политической жизни Испании. Однако со временем ее влияние в стране и католическом мире стало возрастать. Труд ее основателя, названный им «Путь», — «999 лаконических размышлений», выдержал в 40–50-е гг. только в Испании 15 изданий. Ватикан, вначале воспринявший появление нового течения католицизма весьма сдержанно, в феврале 1947 г. дал ему статус первого мирского института католической церкви.

С самого начала главное внимание Х.-М. Эскривы де Балагера было устремлено на университеты, на всю систему просвещения, на академические институты. Отсюда на протяжении столетий распространялась либеральная мысль, наука противопоставлялась религии. Сюда «Опус деи» стремился вновь внести «дух христианского горения», утвердить католицизм как динамичную современную доктрину, импонирующую деятельной натуре ученого, экономиста, политика, администратора[389], — отмечала российская исследовательница Л. В. Пономарева. Недаром высшие категории этой организации — нумерариос и

супернумерариос — были нередко обладателями ученых степеней. Влияние опусдеистов в банковских и промышленных сферах, в издательском деле, в кругах научно-технической интеллигенции не случайно привлекало внимание властей.

Для Франко большое значение имела враждебная позиция к претензиям фаланги высокопоставленных военных, соратников каудильо с времен гражданской войны, и среди них генерала Антонио Барроса. Но прежде всего — Карреро Бланко, которому он безгранично доверял. Франко тем не менее еще долго не открывал карты, надеясь выявить, в какой мере идея рефалангизации пользуется какой-либо поддержкой помимо элиты фаланги.

Франко даже пошел на провокацию: 17 июля, в двадцатую годовщину мятежа, он выступил с докладом на «Национальном Совете испанской традиционалистской фаланги и ХОНС», не собиравшемся с 1945 г., в котором попытался развеять тревогу его членов, опасавшихся, что в будущем монарх-наследник использует свою абсолютную власть для того, чтобы начать переход к демократии.

Реакция последовала незамедлительно. Первым забившим тревогу был Мартин Артахо, так много сделавший для того, чтобы Испания была принята в ООН и тем самым на международном уровне конституировался процесс выхода из изоляции.

Встревожены были и генералы: Барросо постарался внушить Франко Салгадо Араухо, что каудильо теряет контакт с высшей военной иерархией. Чтобы нейтрализовать интриги военных и напомнить генералам об их долге, Арресе добился согласия на проведение близ Саламанки на аэродроме времен гражданской войны грандиозного митинга, дабы генералы вспомнили, что именно им страна обязана избранием Франко 29 сентября 1936 г. главой государства. Но генералы и не помышляли уклониться от своего долга, они лишь выступали против того, чтобы фаланге был предоставлен всесторонний контроль над всеми аспектами жизни нации. К большому удовлетворению военных, в докладе Франко не было упоминания о проекте «Фундаментальных законов» Арресе.

В конце года к кампании против намерения рефалангизации страны подключилась высшая церковная иерархия: 12 декабря три кардинала из четырех — Энрике Пла-и-Даниэль, архиепископ Толедо, Бенамин Арриба-и-Кастро, архиепископ Таррагоны и Фернандо Кирога Паласиос, архиепископ Сантьяго де Комнастела направили Франко письмо, в котором утверждали, что планы Арресе противоречат папским энцикликам, таким, как «Non

abbiamo bisogno» и «Mit brennenger Sorge», из-за своего сходства с нацизмом, фашизмом и перонизмом[390].

Несколько дней спустя Франко сказал Арресе, что он не пойдет на конфликт с церковной иерархией. У лидера фаланги сложилось впечатление, что Франко был готов поддержать его идеи, но его руки были связаны оппозицией военных и церкви. Но так ли это? Не была ли предпринята каудильо «разведка боем», дабы выявить отношение к идее рефалангизации таких важных столпов режима, как армия и церковь, и в случае негативного их отношения к планам Арресе, указать тому на его место.

Франко не вел дневников и не всегда был до конца откровенен даже с близкими ему людьми — с Салгадо Араухо и Карреро Бланко. Тем не менее последующее развитие событий позволяет склоняться в пользу последнего предположения. И в те дни, когда Франко демонстрировал перед Арресе свою приверженность идеалам Хосе Антонио Примо де Риверы и планам рефалангизации страны, он пришел к выводу, что настал момент провести некоторые перемещения на иерархической лестнице режима.

В реорганизованном 25 февраля 1957 г. правительственном кабинете вопреки заверениям, данным Арресе, многие важные посты заняли министры-технократы, как они сами себя называли, близкие к «Опус деи».

Рьяные адепты «теории развития», весьма популярной в период западноевропейского бума 50-х — начала 60-х годов, согласно которой взгляды правительств различных стран, независимо от политического режима и идеологической ориентации, совпадают в отношении программы экономического развития, технократы-опусдеисты были вместе с тем сторонниками сильной политической власти, включая и ее авторитарные формы[391]. Их выдвижение на авансцену политики усилило вероятность того, что раздававшиеся в те годы призывы к либерализации общества и прежде всего к освобождению от идеологического наследия «голубого периода», будут канализированы в русло экономики, обойдя демократизацию политической и социальных сфер.

Франко не испытывал больших колебаний, вручая технократам судьбу экономики страны, поскольку был осведомлен, что «Опус деи», будучи сугубо элитарным течением, никогда не был повернут к массам, поэтому его программа не была «осквернена» социальными мотивами. Но особое успокоение в душу диктатора вносила поддержка «опусдеистов» адмиралом А. Каррерой Бланко.

Занимая бессменно с 1941 г. скромный пост заместителя

секретаря президиума правительства, он был, по существу, «серым кардиналом» режима. И как всякий «серый кардинал» он умело скрывал свои мысли и деяния, правда, до поры до времени. Кальво Серрер, идеолог «Опус деи», уже после смерти Франко признал, что «единственным человеком из всех приближенных диктатора, кто имел ежедневные контакты с ним, был Карреро Бланко»[392]. Но и Лекерика называл Карреро Бланко «граф-герцог Оливарес», напоминая о всесильном фаворите Филиппа IV. У современных исследователей не вызывает сомнения, что Карреро Бланко был главным политическим советником диктатора.

По мнению П. Престона, неутомимый Карреро Бланко не был лучшим экономистом, чем его патрон. Но он доверял безмерно Лопесу Родо, видя в нем человека большого таланта. Он способствовал тому, чтобы Лопес Родо занял ответственный пост генерального секретаря президиума правительства[393]. Этой паре и принадлежит идея реорганизации кабинета, возможно, наиболее радикальной за все время пребывания Франко во власти, так как он практически отказался от столь дорогих для него экономических пристрастий.

Реорганизуя 22 февраля 1957 г. правительство, Франко избрал как бы «третий путь» вопреки планам и монархистов, и фалангистов. То была попытка восстановить национальное единство и примирить «Две Испании», не меняя кардинально сущности режима. Арресе потерял пост министра-секретаря «Движения» и был заменен, по совету Лопеса Родо, склонным к компромиссу Хосе Солисом — главой «вертикальных синдикатов».

Смена министров иностранных дел также диктовалась «умиротворением страстей». Мартин Артахо, отдававший себя отчет в неизбежных серьезных внешнеполитических осложнениях в случае принятия проекта Арресе и решительно выступивший против него, был заменен на Фернандо Кастиэлью.

Получивший портфель министра иностранных дел Кастиэлья так же, как и Мартин Артахо, принадлежал к Национальной католической ассоциации пропагандистов, однако был более приемлем для фалангистов из группы Арресе, роль которой все же учитывалась во внутриполитическом балансе сил. В стране все еще не забыли, что Ф. Кастиэлья в соавторстве с Х. М. де Ареильсой в 1941 г. под грифом Института политических исследований, этого «мозгового центра» фаланги, опубликовал книгу под весьма примечательным названием «Испания — восстановление своего места», где обосновывалась неотвратимость участия Испании во Второй мировой войне на стороне Гитлера и Муссолини. В том же году Кастиэлья вступил в

«голубую дивизию».

Он был заметной фигурой к моменту окончания мировой войны. Недаром Серрано Суньер уже после окончания войны, находясь в Женеве в связи с изданием своей книги «Между Эндаей и Гибралтаром», после просмотра в одном из рабочих кварталов советского документального фильма «Парад Победы», произнес: «А ведь здесь намеревались пройти церемониальным маршем как победители Муньос Грандес и Кастиэлья»[394]. Было также известно, что Кастиэлья был одним из авторов первого проекта «Хартии испанцев», подготовленного еще в 1943 г.

Учитывалось и его дипломатическое прошлое: в период международной изоляции, в 1948–1951 гг., он был послом в Перу, в 1951 г. после того, как британское правительство объявило его «персоной нон грата» в связи с его прошлым, оп получил почетное назначение послом в Ватикане, где завершил работу по подписанию конкордата. С поста посла в Ватикане, по инициативе Франко, он и пересел в кресло министра иностранных дел. Связи Кастиэльи с католической «фракцией» европейского и американского дипломатического корпуса оказались в глазах диктатора весьма уместны и как нельзя лучше соответствовали задачам того курса на сближение с Западом, которым предполагал следовать Мадрид.

Для американских протестантов, весьма влиятельных в высших сферах власти, Кастиэлья в качестве министра иностранных дел также был приемлемой фигурой, так как было известно, что испанские протестанты, испытавшие большие затруднения в первые годы после заключения конкордата, расценили это назначение как начало «эскалации терпимости» и воспринимали деятельность Кастиэльи с сентиментальной благодарностью[395].

Мартин Артахо был уязвлен той сухостью, с которой Франко объявил о его отставке: он полагал, что диктатор должен был испытывать благодарность за усилия, предпринятые им для того, чтобы пробить брешь в стене международной изоляции и добиться принятия Испании в ООН. И он был прав. Но диктатор-прагматик привык смотреть не назад, а вперед. Соображение сохранения «баланса сил» в условиях, когда фаланга грозилась выйти из повиновения, требовала, по мнению Франко, замены Мартина Артахо, и никакие чувства не могли повлиять на то, что он почитал за государственную целесообразность.

Для соблюдения «баланса сил» Франко решил сохранить Ариаса Салгадо в качестве министра информации и туризма, включить в правительство фалангиста Х. Хирона и друга юности генерала А. Бегу. Последний получил пост министра внутренних

дел.

Но главное: новым министром финансов стал М. Наварро Рубио, адвокат, член правления «Народного банка», контролируемого «Опус деи», министром торговли — А. Ульястрес, профессор экономической истории, также член «Опус». Министрам-технократам была оказана серьезная поддержка со стороны президиума правительства, в котором все возрастающую роль играл Лопес Родо.

И все же, когда надо было перейти от слов к делу, сделать первые шаги в реализации того, что так привлекательно выглядело в проектах, диктатором овладели сомнения.

Ведь надо было отказаться от «концепции экономического национализма» — основы автаркии, обусловленной как внешними обстоятельствами, так и победой в вековом споре «испанистов» над «европеистами». Практическую реализацию этой концепции осуществлял орган государственного регулирования — Институт национальной индустрии (ИНИ), возглавлявшийся другом детства диктатора Хуаном Суанчесом. Тем более, что план, предложенный технократами-опусдеистами, можно было реализовать только при поддержке Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, а Франко опасался, что Испании будут поставлены условия, представляющие угрозу для режима.

Но прежде всего надо было попытаться стать членом этих международных организаций. Еще при принятии Испании в Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития в мае-июне 1958 г. Мадриду было поставлено условие привести экономическую ориентацию в соответствие с нормами, обязательными для всех членов этих организаций. Еще более определенные и жесткие условия выдвинул Совет Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при обсуждении просьбы испанского правительства о вступлении. Ассоциированным членом этой организации Испания стала 10 января 1958 г., а полноправным — по прошествии почти полутора лет, в июне 1959 г. Переговоры были долгими и нелегкими, так как мадридскому правительству предлагалось полностью отказаться от политики автаркии, которую оно проводило 20 лет. Но когда «План стабилизации», предложенный МВФ, был представлен Франко для окончательного утверждения в феврале 1959 г., он заявил: «Не время».

Тогда Наварро Рубио настоял на встрече в Эль Пардо, но и там натолкнулся на сопротивление Франко: «Мы сможем разрешить ситуацию своими собственными средствами». Тогда

Наварро Рубио пришлось напомнить, что Испания «находится в двух шагах от краха, что наиболее авторитетные лица страны согласны начать процесс либерализации и открытия нашей экономики и что сопротивление части нашего правительства — это приговор не только в плане экономики, но и политики». На это Франко ответил: «В принципе у меня нет недоверия к «Плану стабилизации». Я верю, что наши ресурсы недостаточны. Но я сомневаюсь в добром расположении к нам международных учреждений и боюсь, что нас оставят на милость иностранных кредиторов, которых не будут одолевать сомнения в том, чтобы оставить нас в критической ситуации, если дело пойдет не так, как мы заранее предполагали»[396].

Только тогда, когда международные эксперты подтвердили, что испанская экономика находится на грани банкротства и не может более выдерживать хронический дефицит бюджета, что валютный запас сократился до 200 млн долларов, Франко наконец решился.

20 июня 1959 г. в Вашингтоне Кастиэльей был подписан меморандум, по которому Испания брала на себя обязательство «переориентировать свою экономическую политику и направить ее по линии сближения с западными странами». Эти обязательства были затем конкретизированы в «Плане экономической стабилизации», предусматривавшем открытие более широкого доступа иностранным товарам на испанский рынок, ослабление ограничений товарам для иностранных капиталовложений, превращение песеты в свободно конвертируемую (при условии ее девальвации — с 42 до 60 песет за доллар), ослабление административного контроля над производством, включая контроль над ценами и заработной платой. Испания получила столь остро необходимые ей 546 млн долларов (первоначально — 375 млн) в форме кредитов и займов от Европейского валютного фонда, членом которого она становилась в силу вступления в ОЭСР, от МВФ, правительства США и частных американских банков.

В официальной декларации, сопровождавшей предоставление Испании займов, кредиторы выражали надежду, что эти доллары обеспечат успешное начало осуществления программы «экономической стабилизации», подчеркнув тем самым жесткую целенаправленность финансирования.

В декларации подчеркивалось, что программа «стабилизации» разработана при участии, а принята с «полного одобрения» испанского правительства. И действительно, этот план был поднят до уровня правительственного декрета. Однако его реализация наталкивалась на известное сопротивление

внутри режима не только тех, кто видел в нем недопустимый отказ от важнейших теоретических принципов фалангизма, которых режим неуклонно придерживался в течение 20 лет, но и тех, кто, примирившись с тем, что иностранное, в первую очередь американское, экономическое вмешательство расшатывало фундамент и нижние этажи авторитарных структур, опасался, что он направит развитие страны по пути, который приведет к укоренению в Испании господствующей в США политической «модели» в противовес «авторитарной модели», утвердившейся в Испании[397].

Некоторое успокоение вносило отсутствие требований политического характера со стороны США и международных экономических организаций, находившихся под эгидой Вашингтона. Оппозиция, узаконенная, но практически существовавшая, называла модернизацию экономики консервативной. И не только потому, что все еще давали о себе знать и старые структуры управления экономикой, и технологический разрыв с передовыми странами мира. Бурный экономический рост не улучшил социальные позиции низших классов, что стало большим препятствием для создания третьего опорного камня будущего страны — национального консенсуса в той редакции, которая была задумана самим Франко, т. е. как базы реформированного, обновленного режима.

Со времени окончания гражданской войны Франко не уставал много лет повторять слова, сказанные им 17 сентября 1939 г.: «Победила Испания, поражение понесла анти-Испания». Победители не знали пощады. Не могли смягчить жестокие репрессии даже просьбы Ватикана и испанской церковной иерархии, поддержкой которых Франко так дорожил. 15 апреля 1939 г. было искажено радиопослание Пия XII: разрешив передать слушателям только поздравление с победой, диктатор приказал исключить те слова главы католического мира, где он обращался с просьбой проявить добрую волю к побежденным. В начале 1940 г. корреспондент «The Times» сообщал из Мадрида: «Победившая половина хочет наступить ногой на горло побежденной, а побежденная по-прежнему кипит возмущением».

Но со временем идея примирения стала все больше пробивать дорогу к умам и сердцам испанцев.

В 1948 г. вышла в свет книга П. Лайна Энтральго — в прошлом одного из идеологов фаланги, позднее профессора — «Испания как проблема». Тогда Франко был недоволен брожением в кругах гуманитарной интеллигенции, даже близкой к режиму, которая восприняла идею примирения двух культур как призыв к «наведению мостов». Но жизнь вносила свой коррективы: прежде

всего молодежь, на которую фалангисты возлагали особые надежды, освобождалась от национал-синдикалистских мифов. В феврале 1956 г. в студенческих волнениях впервые бывшие «победители и побежденные» оказались вместе; политолог Э. Диас определил это как кризис режима[398].

Франко со свойственной ему интуицией решил перехватить носившуюся в воздухе идею примирения «двух Испаний». «Материальным» воплощением того, как диктатор представлял себе преодоление пропасти между «двумя Испаниями», может служить мемориальный комплекс в «Долине павших».

С тех пор, как в 1940 г. был заложен первый камень будущего грандиозного сооружения, прошло девятнадцать лет. Изменился мир, менялись архитекторы, к «…павшим» прибавились тысячи строителей, бывших военнопленных республиканцев, умерших от непосильного каторжного труда. Но неизменной оставалась воля того, кто задумал пантеон, — Франко — вдохновителя этого величественного сооружения, которое вечно должно было напоминать грядущим поколениям о крусаде и сохранять память о павших в ней. По мнению историка Э. Гонзалеса Дуро, вплоть до мельчайших деталей все изменения должны были согласовываться с самим Франко[399]. Мемориал составляли грандиозная базилика, сооруженная в гранитной толще Гуадаррамы, по обеим сторонам которой были камеры, где покоились останки павших, и величественный крест 153 метров высоты, весивший 200 т, который венчал это сооружение.

Социалист И. Прието мог судить о монументе только по фотографиям, тем не менее со свойственной ему проницательностью он незадолго до смерти писал: «Сооружение комплекса в «Долине павших» идентично с замыслом Филиппа II, задумавшего Эскориал как монастырь и пантеон», заметив при этом, что оба сооружения придуманы были двумя людьми с каменными сердцами, но только один сжигал еретиков, а другой расстреливал республиканцев, да и уничтожали людей они в разных пропорциях: Филипп за три месяца сжег во Фландрии 1800 протестантов, а Франко за тот же срок после «победы» расстрелял многие тысячи социалистов, синдикалистов и масонов[400]. В это рассуждение следует внести один, но очень существенный корректив: ставшая привычной антикоммунистическая слепота Прието не дала ему узреть среди расстрелянных многие тысячи коммунистов.

В письме сестре и брату основателя фаланги от 7 марта 1959 г., в котором Франко просил разрешение на перенос праха из Эскориала в подземную базилику «Долины павших», он писал о «героях и мучениках нашей крусады», не упомянув об их

антагонистах — «красных», хотя их останки уже тогда отовсюду свозились для захоронения в склепе. Однако при открытии мемориального комплекса 17 июля 1959 г. об этом все же было объявлено: для доказательства стране и внешнему миру стремления преодолеть пропасть между победителями и побежденными власти готовы были через 20 лет простить мертвых.

В беседе с Салгадо Араухо Франко так разъяснил свой замысел: «В армии красных было много таких, кто принял участие в борьбе, поскольку выполнял свой долг перед Республикой, а также тех, кто был насильственно мобилизован. Монумент создан не для того, чтобы продолжать разделять испанцев на две непримиримые группы. Главная цель сооружения — напомнить о победе над коммунизмом, который стремился к господству над Испанией. Так оправдалось мое желание — похоронить павших католиков из обоих сообществ»[401]. Но в публичных выступлениях он прибегал к иной тональности: «Борьба между Добром и Злом не закончена», «Враги Испании разбиты, но не мертвы». И памятник — напоминание того, чем эта борьба может быть закончена.

Франко был убежден, что режим, в создание которого он внес настолько значительный вклад, что он получил никем не оспариваемую дефиницию — франкистский, так же несокрушим, как и мемориал в «Долине павших», какие бы коррективы ни внесло всесильное время. Но в Испании конца 50-х годов далеко не все разделяли его уверенность.

9 ноября 1961 г. Салгадо Араухо передал каудильо статью известного философа и политолога Х. Арангурена «Политический режим в Испании в 1971 г.». После исчезновения существующего режима монархия, писал Арангурен, будет установлена или монархистами, или нацией, которая, по его мнению, не является чрезмерно монархической. Королю они оставят два пути: удовлетворить или стремления монархистов, или надежды остальной части нации. Если он не откажется от первого пути, то монархия рано или поздно будет обречена. Только «немонархическая» монархия жизнеспособна. Франко возразил: «Я не согласен с этими предсказаниями: этот сеньор забыл о режиме, преобразившем Испанию в течение 25 лет»[402].

Арангурен ошибся только на четыре года.

Между прошлым и будущим

20 февраля 1946 г. корреспондент «The New York Times» К. Сульцбергер удостоился приема в Эль Пардо. Корреспондента, как он впоследствии писал, встретил невысокий плотный человек в аккуратной военной форме, с полным бледно-оливковым лицом и принужденной улыбкой. Во время беседы его маленькие руки все время находились в движении[403].

Таким Франко оставался многие годы.

Его жизнь в Эль Пардо была подчинена строгому регламенту, им самим установленному. Он рано вставал, завтракал, совершал прогулки верхом или же играл в теннис около часа. Рабочий день начинался в 10 часов: во вторник — аудиенция с военными, в среду — с гражданскими чиновниками, в четверг — прием иностранных послов и работа с Карреро Бланко над вопросами, которые он намеревался поставить перед правительством, в пятницу — заседание совета министров, которое длилось нередко 10–12 часов и во время которого он практически не покидал кресла и не обнаруживал следов усталости, по вечерам — консультации с министрами и лицами, занимавшими важные позиции в системе режима. Согласно журналу посещений, до конца жизни он принял 9169 персон.

Обедал Франко в кругу семьи, меню — простое, блюда — испанские. В воскресенье — месса, охота в окрестностях Эль Пардо.

Охота и рыбная ловля были его страстью. Отпуск он проводил в Сан-Себастьяне и Галисии, проводя дневное время на любимой яхте «Асор» и отдаваясь своему любимому занятию — рыбной ловле. С годами Франко все реже бывал на охоте, предпочитая всем развлечениям телевизор и домашнее кино.

Биографы Франко не сообщают о круге его чтения. Известно, что на его письменном столе постоянно лежал трактат «Государь» Макиавелли. Те, с кем он общался, отмечают его умение слушать. Возможно, его осведомленность о том, что происходило в стране и мире, была почерпнута от собеседников. Его доверенный секретарь Салгадо Араухо приводит пример того, как Франко тщательно отслеживал все, что касалось гражданской войны, вступая в заочную полемику с авторами исследований, например, с Х. Томасом, перу которого принадлежит фундаментальная монография «Испанская гражданская война»[404].

26 октября 1961 г. в беседе с Салгадо Араухо Франко с недоумением воспринял известия о самом тоне, с каким молодой президент Дж. Кеннеди отозвался о России во время своего

пребывания в Западном Берлине. Франко готов был признать, что «Кеннеди вдохновлен самыми добрыми намерениями, однако, он напрасно слишком уж полагается на суждения некоторых своих советников, которые недостаточно вникают в политику русских и их образ жизни. Россия сегодня не та, что была раньше. Надо иметь в виду, что она преобразовалась в огромной степени, она обладает великой культурой. Народ ее хочет жить лучше, сравнивая свой уровень жизни с тем, что имеют страны Запада.

Поэтому ее руководители уже не имеют в своем распоряжении народ, который снесет все. Сегодня у русских большое желание процветать, работать, учиться, чтобы быть более просвещенными, с надеждой и желанием жить лучше… Поэтому русскому правительству с каждым разом все труднее продолжать править в форме распоряжений, не обращая внимание на то, что полагает и думает народ…

Россия, по моему мнению, совершает ошибку, держа часть своих войск в странах-сателлитах, что всегда поддерживает их желание быть независимыми и ненавидеть своих захватчиков»[405]. Франко, по-видимому, был убежден, что испанцы уже имеют все то, о чем русские только мечтают. Диктаторам всегда не хватает самокритики.

С удовлетворением Франко воспринимал и все известия об улучшении отношений со многими странами Европы, особенно с соседней страной — Францией.

17 ноября 1961 г. итальянская «Avanti» опубликовала статью «Де Голль восхищается Франко». В ней говорилось, что президент Франции утром 16 ноября принял в Елисейском дворце испанского министра иностранных дел Кастиэлью, с которым имел беседу в течение получаса. Не было никаких сообщений о цели визита, известно лишь, что оба собеседника дискутировали об европейских проблемах. Источники сообщают, что де Голль передал Кастиэлье устное послание главе испанского государства, в котором президент Франции высказал мнение, что испанский режим в высшей степени способствует европейской стабильности и социальной умиротворенности. «The Economist» был более эмоционален. В статье «До каких пор», опубликованной 25 ноября 1961 г., говорилось, что «генерал де Голль сделал еще один шаг в своей новой политике дружбы с генералом Франко, когда он принял господина Кастиэлью, испанского министра иностранных дел». Он уверил его «во всей симпатии» к каудильо и его режиму, «который представляет собой фактор стабильности и социального мира в Европе». Автор статьи расценил это как благодарность за бескорыстное решение каудильо прекратить деятельность высланных в Испанию французских правых (речь идет о членах

праворадикальной организации ОАС. — *С. П.*). Но его благодарность генералу Франко, хотя и понятна, уживается с неблагодарностью к изгнанным испанским республиканцам, которые сначала в Сопротивлении, а затем и во время мира оказали столь большую услугу ему самому и французской нации. Был запрещен конгресс Испанской социалистической партии в Тулузе, и только в результате протеста французских социалистов было получено разрешение на проведение конгресса в По. В начале этого месяца была запрещена публикация всех испанских республиканских газет, выходивших на территории Франции. Среди наиболее важных газет, попавших под эти меры, были «El Socialista», умеренный еженедельник, основанный в Мадриде Пабло Иглесиасом в 1890 г., и три динамичные анархо-синдикалистские газеты, выходившие в свое время в Барселоне. Все — антикоммунистические, хотя и антифранкистские…

Но Франко не задевали выпады европейской прессы, для него было более важно отношение де Голля, которым он восхищался, хотя и не понимал, почему президент мирится с существованием партий.

Радовали его и успехи в экономике и экономической внешней политике, о которых его информировали министры и послы, хотя и не вдаваясь в детали. Служба дипломатической информации МИД 24 марта передала ему сообщение, посланное Кастиэльей из Вашингтона: «С американской помощью и сотрудничеством мы начинаем программу экономической реконструкции, которая, без сомнения, будет иметь огромное значение для упрочения Западного мира», — утверждал министр иностранных дел сеньор Кастиэлья по прибытии в Вашингтон, где ему на аэродроме были оказаны военные почести[406]. Кастиэлыо поместили в резиденции для официальных гостей, близ Белого дома.

Комментируя цели Кастиэльи, «The Times» делала вывод, что испанский министр будет информировать президента Эйзенхауэра «о прогрессе в области экономики и финансов как результате подписанного правительством в Мадриде в июле прошлого года «Плана стабилизации»»… Эта операция проходит с таким успехом, что Испания уже готова выплатить 50 млн долларов Международному валютному фонду и 24 млн долларов — Европейскому валютному фонду. Баланс испанских счетов в публичных и частных коммерческих банках США увеличился более чем на 150 млн долларов[407].

Выступая на завтраке Испанского института и Испанской торговой палаты, Кастиэлья сказал, что «с тех пор, как Испания вступила в эру тесного сотрудничества с США, к настоящему времени были достигнуты следующие результаты: 425 млн

долларов были получены в качестве экономической помощи, 4 млн долларов — технической помощи, 154 млн долларов — в виде кредита Эксимбанка, 22,5 млн долларов — от Фонда развития и 400 млн долларов — на восполнение сельхозресурсов… Вся эта помощь была безвозмездной».

По словам Кастиэльи, экономика Испании прошла два этапа — период затягивания поясов и период «распускания поясов» благодаря помощи США; оба они подготовили третий этап — «План стабилизации». За восемь месяцев реализации этого плана резервы Испании превысили 200 млн долларов. Первая фаза пройдена; на второй фазе были предоставлены большие возможности для иностранного, прежде всего североамериканского капитала, и был продолжен процесс либерализации. В настоящее время, по словам Кастиэльи, в Испании — абсолютная свобода для вложения иностранного капитала — до 50 % капитала предприятия[408].

Сообщенные Кастиэльей результаты «Плана стабилизации» были подтверждены Милтоном Барелли, вице-директором экономической миссии в Испании, перед Торговой палатой США 24 мая 1961 г.: «Для Испании «План стабилизации» является основой, наиболее прочной, для его будущего экономического развития и отправной точкой на пути к более тесной экономической интеграции и кооперации с другими странами Европы и свободным миром»[409].

В международном плане, по мнению Барелли, Испания уже сейчас является полноценным членом Международного валютного фонда и Международного банка, а в скором времени — Международного валютного сотрудничества.

18 октября 1961 г. министр торговли США Лютер Ходжес и сопровождавшие его лица удостоились приема у Франко. В интервью газете «ABC» Ходжес поделился впечатлениями о стране: «Уровень золотовалютных резервов в Испании сейчас более высок, чем когда-либо… Но что самое важное — Испания либерализовала свою торговую политику и сократила свой контроль над национальными и иностранными инвестициями капитала»[410].

Успехи в сфере экономики во многом — следствие стратегии, предложенной опусдеистами, находившими неизменную поддержку у Карреро Бланко. А это, в свою очередь, увеличивало дистанцию между фалангой и технократами, что стало источником самой большой напряженности внутри режима на протяжении последних лет жизни Франко. Перед ним вставала не только тень прошлого, которое он никогда не забывал — воспоминания о его недругах по ту сторону траншей гражданской

войны. Его тяготили и новые заботы — прежние сторонники-фалангисты не могли простить его очередного отступления от «максим» Хосе Антонио Примо де Риверы.

20 ноября в двадцать четвертую годовщину смерти основателя фаланги, во время церемонии в «Долине павших», на которой присутствовали только сторонники режима, диктатор услышал: «Франко, ты — предатель». Франко не удивился, если бы эти слова принадлежали кому-либо из потомков тех, кто навеки, как он полагал, остался по ту сторону траншей прошлого. Но это был молодой фалангист Роман Алонсо Урдиас — один из тех, кто сохранил веру в утопию Хосе Антонио.

Первая реакция Франко: расстрелять! Но в последний момент он изменил решение. Урдиас был приговорен к 20 годам тюрьмы и был отправлен в дисциплинарный батальон в Сахару, куда в свое время отправляли пленных республиканцев[411].

Фалангисты высокого ранга — Арресе, Фернандес Куэста и Солис, не могли себе позволить выражать свои чувства столь откровенно, как молодой радикал, но и они доставляли немало хлопот каудильо, интригуя против технократов из «Опус деи» и их планов либерализации экономики… Франко приходилось соблюдать «баланс сил», проявляя поистине дипломатическую изворотливость.

13 октября 1961 г. Солис и Эрреро Техедор организовали «дефиле» по улицам Мадрида, названное «Европейская академия ветеранов». Разбитые в 1945 г., они собрались в столице Испании, чтобы почтить того, кто нанес поражение их врагам в канун Второй мировой войны, т. е. Франко. Итальянские фашисты и германские нацисты, генералы, изгнанные из стран Восточной Европы, шли плечом к плечу с ветеранами испанской гражданской войны. Но тот, кого собирались приветствовать, уклонился от этой чести, хотя и направил поздравительное послание участникам «дефиле», зачитанное генералом Мартином Алонсо[412].

Но фаланга была недовольна не только отведенным ей местом в «балансе сил».

Фалангисты всегда выступали против монархии как института и династии Бурбонов в особенности. Заявление о своем праве на престол сына покойного Альфонса XIII дона Хуана де Бурбона, графа Барселонского перенесло вопрос о воскрешении монархии из теоретических высот в поле практической политики.

В ноябре 1942 г. дон Хуан в «Journal de Geneve» разъяснял: «Я — не глава заговора, я — законный представитель того политического бесценного сокровища существующего века, которым является испанская монархия. Я уверен, что монархия

будет восстановлена. Моя высшая цель — стать королем Испании, в которой все испанцы, пришедшие к согласию, будут жить вместе»[413].

Дон Хуан назначил своим представителем в Испании генерала Вигона, бывшего министра Франко и единственного германофила среди тех, кто входил в директивную группу, цель которой была в объединении усилий по возведению на трон претендента. Остальные — генералы Кинделан и Аранда, бывший министр образования П. Саинс Родригес, известный летчик Ансальдо, тот самый, кто должен был в начале мятежа доставить Санхурхо в Испанию, писатель Е. Вегас Латапие — были англофилами, поддерживавшими контакт с посольством Великобритании. В эту группу входил и Хуан Марч, в свое время оказавший столь значительную финансовую поддержку Франко.

Деятельность активистов монархического движения вскоре стала известна Франко. Но репрессии были мягкими: Саинс Родригес лишился кафедры, Кинделан был вынужден оставить пост генерал-капитана Каталонии и получил назначение начальника Академии в Сарагосе, сменив Аранду, Ансальдо и Вегас — выгнаны, Хуан Марч получил предупреждение[414].

После разгрома немецких войск под Сталинградом и поражения армии Роммеля в Африке Карреро Бланко посоветовал Франко встретиться с доном Хуаном. Но эта встреча произошла только пять лет спустя. 19 марта 1945 г. дон Хуан обратился с манифестом к испанскому народу. В нем претендент на престол осудил режим Франко, созданный по образу тоталитарных систем держав «оси» как противоречивший самому духу и традициям испанского народа. Именно монархия, полагал дон Хуан, может стать надежным средством примирения и достижения согласия между всеми испанцами, к тому же приемлемым путем решения «испанского вопроса» для внешнего мира[415].

Автор манифеста призывал к восстановлению традиционного, т. е. парламентского режима, обещал гарантии демократических свобод, широкую политическую амнистию, созыв законодательной ассамблеи, проведение политико-социальных-мер в духе времени. Близкий к графу Барселонскому политолог и философ Кальво Серрер, переправивший этот манифест в Испанию из Лозанны, где в то время находился дон Хуан, охарактеризовал его «как разрыв с Франко, как настоящий заговор». Тогда же был арестован генерал Аранда.

2 февраля 1946 г. дон Хуан перенес свою резиденцию в Португалию, в замок Эсториль, исторически принадлежавший испанским Бурбонам. 13 февраля 458 представителей высшей иерархии написали открытое письмо претенденту на престол,

выразив надежду, что монархия вскоре будет установлена.

Франко был в ярости. Первая реакция — «раздавить червяков!» Но отступил перед аргументом — эта акция не улучшит репутацию режима за рубежом[416].

Франко прервал всякие отношения, преимущественно эпистолярные, с доном Хуаном. Но, возможно, эта акция иерархов режима и подтолкнула его к тому, чтобы ускорить разработку «Закона об ответственности». Он сам и его ближайшее окружение давно искали выход, который бы придал «респектабельность» режиму и вместе с тем послужил бы «яблоком раздора» в стане его противников за рубежом, испанцев и неиспанцев. Таковым могло бы стать официальное восстановление монархии. Но не «классической», существовавшей до апреля 1931 г., а особой монархии «Национального движения», при которой Франко сохранил бы абсолютную власть.

В конце марта 1947 г. работа над проектом «Закона об ответственности» была завершена, и 30 марта Франко направил Карреро Бланко в Эсториль, чтобы ознакомить с ним дона Хуана. Как и следовало ожидать, ответ претендента был отрицательный. «Манифест Эсториля» осудил само намерение диктатуры, этого режима неограниченного правления, прикрыться «славной мантией монархии»[417]. Франко предвидел реакцию дона Хуана. И не дожидаясь возвращения Карреро Бланко, обнародовал текст «Закона об ответственности». О результатах «прямой консультации с народом» речь уже шла. Франко никогда не мог простить дону Хуану приверженности либерализму, в течение всей своей жизни он не переставал повторять, что его воцарение было бы истинной катастрофой для испанцев. Тем не менее вопрос о монархии привел Франко к тому же графу Барселонскому: 25 августа 1948 г. во время встречи с Франко на яхте «Асор» дон Хуан дал согласие на то, чтобы его сын Хуан Карлос выбрал местом своего жительства Испанию. Так в стадию реализации вступил план, который американский историк С. Пейн назвал «Операция Принц». Монархия должна была стать первым опорным камнем будущей Испании. Главным советником графа Барселонского тогда был Х.-М. Хиль Роблес. Возможно, он был одним из соавторов этой «операции».

Была достигнута договоренность, что Хуан Карлос продолжит свое образование и получит степень бакалавра в Сан Себастьяне. Но принц еще не раз возвращался в отчий дом. Постоянным местом жительства принца Испания стала позднее.

Утром 18 января 1955 г. принц Хуан Карлос прибыл в Мадрид. Ему было тогда 17 лет. Франко сам составил учебный план будущего монарха: военные училища, академия

генерального штаба. В 1959 г. Хуан Карлос получил звание лейтенанта пехоты и авиации и старшего лейтенанта флота. Но более всего Франко был озабочен воспитанием будущего монарха.

14 марта, вскоре после прибытия принца в Испанию, он прочел ему «настоящую лекцию по моральному воспитанию», как заметил присутствовавший при этом Салгадо Араухо. Он внушал Хуану Карлосу, что «короли должны находиться в контакте с народом, как можно более непосредственном, для того, чтобы знать его нужды и попытаться разрешить их».

Франко полагал, что Хуану Карлосу надо было продолжить изучение различных предметов в сфере экономических и политических наук. «Это можно осуществить только в Испании, посещая различные университеты и школы для специалистов, возможно чаще присутствовать в аудиториях. Для этого надо жить в стране как можно больше. Я сказал Хуану Карлосу, что надо завоевать молодежь, которая сейчас несколько отчуждена или проявляет скепсис по отношению к этой форме правления. Монархия должна быть народной»[418].

Франко поучал: «настоящий народ более здоровый, менее эгоистичный, чем люди высокого положения, наделен настоящим чувством патриотизма и любви к родине и более расположен к самопожертвованию во имя ее…

Принц должен иметь в виду, что вся нация смотрит на него и он должен представлять доказательства своей абсолютной моральности». Диктатор предостерегал от дурных примеров, напомнив о фривольности Альфонса VI, призывал не следовать примеру тех, кто уклонялся от выполнения своей миссии и защиты интересов народа, как Филипп IV, передоверивший управление графу Оливаресу[419].

9 марта 1956 г. принц пережил страшную трагедию: играя с пистолетом, подаренным Франко, он случайно выстрелил. Его любимый младший брат Альфонсо умер тотчас. Этот инцидент, по мнению автора биографии Хуана Карлоса I Пауэла, убедил Франко в том, что его выбор будущего наследника предопределен свыше[420]. Но сам факт гибели брата глубоко травмировал Хуана Карл оса и оказал большое воздействие на желание, подсказанное его отцом: сделать все возможное, чтобы братоубийственная война в Испании никогда не разразилась вновь.

Позднее Хуан Карлос скажет маркизу Луису де Вильялонга, автору наиболее известной биографии Хуана Карлоса «Король», построенной как диалог короля с его современниками: «Мой отец был прав, когда наперекор всему и вся послал меня для обучения в Мадрид. Смог ли я сделать то, что сделал в Испании, если бы

провел всю свою юность в Португалии или Швейцарии и возвратился бы в свою страну, говоря по-испански с французским акцентом»[421].

В 1962 г. состоялась свадьба Хуана Карлоса и греческой принцессы Софии. Молодая чета посетила Эль Пардо, после завтрака Франко с удовольствием отметил, что принцесса говорит достаточно хорошо по-испански, очень мила, кажется разумной и очень культурной. С одобрением он отнесся и к предстоящему визиту супругов к папе Иоанну XXIII[422].

Но свадебное путешествие затянулось, после Рима — другие страны Европы и Америки. Дж. Кеннеди принял их в Белом доме, оказав большое внимание.

2 марта 1963 г. Франко с огорчением сказал своему собеседнику Франко Салгадо Араухо, что принцесса постоянно общается с персонами из высшей аристократии, которые могут настроить ее против режима, вышедшего из крусады (крестового похода, т. е. гражданской войны. — *С. П.*). «Я понимаю, что среди нашей аристократии есть достойные люди и большие патриоты, но беспокоит окружение, в котором принцесса должна жить в Испании»[423].

Но больше всего Франко тревожили контакты Хуана Карлоса с отцом, хотя Франко никогда не терял надежды, что его влияние на Хуана Карлоса все же возобладает над воздействием на него воззрений его отца, дона Хуана, графа Барселонского, хотя и с тревогой наблюдал за тем, как Хуан Карлос со все большей настойчивостью пытается «восстановить гармонию» в своих отношениях с отцом. Франко никогда не скрывал своего негативного отношения к дону Хуану. В беседе со своим братом Франко Салгадо 20 декабря 1962 г. он сказал: «Я уверен, что в Испании никогда не наступит царство графа Барселонского, так как его образ мышления приведет к коммунистической революции, такой же, над которой мы одержали победу в 1939 г… Испанский народ не готов и не чувствует демократию так, как это практикуется в англосаксонских странах»[424]. С еще большей тревогой на исходе своего жизненного пути он наблюдал за тем, как граф Барселонский не жалел усилий, чтобы объединить вокруг монархии все оппозиционные франкизму силы, настаивая на том, что монархия может возродиться в Испании только как конституционный и демократический институт.

Отвечая на вопрос Вильялонги об истоках ненависти Франко к дону Хуану, Хуан Карлос ответил: «думаю, что Франко видел в моем отце… мятежного либерала, угрожавшего уничтожить полностью его дело… Когда мой отец говорил: «Хочу быть королем всех испанцев», Франко, вероятно, переводил: «Хочу быть

королем победителей и побежденных»». На вопрос, разве это неправда, Хуан Карлос ответил: «Да, естественно, но для Франко, вне сомнений, это было невыносимо»[425].

Хуан Карлос разделял мнение отца, что монархия должна быть демократической, так как «это единственный способ быть принятой Европой и миром». Но до поры до времени ему приходилось соблюдать осторожность. Это имело и оборотную сторону — в глазах многих испанцев он был «наследником» Франко.

Но самый неприятный сюрприз для Франко был подготовлен ассамблеей «Европейского движения», собравшейся 7–8 июня 1962 г. в Мюнхене и проходившей под эгидой ЕЭС. Были приглашены 118 испанцев — 80 из самой Испании и 38, находившихся в изгнании. Это была внушительная делегация, представлявшая все силы оппозиции внутри страны и вне ее, за исключением Коммунистической партии. Впервые собрались вместе те, кого разделяли траншеи гражданской войны: социалисты и Хиль Роблес, республиканцы и Ридруэхо.

Хиль Роблес «от имени испанцев, здесь присутствующих, и от имени своих друзей в Испании», заявил, что нельзя допустить, чтобы «их родина оказалась в стороне, в то время как вы строите Новую Европу. Как европейцы мы, испанцы, стремимся к полной интеграции Европы и наднациональному единению на подлинно демократической основе». Делегация обратилась к ассамблее «не принимать Испанию в ЕЭС, пока не будет достигнута однородность ее политического режима с режимами остальных стран ЕЭС»[426].

Франко был в ярости. Подвластная ему пресса назвала ассамблею «Контубернио, т. е. сожительство, в Мюнхене». Было приостановлено действие XIV статьи «Хартии» о праве испанцев жить в Испании, никогда полностью и не соблюдавшейся.

Ворота Испании, как горько шутили в стране и за рубежом, никогда не были открыты после 1939 г., разве только была приоткрыта щель. Но и теперь она закрылась. Д. Ридруэхо и Хиль Роблес остались в эмиграции, многих участников ассамблеи выслали на один год на Канарские острова[427].

Франко на пороге своего семидесятилетия по-прежнему стоял перед проблемой соблюдения внутреннего «баланса сил».

Диктатор не вникал в детали новой линии экономической политики, всецело полагаясь на министров-технократов. 10 июля 1962 г. к тандему Ульястроса — Наварро Рубио присоединились опусдеисты Г. Лопес Браво и М. Лора Тамайо, занявшие соответственно посты министров индустрии и образования.

Фалангисты расценили эти назначения как подтверждение

своих подозрений о заговоре «Опус деи». Чтобы «выровнять равновесие» Франко учредил пост вице-президента правительства, назначив на этот пост генерала А. Муньоса Грандеса, бывшего командующего «голубой дивизией», сторонника «твердой линии». Это назначение было чисто номинальным актом: Муньос Грандес сохранил за собой пост начальника генерального штаба и был поглощен делами армии, а его обязанности по руководству правительством негласно исполнял «серое преосвященство» режима Карреро Бланко, покровительствовавший «Опус деи».

Тогда же впервые стал членом правительства М. Фрага Иррибарне, получивший свой пост министра информации после того, как разгневанный Франко уволил в отставку преданного ему фалангиста Ариаса Салгадо только за то, что в прессу просочились сведения об акции в Мюнхене, причем в окарикатуренном виде.

Испания и внешний мир

Пер Якобсен, в то время президент МВФ, на вопрос Кальво Серера, «совместима ли экономическая политика по преимуществу либерального типа с авторитарным режимом», ответил положительно[428]. Конференция происходила в Вашингтоне в июне 1959 г. К этому времени завершались долгие и трудные переговоры, предшествующие вступлению Испании в ОЭСР полноправным членом, когда мадридскому правительству пришлось согласиться с отказом от политики автаркии, которой оно следовало 20 лет.

Именно это обстоятельство, именуемое в исследованиях как «конец экономического национализма», повлияло на отношение европейской и американской элиты к режиму Франко. И хотя иностранная пресса, причем не только левая или левоцентристская, продолжала критиковать Франко, а в экстремальных случаях, таких, как казнь Гримау, высоко поднимала волну протеста против репрессий, руководители многих стран сменили тон, когда речь заходила об Испании.

«Одним из уроков современной истории, — отмечал один из наиболее известных испанских политологов Х. Тусель, — состоит в том, что тоталитарные страны, независимо от истоков происхождения их режимов, обладают способностью более эффективной, нежели демократические, из-за возможности использовать все средства, не принимая во внимание каких бы то ни было моральных критериев»[429]. О «моральных критериях» европейская элита предпочитала и не вспоминать, если к этому ее не принуждало общественное мнение.

21 мая 1961 г. министр внутренних дел Р. Батлер и министр иностранных дел Британии лорд Хьюм нанесли официальный визит Мадриду. Отклики британской прессы были не столько благожелательными, сколько подробными до деталей, что служба информации испанского МИД подготовила специальный обзор, куда вошли только наиболее лестные для страны посещения высказывания. «Изоляция Испании: Мистер Батлер сказал, что это — позор», — так озаглавила статью о визите газета «The Guardian». Орган лейбористов «Daily Herald» посвятил событию четыре колонки: «Батлер сказал Испании: «Запад в вас нуждается»». «The Times» от 24 мая приводит такие слова британского государственного деятеля: «Испания так же присутствует в международной жизни, как и большинство стран, и это хорошо… Нелогично, что Португалия входит в НАТО, а Испания — нет». Еженедельник «Daily Express» поместил на

первой странице фотографию Кастиэльи и британского министра и полный отчет о визите. В редакционной статье говорилось: «Мистер Р. Батлер объявил, что Испания должна быть принята в западный альянс. Большинство британского населения согласно с ним. Франко может быть диктатором, но он никогда не наносил вред британским интересам, в отличие от некоторых стран, с которыми мы поддерживаем теперь хорошие отношения». И ссылается на Германию. 31 мая вся британская пресса поместила сообщение, что на второй день визита лорд Хьюм встретился с Франко. Переговоры длились 70 минут, и это, по мнению официальных кругов Испании, — хороший знак[430]. Следующий год был не менее благоприятным для европейской политики Испании.

4 июня 1962 г. Кастиэлья направил официальное послание М. Жюно, председателю комиссии по делам стран, не представленных в Совете Европы: «Согласно информации, полученной от посла Испании в Париже и консула в Страсбурге, мне стало известно, с какой энергией и объективностью Вы защищали дело Испании в Совете Европы. Выражаю мою благодарность Вам и всем, кто возвышает свой голос в организациях, определяющих будущее Европы»[431]. Но наиболее благожелательные известия для режима поступали из Парижа и Бонна.

23 октября 1962 г. Кастиэлья в письме послу Испании в Лондоне маркизу де Санта Крус сообщил самые обнадеживающие новости, которые стали известны от посла Швейцарии в Париже Солдата. На церемонии вручения верительных грамот де Голлю между послом и президентом Франции состоялась беседа. Зашла речь об Общем рынке и вступлении Англии в ЕЭС. Реакция генерала была очень живая: «Почему Англия? Скорее Испания. Преимущественное право за Испанией».

И вторая новость, сообщенная Кастиэльей: во время визита Лопеса Родо в Германию Эрхард заявил, что является противником выдвижения предварительных требований для вступления Испании в Общий рынок[432].

После визита Эйзенхауэра в Мадриде не сомневались в благожелательном отношении к Испании и Вашингтона. Для Франко то были дни триумфа. Коллективный пессимизм сменился эйфорией надежд на близкое свершение «испанского чуда». Перед ожидаемым «долларовым дождем» отступили на какое-то время даже извечные опасения, которые питал национальный сектор к конкуренции иностранных, в том числе американских капиталовложений. Особые надежды на дальнейшее укрепление испано-американских отношений

порождал приход в Белый дом Д. Кеннеди — первого президента-католика в истории США. Но именно период администрации Кеннеди был отмечен весьма серьезными трениями в отношениях Мадрида и Вашингтона, но не потому, что Кеннеди был католиком, а потому, что он был либеральным католиком[433]. Д. Кеннеди, действительно, публично неоднократно выражал недовольство франкистским режимом.

Громкую известность получили в свое время его слова, сказанные во время приема в Белом доме совершавшего свадебное путешествие принца Хуана Карлоса и доньи Софии летом 1962 г., которые можно было истолковать как проявление заинтересованности в уходе Франко.

Это было частное турне, однако, как отмечает сопровождавший принца Кальво Серер, в предвидении того, что Хуан Карлос мог бы стать будущим лидером Испании, Кеннеди проявил к нему большое внимание.

Вполне естественно, что во время встречи в Белом доме испанским гостям также был задан вопрос о будущем Испании. Из ответа принца следовало, что после Франко будет король. На это, как свидетельствует Серер, Кеннеди, уже умудренный полуторагодичным опытом пребывания у власти, ответил быстро и метко: «Да, но вся трудность — в переходном периоде»[434].

Антифранкистские настроения в США все еще были весьма ощутимы, и недавно назначенный посол Испании в Вашингтоне А. Гарригес, пытаясь рассеять то негативное отношение, которое проявляли к порядкам Франко администрация и общественное мнение, неизменно прибегал к такому аргументу: «Испанский режим является не тоталитарным, а авторитарным, и находится в процессе эволюции к конституционной монархии»[435].

Убеждение в том, что источник напряженности в отношениях между Испанией и Западом следует искать в отсутствии существенных перемен во внутренней жизни страны, разделял и бывший посол в Мадриде в годы Второй мировой войны К. Хейс. Беседуя с Кальво Серером, он горячо советовал: «Пусть делают хоть что-то, пусть меняют что-либо, чтобы мы могли им помогать»[436].

Скептические высказывания Кеннеди о Франко породили у некоторых американских журналистов даже представление, что «меры по либерализации, начатые в 1962 г., были следствием давления администрации Кеннеди». И хотя Васкес Монталбан, анализируя эти представления, заметил, что «это так же возможно, как и недоказуемо», сам он, как и большинство исследователей Испании того периода в стране и за ее пределами, был убежден, что режим вступил на путь некоторых

реформ под давлением прежде всего таких факторов, как возрожденное стачечное движение, начавшееся с массовых забастовок 1962 г. в Астурии, Стране Басков и Каталонии, движение солидарности всех сил оппозиции внутри страны и за рубежом со студенческим движением, жестоко подавляемым, но тем не менее все развивавшимся, что усиливало, в свою очередь, тенденцию к единению в действиях противников режима[437].

Подогреваемое Пентагоном «осознание» необходимости возобновления соглашений, срок которых истекал в 1963 г., заставило Кеннеди похоронить свою идею реформации Испании, если она у него и была. Эта же причина побудила администрацию Кеннеди примириться с той самостоятельной линией в отношении Кубы, которую позволил себе Мадрид, начиная с 60-х годов. Однако осознание необходимости закрыть глаза на тот поворот в испано-кубинских отношениях, который произошел близко к тому времени, когда Кеннеди счел возможным открыто высказаться против режима Франко в присутствии Хуана Карлоса, пришло к Белому дому не сразу.

* * *

Испано-кубинские отношения развивались весьма неравномерно. Франко никогда не скрывал своего расположения к диктатору Батисте. На Кубе даже было весьма широко распространено убеждение, что Испания оказала ему помощь «живой силой и техникой» в борьбе с оппозицией, что и определило особую остроту в отношениях между двумя странами после свержения на Кубе режима диктатуры. В декабре 1959 г. Фидель Кастро страстно протестовал против визита Эйзенхауэра в Мадрид[438]

Отношение Испании к новой Кубе не было однозначным. В том же декабре 1959 г. эмиссар революционного кубинского правительства А. Нуньес Хименес предпринял поездку в Западную Европу, пытаясь получить заем в 100.млн долларов и договориться о мерах, которые могли бы нейтрализовать или хотя бы ослабить экономическую блокаду Вашингтона. Он встретился с Франко и поставил его в известность, что Соединенные Штаты оказывают давление на новое кубинское правительство, требуя от него компенсации за конфискованные крупные земельные участки, принадлежавшие до того североамериканцам.

Реакция Франко была весьма своеобразна: «Не платите им ни сентимо, ни сентимо», — повторял диктатор. В связи с этим еженедельник «New York Times Magazine» от 13 ноября 1979 г.

заметил, «что многие испанцы надеялись, что Фидель наставит изрядный нос дяде Сэму». Речь шла о тех, кто подобно Франко пережил горечь поражения в 1898 г., когда Испания утратила Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины, а потому были склонны смотреть на Кастро как на мстителя за те давние унижения[439]. Об устойчивости воспоминаний подобного рода, все еще сохранявших силу над чувствами людей определенного возраста, свидетельствуют и слова Муньоса Грандеса, бывшего командира «голубой дивизии»: «Мое поколение выросло в ненависти к вашей стране. Вы нанесли нам поражение в 1898 г. и унизили нас»[440], — сказал он во время визита в США.

Но всякий раз, когда действительность напоминала о революционном характере нового кубинского правительства, наступало охлаждение, а порой и обострение отношений между Испанией и Кубой. Особой напряженности испано-кубинские отношения достигли в январе 1960 г., когда испанскому послу в Гаване Пабло де Лохендио маркизу Вельиска было предложено в 24 часа покинуть страну. Изгнание посла последовало после инцидента, неизвестного до того в истории дипломатии, на телестудии Гаваны 21 января 1960 г.

В этот день Ф. Кастро, выступая по телевидению, заявил, что Лохендио руководит действиями кубинской контрреволюции. Испанский посол явился в студию, прервал выступление Ф. Кастро, публично обвинив его в «клевете» на Испанию. Произошла потасовка, но силы были неравны. Лохендио покинул Гавану, а кубинский посол в Мадриде Хосе Кардона был отозван для «консультаций»[441]. Франко был доволен поведением Лохендио и отблагодарил его, назначив послом в Швецию.

7 августа 1960 г. во всех католических соборах Кубы было оглашено пастырское послание, подписанное архиепископом Гаваны Мануэлем Артеагой и другими архиепископами и епископами Кубы, в котором выражалась озабоченность католической церкви в связи с «возрастающим наступлением коммунизма в стране». Особую тревогу, как видно из текста послания, у кубинской церковной иерархии вызывало «установление тесных отношений с коммунистическими странами, особенно с Советским Союзом»[442]. 1 1 августа во время телевизионного выступления Фидель Кастро заявил, что систематические провокации «фашистских священников» подстрекаются посольством Соединенных Штатов и режимом генерала Франко в Испании.

Франко был возмущен. 14 августа испанское правительство направило ноту протеста против нападок на Иоданию и ее главу, указав при этом на «особую дружбу» к кубинскому народу и

неуклонное следование «политике невмешательства во внутренние дела других стран»[443].

Не только администрация Кеннеди, но и кубинская эмигрантская пресса никак не желали смириться с торговлей Испании с Кубой Фиделя Кастро, что, по ее убеждению, «благоприятствовало этой форме коммунистического режима и этому диктатору». Франко спокойно воспринял эти упреки.

21 января 1965 г. в беседе с Салгадо он сказал: «У нас слишком большие материальные и моральные интересы в этой стране, чтобы отказаться от них, не учитывая последствий и страданий, которые могут коснуться наших соотечественников. Здесь живет очень много испанских семей и тех, кто не будучи уроженцами нашей Родины, являются детьми или потомками испанцев. Наша моральная обязанность — не оставлять их беззащитными… Весь мир знает, что испанское правительство является открыто антикоммунистическим»[444].

Но соображения взаимовыгодной торговли заставили идти на компромисс: для индустриализировавшейся Испании проблема экспорта стояла не намного менее остро, чем проблема импорта для подвергавшейся экономической блокаде Кубы.

В Вашингтоне надеялись, что на пути развития торговли между Испанией и Кубой непреодолимым препятствием встанет Директива президента Кеннеди от 9 февраля 1963 г., подтвержденная затем соответствующей резолюцией конгресса США, запрещавшая предоставление помощи любому государству, которое в течение 60 дней не примет меры для прекращения доставки грузов с Кубы и на Кубу на своих судах и самолетах. Официальная просьба испанского правительства не распространять эту директиву на торговлю Испании с Кубой была отклонена администрацией Кеннеди.

И негативное отношение к Франко, проявленное американским президентом во время визита Хуана Карлоса, имело своим источником, по-видимому, не только «либеральные» воззрения Кеннеди, но желание предостеречь Мадрид от опасной дружбы.

В установленное протоколом время начались переговоры о продлении испано-американских соглашений о базах.

Официально американскую сторону на переговорах представлял госсекретарь Д. Раек. Испанская дипломатия рассматривала как свое большое достижение повышение уровня представительства по сравнению с 1953 г. Но, как и в 1953 г., на всех стадиях переговоров решающее слово оставалось за военными. Пентагон и его шеф были остро заинтересованы в сохранении баз в Испании, и в намеченный заранее срок, 26

сентября 1963 г., в Нью-Йорке Д. Раек и Кастиэлья поставили свои подписи под документом, который предусматривал продление на пять лет срока действия испано-американских соглашений. В полной мере о содержании соглашений 1963 г., равно как и 1953 г., можно будет судить тогда, когда будут опубликованы секретные статьи этого документа, которые до сих пор никогда не были преданы гласности. Но и тот текст соглашений, который был опубликован, дал основание зарубежной и испанской историографии придти к обоснованному выводу, что новое соглашение не являлось автоматическим продлением прежних военно-экономических соглашений 1953 г.[445]

Согласно «Совместной декларации» испано-американские соглашения получили признание как «часть соглашений по обеспечению безопасности атлантической и средиземноморской зоны».

Мадриду, казалось, удалось добиться того, что Франко в свое время определил как признание равноправия участвующих в соглашении сторон: «Угроза какой-либо из двух стран… — говорится в декларации, — наложит обязательства как на одну, так и на другую страну, и каждая страна предпримет те действия, которые сочтет необходимыми в рамках своих конституционных норм».

Чтобы избежать обсуждения в сенате, подписанные в сентябре 1963 г. соглашения по-прежнему оставались в статусе «исполнительных», а не договора, как хотелось бы кое-кому в Мадриде. Однако и в этом виде соглашения вызвали резкую критику в Соединенных Штатах.

Даже в условиях, когда безумие маккартизма в какой-то мере ввело общественное мнение США в желаемые правящими кругами рамки, при оказании помощи франкистскому режиму Вашингтону пришлось прибегать к известной осторожности, избегая излишней гласности. Недаром все соглашения с Мадридом вплоть до смерти Франко имели статус исполнительных, а помощь Испании, в отличие от нормы, практикуемой в отношениях с другими западноевропейскими странами, представлялась преимущественно в виде займов, а не безвозмездной дотации[446].

«Соединенные Штаты, как и до этого Германия, рассчитывали на то, чтобы Испания служила им, и не думали, чтобы служить ей»[447], — эти слова П. Вилара так же справедливы, как и слова С. Мадариаги, сокрушавшемся о том, что «конгрессменов и сенаторов, день за днем посещавших Франко, а затем по возвращении в Вашингтон воспевавших ему хвалу, меньше всего интересовала свобода испанского народа»[448]. Но используя противоречия в сложном современном мире, что принесло свои

результаты еще во времена Второй мировой войны, испанская дипломатия добилась известной внешнеполитической самостоятельности в проведении как традиционных направлений внешнеполитического курса, будь то в Латинской Америке, в Африке или на Ближнем Востоке, так и нетрадиционных — в Восточной Европе, последние — с 60-х годов.

Испании удалось использовать «особые отношения» с США, чтобы приблизиться к Западной Европе, чему подтверждением служит курс, взятый с конца 50-х годов, хотя ей и не удалось добиться той степени интеграции, к которой ее побуждали настойчивые поиски рынков, в чем была весьма активна буржуазия, окрепшая в результате экономического подъема 60-х — начала 70-х годов. Вместе с тем руководители внешней политики Испании, к явному неудовольствию своего партнера по военно-политическому союзу, заключенному в 1953 г. и с тех пор неоднократно продлеваемому, порой демонстрировали известную самостоятельность и там, где это затрагивало интересы США.

Проявляя весьма незначительную уступчивость даже к требованиям полулегальной оппозиции центристского толка, Франко, начиная с середины 60-х годов, занял достаточно гибкую позицию, когда речь шла об удовлетворении требований общественности в том, что касалось внешнеполитического статуса страны, тем более, если это отвечало националистическим амбициям или открывало предохранительный клапан для выхода народного недовольства. К тому же в январе 1966 г. произошел столь серьезный инцидент, вызвавший такую однозначную и бурную реакцию общественного мнения, что правительство вынуждено было занять весьма жесткую позицию по отношению к своему заокеанскому партнеру по соглашениям о базах.

* * *

«Это случилось ровно в 10.22 утра по местному времени, в понедельник 17 января 1966 г. Высоко в небе северо-восточнее деревни (речь идет о Паломаре, что в переводе означает «Голубятня». — *С. П.*) над синеватым зубчатым хребтом Сьерра-Альмагрера, где финикияне когда-то добывали абсолютно чистое серебро и выковывали из него блестящие якоря для своих кораблей, прогремел взрыв»[449]. Так, Т. Шульц из «The New York limes», одним из первых корреспондентов прибывший на место катастрофы, начинает свое повествование о трагическом столкновении бомбардировщика B-52 из состава 68-го

бомбардировочного крыла, которое базировалось в Сеймур Джонсон, возвращавшегося из сторожевого патрулирования в восточной части Средиземноморья, с самолетом-заправщиком КС-135, поднявшимся с базы в Мороне.

Внутри бомбовых отсеков B-52 находились четыре плутониево-урановые-235 водородные бомбы, каждая разрушительной силы в полторы мегатонны.

Первое сообщение об авиационной катастрофе поступило уже в 10.25 в штаб 16-й воздушной армии, расположенной в Торрехоне. Несколько минут спустя о происшествии был поставлен в известность генерал До-новэн, начальник консультативной группы по оказанию военной помощи Испании. У Доновэна, как отмечает Шульц, был широкий круг знакомств среди офицеров испанской армии, «но наибольшую ценность представляли его дружеские отношения с генерал-капитаном Муньосом Грандесом, семидесятилетним начальником генерального штаба и вице-президентом испанского правительства». Муньос Грандес, которому нанес свой первый экстренный визит Доновэн, отнесся к новости спокойно…

Поиски четырех потерянных бомб начались 18 января. Скоро стало известно, что две водородные бомбы раскололись и радиоактивный плутоний рассеялся. Третья бомба упала в море. 19 января испанское правительство было поставлено в известность о существовании угрозы радиоактивного заражения, и министр промышленности Г. Лопес Браво предложил О. Наваскесу, председателю испанского Совета по атомной энергии, немедленно отправить в Паломарес группу ученых. 22 января доктора Рамос и Ирамсо приступили к осмотру населения. Военные, которые полностью контролировали положение, бдительно следили за тем, чтобы информация была минимальной. Даже посольство США было плохо информировано, что не могло не вызвать тревоги посла Э. Дьюка, который отдавал себе отчет в том, что ему придется нести ответственность за политические последствия прискорбного инцидента.

В секретном донесении в госдепартамент Дьюк указывал, что «методы информации общественности, которыми пользуется военное командование, вызывают политические осложнения… в лагере Уилсона пренебрежительно относятся к мнению испанцев и что офицеры, ответственные за операцию, слишком много внимания уделяют чисто военным вопросам и не учитывают отношение Испании и всего мира к проблеме в целом»[450]. Но и испанское правительство не спешило разглашать «секреты» Паломареса, опасаясь отпугнуть иностранных туристов, — в 1965 г. 14 млн туристов дали свыше 1 млрд долларов дохода.

Между тем движение протеста в стране и мире нарастало.

1 марта доктор О. Наваскес в интервью испанскому агентству «Сифра» сообщил, что еще не найдена четвертая водородная бомба, самая современная. 2 марта Госдепартамент подтвердил информацию Наваскеса. Общественное мнение страны и мира было глубоко встревожено. Правительствам США и Испании пришлось с этим считаться.

Для того, чтобы убедить мир, что воды Средиземного моря у побережья Альмерии не радиоактивны, посол Дьюк решил организовать в Паломаресе 8 марта морское купанье, убедив министра информации и туризма Фрагу Иррибарне принять в нем участие.

Однако ни массовый заплыв американских дипломатов в еще холодном море, ни обнаруженная и поднятая наконец 16 апреля водородная бомба не смогли успокоить испанцев. Даже в близких к правительству кругах стали раздаваться голоса, призывавшие к возвращению Испании на позиции «традиционного нейтралитета». И министр иностранных дел Ф. Кастиэлья не был глух к этим призывам.

Три дня спустя после катастрофы в Паломаресе правительство Испании с согласия Франко наложило запрет на полеты самолетов американской стратегической авиации с ядерным оружием на борту над территорией своей страны, а, следовательно, и производить дозаправку самолетов над ней. Об этом Муньос Грандес поставил в известность председателя объединенного комитета начальников штабов Э. Уиллера в секретном послании 20 января. Официальное заявление о прекращении полетов американской стратегической авиации над Испанией было сделано Фрагой Иррибарне 21-го, в пятницу, на очередном заседании кабинета министров, на котором председательствовал Франко.

Как заметил Т. Шульц, «счастливым стечением обстоятельств для американцев было то, что бомбы упали на территории Испании, а не какой-либо другой европейской страны», сославшись при этом на одного чиновника госдепартамента. «Представьте себе, какой поднялся бы шум, если бы эти чертовы бомбы свалились на Францию или Италию?»[451]. Но и для Испании последствия трагедии Паломареса не прошли бесследно.

Антивоенные и антиамериканские настроения широких кругов испанского общества, столь ярко проявившиеся во время трагических событий в Паломаресе, в полной мере были использованы правительством Мадрида. Дабы оказать давление на своих партнеров по «совместному использованию баз», Франко неизменно ссылался на нейтралистские настроения испанцев и

резкое возрастание риска для страны, сопряженного с существованием баз.

В июле 1968 г. Кастиэлья отправился в Вашингтон. Впереди было еще два месяца до официального начала консультаций о базах, предусмотренных соглашением. Однако испанское правительство сочло нужным заранее подготовить своего партнера к неожиданностям, которые несла в себе его новая позиция. Согласно Б. Уэллесу, поездка Кастиэльи была предпринята по поручению Франко: испанский министр иностранных дел должен был поставить Вашингтон в известность о намерении своего правительства добиваться заключения не соглашения, а оборонительного договора, а также увеличения поставок в Испанию новейшего американского вооружения[452].

В ходе предварительных переговоров Кастиэлья конкретизировал условия, на которые готов был пойти Мадрид: гарантия совместной обороны, доведение соглашения до уровня договора об обороне, предоставление Испании такого же юридического статуса, на каком основаны взаимоотношения США и других членов НАТО, увеличение военной и экономической помощи до 1200 млн долларов, предоставление этой помощи в течение пяти лет, поставки в счет ее зенитных ракет «Хок», сверхзвуковых «Фантомов», тяжелого вооружения[453]. Эти условия были сочтены американской стороной явно завышенными. Однако попытки снизить уровень требований натолкнулись на сопротивление Кастиэльи, который, к неудовольствию своих партнеров, заговорил о нейтрализме как желанной альтернативе внешнеполитического курса Испании.

Для объяснения позиции Кастиэльи, которую Р. Маурер, один из старейших американских корреспондентов в Испании, назвал «барахтаньем в нейтралитете»[454], политики и журналисты в стране и за рубежом выдвигали такие причины, как стремление набить цену за военные базы, осознание роста опасности сохранения этих баз на испанской земле, попытка следовать примеру генерала де Голля, наконец, недовольство отказом Вашингтона поддержать Испанию в ее борьбе за ликвидацию колониального статуса Гибралтара, чему Кастиэлья придавал особое значение.

В самой Испании заявка на нейтрализм чаще всего связывалась с тенденцией к сближению с Европой. «Приблизиться к Европе, войти в континент, объединиться с западным миром — вот благородное и полезное стремление большинства секторов нашей страны»[455] — эти слова Х. Ареильсы находили в те годы большой отклик, причем имелась ввиду не только Западная, но и Восточная Европа. «Необходимо установление отношений со

всеми странами Востока, включая Советский Союз и Китайскую Народную Республику… Для того, чтобы укреплять в Испании демократию, соглашения с США не должны содержать никаких ограничений для отношений со странами иного цвета и иного политического знака», — такое требование, сформулированное газетой «La Vanguardia española» 17 марта 1970 г., не представлялось тогда чем-то необычным.

Прерванные по инициативе Испании переговоры были возобновлены 10 сентября 1968 г. Так начался период «консультаций», а вернее, усиленного давления госдепартамента и Пентагона на Мадрид. Кастиэлья не смог до конца удержать свои позиции. 20 июня 1969 г. Кастиэлья и В. Роджерс, ставший государственным секретарем после прихода к власти республиканской администрации, подписали временные соглашения, предусматривавшие продление аренды двух военно-воздушных баз и базы подводных лодок до 26 сентября 1970 г.

По возвращению в Мадрид Кастиэлья, как это было принято, доложил о результатах своих переговоров Франко. Тот не скрывал своего недовольства, что негативно вскоре отразилось на судьбе Кастиэльи: с годами диктатор стал более болезненно реагировать на неудачи.

ЧАСТЬ VI

Осень диктатора. Тернистый путь ограниченной модернизации

Советник по делам торговли в испанском посольстве в Бонне переслал Кастиэлье публикацию в известном немецком еженедельнике «Der Spiegel» от 25 июля 1962 г. под весьма примечательным заголовком: «Испания. Наследник Франко. Старые товарищи». В ней шла речь о назначении А. Муньоса Гранде вице-президентом правительства. 13 августа Кастиэлья переслал публикацию самому Муньосу Гранде.

Повествование велось с того далекого 25 сентября 1925 г., когда с возгласом «Да здравствует смерть!» майор Муньос Гранде в битве при Алхусемасе устремился во главе своего отряда на воинов Абдэль-Керима. Тяжело раненный, он с трудом мог сообщить своему шефу, полковнику Франко, об успехе операции. С тех пор их связывала дружба. И как бы высоко ни поднимался Франко, он никогда не забывал Муньоса Гранде. В начале гражданской войны Франко спас своего товарища от смертной казни за измену, к которой его приговорил военный трибунал Республики, обменяв его на одного из находившихся в плену офицеров-республиканцев.

Муньос Гранде оказал услугу Франко весной 1941 г., когда радикалы из фаланги (в статье они названы «горячими головами») попытались выступить против военно-бюрократического, как они считали, режима, противоречившего заветам Хосе Антонио Примо де Риверы: он способствовал подчинению фалангистской милиции армии. Франко назначил его командиром «голубой дивизии», из которой 3943 военнослужащих (явное преуменьшение. — *С. П.*) не вернулись домой. Несмотря на то, что и Муньос Гранде давал клятву верности Гитлеру, президент Эйзенхауэр наградил его в 1954 г. медалью «За достоинство». Тем самым, отмечает автор, «США реабилитировали военного преступника!». В тот же год 11 июля Франко присвоил Муньосу Гранде чин генерал-капитана, равный по значению званию маршала, чин, не присваиваемый в Испании уже 35 лет.

Назначение Муньоса Гранде вице-президентом правительства налагало на него обязанность занять высший государственный пост в случае болезни, отсутствия или смерти Франко. По существу, диктатор дал понять, что рассматривает Муньоса Гранде своим наследником.

Этот выбор Франко автор статьи связывал с событиями на

празднике в Эль Пардо в честь свадьбы Хуана Карлоса и Софии. Франко спросил у принцессы: «Хотелось бы Вам когда-либо стать королевой этой страны?» София промолчала, уступив ответ своему мужу. «Ваше превосходительство, только после смерти моего отца. Законный наследник трона — мой отец», — ответил Хуан Карлос. После этого диалога Франко и назначил Муньоса Гранде вице-президентом правительства.

По сведениям автора статьи, Франко сам доверительно сообщил Муньосу Гранде, что он избрал его своим преемником. В ответ новый вице-президент посоветовал, во избежание критики, сообщить дону Хуану, что Испания еще не созрела для решения королевского вопроса.

«Выбор Муньоса Гранде — похищение королевской мечты», — таков вывод автора статьи[456], с которым едва ли можно согласиться. Скорее это был намек дону Хуану, либералу, воспитанному в духе британского конституционализма, которого Франко считал одним из своих главных врагов. Ему, по мнению диктатора, предстоит распрощаться с королевской мечтой, а не его сыну, которого он надеялся поднять на трон вместо его неудобного отца. Ведь согласно закону 1947 г. (статья 3-я) наследником могло стать только лицо королевской крови. А Франко уважал законы, которые он сам подписывал.

Расширение в правительстве представительства членов «Опус деи» вначале не нашло такого отклика в иностранной прессе, как высокое назначение Муньоса Гранде, хотя и усилило напряжение с фалангой, именуемой с 1958 г. «Движением». Недовольство фалангистов вызывало и растущее влияние Лопеса Родо, формально не обладавшего министерским постом, но практически ставшего экономическим диктатором отходившей от автаркии Испании.

Еще до формирования нового состава правительства, 25 января 1962 г. Франко последовал совету Карреро Бланко, назначив Лопеса Родо главой нового комиссариата «Плана развития», центрального органа по планированию, создание которого было рекомендовано советниками Всемирного банка. Представители этого комиссариата направлялись в каждое министерство экономического профиля в ранге делегатов президиума правительства с правом создавать межминистерскую комиссию[457].

Это решение встретило сопротивление Наварро Рубио. Министр финансов не пожелал видеть в своем министерстве представителя комиссариата и подал в отставку. Франко принял отставку, предложив в качестве возмещения пост главы Банка Испании, на который Наварро Рубио согласился только спустя

три года. Но еще большее сопротивление пришлось преодолеть со стороны фалангистов: Солис попытался добиться согласия на то, чтобы комиссариат был включен в систему вертикальных синдикатов. Франко ответил отказом.

Солис и другие руководители Движения были убеждены, что фаланга проиграла решающее сражение за будущее Испании без Франко[458]. Однако, по мнению П. Престона, сам Лопес Родо был убежден, что реформа управления и экономики будет пока лучшей гарантией для сохранения режима, нежели иммобилизм, хотя в весьма отдаленном будущем он не исключал политических изменений внутри страны[459]. Сам Лопес Родо так сформулировал свое кредо: когда доход на душу населения достигнет 1 тыс. долларов в год, можно будет приступить к демократизации[460].

Безграничное доверие Франко к Лопесу Родо может быть понято как согласие с его позицией. Казалось, что Франко был рад переложить на Лопеса Родо свои обязанности. И хотя формально Франко возглавлял правительственную Комиссию по проблемам экономики, превратившуюся в мини-кабинет министров, его фактическим руководителем был Лопес Родо[461].

О прошлом А. Лопеса Родо в Испании в то время знали мало. Лишь впоследствии, со слов его соратников, а также из сведений, включенных в его «Мемуары», изданные уже после смерти Франко, стало известно, что он окончил колледж в Барселоне, основанный французским монахом Сан Хуаном де Клюни. На протяжении почти всей войны Лопес Родо был в Барселоне и всего несколько месяцев в армии Франко. После поражения Республики окончил университет. Как он сам рассказывал позднее, 8 марта 1941 г. во время мессы в церкви иезуитов на улице Касне в Барселоне он явственно услышал глас Божий и решил обратиться с просьбой приема в «Опус деи», о деятельности которого был осведомлен от своего друга Р. Эскала Хиля[462].

Доверие к нему Карреро Бланко было безгранично.

В начале февраля 1965 г. Салгадо передал Франко анонимное сочинение, в котором анализировалось положение в фаланге, традиционализме и «Опус деи». Франко не согласился с суждением автора (или авторов), что в недрах этих организаций возникают оппозиционные режиму течения. Мало того, он опроверг почти все позиции анонима: по его мнению, автор напрасно задался целью обесценить роль фаланги, он игнорирует или пытается игнорировать ее популярность и всенародное признание ее миссии, ее заслуги в воспитании юношества в духе высокого патриотизма, дисциплины и ответственности в

выполнении своего долга.

Что касается Руиса Хименеса, оппозиция которого к режиму ни для кого не была тайной, то, по мнению Франко, он никогда не был «пламенной старой рубашкой». Бывший министр образования никогда и не рассматривался им, Франко, как энтузиаст фаланги, и его политические воззрения всегда были либеральными.

Франко отверг все рассуждения анонима относительно того, что «Опус деи» и режим «впадают в либерализм, принесший столько зла и стоивший столько крови Испании». Диктатор с величайшим уважением отнесся не только к концепции государства и общества, попыткам актуализировать испанские католические традиции, но и к тому, что «Опус деи» поставил на службу Испании свою «хорошо подготовленную и сплоченную команду», обладающую не только ясным видением своих целей, но также и точным представлением о методах их применения[463].

С усилением присутствия «Опус деи» в правительстве и вне его связывали планы приватизации крупной собственности и ограничением всевластия ИНИ. Поползли слухи об отставке главы ИНИ Суанчеса. Франко попытался их опровергнуть. 9 ноября 1963 г. он сказал Салгадо: «Это неверно. А произошло то, что Суанчес противится политике правительства по постепенной либерализации промышленности и сокращения деятельности ИНИ… Суанчесу не нравится молодость, он не хочет иметь ничего общего с инженерами нового поколения и верит только старым инженерам — судостроителям старой эпохи, — возможно потому, что знает их лучше. Но им всем более 70 лет»[464].

Сам Франко был убежден, что понимает тот молодой мир, в котором он, ровесник Суанчеса, жил. Но все же несколько месяцев спустя Суанчес был уволен.

Тема «Опус деи» в то время начала привлекать все большее внимание иностранной прессы. Салгадо Араухо 13 июня 1966 г. обратил внимание Франко на статью «Святая мафия» во французском журнале «Le Nouvel Observateur», в которой шла речь о том, что «Опус деи» правит Испанией. Автор статьи привел слова, сказанные якобы Лопесом Родо: «Не генерал Франко является тем, кто правит Испанией, им являюсь я». И далее в этой статье описывается торговая и предпринимательская деятельность, которой занимается эта религиозная организация.

Франко пропустил мимо ушей упоминание о Лопесе Родо, которому он сам безгранично доверял. Его больше занимало другое: «Теперь имеется много лиц, которые сближаются с «Опус деи», чтобы добиться экономических выгод, но это не означает, что эта ассоциация посвятила себя достижению только этой

цели». Франко отозвался с высочайшим уважением об основателе «Опус» Эскриве де Балагере, персоне великой религиозности, напомнив о признании этой организации его святейшеством Папой[465].

Он вновь вернулся к теме «Опус деи» в ноябре 1966 г. в связи с яростными нападками фаланги: особенно доставалось газете «Madrid» и ее редактору Кальво Сотело, а также «Народному банку», управляемому Тебернером. Франко встал на защиту «Опус», назвав большинство его руководителей «корректными персонами», которые, по его мнению, если и участвуют активно в политике, то не смешивают ее с деятельностью в религиозной ассоциации и не афишируют свою принадлежность к ней.

На вопрос, не является ли «Опус» «белым масонством», как полагают некоторые группы общественного мнения, Франко ответил, что «масонство обязывает своих братьев следовать своим политическим инструкциям, которые всегда должны быть в согласии с ориентацией секты. Этого никогда не делало «Опус деи»»[466].

Примечательно, что позиция Франко в отношении «Опус деи» совпадала во многом с видением Серрано Суньера, давно отдалившегося как от политики, так и от идеологии режима. Много лет спустя на вопрос журналиста Санья, кому он симпатизировал в полемике между «Опус» и фалангой, Суньер ответил, что при первых известиях, дошедших до него от этой организации, он отнесся с симпатией и уважением к ее центральной идее: внести дух христианства во все сферы деятельности человека. Реальная политика, однако, оказалась весьма далекой от этого, что, впрочем, случалось со многими политическими партиями.

Как и Франко, Суньер отделял религиозные устремления «Опус» от политической деятельности[467].

Относительно плавное течение политической жизни верхов было поколеблено в конце 1962 г.

7 ноября 1962 г. в Мадриде был арестован один из руководителей Коммунистической партии Испании Хулиан Гримау, незадолго до этого тайно вернувшийся из эмиграции. Избитый при задержании и подвергнувшийся затем жестоким пыткам при допросах, он был выкинут из окна Главного управления безопасности, дабы инсценировать самоубийство. Но Гримау остался жив и, тяжело раненный, предстал перед военным трибуналом, который приговорил его к смертной казни за «военный мятеж», подчеркнув тем самым, что речь шла о деяниях, совершенных в период гражданской войны[468]. Это подтвердил и Фрага Иррибарне, назвав на пресс-конференции Гримау

«отвратительным убийцей», хотя со времени окончания гражданской войны Гримау никого не убивал[469].

Франко не ожидал негативной реакции общественного мнения Европы, не говоря уже об Испании, поскольку приговор был вынесен коммунисту. На этот раз диктатор ошибся: против казни Гримау с протестом выступили не только Никита Хрущев, глава Социнтерна Вилли Брандт и Гарольд, лидер лейбористов, чего можно было ожидать, но и королева Англии Елизавета II и даже кардинал Джованни Баггиста Монтини, архиепископ Милана, ставший 18 июня 1963 г. Папой Павлом VI[470].

Осведомленный о позиции де Голля и Валери Жискар д'Эстена, занятой руководителями Франции под напором общественного мнения страны, посол Испании в Париже Х. Мария де Ареильса срочно посетил Мадрид. Однако Кастиэлья развеял надежды посла, сообщив ему о твердой позиции Франко и его кабинета[471].

Фрага Иррибарне в письме Гевину Фрейману от 18 декабря 1962 г. уверял своего коллегу в Лондоне, что он обладает правдивой и проверенной информацией о деятельности Хулиана Гримау в Барселоне в годы гражданской войны, которую общественное мнение его страны считает преступной[472].

Еще более жесткую позицию занял сам Франко. Выступая на заседании совета министров, он заявил, что дело Гримау — особый случай, т. е. речь идет о «преступном шефе Чека». «… Многие семьи его жертв живы и взывают к справедливости против жестокого убийцы их родственников». О жестокости националистов, обагренных кровью республиканцев, Франко никогда даже не упоминал[473]. Гримау был казнен. В том же году были подвергнуты средневековой казни гарротой два анархиста — Ф. Гранадас Гата и Х. Делгадо Мартинес, но на этот раз не за прошлые грехи времен гражданской войны, как Гримау, а по обвинению в убийстве комиссара полиции Мадрида.

Франко не страшился повторения бойкота, поскольку понимал, что мир стал иным: «холодная война» набирала силу. У него на руках, как он полагал, были три важные карты: возраставшая интеграция Испании в мировую экономику, конкордат с Ватиканом, а, главное, — соглашение о военных базах с Вашингтоном, десятилетний срок которого истекал в 1963 г. Тем не менее волна общественного возмущения не только во внешнем мире, но и даже в Испании была столь высока, что понадобились внушительные пропагандистские меры. Вот тогда и были востребованы интеллект и организационные способности Фраги Иррибарне.

Включение в правительство Фраги Иррибарне на первых

порах не привлекло особого внимания испанского общества. А ведь он оказал впоследствии такое влияние на политический климат в стране, которое никогда не удавалось ни одному министру информации. К тому же он пережил не только физически, но и политически многих из тех, кого уж давно нет, являясь до последнего времени заметной политической фигурой.

1964 г. прошел под знаком «25 лет мира» — формула, предложенная Фрагой. Официально празднование «25 лет мира» началось с мессы в базилике «Долины павших». Но на этот раз примирение распространилось не только на мертвых, но впервые и на живых: формально была снята уголовная ответственность с тех, кто принимал участие в гражданской войне на стороне Республики. Но из-за многочисленных «изъятий», амнистия политзаключенных не была столь широкой, как того ожидали многие в стране и за рубежом.

Образ Франко был в центре пропагандистской фиесты, устроенной Фрагой. Он прославился как главный режиссер грандиозного мероприятия «25 лет мира». По сценарию Хосе Марии Санчеса, рекомендованного Фрагой, был снят фильм «Франко, вот человек». Самому Франко фильм не понравился: «Слишком много парадов»[474]. Диктатор был уверен в своей популярности и не искал новых ее подтверждений. Сам же Франко, как свидетельствует его доклад 9 апреля 1964 г. на Национальном совете, главную свою заслугу видел в экономическом развитии страны в последние годы. Он не удержался от филиппик в адрес темных сил, препятствующих тем самым еще большему процветанию страны[475].

Диктатор не сказал ничего о будущем Испании, как этого ожидали многие. Напротив, когда 30 апреля 1964 г. Франко была вручена памятная медаль «25 лет мира», диктатор, поблагодарив за оказанную честь, сказал, что надеется на такую же церемонию по прошествии еще двадцати пяти лет[476]. Между тем уже тогда внимательные собеседники, из числа тех, кого Франко удостаивал аудиенции, одни — с тревогой, другие — с надеждой наблюдали ухудшение его физического состояния, которое он тщательно пытался скрыть. Как выяснилось позднее, то были первые признаки болезни Паркинсона, отравившей последние годы жизни Франко. Но он все еще был способен удивлять присущим ему динамизмом и тех, и других.

Неожиданностью и для Испании, и для внешнего мира, как свидетельствует об этом национальная и иностранная пресса, стало выступление Франко в декабре 1964 г.: оно было расценено как защита религиозной свободы. Особенно благоприятны были комментарии иностранных обозревателей: по их суждению, это

было самое либеральное из всех, когда-либо произнесенных диктатором. Но, как заметил Салгадо Араухо, далеко не все испанские католики были готовы к тому, чтобы принять идею религиозной свободы. Многие прелаты оказали даже открытое сопротивление. Сам же Франко полагал, что он «не сделал ничего более, чем проявил уважение к духу Второго Ватиканского собора». И добавил: «Ситуация, в которой оказались протестантские церкви, не может не подталкивать к действиям, направленным против режима»[477].

Ревностный католик, Франко прежде всего был прагматиком.

В 1964 г. произошло еще одно событие, расцененное современниками как некоторые признаки смягчения позиции Франко относительно Советского Союза. Еще был памятен май 1960 г., когда Франко воспротивился тому, чтобы четвертьфинальный матч за Еврокубок был сыгран на испанской земле. Причина: соперником испанской команды «Реал Мадрид» была команда СССР.

Незадолго до матча Франко поддался давлению Карреро Бланко, разъяснившего диктатору всю неуместность матча с советской командой, когда не все еще военнопленные «голубой дивизии» освобождены из лагерей в СССР. В результате по решению ФИФА испанская команда выбыла из соревнования, а советская вышла в полуфинал. В прессе появились разъяснения, что матч был отменен из-за позиции руководства СССР, потребовавшего, чтобы он был сыгран на нейтральной территории.

В 1964 г. в борьбе за Кубок Европы сборные СССР и Испании вышли в финал. Национальная федерация спорта, поддержанная спортивной секцией «Движения», приложила немало усилий, чтобы убедить ФИФА согласиться на то, чтобы финальный матч был сыгран на испанской земле. На этот раз Франко дал согласие: почти все военнопленные «голубой дивизии» были отпущены из лагерей. Но будет ли сам диктатор, любитель футбола как истинный испанец, присутствовать на матче? Ведь в случае победы советской команды Франко пришлось бы вручать ей Кубок и встать при исполнении гимна СССР.

Страхи оказались напрасными. Франко в сопровождении доньи Кармен, генерала Муньоса Гранде и многих министров 21 июня появился на стадионе. Сборная Испании не подвела диктатора, одержав победу со счетом 2:1. Франко был удовлетворен: матч транслировался на многие страны Европы и мира, и их слушатели могли слышать, как испанцы, составившие большинство из 120 тыс. зрителей стадиона, скандировали: «Франко! Франко!»[478].

Широкой публике не было известно, что за несколько месяцев до этого в беседе с Салгадо Араухо 10 февраля 1964 г. Франко поделился с собеседником своим видением новых изменений в СССР: «Убежден, что в России имеет место сопротивление власти Хрущева, как и раньше власти Сталина, Берии и Ленина… Благодаря высокой культуре народа общественное мнение оказывает большее влияние на решение правительства, чем в прошлые времена… Россия ушла далеко вперед, и сегодня уже нельзя править так, как в эпоху царизма и в годы, предшествовавшие Второй мировой войне»[479]. Впоследствии произошли некоторые сдвиги в налаживании культурных отношений с СССР.

17 апреля 1967 г. субсекретарь МИД Р. Седо сообщил послу Испании в Париже П. Кортине Маури, что совет министров на последнем заседании дал разрешение на выдачу визы русскому поэту Евгению Евтушенко, который был назван «национальной советской фигурой»[480].

17 октября того же года в высоких инстанциях обсуждался вопрос о возможности гастролей балета Кировского театра в обмен на гастроли испанского балета или другого артистического сообщества. «Мы открыты к диалогу», — так определяли сторонники того, что пришло время «сдвинуть с места» дипломатические отношения с СССР[481]. Но тогда ни Франко, ни руководители СССР не были готовы к решительным шагам. Это произошло позднее.

В полемике «Опус деи» с фалангой Франко предпочитал сохранять дистанцию. Он не разделял политические амбиции технократов и отошел достаточно далеко от тех позиций, которые занимал когда-то — в годы гражданской и Второй мировой войны.

«Режим Франко стал жертвой самого процесса социальных перемен, который сам же породил. Иными словами, новый динамизм испанского общества потребовал политических перемен, к которым ни Франко, ни его режим не хотели и не могли приступить»[482], — эти слова крупнейшего испанского историка и политика Х. Фуси адекватно отражают реалии Испании середины 60-х годов. И все же Франко не был безучастен к этим новым реалиям. Прагматик и реалист, он понимал, что настало время смягчить тоталитарные структуры режима, придав им некую видимость демократических институтов.

Для тех, кто поверил слухам о серьезных изъянах здоровья диктатора, была неожиданной та твердость, которую Франко проявил, определяя, кто будет реально участвовать в разработке проекта «Органического закона». Он решительно отверг

домогательства генерального секретариата «Движения» — так стала называться фаланга с 1958 г., — претендовавшего на лидерство в комиссии по подготовке закона.

С годами Франко все больше проявлял озабоченность, что будет с Испанией после его смерти, или, как он сам говаривал, «когда меня не будет».

Франко остался верен своему убеждению, что парламентаризм, политические партии и конституционализм, как его понимали в странах Западной Европы, да и в Испании до 1939 г., не подходят для его страны, поскольку противоречат ее историческим традициям. Кортесы, учреждение которых в 1942 г. он санкционировал, основанные на принципе корпоративного представительства, не были парламентом, как не была конституцией «Хартия испанцев» 1945 г. Но к 1964 г. Франко все больше склоняется к тому, чтобы уступить давлению Фраги и Кастиэльи и дать согласие на разработку «Органического закона», допускавшего некоторую либерализацию режима. Кастиэлья полагал, что это улучшит международные позиции Испании, приблизив ее к ЕЭС, а Фрага был убежден, что с принятием нового «Органического закона» его концепция постепенной политической модернизации режима обретет правовую базу.

Была еще одна причина, побудившая Франко принять решение форсировать разработку «Органического закона»: многие из тех интеллектуалов, которые поддерживали режим или, по крайней мере, были к нему лояльны, все явственнее обнаруживали признаки непослушания. Когда профессор Педро Лаин Энтральго — в дни юности фалангист, «старорубашечник», а ныне один из наиболее известных и уважаемых ученых в сфере гуманитарных знаний — обратился с личным посланием к Франко, объявив о своем разрыве с режимом, это не вызвало большого недоумения[483].

Напомним, что Лаин Энтральго еще в 1948 г. в книге «Испания как проблема» одним из первых выступил за наведение мостов между «Двумя Испаниями», а в декабре 1955 г. передал Франко свой доклад, навеянный студенческими волнениями 1954 г., в котором предупредил, что то, что студенты выражают сегодня, завтра будет выражать все общество. Но ныне круг тех, кто готов был занять место среди тех, кто был в оппозиции к режиму, существенно расширялся. Похоже, что к Д. Ридруэхо и Х. Руису Хименесу готовы были присоединиться известные ученые, среди них — философы с европейскими именами Энрике Тьерно Гальван и Хосе Луис Арангурен.

Франко никогда не надеялся на примирение р режимом тех, кто противостоял ему в гражданской войне, он был не очень

озабочен забастовками шахтеров и волнениями студентов, т. к. те до поры до времени выдвигали либо экономические требования, либо настаивали на восстановлении права на автономию университетов. Но расширение круга оппозиции за счет тех, кто мог бы стать властителями дум нации, его тревожило: он не забыл, какую роль интеллектуальная элита сыграла тогда, когда решалась судьба страны, — во времена свержения монархии и деятельности Учредительных кортесов, принявших «богопротивную конституцию».

Франко надеялся, что принятие «Органического закона», где предусматривалось некоторое расширение прав, примирит этот спектр оппозиции с режимом.

В 1964 г. Франко получил еще один повод для того, чтобы публично продемонстрировать свою неприязнь к дону Хуану. На этот раз поводом послужили тесные контакты претендента с Хосе Марией де Ареильсой, графом Монтрико. Аристократ по происхождению, в молодости отдавший дань фалангизму, что привело его вместе с Кастиэльей в «голубую дивизию», заслуженно почитался за одного из наиболее блестящих дипломатов. В октябре 1964 г. он подал в отставку с поста посла в Париже, придя к выводу, что режим загнал себя в тупик, откуда нет выхода. Этот вывод зрел давно: еще в начале 1964 г., добившись аудиенции у Франко, Ареильса попытался разъяснить главе государства необходимость реформ. В ответ — глубокое молчание. И когда надежды дона Хуана стать преемником Франко развеялись, он создал так называемый секретариат, по существу, теневой кабинет оппозиции. На предложение возглавить секретариат Ареильса ответил согласием[484].

Франко полагал, что со временем Ареильса сменит Кастиэлью на посту министра иностранных дел и поэтому переход дипломата в монархическую оппозицию он расценил как разрыв с режимом, как удар, нанесенный ему лично. Но гаев Франко пал не только на Ареильсу, но и на «соблазнителя» — дона Хуана. Было даже дано распоряжение секретной полиции следить за контактами дона Хуана с сыном.

Но вместе с тем переход в оппозицию режиму Ареильсы послужил еще одним весомым поводом к тому, чтобы, подавив свое внутреннее сопротивление, ускорить работу над «Органическим законом», в чем он сам принимал непосредственное участие.

Болезнь действительно прогрессировала, периоды апатии становились длительнее, но именно это побуждало Франко поторапливать тех, кто был занят разработкой проекта, чтобы подготовить страну к тому времени, когда, как он сам говаривал,

«он уйдет», чтобы сохранить режим, хотя несколько и изменив его параметры.

В течение марта 1965 г. Карреро Бланко, заходя в кабинет Франко, не раз видел, что тот работает над текстом «Органического закона». 1 апреля Франко, наконец, впервые сам прочел Карреро Бланко черновой вариант «Закона». Но только в июне 1966 г. он передал тому же Карреро Бланко окончательный проект «Органического закона государства», который должен был быть представлен в кортесы в октябре, после окончания продолжительных летних каникул. Но дискуссия по проекту Закона началась только 22 ноября.

Встреченный продолжительными аплодисментами и водрузив на нос очки, Франко сам прочел большую часть обширного доклада. Основные положения текста, отредактированного им самим, были обращены по преимуществу в прошлое: для Франко было важно продемонстрировать публично, что он не отрекается ни от своего традиционного видения истории, ни от ниспосланной ему Провидением миссии.

Касаясь нейтралитета во время Второй мировой войны, диктатор восславил Господа, вразумившего и укрепившего его в решимости избежать вовлечения в войну.

«Только вера и помощь Господа дали мне силы для того, чтобы принять высокую и тяжкую ответственность, чтобы управлять испанским народом». Он поставил себе в заслугу, что: «Из Испании, погруженной в анархию и бедность, возник социальный и политический строй, посредством которого мы добились трансформации наших структур, достигнув темпа совершенствования и прогресса, доселе невиданного». Он не сказал, какой ценой это было достигнуто, но высказал уверенность, что режим проживет еще долго и после его смерти[485].

Новый «Органический закон» был представлен Франко как завершение конституционного процесса, начатого «Хартией труда», настоящей Великой Хартией социальной справедливости в Испании. Далее текст доклада громким голосом дочитал президент кортесов Антонио Итурменди.

Большую часть доклада Франко прочел сам, как бы подчеркивая тем самым, что инициатива разработки проекта принадлежит ему.

По новому закону из 564 прокурадоров (депутатов) кортесов 456 избирались соответствующими корпорациями: «вертикальными профсоюзами», муниципалитетами, университетами и т. д., либо назначались главой государства; 108 прокурадоров избирались главами семей.

Новый «Органический закон» сохранил все основные положения «Закона о наследовании» 1947 г., в соответствии с которым Испания провозглашалась королевством. Подтверждались принципы назначения короля или регента. Им мог стать испанец и католик королевской крови, старше 30 лет, верный принципам «Национального движения». Многие из тех, кто проголосовал за новый закон, надеялись на ускорение процесса перехода от диктатуры к монархии. Тем более, что в отличие от 1947 г., речь могла идти уже не об абстрактном образе будущего монарха, а о весьма конкретной фигуре — Хуане Карлосе де Бурбон[486].

Но сомнения, того ли будущего монарха он избрал, долго преследовали его. На протяжении XIX в., во всяком случае после смерти Фердинанда VII, монархия «состояла в браке» с ненавистным диктатору либерализмом. А отец Хуана Карлоса, дон Хуан, был живым воплощением этой доктрины. Диктатор, не переставая повторять, что воцарение графа Барселонского было бы истинной катастрофой для испанцев, опасался его влияния на образ мышления Хуана Карлоса. К тому же в окружении диктатора не было единства относительно личности будущего монарха.

25 ноября 1965 г. Фрага в интервью газете «The Times» заявил, что испанцы не убеждены, что преемником Франко должен стать Хуан Карлос. Технократы Лопес Браво и Лопес Родо поддерживали Хуана Карлоса, так же как и «серое преосвященство» режима Карреро Бланко, фалангисты, причем не только «бункер», но и сторонники умеренных реформ, так называемые «апертуристы» (от слова апертура — открытие) — дона Альфонса, сына второго сына Альфонса XIII, глухонемого дона Хаима, отказавшегося в свое время от династических прав в пользу дона Хуана.

Но в конце концов Франко отбросил сомнения и на заседании правительства 21 июля 1969 г. заявил: «Мне уже 76, скоро будет 77. Моя жизнь в руках Господа Бога». И объявил о назначении Хуана Карлоса Принцем Испании, отказавшись признать его Принцем Астурийским, как традиционным титулом наследника престола, подчеркнув тем самым разрыв с монархией прошлого[487]. На другой день кортесы утвердили волю Франко. Хуан Карлос принес клятву принципам «Движения», убежденный, что это не помешает в будущем провести демократические реформы. Обо всем этом он написал отцу, объяснив свой шаг тем, что это в будущем будет способствовать возвращению монархии в Испанию. Но дон Хуан не принял объяснения: он был в ярости[488]. Но в исторической перспективе Хуан Карлос был

прав.

Верный своим обещаниям все наиболее значимые перемены в жизни нации реализовать только после консультации с народом, Франко дал указание вынести на референдум новый «Органический закон». 14 декабря состоялся референдум: 88 процентов избирателей, принявших участие в голосовании, проголосовали за «Органический закон», и только 1,8 процента проголосовали против. Оппозиция немедленно подвергла результаты референдума сомнению. Действительно, было немало подтасовок и фальсификаций, и все же прав Поль Престон, что «тем не менее референдум был победой Франко»[489]. Мотивы тех, кто одобрил «Органический закон», часто не совпадали: одни выражали благодарность за прошлое, другие — за крепнущее процветание. Некоторые надеялись на ускорение процесса перехода от диктатуры Франко к монархии. Но были и те, кто, поддавшись на массированную пропаганду, направляемую Фрагой, уверовали, что «нет» будет только на пользу Москве.

С 1 января 1967 г. Испания стала жить по установлениям «Органического закона».

Новый конституционный статус действительно означал отступление от тоталитаризма, начатое еще несколькими годами ранее, но не на позиции демократии, а скорее на позиции авторитаризма. Сам Франко расценил свое согласие на институционные перемены как важный шаг на его пути служения Испании. Он умолчал о тех, кто подал ему саму идею перемен, хотя молва, а вслед за ней и исследователи, не сомневались, что среди них был Фрага Иррибарне.

Фрага Иррибарне, профессор, директор Института испанской культуры в начале 50-х гг., формально фалангист, был убежден, что пришло время внести коррективы в законы о печати, приспособив их к стремительно менявшимся настроениям в обществе. Он избрал путь частичной либерализации опеки над прессой, что имело такие последствия для судеб режима, о которых едва ли догадывался диктатор, согласившись ослабить вожжи цензуры.

В отличие от опусдеистов-технократов, полагавших, что модернизация экономики создает достаточные условия для политической стабильности режима, Фрага, как и министр иностранных дел Кастиэлья, был сторонником умеренной политической либерализации режима.

Впервые Фрага передал Франко проект нового закона о прессе 23 января 1964 г. Первоначально судьба проекта складывалась неудачно: диктатор неоднократно выражал сомнения, нуждается ли политика в отношении информации в

либерализации. Но Фрага был настойчив. Он последовательно представлял Франко один проект за другим, которые диктатор последовательно отвергал: он опасался как бы свобода не обернулась распущенностью, как это можно видеть в демократических странах. Он не раз повторял, что в Испании не может существовать та же свобода прессы, как в других странах, Англии или Соединенных Штатах, где публика более сдержанная и менее страстная, чем в нашей стране.

Наконец проект закона был представлен на заседание правительства 13 августа 1965 г. и вызвал резкие возражения со стороны «старой гвардии». Тем не менее в феврале 1966 г. проект закона был внесен в кортесы и почти без обсуждения был одобрен 15 марта 1966 г.

Закон отменял предварительную цензуру (статья 3-я), заменив ее «добровольной консультацией» (статья 4-я). Вместе с тем редакторы журналов обязаны были предъявлять определенное количество экземпляров напечатанного издания до его поступления в продажу (статья 12-я). Закон давал право центральной и местной администрации конфисковать весь тираж, но только по постановлению суда (статья 64-я). Власти не вмешивались в назначение редакторов, но ими могли стать только профессиональные журналисты, т. е. лица, внесенные в официальный регистр (статья 35-я)[490].

«Закон о печати» вызвал резкую критику как фалангистов, полагавших, что он разрушает фундамент режима, так и оппозиции за его недостаточную демократичность. Но правы в исторической перспективе оказались те, кто подобно Р. Тамамесу считал его важным средством политической либерализации.

Но до разрушения фундамента франкизма, как и до истинной политической либерализации, должны были пройти годы.

Эрозия режима

Еще летом 1966 г. в венесуэльской газете «Unidad» сообщалось, что Франко серьезно болен. Узнав об этой публикации от Пакона, Франко сказал: «Единственная болезнь — это мои 73 года»[491]. Даже перед родственником, видевшим его чуть ли не ежедневно, Франко не желал вносить коррективы в образ, создаваемый избирательной кинохроникой, почтительными фотографами, а затем и телевидением. «Я видел Франко ловящим рыбу, делавшим пешие прогулки, прыгавшим с камня на камень, «выжимавшим» одной рукой лосося девяти килограммов весом»[492] — эти слова директора агентства ЭФЕ Карлоса Менго в мае 1964 г. привычно вписывались в хор, воспевавший спортивную форму каудильо.

Да и как было поставить под сомнение кадры телевидения, на которых Франко играл в гольф, ловил рыбу, охотился, почти до самых последних дней погружался до пояса в воду, если даже личный врач диктатора Висенте Хиль с завидным упорством не уставал повторять, что здоровье Франко — великолепно. Хотя, как справедливо полагал биограф Франко, известный историк Х. Фуси, «в такие годы прыгать с камня на камень и неблагоразумно, и неестественно»[493].

Между тем слухи о болезни Франко не были преувеличены. В июне 1969 г. во время автомобильной поездки в Кордову по приглашению министра общественных работ Сильвы Муньоса для присутствия на пуске новых объектов Франко потерял сознание. Лекарства не сразу оказали воздействие. Сопровождавшим даже показалось, что конец неминуем. Но на этот раз обошлось. Тем не менее признаки угасания становились все явственнее: телекамера уже не могла скрыть дрожание рук, на заседаниях правительства, на которых Франко присутствовал все реже, предпочитая совещания в более узком кругу, его внезапно настигал сон.

Все же он пытался быть «в строю», давая аудиенции гражданским лицам по средам, а военным — по четвергам. Визитеров он принимал стоя. Возможно, он и поспешил с утверждением кортесами Хуана Карлоса Принцем Испании и наследником престола, так как он сам отдавал себе отчет, что состояние его здоровья не позволяет откладывать решение тех проблем, которые он рассматривал как опорные камни будущего устройства Испании.

Тем не менее признаки угасания, и не только физические, все же давали о себе знать. Он упорно не желал видеть того, что не соответствовало его представлениям о мире: он был стар и не

всегда понимал новое поколение, а вернее, не хотел его понимать.

«Современный рабочий более культурен, интеллигентен и трудолюбив. Он окружен многими удобствами, которых раньше не имел. С удовлетворением наблюдаю, как его дети достигают хорошего уровня зарплаты или изучают профессию. Прилично выглядят, ходят в кино, на футбол, имеют телевизор. Имеется большое различие между их современной жизнью и той, что была во времена республики»[494], — когда Франко делился своими впечатлениями с Салгадо Араухо в мае 1966 г., вряд ли он предполагал, что «современный рабочий» отринет авторитаризм, как и его отцы и дети.

Как заметил Р. Тамамес, промышленное развитие не улучшило социальные позиции низших классов[495]. Последствия не замедлили сказаться.

Если в конце 50-х годов растущая напряженность, социальная и политическая, находила выход в спорадических забастовках и студенческих волнениях, то, начиная с весны 1962 г., катализатором всех процессов стало забастовочное движение, превратившееся в 60–70-е годы в постоянный фактор политической жизни страны. Во время забастовки на астурийской шахте «Камоча» в 1957 г. родилась новая форма организации пролетариата — рабочие комиссии.

Лозунг компартии, призывавшей на протяжении многих лет сочетать легальные и нелегальные формы борьбы, работать «внутри вертикальных профсоюзов», обрел плоть и кровь. Как об этом свидетельствует Марселино Камачо, первая постоянная рабочая комиссия из 13 человек была избрана на ассамблее синдиката металлистов провинции Мадрид в сентябре 1964 г. «Было естественно, что трудящиеся Мадрида, нового индустриального центра, развили новые формы рабочего движения, вытекающие из их специфических условий»[496], — отмечал М. Камачо, имея в виду прежде всего молодой рабочий класс столицы, не связанный с прошлыми традициями рабочего движения, зачастую неприменимыми в новых обстоятельствах.

Мощная забастовочная волна весны 1962 г. привела в движение все испанское общество. Для предотвращения неизбежных массовых репрессий, поскольку действовавшее тогда законодательство предусматривало уголовную ответственность даже за забастовки экономического характера, студенты, прогрессивная испанская интеллигенция, восхищенные мужеством рабочих, выступили в их защиту. Это движение солидарности, возникшее стихийно, оказало могучее воздействие на формирование демократического общественного сознания.

Принимая самые разнообразные формы — от петиций правительству, подписанных выдающимися деятелями науки и культуры, включая президента Испанской академии Менендеса Пидаля, до выступления без вознаграждения в качестве защитников рабочих лидеров в судебных процессах видных адвокатов, — это движение укрепляло тенденцию к сближению самых различных групп демократической оппозиции.

Эта тенденция оказала воздействие и на лидеров оппозиции, находившихся в эмиграции — от социалистов до католиков, — побуждая их к более решительным действиям, к укреплению связи с оппозицией, действовавшей в стране.

Однако все попытки заморозить процессы, ведущие к возрождению гражданского общества, оказались тщетными. Разочаровавшись в результатах усилий ввести оппозиционное движение в безопасное для режима русло, многие видные деятели режима все чаще склонялись к воскрешению во всем объеме оправдавших себя в прошлом репрессивных методов разрешения политических и социальных конфликтов.

Символом этого жесткого курса стал адмирал Луис Карреро Бланко. «Серое преосвященство», «тень» каудильо, как его именовала молва, счел возможным выйти на авансцену политики. И чем настойчивее Карреро Бланко пытался проводить свою линию, тем сильнее прорывались гейзеры народного недовольства, иногда находившие для своего проявления не лучшие каналы — те или иные формы левого экстремизма.

Фанатичный приверженец формулы «Испания единая», враг сепаратизма, Карреро Бланко с особым рвением преследовал национальные движения Каталонии, Страны Басков и Галисии. Но ни одна национальная организация не вызывала у него такой жгучей ненависти, как ЭТА — Ассоциация борцов за свободу Страны Басков. Начав свою деятельность с сожжения испанских государственных флагов 18 июля 1961 г., вывешенных в связи с очередной годовщиной вступления франкистских войск в Сан Себастьян, ЭТА к концу 60-х годов стала наиболее влиятельной в баскском национальном движении. Террор властей, отсутствие легальных возможностей вести борьбу и давние левоэкстремистские традиции, восходившие еще к временам господства анархизма в испанском рабочем движении, способствовали возобладанию в этой организации сторонников метода индивидуального террора над всеми прочими.

Карреро Бланко не был одинок в своем отношении к ЭТА. И когда в Сан Себастьяне неизвестными лицами был убит руководитель социально-политической бригады, местные и центральные власти обвинили членов ЭТА.

Применение закона «О бандитизме и терроризме», восстановленного в 1968 г., дало властям «законное» основание для передачи дела 16 басков, обвиняемых в убийстве, военному трибуналу 6-го округа, штаб-квартира которого находилась в городе Бургосе.

За время, истекшее после окончания гражданской войны, страна знала много подобных процессов, однако, никогда еще конфронтация между обществом и режимом не была столь жестко обозначена. Еще до того как был вынесен приговор, с критикой самой процедуры процесса выступила не только оппозиция, но и недавние еще столпы режима — духовенство и часть генералитета. Позиция испанского духовенства была поддержана Ватиканом: в «Osservatore Romano» было помещено сообщение о том, что «Святой престол» намерен обратиться к испанскому правительству с просьбой о помиловании в том случае, если будут вынесены смертные приговоры.

С просьбой не компрометировать армию участием в полицейской расправе к правительству обратились видные военные деятели, и среди них даже генерал Гарсиа Валино, ветеран крусады. Начальник центрального штаба генерал Диас Алегриа счел нужным отбыть в «частную» поездку за границу.

Смертная казнь шестнадцати баскам была заменена длительным тюремным заключением.

Карреро Бланко, упорно цепляясь за старое, по-прежнему настаивал на продолжении «жесткого курса» даже после процесса басков, однако этот курс уже не давал ожидаемых результатов. Иностранные обозреватели единодушно отмечали исчезновение феномена страха из общественной жизни.

Знал ли Франко об этих настроениях испанского общества? Вне всякого сомнения. Но его больше занимали итоги ежегодных визитов представителей Международного валютного банка, прибывавших в Испанию «для консультаций». Вот пример одного из них.

18 февраля 1967 г. министр торговли в письме к Кастиэлье сообщал, что представитель МВФ удовлетворен итогом экономического развития Испании за 1966 г.: рост производства промышленной продукции — 14 %, рост производства электроэнергии — 17 %; безработица поддерживалась на низком уровне. Министр торговли весьма оптимистично оценил и перспективы в 1967 г.: предполагались рост расходов на социальные нужды, увеличение частных инвестиций, увеличение выплат по долгам международным валютным центрам[497].

Приносило удовлетворение и изменение позиции стран Северной Европы к Испании. Норвежская «Veckans Afférer» от 13

марта 1969 г. высоко оценивала итоги 1-го «Плана развития», в результате выполнения которого прирост валового национального продукта на протяжении 60-х годов вырастал в среднем на 7,5 %, намного больше, чем в индустриально развитых странах.

Консервативная «Svenska Dagbladet», также от 13 марта, отмечала, что «несмотря на многие трудности, испанская экономика может рассчитывать на блестящее будущее».

3 апреля 1969 г. посол в Гааге А. Санс-Брис переслал Кастиэльe фотокопии статей, опубликованных в протестантской газете «Amsterdam Trouw» и независимой «Haagshe Courant»[498]. Известные своей антииспанской позицией обозреватели этих газет, комментируя заявление Франко в «Arriba» в связи с 30-летием окончания гражданской войны, к удивлению посла расценивали весьма позитивно не только успехи «каудильо» в экономической сфере, так называемое испанское чудо, но и достижения в установлении спокойствия и порядка: «Франко был единственным европейским государственным деятелем, который вынудил ужасного Гитлера покинуть Берхтесгаден и отправиться в Испанию, где Франко принудил его, разъяренного, к ожиданию в течение часа. В последние 30 лет Франко превратился в правителя-патерналиста, принятого во всех регионах Испании. Он показал себя человеком, который без личного обогащения пожертвовал собой во имя блага своей страны»[499]. Но все авторы статей такого рода предупреждали: «Политическое неспокойствие может заморозить развитие». Один из влиятельных органов печати стран Северной Европы, такой как «Svenska Dagbladet», 22 марта разъясняла: «Когда говорят об оппозиции, то речь не идет только о коммунистах и других левых радикалах, как утверждает режим… круги жаждущие политических и социальных реформ, представляют собой широкое поле, и каждый день таких все больше, включая и католическую церковь». Подтверждением этой точки зрения может служить статья Руиса Хименеса в «Arbetet» от 13 февраля 1969 г., органе социал-демократической партии Швеции, которую переслал Кастиэльe испанский дипломат Х. Фелипе Алковер. 16 февраля 1969 г. вышла статья под названием «Я покидаю франкистов, переходя в ряды испанской оппозиции». По существу, эта статья — интервью в Мадриде с корреспондентом этой газеты Лейфом Персоном, и на его вопрос, почему он до сих пор сохраняет портрет Франко, ответил: «Я испытываю громадное восхищение главой испанского государства. У меня не было достаточно мужества покинуть его. То, что нас разделяет, это идеи его советников». Свою политическую позицию он охарактеризовал так: «По отношению к

коммунистам я — правый. Я противник любой формы тоталитарного режима, будь то фашистский или коммунистический… Если хотите, назовите меня демократом». А ведь Хоаким Руис Хименес в критические для режима годы изоляции оказал немалые услуги режиму: посол в Ватикане в 1949–1951 гг. и один из авторов проекта конкордата, министр национального образования в кабинете, сформированном в 1951 г. Но именно деятельность его как министра образования и привела его в ряды оппозиции.

Руис Хименес, получив пост министра национального образования, хотя и не подверг коренной реформе всю систему просвещения, тем не менее, как сам он это отмечает в интервью с прогрессивным журналистом С. Виларом, добивался, «начиная с первых дней, открытия перспектив много более широких в области политики просвещения в Испании, чем те, что господствовали в предыдущие годы… Мне казалось, что надо сделать обучение много более понятным, что не надо придерживаться столь замкнутых, догматических схем, что надо привлечь иных людей. И я это сделал: немедленно включил в мое министерство таких людей, как Х. Перес Вильянуева, К. Родригес де Валькарсель и др. Назначил ректорами Педро Лаина Энтральго, Антонио Товара и других людей того же духовного плана»[500]. Внимание, проявленное Руисом Хименесом к перечисленным им самим именам, не было случайным. Так или иначе, все они были связаны с полемикой, начавшейся в среде, близкой к режиму гуманитарной интеллигенции, в связи с выходом в 1948 г. нашумевшей книги Педро Лаина Энтральго «Испания как проблема». Как отмечает известный исследователь Испании Л. В. Пономарева, «П. Лаин Энтральго развивал мысль о необходимости примирения и синтеза двух враждующих традиций в истории испанской культуры, определяя их как «традиционизм» и «прогрессизм»»[501].

В специфической обстановке Испании конца 40-х — начала 50-х годов этот тезис П. Лаина Энтральго многими воспринимался как призыв к наведению мостов между «победителями» и «побежденными». Руис Хименес добился восстановления права преподавания для многих учителей школ и преподавателей университетов, лишенных его в свое время по политическим мотивам. Оп попытался вернуть в испанские университеты таких выдающихся ученых, составлявших гордость мировой науки, находившихся в то время в эмиграции, как Артуро Дуперрьера, Альберто Миаха де ла Миева, каталонца Буаса и др. Он предполагал провести реформу образования. В качестве первого шага решено было добиться более широкого

участия студентов в определении направлений деятельности университетов. Но действия Руиса Хименеса встретили сильнейшее сопротивление не только в возглавляемом им министерстве, но и в самом правительстве.

Как вспоминает сам Руис Хименес, началось давление на главу государства с целью убедить его, что эта политика в области просвещения, если применять терминологию сегодняшнего дня, открывала путь левым тенденциям.

Непосредственным поводом к отставке Руиса Хименеса послужило его «крамольное», с точки зрения властей, намерение провести конгресс молодых писателей. Однако решающую роль в его отставке сыграли февральские события 1956 г., вписавшие новую яркую страницу в историю антифранкистской оппозиции. По твердому убеждению деятелей режима, сами эти события явились следствием политики министра национального образования, а значит, последний и был одним из главных их виновников.

Принятие Испании в ООН породило надежду на либерализацию режима в кругах демократической и либеральной интеллигенции, и особенно среди той части студенчества, которая тяготилась жестким контролем над университетской жизнью фалангистского испанского студенческого синдиката (СЭУ). 4 февраля 1956 г. впервые за все время существования франкистского режима на юридическом факультете Мадридского университета официальные кандидаты фалангистского СЭУ не получили на выборах необходимого количества голосов. Студенты-фалангисты восприняли это как «попытку к мятежу».

Столкновения между двумя группировками из стен университета выплеснулись на улицы. Сторону студен-тов-антифалангистов поддержали видные деятели культуры, причем некоторые весьма активно. Среди последних был и известный кинорежиссер Хуан Антонио Бардем. 9 февраля, когда во время потасовки был ранен студент-фалангист, его единомышленники пригрозили смертью ста видным интеллигентам в том случае, если их товарища не удастся спасти. Студент остался жив, угроза не осуществилась. Но значение февральских событий трудно переоценить — впервые после 1939 г. демаркационная линия антифранкистской борьбы прошла не по привычной полосе. В антифранкистской группировке оказались и бывшие «победители».

Определенные выводы были сделаны и правительственными кругами, которые в эти годы прибегли к мерам, которые можно расценить как попытку «восстановить» национальное единство и примирить «две Испании», но на франкистской основе.

Несмотря на возмущение деятельностью Руиса Хименеса в недрах аппарата франкистского государства, сам Франко сделал все возможное, чтобы бывший министр остался в «его системе», а его деятельность укладывалась в прокрустово ложе «оппозиции», допустимой курсом «либерализации».

По словам самого Руиса Хименеса, Хосе Солис, генеральный секретарь фаланги с февраля 1957 г., неоднократно передавал ему от лица Франко настоятельные просьбы дать согласие на вхождение в Национальный совет в качестве советника, назначаемого непосредственно главой государства. Однако органы франкистского государства не были приспособлены для проявления какой бы то ни было критической позиции. Некоторое свободомыслие, допускавшееся Руисом Хименесом при обсуждении тех или иных проектов, служило постоянным источником столкновений с прочими советниками. Руису Хименесу пришлось выйти из Национального совета фаланги. Взамен ему было предложено стать прокурадором кортесов. Но и здесь он не избег конфликта. Глава государства, удостоивший Руиса Хименеса аудиенцией, признал его позицию в кортесах «странной», но тем не менее просил не оставлять своего поста и даже попытался внушить «странному» прокурадору, что в функцию кортесов изначально входило осуществление «конструктивной критики». Опыт же самого Руиса Хименеса свидетельствовал об обратном, и с февраля 1965 г. он перестал посещать заседания кортесов.

Карреро Бланко счел статью Руиса Хименеса от 16 февраля 1969 г. еще одним доказательством пагубности «реформ» Фраги: ведь именно его политика, по мнению «серого преосвященства», сделала возможным такие и подобные им публичные заявления.

10 июня 1969 г. Фрага направил донесение Кастиэлье, в котором он поставил в известность министра о результатах опроса общественного мнения. Согласно опросу только 28 % заявили о себе как о сторонниках прозападной ориентации внешней политики, проводимой правительством. Среди персон, придерживавшихся такой точки зрения, 50 % составляли специалисты высшей категории и 67 % — директора и управляющие крупных предприятий, функционеры высшего и среднего звена администрации. Но 43 % объявили себя сторонниками нейтралитета — это были средние и мелкие предприниматели, причем 63 % составили те, кто декларировал свой доход от 50 000 песет в месяц[502]. Иными словами, это был тот средний класс, который, по убеждению экспертов, привлекаемых правительством, и должен был составить костяк испанского общества, залог сохранения режима в будущем.

Гнев Карреро обрушился и на Кастиэлью — чего никак не ожидал Фрага — ведь в эти годы был взят курс на вхождение Испании в такие международные организации, как НАТО и ЕЭС, хотя пока и безуспешный.

У Франко уже не было былой энергии, чтобы восстановить «баланс» в правительственных и околоправительственных кругах. К лету 1969 г. «подковерная» борьба между технократами и «Движением» перестала быть тайной. Предлог был найден.

13 августа 1969 г. разразился скандал вокруг корпорации «MATESA», патронируемой опусдеистами. Первые сигналы о коррупции подал директор таможни, фалангист старой гвардии Виктор Кастро. Была назначена комиссия кортесов. В результате — арест директора MATESA Х. Вала Рейса, обвиненного в финансовой афере и сокрытии неоплаченного колоссального долга. Не все детали стали достоянием гласности и десятилетия спустя, но нет сомнения в том, что речь шла о невиданном даже для Испании масштабе коррупции[503]. Это и использовали конкуренты «Опус деи» — Фрага Иррибарне и Солис, генеральный директор «Движения».

Карреро Бланко, как и следовало ожидать, настоял на том, чтобы оба министра, замешанные в раздувании скандала вокруг MATESA, — Фрага и Солис — должны были выйти из правительства. Солис был обвинен в намерении создать независимый центр власти на базе вертикальных синдикатов. Но это в будущем. Основной удар Карреро был обрушен на Фрагу. Он был обвинен в том, что свое главное детище «Закон о прессе» использовал так, чтобы читатели, особенно за рубежом, могли составить представление об Испании как о стране политически иммобильной, экономически монополистической и социально несправедливой. Он обвинен был даже в том, что открыл Испанию для марксизма — книжные магазины при его попустительстве предлагали покупателям книги К. Маркса. Ему, курировавшему туризм, поставили в вину покровительство клубам «плейбой» и «стриптиз».

Отставка Фраги сопровождалась крутыми мерами, направленными против ростков либерализма, — книжные магазины понесли наказание за пропаганду коммунизма и атеизма, театры и кинотеатры — за пропаганду порнографии.

Подверглись гонению даже художественные салоны, осмелившиеся выставлять произведения сюрреалистов, столь нелюбимых Франко. И все это — чтобы добиться отставки Фраги[504].

Франко без больших колебаний согласился с предложениями Карреро Бланко, которому привык доверять. Вместе с Фрагой и

Солисом был отправлен в отставку и Кастиэлья, занимавший пост министра иностранных дел 12 лет и благодаря которому стена изоляции Испании от внешнего мира была практически разрушена. Его место занял опусдеист Грегорио Лопес Браво. Интриги вокруг дела MATESA неофалангистов, чтобы одержать верх над «Опус деи» и тем самым обеспечить себе будущее, когда Франко «уйдет», обернулись против них. В правительстве, сформированном 29 октября 1969 г., даже пост министра — генерального секретаря «Движения» занял Торкуадо Фернандес Миранда, также член «Опус деи». Дело «дефалангизации» «Движения» оказалось в надежных руках.

В отличие от прошлых лет, когда Франко старательно соблюдал «баланс сил», дабы обеспечить стабильность режима, этот кабинет был «одноцветным», состоявшим исключительно из технократов, за которыми просматривалась фигура Лопеса Родо. Удалось удалить даже «бессмертного» Камило Алонсо Бегу, соратника Франко еще с 20-х годов. Даже военный министр генерал Кастаньон де Мета и тот симпатизировал «Опус». Члены кабинета пытались установить контакт с Хуаном Карлосом, дабы обеспечить не только выживание, но и господствующие позиции для своей организации после смерти Франко. Но Франко еще был жив, хотя и с трудом удерживал бразды правления в своих слабеющих руках.

Оппозиция в «орбите режима», включая и «Национальную католическую ассоциацию пропагандистов» и неофалангистов, раздраженных устранениями их лидеров из правительства, все чаще задавались тем же вопросом, что и оппозиция вне режима: «После Франко, что?». Ответ на вопрос: «после Франко, кто», был уже известен — Хуан Карлос.

Всеведущая служба безопасности донесла, что на «тайной вечере» в декабре 1969 г. Фрага и Солис, не скрывая, говорили о весьма ограниченной роли Франко в руководстве страной, позволяя себе даже иронизировать по поводу того, как было сформировано «одноцветное» правительство: «в эпоху Франко такие вещи не были возможны»[505]. Но Франко не разгневался: он был достаточно проницателен, чтобы понять, что Фрага не был врагом режима. Просто он предлагал путь, который поощрял оппозицию, даже выросшую в «недрах» системы. Тем более его выбор в пользу «технологического либерализма» получил одобрение за рубежом. Об этом свидетельствовала даже пресса тех стран, которые занимали весьма сдержанную позицию по отношению к Испании Франко.

7 ноября 1969 г. посол Испании в Дании отправил новому министру иностранных дел статью Э. Штеймица, лучшего, по его

мнению, датского международного комментатора, опубликованную в «Berlinske Aftenabas»: «Новый человек во внешней политике Испании Лопес Браво представляет новые тенденции и новый социальный класс». По мнению обозревателя, новый кабинет — это «результат революции сверху». К чему причастны и Соединенные Штаты: на протяжении последних двух месяцев перед столь радикальной сменой кабинета Вашингтон, хотя и неофициально, оказывал поддержку технократам из «Опус деи», которые сейчас доминируют в правительстве. Посол США в Мадриде Роберт Хилл много раз встречался с Карреро Бланко.

Датский обозреватель не без основания полагал, что Франко прислушивается больше к адмиралу Карреро Бланко и генералам, чем к дипломатам. Тем не менее возможной темой переговоров с Карреро Бланко могли стать и поиски нового министра иностранных дел, так как позиция Кастиэльи относительно военных баз не удовлетворяла Вашингтон.

«Новый сорокапятилетний министр иностранных дел — Лопес Браво, взгляды которого устремлены в будущее, а не в прошлое, как у старых политиков, которые не могут освободиться от теней гражданской войны. Лопес Браво — типичный технократ, очень энергичный и, как говорят те, кто его знал, обходительный и, что не менее интересно, — продукт среднего класса, обеспеченного и влиятельного, реально не существовавшего на протяжении тридцати лет в Испании, где были лишь очень богатые или бедные. Член «Опус деи» Лопес Браво, вне всякого сомнения, — стопроцентный «европеец» и в то же время у него очень хорошие отношения с Соединенными Штатами, которые он только за этот год посетил дважды. Во всяком случае, участие Браво в испанском правительстве — это проявление современного нового духа, заявленного новым испанским социумом»[506].

В том же духе высказался и корреспондент «Le Soir» от 31 октября 1969 г. Его статью «Генерал Франко поставил у власти технократов» переслало посольство Испании в Бельгии: «Новое правительство, которое знаменует победу «Опус деи» над фалангой, поведет Мадрид по дороге атлантизма»[507].

Франко, которому несколько раз в неделю докладывали о наиболее значимых статьях в зарубежной прессе, был удовлетворен.

Часть VII

Сумерки жизни. Семья

В конце сентября 1970 г. Ричард Никсон, возвращаясь из Белграда после встречи с Иосипом Броз Тито, нанес визит Мадриду. Его, как и Эйзенхауэра одиннадцатью годами раньше, на всем протяжении пути от аэродрома Баррахас до стен посольства США приветствовали восторженные толпы. Но Франко, сидевший в открытой машине вместе с Никсоном, уже был не тот, по крайней мере, физически: он выглядел усталым и даже подремывал. Г. Киссинджер, сопровождавший Никсона, пришел к выводу, что Испания Франко — на пороге перемен. Но до радикальных перемен еще было далеко.

В феврале 1971 г. Верной Уолтер, заместитель директора ЦРУ, посетил Мадрид. Уолтер был принят Франко, которого он нашел «старым и слабым, левая рука дрожала с такой силой, что он сдерживал ее другой рукой». Следуя указаниям Никсона, Уолтер в нарушение дипломатического этикета задал Франко прямой вопрос: «Что будет с Испанией после его смерти?» и получил столь же прямой ответ: «наследование трона Хуаном Карлосом пройдет спокойно, без нарушения общественного порядка» и «армия никогда не позволит, чтобы контроль над ситуацией выскользнул из ее рук». И на этот раз диктатор оказался провидцем. Его регрессирующее физическое состояние отнюдь не свидетельствовало о помутнении рассудка, как это нередко бывает с людьми пожилыми. На Уолтера произвело впечатление, что Франко со спокойствием, отстраненно говорил о переходе после его собственной смерти[508]. По воспоминаниям его близких, он, однако, был убежден, что у него еще есть время.

Его личный врач Хиль настаивал на строгом соблюдении режима, с чем Франко соглашался с большим трудом, постоянно цорча на своего «мучителя». Большое огорчение ему доставлял его вес, превышавший 90 кг, — и это, несмотря на диету, игру в теннис почти до 70 лет, а в гольф — до последних лет жизни, каждодневные прогулки верхом в окрестностях Эль Пардо. Он все острее чувствовал одиночество — Муньоса Гранде и Беги уже не было в мире живых. В эти дни, омраченные состоянием его здоровья, неизменную поддержку ему оказывала семья, хотя не все ее члены обладали равным влиянием на Франко, а иных он вообще вычеркнул из своей жизни.

Младшего брата давно уже не было в живых.

Жаркий июль 1936 г. застал Рамона Франко на дипломатическом посту в Вашингтоне. Получив известие о начале гражданской войны, он вернулся в Испанию, чтобы стать

пилотом гидросамолета в рядах мятежников. 28 октября 1938 г. его самолет потерпел аварию, упав в Средиземное море.

Франко не любил вспоминать о младшем брате, но много лет спустя, обмениваясь впечатлениями со своим двоюродным братом в связи с арестом членов Коммунистической партии Испании 2 мая 1964 г., среди которых был и сын министра авиации Х. Лакалье Ларрата, инженер по профессии, Франко заметил: «Это случается во многих семьях, когда дети, сбившись с пути, игнорируют своих родителей. И мой брат Рамон — один из таких… Его деятельность для моей матери и для меня была в высшей степени огорчительна, но в этом нет нашей вины»[509].

В 1942 г. умер отец Франко. Тело оставили в Эль Пардо, но Франко отказался бросить последний взгляд на него. Он не вышел из дворца и не участвовал в официальных церемониях. И даже телеграммы Гитлера и Муссолини с выражением соболезнования по поводу утраты не побудили его участвовать в похоронной процессии: он не прощал отцу его убеждений при жизни, не простил их и после его смерти.

Николас неизменно сохранял привязанность и покровительство своего холодного, сдержанного брата. В отличие от его единственной сестры — Пилар, которая была на два года моложе диктатора. Вдова, оставшаяся после гибели в гражданскую войну мужа, инженера Хариса, с десятью детьми, она никогда не просила помощи у своего брата. В книге «Мы, Франко», увидевшей свет в 1980 г., она вспоминала, что в те первые послевоенные годы она получала всего 190 песет пенсии, «поэтому необходимо было начинать работать, чтобы иметь возможность воспитывать моих детей. Ясно, что многие люди мне помогали. Но не генералиссимус. Никогда Эль Пардо». Она, как подчеркивает Хесус Прадо, не была желанна в Эль Пардо, была вне узкосемейного мирка, возможно, по вине сеньоры Кармен. Тем не менее она испытывала к брату неизменно теплые чувства, подчеркивая его бескорыстие и скромность в расходах: «Он никогда не допускал, чтобы его одежда оплачивалась за счет государства. Он лично платил за все, вплоть до своего нижнего белья»[510].

По-видимому, Франко испытывал к ней также теплые чувства, во всяком случае, в конце жизни. «Незадолго до смерти, — вспоминала донья Пилар, — Пако мне не сказал ничего. Он обнял меня и смотрел на меня глазами, полными слез». Единственная ее просьба — после смерти брата она попросила у его семейства пару его рисунков (Франко с детства любил рисовать. — *С. П.*). — «Я все еще их жду»[511].

Франко Салгадо Араухо, Пакон, с уверенностью писал, «что

Кармен Поло была единственным лицом, обладавшим подлинным влиянием на генерала»[512]. Не без ее влияния в соперничестве между Николасом, старшим братом Франко, и Р. Серрано Суньером, мужем ее сестры Зиты, победу в первые послевоенные годы одержал последний. Он стал министром внутренних дел 30 января 1938 г. в первом правительственном кабинете, а в канун свидания в Эндае в октябре 1940 г. стал министром иностранных дел.

И все же нельзя оставлять без внимания и суждение дочери Франко, тоже Кармен, или, как ее звал отец, На-нуки: «Мой отец никогда не был феминистом. Он боялся, что моя мать и я «влезем в политику»»[513]. И она, как показали решения Франко в последние годы его жизни, оказалась права.

В январе 1970 г. в интервью корреспонденту «The New York Times» Рихарду Эдеру Хуан Карлос заявил, что хотел бы править как «король всех испанцев», не только тех, кто поддерживал режим до сих пор, но также тех, кто противостоял ему. Иными словами, Хуан Карлос выразил желание быть королем всех, кого все еще разделяли не поросшие травой забвения траншеи гражданской войны 1936–1939 гг., т. е. победителей и побежденных.

В январе 1971 г. Хуан Карлос и София посетили Вашингтон по приглашению Никсона. В декларации для прессы Хуан Карлос заявил: «Верю, что испансадй народ хочет больше свободы. Вопрос в том, с какой скоростью это желание осуществится». По возвращении в Испанию Хуан Карлос принял в Сарсуэле, своей резиденции, корреспондента «The New York Times», который 4 февраля опубликовал статью с таким заголовком: «Я — наследник Франко, но также и Испании. Хуан Карлос обещает режим демократии».

Эти настроения не были тайной для тех, кто и после смерти Франко надеялся сохранить режим. Они с нескрываемым неодобрением восприняли провозглашение Хуана Карлоса наследником испанского престола.

И дело было не только в антимонархических настроениях, все еще достаточно распространенных в стране. «Семья» и прежде всего жена и дочь Франко не скрывали своего разочарования.

В 1949 г. единственная дочь Франко Карменсита познакомилась в кафе на улице Прим с врачом Кристобалем Мартинесом Бордью, кавалером ордена «Санта Сепулькро». В конце того же года родители Мартинеса, граф и графиня Арчильо, попросили у Франко руку его дочери. Франко мечтал о более блестящей партии своей дочери, но не хотел ей противоречить.

Свадьба состоялась 10 апреля 1950 г. в церкви Эль Пардо, обряд венчания совершал кардинал-примас Пла-и-Даниэль. Это была поистине королевская свадьба — 800 приглашенных, невеста в платье из натурального шелка, украшения — диадема и серьги — брильянты и жемчуга.

Как насмешливо комментировали мадридцы: «Дочь любила мужа, мать любила маркиза (по-видимому, имелся в виду титул. — С. Я), маркиз любил деньги, и все трое были довольны»[514].

Эта песенка имела несколько более позднее происхождение, так как отец Мартинеса Бордыо восстановил наследственный титул маркиза Вильяверде лишь год спустя после свадьбы сына.

По свидетельству генерала Муньоса Гранде, Франко был недоволен браком дочери: он воспитывал ее в строгости, а теперь, оказывается, у нее проснулась страсть к антиквариату и драгоценностям. Тем более, что его зять бросил медицину и занялся торговлей и предпринимательством: он контролировал 17 предприятий, общий капитал которых составил к 1979 г. 4 млрд песет. Ходили слухи, что личная собственность супругов Вильяверде к моменту смерти Франко составила 1 млрд песет.

Но Франко терпел, как привык терпеть страсть к роскоши «сеньоры Эль Пардо». Как вспоминал много лет позднее внук Франко Хуан Кристобаль: «Моя бабушка любила деньги, в то время как мой дедушка был абсолютно к ним равнодушен»[515].

Франко оставался неизменно холоден к своему зятю: он позволил посетить Эль Пардо семье зятя только один раз, в 1954 г., по случаю крестин его первого внука.

Этот клан — «сеньора Эль Пардо» и супруги Вильяверде — и попытался подыскать Хуану Карлосу замену.

Франко спокойно относился к высказываниям Хуана Карлоса, публикуемым за рубежом. В рождественскую неделю 1972 г. Хуан Карлос и София посетили Вашингтон. Отвечая на многочисленные вопросы о будущем Испании, наследник престола вновь повторил: «Я верю, что народ хочет свободы». Принц не сомневался в негативной реакции Франко и, отправляясь в Эль Пардо по возвращении в страну, испытывал некоторое беспокойство. Однако Франко отнесся к его высказываниям не только спокойно, но даже одобрил его «линию поведения»: «Есть то, о чем Вы можете и должны говорить вне Испании, и о чем Вы не должны говорить в самой Испании»[516].

Но если Франко сохранял спокойствие, его супруга и чета Вильяверде проявляли беспокойство в тревоге за свое будущее. Еще после публикации 4 февраля 1970 г. в «The New York Times», в которой говорилось о Хуане Карлосе как о надежде

демократического будущего страны, они и пришли к выводу, что надо действовать незамедлительно.

Их взгляды обратились к двоюродному брату Хуана Карлоса — Альфонсо де Бурбон-Дампьеру. В свое время его отец, глухонемой дон Хайме, сын Альфонсо XIII, отказался от права на престол в пользу своего младшего брата дона Хуана. Было известно, что Альфонсо Дампьер был недоволен решением отца.

В начале 1970 г. Альфонсо был назначен послом в Швеции. В марте 1971 г. его посетил маркиз Вильяверде в сопровождении своей дочери Марии дель Кармен. Тогда же произошла помолвка принца Альфонсо и внучки Франко. Официально о помолвке было объявлено 20 декабря 1971 г.

Свадьба Альфонсо де Бурбон-Дампьера и старшей внучки Франко Марии дель Кармен Мартинес Бордью была воспринята теми, кто надеялся сохранить режим Франко после его смерти, весьма положительно: двоюродный брат Хуана Карлоса никогда не скрывал своих симпатий к «Движению», верный заветам своего дяди дона Альфонсо де Бурбон Орлеанского. Того самого, который еще 4 декабря 1943 г. убеждал корреспондента Генри Тэйлора, что «монархическое движение не является антифранкистским» и у которого организация государства на базе единой партии, т. е. фаланги, не вызывала возражения, в отличие, как он сам признавал, от дона Хуана Барселонского, отца дона Хуана, о чем неоднократно заявлял в своих многочисленных декларациях, опубликованных в швейцарской прессе[517]. Круги, близкие к Альфонсо де Бурбон-Дампьеру, полагали, коль скоро Испании не миновать того, чтобы вновь обрести статут монархии, то пусть корона достанется не тому, кто по прямой линии происходит от принца-диссидента дона Хуана, а тому, кто связан не только духовными, но теперь и семейными узами с режимом.

Поговаривали, что донья Кармен весьма благосклонно относилась к перспективе замужества старшей внучки Франко Марии дель Кармен Мартинес Бордью и Альфонсо де Бурбон. Кандидатуру сына дона Хайме поддерживали не только «апертуристы»-фалангисты, сторонники умеренного реформирования системы в будущем, но и иммобилисты, все чаще называемые «бункером».

Сторонники дона Альфонсо толковали в свою пользу положение «Закона о наследии», гласившего, что корона должна быть возложена на того принца, у которого больше прав. На это их противники отвечали, что глухонемой дон Хаиме сам отказался от своих прав.

Но был еще один претендент на трон, представлявший «карлистскую» линию — Карлос Уго де Бурбон-и-Парма, в чью

пользу его отец дон Хавьер отказался от своих прав. Но Карлос Уго был иностранец, и по испанским законам не мог стать королем.

Супруга Франко донья Кармен и маркиз Вильяверде разослали приглашение на свадьбу, где принц Альфонсо, герцог де Кадис, именовался «Его королевское высочество». Реакция дона Хуана была мгновенной: титул дон Альфонсо присвоил незаконно.

Свадьба состоялась 8 мая 1972 г. Посаженным отцом был Франко.

Много лет спустя на вопрос Вильялонги, верит ли он, что «Франко под давлением своего окружения мог в последнюю минуту предпочесть своего «политического внука», герцога де Кадиса, на место Вашего Величества», Хуан Карлос, уже свыше 15 лет король, ответил: «Нет, никогда не верил. Франко никогда не отступал в своих решениях»[518]. Х. Фуси полагал, что такое негативное отношение Франко к подобным планам объясняется тем, что он был человеком, глубоко уважавшим законы и установления.

Франко признавался, что уж очень ему хотелось видеть свою любимую внучку принцессой. Но не более того: при безусловном уважении к желаниям своей обожаемой супруги, диктатор не смешивал дела семейные с благом государства, как он его понимал.

Еще в 1968 г. он написал завещание. Его недвижимое имущество составляли поместье Эль Пасо де Миерас, подаренное ему по подписке еще в 1938 г., и Канто дель Пико, поместье в Торрелоденес. Каждому из своих внуков, а их было пятеро, и супруге он завещал по 2 млн песет. Заметим, что по курсу того времени 1 доллар составлял 65–68 песет. А Испанию он все же завещал Хуану Карлосу, хотя и не всегда был доволен его высказываниями о будущем страны, в чем он видел влияние ненавистного ему дона Хуана.

То, что Франко предпочел Хуана Карлоса кандидатуре иммобилистов — Альфонсо, имело последствия для Испании, вряд ли предвиденные диктатором и не сразу оцененные современниками.

Утраты

В апреле 1972 г. в Мадриде состоялся очередной «парад победы», проводившийся ежегодно с 1939 г. Участники парада и многочисленные зрители не могли не обратить внимание на изменившийся облик Франко: он стоял, опираясь на палку, садился с помощью военных, окружавших его. Но больше, чем состояние пошатнувшегося здоровья, его беспокоили настроения среди тех, как он и полагал, кто составлял поддержку его режиму. И больше всего — церковные круги.

Хотя в первые послевоенные годы Франко полагался прежде всего на террор, он ожидал, что церковь, так пострадавшая в годы Второй Республики и гражданской войны, окажет ему поддержку в умиротворении нации. И он не ошибся: в дополнение к самой жесткой в истории Испании светской цензуре, введенной законом о печати от 22 апреля 1938 г., церковь получила право цензуры духовной — под ее всевидящее око попали передачи радио, спектакли и литературные произведения, пресса, поведение на улицах и особенно на пляжах.

Кардинал П. Сегура, архиепископ Севильи, в 1944 г. извлек приговор танцам, который еще в XVIII веке вынес иезуит отец Калатапиду в таких терминах: «Танец — это сборище демонов, торжество ада, тьма для мужчин, бесчестие для девушек, радость для дьявола и печаль для ангелов». И все же вопреки сложившемуся мнению отношения церковной иерархии и режима не всегда были гармоничны. Начались трения еще в годы Второй мировой войны. Именно тогда начались всевозрастающие нападки представителей высшей церковной иерархии Испании на нацизм и идеологию тоталитаризма. Отношение к германским нацистам у высших прелатов испанской церкви было весьма сложное. Германский фашизм способствовал победе Франко, которому церковь была многим обязана: Франко отменил антиклерикальное законодательство периода Республики, восстановил религиозное обучение в школах, восстановил положение 1851 г. о пенсиях служителям культа, вернул церкви ее собственность и т. д. Но в то же время им было известно резко отрицательное отношение к католицизму Гитлера и вслед за ним многих руководителей германского рейха. Им были известны заявления Гитлера, сделанные Суньеру, что «он в общем не вмешивается в дела церкви, но требует, однако, чтобы церковь, в свою очередь, не пыталась вторгаться в сферу государственной власти»[519]. Но до поры до времени католические прелаты считали нужным сдерживать свое недоброжелательство к немцам,

имея в виду общую направленность испанской внешней политики. С конца лета 1942 г. они, напротив, неоднократно демонстрировали свое негативное отношение к тем или иным аспектам нацистской идеологии. Незадолго до падения Суньера новый примас испанской церкви архиепископ Толедо Пла-и-Даниэль в беседе с американским послом сетовал на то, что при Суньере и его приближенном Хосе де Луной нацистское влияние привело к распространению расизма. В разное время Франко выступал против евреев в той же мере, как и против масонов, либералов и коммунистов, но лишь как против иноверцев. Фаланга же пыталась привить антисемитизм расистского толка, что, по мнению того же Пла-и-Даниэля, было чуждо испанскому народу. Пытаясь заслужить благоволение церкви, фалангистская пропаганда даже создала миф о Гитлере как о «великом католике», что вызвало гнев у церковников. Франко держался в стороне, не вмешиваясь в распри церкви и фаланги. В конце сентября 1942 г. с разрешения архиепископа Толедо в его официальном бюллетене была опубликована большая статья, подготовленная кардиналом Сегурой, в которой решительно осуждалась переведенная на испанский язык нацистская книга, излагающая доктрины расизма, принудительной стерилизации «неполноценных» народов и т. д.[520]

После окончания мировой войны, когда нависла угроза возобновления войны гражданской и, особенно в годы изоляции, когда ущемленное национальное чувство стало своеобразным цементом, сплотившим многие слои общественного мнения, отношения режима и церкви укрепились. А Мартин Артахо даже занимал пост министра иностранных дел. Но после ослабления напряженности в отношениях с внешним миром трения возобновились. Католики опасались контактов с протестантским миром, неизбежных при союзе с Соединенными Штатами.

Эти группы с явным недоверием взирали на намерение Франко «заманить на католическую землю Испании англосаксонские протестантские орды с их сомнительными манерами и с еще более сомнительной моралью»[521]. Многие из них все еще руководствовались заветами Менендеса-и-Пелайо, согласно которым «единственным путем спасения Испании является искоренение в стране всех остатков иностранной скверны; страна должна черпать силы из своих собственных источников; лишь при выполнении этого условия в Испании может возродиться католическая культура, призванная в конце концов освободить мир»[522]. К тому же далеко не все католики боялись контактов с США.

Напротив, члены группы «Католическое действие», особенно

те из них, кто входил в Национальную католическую ассоциацию пропагандистов, всеми доступными им способами оказывали воздействие на своих единоверцев в Соединенных Штатах, побуждая их к решительным шагам, направленным на вывод Испании из международной изоляции любым способом, в том числе и посредством заключения военного соглашения.

Сопротивление установлению более тесных связей с США проявляли преимущественно сторонники кардинала П. Сегуры — архиепископа Севильи, духовного пастыря консервативной антифранкистской оппозиции, который открыто протестовал против обмена «католической совести» Испании на «еретический доллар»[523]. Как отмечал известный американский историк А. Уайтекер, воинственный престарелый прелат неоднократно выражал диктатору свое недовольство за его отказ уступить трон «законным» владельцам. Когда Франко посетил Севилью в 1953 г. во время весенней ярмарки, Сегура отказался предоставить ему духовника, и каудильо пришлось вызвать своего из Мадрида. А несколькими месяцами позже архиепископ демонстративно отказался присутствовать на церковном собрании, потому что там находился Франко[524].

Однако Франко не страшила фронда этого разрешенного режимом усеченного «гражданского общества». К тому же каудильо надеялся, что предстоящий конкордат с Ватиканом, к необходимости заключения которого он наконец склонился, поможет дисциплинировать несговорчивых «ультракатоликов», сторонников Сегуры.

Ватикан в свое время неоднократно предлагал Испании возобновить конкордат 1851 г., расторгнутый Республикой в 1931 г. Диктатор не желал поступиться установленным им самим правом назначать высших иерархов испанской церкви.

В былые времена Франко считал уместным ссылаться на негативное отношение руководителей Рейха к соглашениям с Ватиканом. Об их аргументации дает некоторое представление высказывание Гитлера, по мнению которого, конкордат невыгоден потому, что, «если однажды государственная политика перестанет устраивать Рим или клир, священнослужители выступят против государства»[525].

После разгрома европейских держав «оси» диктатор сменил аргументацию, но по-прежнему противился заключению конкордата, полагая, что этот акт укрепит позицию тех католических деятелей, которые противились попыткам идентификации церкви и режима, предпринимаемым на исходе войны и в первые послевоенные годы.

После заключения конкордата с Ватиканом в 1953 г., и

особенно после принятия Испании в ООН, были отмечены явные признаки возрождения многостороннего гражданского общества, и многие служители церкви не остались в стороне от этого процесса.

В мае 1960 года 339 баскских священников направили послание папскому нунцию и высшим церковным властям страны, в котором предупреждали, что репрессии, пытки, отсутствие свободы слова, ассоциаций и собраний подрывают авторитет церкви в глазах верующих. Но если послание баскских священников не было чем-то совершенно неожиданным, так как еще со времен гражданской войны церковь в Стране Басков занимала в общем негативную позицию по отношению к режиму, то последовавшие затем массовые акции священнослужителей, включая представителей высшей иерархии, позволяют признать справедливым такое суждение левокатолического журнала «Cuadernos para el dialogo» — «Из всех групп и институтов, существующих в Испании, мало кто подвергся таким изменениям, как церковь»[526].

В начале 1961 г. примас испанской церкви Пла-и-Даниэль направил послание министру-секретарю «Национального движения», потребовав оградить католические рабочие братства от вмешательства иерархии «вертикальных синдикатов». 14 ноября 1963 г. аббат Монсерратского монастыря Аурелио Эскарре в интервью корреспонденту «Le Monde» заявил, что «политика режима Франко не соответствует принципам католицизма»[527].

Выступление аббата крупнейшего и одного из самых влиятельных не только в Каталонии, но и во всей Испании монастырей вызвало тогда такую реакцию как светских, так и церковных консервативных властей, что в марте 1965 г. он вынужден был покинуть Испанию. Но новый аббат, Кассиан Хуст, продолжая линию своего предшественника, неоднократно заявлял о невозможности поддерживать режим, при котором расстреливают людей за их образ мышления.

Подобные заявления испанских иерархов корреспондентам европейской прессы не были столь уж исключительным явлением. Власти были встревожены. И министерство иностранных дел еще в 1962 г. разослало по посольствам стран Европы и Америки информационное письмо, подобное тому, что было направлено послу в Санто-Доминго Мануэлю Вальдес Лараньяге. В этом письме опровергалась информация, содержащаяся в иностранной прессе, касающаяся якобы напряженных отношений между церковью и режимом. В письме говорилось: «Отношения испанской церковной иерархии с испанским режимом всегда развивались и развиваются в настоящее время в гармоническом

русле независимости и плодотворного сотрудничества». В письме в качестве примера приводился семинарий «Купели», состоявшийся 4 мая 1961 г. в Севилье под председательством главы государства и кардинала Буэно-и-Монреаля. Новый архиепископ (Сегуры не было в живых) говорил о согласии церкви и режима, о моральной силе церкви во имя защиты ее идеала. Приводилась также в качестве доказательства гармонии между церковью и государством речь кардинала Антониутги 16 мая этого года перед членами испанского правительства. Кардинал засвидетельствовал высокое уважение испанской церкви и «возвысил свой пламенный голос во имя его превосходительства главы государства, которым он всегда восхищался». Прелат имел в виду «выполнение трудной задачи во имя блага его родины»[528]. Но на общественное мнение в стране и за рубежом все большее впечатление производили иные доклады и интервью испанских иерархов, отличных от точки зрения кардинала Буэно-и-Монреаля.

3 марта 1969 г. в телевизионном интервью в Бонне настоятель монастыря Монсеррат, который в годы гражданской войны был убежищем для беглецов как той, так и другой стороны, сказал, что «эта страна продолжает быть разделенной между побежденными и победителями, хотя пацифистская пропаганда правительства пытается это скрыть. После той войны у народов, составляющих современное испанское государство, похитили их право на свободу ассоциаций, право на забастовку. Можно сказать, что все права человека, провозглашенные «Декларацией Объединенных наций», нарушены». Прелат выразил сожаление, что церковь, преследуемая в начале гражданской войны, не сумела найти путь к диалогу, «как завещал нам Христос». Как показали последующие события, эта точка зрения разделялась многими церковными иерархами[529].

Дальнейшее усиление оппозиционных настроений в среде испанского духовенства связано с именем Висенте Энрике-и-Таранкона, ставшего в 1968 г. архиепископом Мадрида, а в марте — президентом Епископальной конференции.

13 сентября 1971 г. Объединенная всеиспанская ассамблея епископов и священников под председательством примаса-кардинала Висенте Энрике-и-Тарракона большинством голосов одобрила декларацию, в которой отвергалось деление испанцев на победителей и побежденных: со склоненной головой церковь просила прощения у испанского народа за то, что в годы братоубийственной войны не стала орудием примирения противостоящих друг другу сторон.

В духе решений Второго Ватиканского собора участники

ассамблеи назвали справедливыми требования свободы выражения мнений и права на политические и профсоюзные ассоциации. И хотя изменение в отношении к режиму наиболее дальновидных деятелей церкви диктовалось не в последнюю очередь опасениями утраты доверия верующих, в сознании которых в 60-е гг. произошли глубокие изменения, тем не менее, оно превратилось в еще один фактор, подрывавший стабильность режима.

Франко был глубоко уязвлен. Он дал понять свое недовольство этой позицией, как он выразился, некоторых церковных кругов испанского духовенства, предупредив в своем новогоднем послании в канун 1972 г., что правительство будет выступать против всего, что может нанести ущерб безопасности государства и нарушить единство нации[530]. Но угрозы такого рода уже не пугали. Но самое большое огорчение ожидало Франко в 1973 г.

К этому времени круг его сподвижников поредел — годы брали свое. Оставался адмирал Карреро Бланко, «серое преосвященство режима», ставший главой правительства 12 июня 1973 г. — в соответствии с новым «Органическим законом» посты главы государства и правительства были разъединены. Но его власти пришел конец 20 декабря 1973 г.

В этот день 50-килограммовый заряд взрывчатки, помещенный в подземном ходе, прорытом под улицей Клаудио Коэльо, взметнул высоко в воздух машину адмирала.

В результате — три трупа: сам Карреро Бланко, его шофер и охранник. Но трагедия могла быть еще более масштабной: внутренняя терраса монастыря иезуитов, куда направлялся на мессу адмирал, была обычно занята в этот час 250 учениками средней школы, расположенной на этом этаже. Но в этот год каникулы наступили на два дня раньше, поскольку дети участвовали в репетиции хора в честь Рождества и Нового года.

Современники обращали внимание на практическое отсутствие охраны — только один вооруженный полицейский. Но такова была философия режима: режим идентифицировался с Франко, и только его персона должна была тщательно охраняться.

На вопрос Вильялонги, кто убил Карреро Бланко, король ответил: «Естественно, ЭТА». Но когда Вилья-лонга спросил, кто стоял за ЭТА, кто манипулировал убийцами, Хуан Карлос ответил: не знаю. Ответ короля не вполне удовлетворил Вильялонгу. «Знаю, как все в мире, что ЭТА была наказующей десницей. Но кто стоял за басками? Кто в свою пользу манипулировал организацией террористов? Я не знаю», —

повторил король. Он долго хранил молчание[531]. Тогда Вильялонга сообщил Хуану Карлосу, что в свое время С. Каррильо ему рассказывал, что в наиболее жестокую эпоху франкизма в Испанию засылались агенты, прекрасно натренированные в Советском Союзе и Чехословакии, и которые в считанные месяцы задерживались политической полицией режима. Превосходной и грозной полицией, подчеркивал Каррильо. Его поражало, как баски, у которых всегда лицо, типичное для басков и которые обычно носят баскский берет, «никогда не задерживались и не допрашивались эффективной франкистской полицией, которая никогда не давала осечки, когда речь шла о проникновении коммунистов, настоящих профессионалов, которые знали все уловки спецслужб». У Каррильо сложилось ясное впечатление, что террористам из ЭТА позволяли делать то, что они задумали и даже помогали им. Во всяком случае, по сведениям Каррильо, так полагала и вдова Карреро Бланко.

Каррильо намекал, что многие лица, никогда не связанные с ЭТА, выиграли от исчезновения с политической сцены человека, для которого единственным будущим Испании было продолжение франкизма, хотя и без Франко, с элементами модернизации, начало которой было положено еще в 60-е годы[532].

Хулио Родригес, автор книги «Впечатления министра Карреро Бланко», увидевшей свет еще при жизни Франко, в 1974 г., воспроизводит фразу, хотя и не называя имени того, кто ее произнес, лишь намекнув, что он был близок к власти: «Было совершено ужасное преступление, жестокое… но, но какое облегчение, что мы остались без него!»

На вопрос Вильялонги, что думает об этом Хуан Карлос, тот ответил, что «почти все это возможно»[533]. Король с презрением отозвался об убийцах: по его словам, люди из ЭТА не раз могли выстрелить в адмирала, когда он шел на мессу или выходил с мессы каждое утро. Но они это не сделали. Предпочли совершить убийство с расстояния. Они трусы[534]. Но были и иные предположения: Мадридцы поговаривали о причастности ЦРУ.

Возможно, многие из них разделяли точку зрения Франко шестилетней давности, если бы знали о его диалоге с Салгадо еще в марте 1967 г. Согласно его записи, Франко был убежден в реальности «вмешательства ЦРУ во внутренние дела европейских стран, хотя и трудно составить представление о характере его действий, особенно если они исходят, как говорят, от служб американского посольства в Мадриде». Франко полагал, что все действия в западном мире, предпринимаемые против режима, направляются организациями, получающими средства от ЦРУ. Кто же стоял за ЭТА?

Это осталось тайной и по сей день. Современники, а позднее и исследователи обращали внимание на то, что все произошло на небольшом отдалении от посольства США, места, известного, как одно из наиболее охраняемых в Мадриде, тем более, что Г. Киссинджер провел там ночь накануне убийства.

22 декабря состоялась панихида в церкви Сан Франсиско Эль Гранде. По окончании заупокойной мессы Франко подошел к вдове Карреро Кармен Пигот. Она обняла его и оба расплакались. Франко не присутствовал на церемонии погребения. Эту печальную обязанность выполнил Хуан Карлос. На вопрос Вильялонги, не объясняет ли король отсутствие Франко тем, что он был тяжело болен, Хуан Карлос ответил: «Болен, нет… У него ведь были силы, чтобы присутствовать на заупокойной мессе в церкви Сан Франсиско Эль Гранде»[535].

Биографы Франко, проявляющие интерес к психологическому портрету диктатора, полагают, что он был интровертом. После смерти Карреро Бланко он стал еще более отстраненным, самоизолированным даже от своего ближайшего окружения.

Агония

«У меня отрубили последнюю нить, связывающую меня с миром». Эти слова, обращенные к своему адъютанту Антонио Урсулай, по мнению многих исследователей, могли бы стать эпиграфом к последнему периоду жизни Франко — он пережил свое «альтер эго» (второе «Я»), как многие полагали, всего лишь на 23 месяца.

Но не лишены основания и такие суждения современников, что он отдавал себе отчет, что Карреро Бланко пережил свое время, стал препятствием для тех перемен, которые были неизбежны: для того, чтобы сохранить режим, его надо реформировать. И хотя многие современники полагали вслед за министром-технократом Лопесом Родо, что «Франко без Карреро — это другой Франко», это вовсе не означает, что Франко не был вполне самостоятельным.

Франко всех удивил, когда через несколько дней после смерти Карреро Бланко, в своем ежегодном послании, выступая перед телевидением, произнес показавшуюся многим весьма странной фразу: «Политик должен уметь превратить зло в добро». И напомнил старую народную пословицу — «Нет худа без добра». Почти как по Шекспиру: «Зло в добре, добро во зле».

Кстати, Хуан Карлос решительно выступал против предположения о старческом слабоумии диктатора: «Старческое слабоумие? Мне не нравится это слово. Франко был очень далек от старческого слабоумия»[536].

Несмотря на физические недуги, Франко был еще достаточно дееспособен и держал под контролем действия правительства, возглавляемого Ариасом Наваррой, сменившим Карреро Бланко, вмешиваясь каждый раз, когда считал это нужным. Предположение, что политика «апертуризма», т. е. «открытости», провозглашенная Ариасом Наваррой, была утверждена помимо его воли, не выдерживает критики. И хотя на церемонии возведения на пост главы правительства Ариас явился в окружении ветеранов фаланги Арресе, Фернандеса Куэсты, Солиса и Хирона, пост министра информации с согласия Франко был отдан Пио Кабанельясу, имевшему репутацию либерала. Он и стал одним из авторов Декларации 12 февраля 1974 г., допускавшей создание «ассоциаций», но лояльных к режиму.

Франко разделял во многом мнение тех, кто полагал, что необходимо искать пути умиротворения умеренной оппозиции, даже союза с ней, и при этом жестоко подавляя любое проявление «экстремизма», понимая под этим любые акции, способные

вывести ситуацию из-под контроля, как это случилось в Португалии.

В том, что режим окончательно утрачивал контроль над положением в стране, были убеждены не только деятели демократической оппозиции, но и те, кого в Испании левые журналисты называли в тот период «цивилизованными правыми». Еще в начале года известный адвокат О. Альсаго, один из создателей политического клуба «Тасито», который объединил многих столпов испанского истэблишмента, претендовавших на титул «либералов», заявил, что «режим окончательно утратил контроль над ситуацией в стране»[537].

Круги, отражавшие настроения испанской буржуазии, выросшей и окрепшей в результате экономического скачка 60 — начала 70-х годов, в результате которого Испания вышла на десятое место в мире[538], давно уже были готовы заплатить за вступление в ЕЭС ценой отхода от режима диктатуры и приближения к «демократизации» западного образца.

Португальские события, и особенно тот поворот, который произошел в этой стране после нейтрализации сдвига вправо, в результате чего ускорились темпы проведения национализации португальской промышленности и аграрной реформы, встревожили эти круги и укрепили в стремлении «канализировать» процесс либерализации в приемлемое для них русло.

В том, что «революция в Португалии встревожила испанские власти», были убеждены многие. О. Альсаго в интервью журналу «Der Spiegel» поведал о весьма распространенном в Испании тех дней впечатлении, что «полиция напугана тем, что она может разделить судьбу своих португальских коллег»[539]. В американской и западноевропейской прессе известное распространение получила точка зрения, что события в Португалии стали катализатором политической жизни Испании.

Возможно, эта оценка нуждается в известной корректировке, если иметь в виду весь испанский политический спектр. Но те круги, о которых шла речь выше, сходились во мнении: резкая поляризация политической жизни Португалии и явный сдвиг влево явились следствием того, что «либерализация», как они ее понимали, там началась слишком поздно и проводилась «сверхосторожно». Отсюда делались и соответствующие выводы, касающиеся прежде всего выработки тактики, способной предотвратить поляризацию политической жизни Испании. Однако Франко вопреки многообразному давлению, включая и осторожные советы его ближайшего окружения, в том числе и некоторых членов семьи, побуждавших его уйти в отставку,

постарался, как и встарь, оседлать ситуацию испытанным методом.

Правительство обнаруживало явные признаки растерянности. Ариас Наварро, и давая интервью американским журналистам, и выступая в кортесах, не скупился на заверения, что предложенная им программа либерализации — только первый шаг, что настало время перехода от режима личной власти к конституционному режиму[540]. Но, по-видимому, этот переход мыслился не иначе, как осторожные шаги верхов при пассивном ожидании всех прочих. Во имя этого 25 апреля было введено чрезвычайное положение в провинциях Бискайя и Гипускоа сроком на 3 месяца, конфисковывались тиражи общественно-политических журналов за нежелательные для режима публикации, полиция открывала огонь по бастующим, арестовывались рабочие, студенты, преподаватели и священники.

В отношении мер, направленных против левой оппозиции — студентов, с каждым днем активизировавшегося рабочего движения и, особенно, «сепаратистов», неизменно проводилась жесткая линия подавления, авторство которой, не без основания, приписывалось каудильо. Достаточно вспомнить, с какой решимостью он отклонил все просьбы внутри страны и вне ее об отмене смертной казни каталонских «сепаратистов» — анархистов Сальвадора Пиуг Античи и Ганса Чеза. Они были подвергнуты средневековой казни — удушены гарротой.

В Европе и США пристально следили за развертыванием антифранкистского движения, принявшего уже в 60-е годы массовый характер. Поддерживая центристские и правоцентристские группировки, Вашингтон, используя широкий спектр воздействия, стремился не допустить переход к гегемонии левых в разнородном блоке оппозиционных антифранкистских сил.

31 мая 1975 г. президент США Дж. Форд, совершавший европейское турне, посетил Мадрид и встретился с Франко. Две недели спустя заместитель директора ЦРУ Уолтере Верной имел продолжительную беседу со смещенным в июне 1974 г. начальником Центрального штаба Диасом Алегриа, другом Хуана Барселонского, накануне возвратившимся из поездки по стране. Вернону Уолтерсу было известно, что во время этой поездки Диас Алегриа встречался с представителями различных течений оппозиции, включая и социалистов[541]. Это соответствовало давней традиции ЦРУ в период кризисных ситуаций вступать в контакт с «будущим правительством» или с теми, кто составит со временем его опору. А чтобы прийти к выводу о том, что радикальные перемены, о чем так много говорили и писали в

стране и за рубежом, неотвратимо и стремительно приближались, не требовалось особых источников информации, дня этого достаточно было сведений, почерпнутых из испанской и иностранной прессы.

«Франкизм сплотил против себя двух главных социальных антагонистов: крупный капитал и трудящихся. Те и другие считают, что режим стал основным препятствием на пути экономического прогресса и что его должна сменить новая форма политической власти, более современная, более соответствующая условиям нынешней Испании и ее положению среди европейских стран»[542], — к этому выводу пришел профессор Мадридского и Калифорнийского университетов Х. Видаль Бейнето.

И отдавать явное предпочтение только тем, кто представлял крупный капитал, игнорируя тех, кого Видаль Бейнето называл трудящимися, было по крайней мере недальновидно. И могло сорвать все планы мирного перехода к демократии. Среди тех, кто отдавал себе в этом отчет, был Хуан Карлос.

Труднее всего было установить контакт с генеральным секретарем Коммунистической партии Сантьяго Каррильо. Рассказывает король: «Когда я был приглашен шахом Ирана на празднества, посвященные 2000-летию персидской монархии, я был представлен Чаушеску. Чаушеску (совершенный безумец) сказал, что знает очень хорошо Сантьяго Каррильо». Тайно от правительства и даже многих своих сподвижников Хуан Карлос, тогда еще Принц Испании, направил в Бухарест своего друга М. Прадо-и-Колон де Карвахаля с посланием, в котором просил Чаушеску передать Каррильо, что «Дон Хуан Карлос де Бурбон, будущий король Испании, намерен признать, когда взойдет на трон, Коммунистическую партию Испании, так же как и другие политические партии».

Прошло несколько дней, и в Мадрид инкогнито прибыл румынский дипломат. Ответ гласил: «Каррильо не пошевелит пальцем, пока не станете королем. Затем не должно пройти много времени для осуществления Вашего обещания легализовать партию». По признанию Хуана Карлоса, он «свободно вздохнул за долгое время»[543]. Он верил, что Каррильо выполнит свое обещание и не выведет массы на улицу, если Хуан Карлос будет верен своему слову. Это был компромисс, нелегкий для обеих сторон — убежденного республиканца С. Каррильо и не испытывавшего ни малейших симпатий к коммунистам Хуана Карлоса, но этот компромисс мог избавить Испанию от пролития крови в период перехода от авторитаризма к демократии.

Контакты с социалистами установить оказалось еще труднее. Новое руководство ИСРП, избранное на конгрессе в октябре

1974 г., заняло непреклонную негативную позицию по отношению к восстановлению монархии, неустанно повторяя, что в Испании невозможно не идентифицировать монархию с авторитаризмом. Тем не менее будущий король не терял надежды, не избегая личных контактов с социалистами. Известно, что среди тех, кто посещал Сарсуэлу, резиденцию принца, был Луис Солана.

Хуан Карлос не ограничивался лишь контактами: когда видный социалист Луис Яньеса-Барнуэва был арестован за критику режима во время посещения Швеции в октябре 1975 г., он добился его освобождения. По просьбе Вилли Брандта принц потребовал, чтобы Фелипе Гонсалесу полиция вернула паспорт, чтобы он мог присутствовать на конгрессе немецких социалистов. И это не единственные примеры, когда принц оказывал реальную помощь наследникам тех, кто сказал «нет» монархии 14 апреля 1931 г.

Но это было уже в 1975 г. А за год до этого произошло еще одно событие, которое подтвердило еще раз, что Франко все еще «держал под контролем ситуацию вокруг власти».

Много лет спустя после его смерти, отвечая на вопрос, когда же тот действительно заболел, Хуан Карлос ответил: «В июле 1974 г. 10 или 11 июля, не помню точно. (9 июля Франко был помещен в клинику, носившую его имя. Палата № 609. — С. П.). Франко был человеком, созданным, чтобы прожить 100 лет. Не курил, не пил и не был большим гастрономом. Вел совершенно размеренную жизнь и проводил много времени на воздухе, охотясь или ловя рыбу с борта «Асор»»[544].

Болезнь стала большой неожиданностью для него. Он был очень подавлен: «Это начало конца». Франко дал поручение Ариасу Наварро подготовить возможно быстро декрет о передаче власти Принцу Испании. Когда Хуан Карлос посетил Франко в госпитале, он попытался убедить больного, что его болезнь не так уж тяжела, чтобы передача власти была оправдана. «Среди моего окружения, — вспоминал король, — было немало лиц, советовавших мне не превращаться во временного главу правительства»[545]. Эти советы отвечали и собственной позиции принца: ему больше импонировало стать настоящим, полноправным королем, королем со свободными руками. Но Франко был непреклонен: он всего лишь во второй раз в жизни, 11 июля, не участвовал в заседании кабинета, и его тревожило, что будет со страной в отсутствие главы государства. Франко попытался убедить Хуана Карлоса, что такая ситуация очень опасна: создается вакуум власти, который возможно попытаются заполнить другие. Между тем состояние его продолжало ухудшаться, и все труднее становилось это скрыть. 18 июля,

которое традиционно отмечалось как главный праздник страны, на экранах телевизоров, демонстрировавших прием, на котором присутствовали дипломатический корпус и отечественные власть имущие, испанцы заметили отсутствие каудильо.

И Хуан Карлос сдался: «Я позвал Ариаса и сказал ему, что принимаю назначение»[546]. В тот день, 19 июля, Ариас Наварро и председатель кортесов представили Франко положенные в соответствии со статьей 11 Органического закона бумаги, которые Франко подписал: Хуан Карлос принял пост временного главы государства.

Донья Кармен была разгневана: она-то надеялась, что «вакуум» власти будет заполнен персоной ее зятя, Альфонсо Дампьера. Но Франко еще раз показал, что он контролирует ситуацию и никому не позволит поступать вопреки его воле. А даже предположение, что будущим королем может стать Альфонсо, укрепило бы надежды ветеранов «Движения» на рефалангизацию страны в будущем, чего Франко не желал допускать.

Но верил ли он в то, что трон Хуана Карлоса сохранит режим? В последние годы жизни — сомнительно. Как сказал король в беседе с Вильялонгой: «Франко очень редко говорил со мной о политике и никогда не давал мне советов. Иногда, когда я спрашивал его, как надо будет поступать в той или иной ситуации, он отвечал: «Не знаю, Ваше высочество. Во всяком случае, Вы не сможете поступать, как это делаю я. Когда Вы станете королем, времена сильно изменятся и люди не будут такими, как сегодня»»[547].

31 июля состоялся консилиум, в котором приняли участие звезды испанской медицины. Пациенту было официально объявлено, что у него болезнь Паркинсона.

Доктора Хиля уже не было подле Франко. Его место занял Посуело. Маркиз Вильяверде прямо обвинил Хиля в том, что он способствовал тому, что диктатор предпочел передать власть «Хуанито». Кармен поддержала зятя. У Франко не хватило сил, чтобы протестовать. Посуело составил весьма своеобразную программу реабилитации Франко: лечебная гимнастика и дозированная ходьба под звуки военных маршей времен юности Франко. Чаще других звучал гимн Испанского легиона «Я храбрый и верный легионер». Воздействие этих маршей превзошло все ожидания: глаза тяжелобольного ожили, губы зашевелились, повторяя слова, которые воодушевляли когда-то молодого офицера Франко.

Как бы то ни было, 16 августа Франко стал настолько транспортабельным, что был перевезен в свою резиденцию Пасо

Меирас, что в Галисии, где он обычно спасался летом от зноя Мадрида. И здесь до его сведения спецслужба довела информацию, что Хуан Карлос ведет тайные переговоры с доном Хуаном, что вызвало недовольство Франко.

Впоследствии, отвечая на вопрос об истоках ненависти диктатора к дону Хуану, Хуан Карлос сказал: «Думаю, что Франко видел в моем отце единственного, кто мог оспаривать законность его власти… Он должен был видеть в нем мятежного либерала, угрожавшего уничтожить целиком его дело. Мятежного либерала, который склонялся на сторону «красных». Когда мой отец говорил: «Хочу быть королем всех испанцев», Франко, вероятно, переводил: «Хочу быть королем победителей и побежденных»». На вопрос, разве это неправда, Хуан Карлос отвечал: «Да, естественно, но для Франко это, вне сомнений, было невыносимо»[548].

Услужливая пресса вела беспрерывную кампанию против графа Барселонского, называя его масоном и напоминая о его службе в британском флоте, что тогда было криминалом. Но кампания дискредитации против Бурбонов задевала не только дона Хуана, но даже Альфонса XIII, обливая грязью того, кто так много сделал для Франко: ведь благодаря благосклонности короля будущий диктатор стал самым молодым генералом в Европе.

Опасаясь за свое будущее, Вильяверде через преданных ему лиц в окружении Франко усилил нажим на врачей, побуждая их сделать вывод о восстановлении здоровья пациента настолько, что он может вновь приступить к своим обязанностям главы государства.

Франко вернулся в Мадрид, хотя многие из тех, кто его наблюдал, были убеждены, что состояние его здоровья все еще препятствует возвращению к своим обязанностям.

К концу года уже не удавалось скрыть внешние признаки прогрессирующей сенильности: открытый рот, как бы застывший в постоянном зевке, слезящиеся глаза, трясущиеся руки. Много огорчений доставляли зубы. Временами казалось, что он плохо ориентируется в окружающем. Во всяком случае, президент Форд, посетивший 31 мая Мадрид, предпочел больше времени провести с Хуаном Карлосом, нежели с Франко. Тем не менее Франко все еще был жив и временами весьма деятелен: ежедневно принимал посетителей и присутствовал на всех заседаниях кабинета министров.

Хотя политика «апертуризма», декларированная с его согласия 12 февраля 1974 г., официально не была отменена, Франко, информированный о происходящем Хироном и Солисом,

старорубашечниками фаланги, чаще других его посещавшими, бдительно следил за всеми назначениями, отсекая от власти тех, кто мог бы переступить обозначенную режимом грань: вслед за уволенным в отставку еще в октябре 1974 г. Пио Кабанильясом последовали «чистки» в министерствах информации и труда.

Власть все еще находилась в трясущихся от приступов паркинсонизма руках диктатора, и мнения, противоречившие его воле, он решительно отвергал, даже если это было мнение Хуана Карлоса, к которому он явно благоволил, несмотря на все интриги «камарильи Эль Пардо».

1975 г. начался бурно: шахтеров «Потатас де Наварра», отказавшихся 8 января подняться на поверхность до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования, поддержало все трудящееся население Памплоны, а также студенты и даже 30 священнослужителей, объявивших в знак солидарности с бастующими голодовку. Власти не бездействовали: был применен весь арсенал испытанных репрессивных средств. Однако в специфической атмосфере Испании, когда любой протест, будь то забастовка, студенческие волнения или петиции с требованием амнистии, вызывал бурные проявления солидарности, эти средства оказывались неэффективными.

И несмотря на то, что почти любое столкновение с полицией сопровождалось жертвами, забастовочное движение и студенческие волнения охватили всю страну.

В знак протеста против закрытия университета Вальядолида в начале февраля бастовали студенты Мадрида и Барселоны, Сарагосы и Севильи. Два месяца спустя, в первую годовщину португальской революции, здания многих университетов страны были украшены португальскими флагами. В адрес правительства непрерывным потоком шли петиции с требованием демократических реформ. 8 марта очередная ассамблея епископальной конференции под председательством кардинала Таранкона приняла резолюцию «О примирении испанцев», где речь шла также о необходимости восстановления гражданских свобод.

Идеологи и практики франкизма всегда придавали особое значение феномену страха, как своего рода цементу, скрепляющему здание «новой Испании», — страха перед повторением гражданской войны, перед репрессиями, перед демократией, неразрывно связанной, как утверждалось, с нарушением внутренней стабильности, неизбежно приводящей ко всеобщему хаосу. Одной из характерных черт общественной жизни Испании первой половины 70-х годов было, по единодушному мнению обозревателей иностранных газет,

исчезновение этого феномена страха из общественной жизни. И Франко летом 1975 г., судорожно хватаясь за ускользавшую, как он понимал, власть, попытался воскресить этот феномен. Повод было найти нетрудно.

27 августа 1975 г. вступил в силу Закон о борьбе с терроризмом, предоставивший полиции неограниченное право подвергать аресту, обыску и тюремному заключению всех подозреваемых в принадлежности к террористическим организациям. Участие в террористических актах, повлекших смертельный исход, каралось смертной казнью. Процедура суда крайне упрощалась. Авторы закона, хорошо осведомленные о глубоком недовольстве, которые вызывали среди населения убийства рядовых полицейских, а именно они в первую очередь становились жертвами террористических актов экстремистов, рассчитывали на поднятие авторитета властей в глазах народа. Однако последовавшая во исполнение закона лавина арестов, конфискаций органов печати и, наконец, вынесение смертных приговоров членам левоэкстремистских организаций, остро напоминавших о жестоких 40-х годах, вызвали резко отрицательную реакцию широких кругов общественного мнения, в том числе и принципиальных противников терроризма.

С протестами против готовящихся казней выступили не только такие объединения демократической оппозиции, как Демократическая хунта и Платформа согласия, но и те, кто еще до недавнего времени не отделял себя от режима. В день вынесения приговоров епископальная конференция, которая как раз в эти дни проводила свое ежегодное собрание, осудив терроризм, тем не менее обратилась к Франко с прошением о помиловании.

Рецидив эскалации насилия «сверху» привел не к умиротворению, как ожидали Франко и его окружение, а, напротив, к краху иллюзий относительно возможности эволюции режима. К тому же реакция внешнего мира на предстоящую казнь обвиненных в терроризме напомнила людям старшего поколения тот взрыв общественного негодования против террора диктатуры в 1946–1947 гг., за которым последовал долгий период международной изоляции: с протестом против приведения в исполнение приговоров выступили Генеральный секретарь ООН, Папа Павел VI, главы правительств и министры иностранных дел ряда европейских стран. Тем не менее 27 сентября пятеро обвиняемых в терроризме были расстреляны. На другой день все европейские правительства кроме Ирландии отозвали из Мадрида своих послов для консультаций[549].

Много лет спустя на вопрос Вильялонги, просил ли он о

милости к осужденным, Хуан Карлос ответил: «Да, но без малейшего успеха». На вопрос, чем была вызвана эта жестокость, король ответил: «Думаю, что он верил, что малейшая слабость с его стороны (а для многих людей милосердие — это слабость) пошатнет его авторитет и приведет к деградации его режима»[550].

Несмотря на недуги, Франко не отказался от своего замысла отметить 39-летнюю годовщину его пребывания на посту главы государства. Он полагал, что это оправдано, так как реакция внешнего мира напоминает ему декабрь 1946 г. Тогда, 9 декабря, накануне голосования в ООН проекта резолюции по испанскому вопросу, десятки тысяч мадридцев собрались на площади Ориенте в Мадриде. По замыслу Франко эта акция должна была сыграть роль «национального плебисцита» против иностранного вмешательства. Над толпой возвышались плакаты: «Богатый или бедный, не забудь, что ты испанец», «Дух 2 мая 1808 г. (день начала восстания против Наполеона. — *С.П.*) пробуждается!»

Как и 29 лет назад, Франко, обращаясь к 150-тысячной толпе, собранной на площади Орьенте, обвинил отдельные «развращенные страны» в пособничестве «левомасонскому заговору», перед угрозой которого, по его мнению, «вновь оказалась Испания».

Диктатор рассчитывал на пресловутую национальную чувствительность испанцев в отношении любых форм внешнего давления. И хотя собравшиеся на манифестацию весьма выразительно продемонстрировали свое возмущение поведением внешнего мира, реакция страны в целом на речь диктатора, равно как и на заявление испанского премьер-министра о «нетерпимом наступлении на суверенитет страны», не оправдала ожидания властей: консолидации режима не последовало. Изведавшая в свое время все тяготы международной изоляции Испания 1975 г. болезненно реагировала на угрозу свертывания связей с внешним, прежде всего с европейским, миром. На этот раз Франко не удалось повязать испанцев круговой порукой национальной гордости, так как именно в режиме и его акциях многие из тех, кто осуждал террор экстремистов, склонны были усматривать источник унижения и угрозу нового тура международной изоляции.

Но тогда, заключает известный биограф Франко Поль Престон, диктатор был полон сил, теперь же на балконе королевского дворца перед огромной толпой предстал старичок в солнечных очках, чьи щеки казались сделанными из воска. Он приветствовал всех собравшихся трясущейся от спазмов паркинсонизма рукой, голосом, едва слышным, несмотря на

микрофоны, установленные на площади и прилегающих улицах, благодарил собравшихся за оказанную ему поддержку[551].

Позади Франко, рядом с кардиналом-примасом Таранконом, оставаясь неподвижным, с непроницаемым лицом стоял Хуан Карлос. Он не поднял руки в приветствии «а-ля Рим», как делали все, кто окружал генерала.

Толпа скандировала под пение фалангистского гимна «Лицом к солнцу»: «Смерть коммунизму!», «ЭТА к стенке!», «Хотим не апертуры, а твердой руки!».

Франко прослезился.

Для самого Франко церемония 1 октября была губительной: он простудился, заболел гриппом. На этом неблагоприятном фоне 14 октября он перенес сильнейший сердечный приступ. Тем не менее вопреки советам врачей 17 октября он присутствовал на заседании кабинета министров — в последний раз. На другой день, также в последний раз, он работал в своем кабинете. Предполагают, что он редактировал свое завещание.

Сердечные приступы следовали один за другим. Обнаружились симптомы перитонита. Конец был близок — это понимал и сам Франко. 30 октября, задыхаясь от удушья, он произнес: «Статья 11-я Органического закона, выполняйте статью 11-ю». Это означало, что Франко слагает свои полномочия главы государства. 4 ноября он был перевезен в Мадридский больничный комплекс «Мир». Здесь его и посетил в последний раз Хуан Карлос.

Отвечая на вопрос, какими были последние слова Франко, обращенные к королю на пороге смерти, Хуан Карлос ответил: «Когда я увидел Франко в последний раз, тот уже не был в состоянии говорить. Последняя связная фраза, вышедшая из уст генерала, когда он находился практически в агонии, касалась единства Испании».

Но больше, чем слова, принца поразила та сила, с которой руки Франко сжимали руки Хуана Карлоса: «Это было впечатляющим. Единство Испании было его манией. Франко был военным и для него были вещи, с которыми он не мог шутить. Единство Испании было. Одним из них»[552].

В 5 ч 25 мин 20 ноября 1975 г. Франко не стало — такова официальная дата его смерти. По совпадению, нередкому в истории, 39 лет назад, 20 ноября 1936 г., по приговору военного трибунала в Аликанте был расстрелян основатель фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера. После окончания их земного существования они оказались вместе — их прах покоится почти рядом, в алтарной части подземной крипты мемориального комплекса «Долины павших».

21 ноября было обнародовано политическое завещание Франко, хранившееся у его дочери, — все газеты, радио- и телепередачи донесли его текст: «Испанцы, наступает час, когда я предстану перед Всевышним. Я хотел жить и умереть, как католик. Моим желанием всегда было быть верным сыном церкви, в лоне которой я умираю. От всего сердца прошу простить всех, кто объявлял себя моими врагами, хотя я их таковыми не считал. Хочу поблагодарить всех, кто с энтузиазмом сотрудничал со мной во имя благородной миссии воссоздать Испанию единой, великой и свободной. Во имя любви к нашему отечеству, я прошу вас всех пребывать в единстве и мире и сплотиться вокруг будущего короля Хуана Карлоса де Бурбон…

Не забывайте, что враги Испании и христианской цивилизации не дремлют. Не отступайте от достижения социальной справедливости и культуры для всех испанцев, что должно быть вашей главной целью. Придерживайтесь единства всех земель Испании во всем богатом многообразии ее регионов как источника укрепления единства Испании. Хотел бы объединить в последние мгновения моей жизни Бога и Испанию, чтобы обнять всех и воскликнуть в последний раз на пороге моей смерти: «Арриба Испания!», «Вива Испания!»»[553]

В завещании не упоминалось ни о «Движении» (фаланге), ни об институтах режима.

Не упоминал о них и Хуан Карлос, когда на другой день, 22 ноября 1975 г., был провозглашен кортесами королем Испании.

«После Франко, что?»

22 ноября 1975 г., когда еще не завершилась процедура прощания в Колонном зале королевского дворца с Франко, накануне перенесенного из Эль Пардо, Хуан Карлос был провозглашен кортесами королем Испании.

Накануне этой церемонии в кортесах Т. Фернандес Миранда, генеральный секретарь «Движения» с 1969 г. и вице-президент правительства с 1973 г., к словам которого Хуан Карлос всегда прислушивался, не уставал повторять, что все будет зависеть от первой речи: «Надо сказать испанцам, что Вы хотите сделать и как Вы это сделаете»[554].

Король вспоминает: «В своей первой тронной речи я сказал очень ясно, что хотел бы стать королем всех испанцев». И пояснил: «Эта первая тронная речь была моя, только моя… Тогда мы еще не имели конституции, и я был наследником всей власти Франко, которая была огромной. На протяжении всего года я был единственным владыкой моих слов и моих дел. И я использовал свою власть, в первую очередь, чтобы сказать испанцам, что в будущем они станут теми, кем захотят стать, какова будет их воля»[555].

В этой речи король обещал уважать культуру каждого в отдельности, его историю, его традиции, призвав «с благородством и высотой помыслов» осознать, что «будущее будет основываться на действенном консенсусе и национальном согласии».

Он не был уверен, что его призыв будет услышан: несмотря на его обещание о «начале нового этапа в истории Испании», сам он счел нужным заверить кортесы, что воспоминания о Франко будут служить для него «примером в его собственном поведении» и дал обещание в своих трудах «руководствоваться милостью Божьей и примером предшественников»[556]. К тому же председатель кортесов А. Родригес де Валькарсель «в память Франко» провозгласил: «Да здравствует король! Да здравствует Испания!». О тревоге короля в эти первые дни и часы после смерти Франко свидетельствует его ответ на вопрос его супруги Софии: «А теперь что будет?» — «Не знаю. То ли корону на подушечке поднесут, то ли придут за нами и уведут под стражей»[557].

Провозглашение Хуана Карлоса королем кортесами не принесло ему успокоения, ведь в глазах многих испанцев он был наследником Франко, а Хуан Карлос старался показать, что монархия не предполагает продолжения режима. Поэтому он

согласился с предложением архиепископа Мадрида кардинала Энрике де Таранкона пройти через освященную традициями процедуру инвеституры. Инвеститура Хуана Карлоса, состоявшаяся в старинном соборе Сан Херонимос 27 ноября 1975 г., была воспринята многими сторонниками монархии как коронация, но король не оставил надежды обрести легитимность при поддержке народа. Только при этом условии было возможно восстановление парламентской монархии принятого в Западной Европе типа.

Его обнадеживало, что на этой церемонии в Сан-Херонимос присутствовали Валери Жискар д'Эстен, Вальтер Шеель и принц-консорт Филипп Эдинбургский, в то время как на процедуре прощания с Франко — Августин Пиночет, супруга филиппинского диктатора Имелда Маркос, принц Монако Ренье, и король Иордании Хусейн.

Хуан Карлос позднее признавал, что испанцы, думая о нем, говорили: «Мы все еще не знаем этого человека». Ему предстояло завоевать доверие испанцев, что было, по его же словам, нелегко, так как «три или четыре поколения слышали о нас больше плохого, чем хорошего. И мне надо было убедить испанцев, что монархия может быть полезна для страны»[558].

Иммобилисты, т. е. противники перемен, все еще сохраняли позиции в институтах государственной власти, силовых структурах и средствах массовой информации, в их руках все еще сохранялись рычаги, способные замедлить процессы, делавшие неизбежным в исторической перспективе «транзисьон», т. е. переход от диктатуры к демократии. Но не могли их остановить.

В свое время Хуан Карлос приложил немало усилий, чтобы убедить испанцев, что монархия может быть полезна для страны. И это ему удалось еще и потому, что к тому времени, когда ответ на вопрос — «После Франко, что?» — из области предположений перешел на твердую почву практической политики, в общественном сознании большинства испанцев произошли кардинальные перемены: на смену идеологии конфронтации, этого наследия гражданской войны, пришла идея национального консенсуса. Свою роль в этом сыграл «Закон о печати» от 15 марта 1966 г., допустивший возможность выхода в свет таких периодических изданий, как «Cuadernos para el dialogo», «Triunfo», «Cambio-16» и им подобных. Фрага Иррибарне вряд ли мог предвидеть, что этот закон со всеми его ограничениями послужит таким стимулом для возрождения гражданского общества.

Оставался вопрос: «Когда?». Когда произойдут демократические перемены в реальной жизни страны? Стремительных перемен не ожидали ни политики, ни

скептически настроенные журналисты в стране и за рубежом.

Ареильса, министр иностранных дел первого постфранкистского правительства, в интервью газете «France soir» 13 декабря с уверенностью говорил о необходимости «десятилетнего компромисса». И даже Фрага Иррибарне, в то время заместитель главы правительства и министр внутренних дел, с его страстью делиться со всеми возможными интервьюерами, преимущественно иностранными, своими планами на будущее, а потому заслуживший тогда у журналистской братии репутацию оптимиста, объявив о своем намерении «действовать быстро и решительно», так рассчитал время, необходимое для перемен: «Две недели, чтобы принять решение, два месяца, чтобы начать его осуществлять, два года, чтобы претворить его в жизнь».

Однако действительность опрокинула все, даже оптимистические прогнозы и этим аргументом, побудившим власть ускорить процесс перемен, был голос «улиц и площадей»: многотысячные забастовки и демонстрации взбудоражили страну. Возникла угроза потери «контроля улиц». И король услышал голос улиц. Со свойственной ему решимостью Хуан Карлос сделал выводы: ведь усиление «левых» автоматически вело к активизации «ультраправых», что было чревато новыми катаклизмами.

5 июля 1976 г. Хуан Карлос поручил формирование правительства Адольфо Суаресу. В своем первом обращении к нации 6 июля Суарес заявил о непоколебимости воли Короны к достижению демократии и обещал ускорить процесс политических реформ, «относясь к делу с реализмом». 17 июля испанцы впервые за 40 лет услышали от главы правительства, что источником политической власти является суверенитет народа.

30 июля король подписал декрет об амнистии, под которую попадали 209 политзаключенных, половина от общего числа. А за два дня до этого был подписан новый конкордат с Ватиканом, в котором глава испанского государства отказался от своей привилегии назначать катехнических епископов — этой привилегией так дорожил Франко. Во время церемонии подписания нового конкордата с Ватиканом папа Павел VI просил министра иностранных дел нового правительства М. Ореху передать Хуану Карлосу, что его усилия по восстановлению демократии с благословением воспринимаются католической церковью. Король неоднократно выражал озабоченность, как будут восприняты новые веяния консервативными кругами общества, и поддержку Святого Престола трудно переоценить.

Истинную легитимность монархия начала приобретать после

референдума по законопроектам о политической реформе 15 декабря 1976 г., когда только 2,6 % из принявших участие в голосовании высказались против реформы[559]. Иными словами, только один испанец из 50 выступал за сохранение старого порядка. Мирный путь перехода к демократии был открыт.

9 февраля 1977 г. были восстановлены дипломатические отношения с Советским Союзом: для испанцев этот акт был мерилом того расстояния, которое прошло со времени смерти Франко. Как отмечала лондонская «The Financial Times» 11 февраля 1977 г. в статье «Мадрид идет на мировую с Москвой», «Этот шаг был бы немыслим при генерале Франко, который обещал, что никакой советский посол никогда не ступит в Мадрид при его жизни». Но Франко был мертв.

1 апреля король подписал декрет о ликвидации аппарата «Национального движения», а 9 апреля правительство приняло решение зарегистрировать Компартию Испании как легальную политическую организацию. Король выполнил свое обещание, данное Каррильо, Каррильо — свое.

15 июня 1977 г. состоялись выборы в Учредительные кортесы. В мае следующего года, в канун голосования в комиссии по выработке конституции о форме государства, был проведен опрос общественного мнения: за монархию высказались 44 % респондентов, за республику — 16 %, безразличные составили 18 %. 11 мая голосование в комиссии отразило сходные результаты: за статью, гласившую: «Политической формой испанского государства является парламентская монархия», высказались 23 члена комиссии, 14 — воздержались. На пленарном заседании Учредительного собрания в июле 1978 г. за монархическую форму государства проголосовали 196 депутатов, включая представителей Компартии, 115 воздержались (преимущественно социалисты) и только 9 проголосовали против[560]. 28 ноября 1978 г. Учредительные кортесы приняли Конституцию, узаконившую концепцию парламентской монархии.

6 декабря проект Конституции был вынесен на референдум и получил одобрение 87,8 % от числа голосовавших. После подписания королем Конституция вступила в силу 29 декабря 1978 г.

Согласно статье 1-й, «Испания конституируется в правовое социальное и демократическое государство. Политической формой испанского государства является парламентская монархия». Согласно статье 2-й, «Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов ее составляющих, а

также солидарность между всеми ими»[561].

Это было не то будущее, о котором мечтал и к которому, как он полагал, Франко вел страну. Но можно ли с уверенностью утверждать, что среди тех камней, что составляют здание современной Испании, нет ни одного, который был бы заложен рукой Франко?

* * *

Так каким же он был, последний европейский диктатор? Еще при жизни Франко его биографы отмечали, что, несмотря на крайний прагматизм, граничивший порой с цинизмом, диктатор оставался верен своим принципам и своему прошлому: «Приспособление каудильо к обстоятельствам было, несомненно, поверхностным и иллюзорным»[562], — с уверенностью писал английский исследователь Б. Крозье в биографии Франко, увидевшей свет за восемь лет до смерти диктатора. С этим суждением и ему подобными трудно согласиться: в них — только доля истины.

Франко был «многолик», и некоторые черты его имиджа высветились только после его смерти, равно как и результаты его деятельности. Франко прожил долгие годы — его жизнь прервалась за несколько дней до восьмидесятитрехлетия. Менялся мир, и он не мог оставаться прежним в этом меняющемся мире.

Франко был верен своему прошлому, воспоминания о гражданской войне преследовали его до последнего вздоха. Те, кто противостояли ему в схватке 1936–1939 гг., а затем «побежденные», для него продолжали быть воплощением вселенского Зла, «Анти-Испанией». В беседе с Салгадо Араухо, комментируя неоднократные пожелания дона Хуана быть «королем всех испанцев», Франко с раздражением заметил: «Значит, всех побежденных, баскских и каталонских сепаратистов, коммунистов, социалистов, членов Национальной конфедерации труда, республиканцев различных направлений, а также террористов. Почему же нет? Все они — испанцы»[563].

Известный каталонский историк Ж. Фонтана в предисловии к книге «Испания во времена франкизма», исследуя феномен насилия, легализованного самими руководителями националистической зоны, писал: «Репрессии выполняли во франкистском лагере фундаментальную политическую функцию… парализовать врага при помощи террора». Эта функция сохранялась почти до самой смерти Франко. Очередной

«Закон против терроризма», вступивший в силу 27 августа 1975 г., приносил свои кровавые плоды вплоть до последних минут жизни Франко. С одним лишь исключением: репрессии стали носить «точечный», а не массированный характер, да и политзаключенных к моменту смерти Франко едва насчитывалось 500 человек, хотя и один несправедливо осужденный — уже человеческая трагедия.

И все же Франко в последние годы жизни был уже не тот, что в годы гражданской войны и первого послевоенного десятилетия. И хотя он, узнав о принятии Испании в ООН в декабре 1955 г., сказал: «Изменились вы, но не мы», именно с этого времени сам он стал поддаваться ветру перемен. Но только тем переменам, которые, как он полагал, не угрожали сохранению режима.

Однако как раз санкционированная им под влиянием обстоятельств, внутренних и внешних, либерализация экономики в конечном итоге поколебала фундамент режима, вызвав к жизни такие силы, которые в исторической перспективе и обеспечили «транзисьон». И не случайно некоторые исследователи, особенно в последние годы, называют отказ от автаркии и либерализацию экономики «революцией сверху».

Ко времени ухода из жизни Франко большинство испанцев проживало в городах, причем в крупных: 15 миллионов населения жило в городах, превышавших 50 тыс. жителей. Вековой антагонизм между теми, кто жил в больших городах, и теми, кто — в маленьких «пуэбло», что питало в какой-то мере разделение на «Две Испании», стал исчезать.

К этому времени Испания вышла на 6-е место в мире по судостроению и на восьмое — по автомобилестроению. По подсчетам Х. Висенса, «в 1963–1972 годах валовый продукт увеличивался в среднем за год на 10,7 процента. Это позволило стране обогнать в 1965 году Бельгию, в 1966 году — Нидерланды, в 1968 году — Австралию и в 1970 году — Швецию и занять пятое место в капиталистической Европе и восьмое в капиталистическом мире по объему промышленного производства»[564]. Финансировались эти планы за счет доходов от туризма, возросших с 385 миллионов долларов в 1961 г. до 2,5 миллиардов долларов в 1972 г., и за счет денежных переводов от рабочих-эмигрантов, увеличивавшихся за этот период с 116 миллионов до 1 миллиарда долларов.

Структурные перемены в экономической стратегии, давшие уже весьма ощутимые плоды в последние годы жизни Франко, реформы, которые вели к ослаблению институтов авторитарного режима и созданию предпосылок предсказуемого будущего, изменения в общественном сознании, создававшие основу для

национального консенсуса, обеспечили благоприятные условия для мирного исхода процесса модернизации испанского государства и общества.

Король Испании Хуан Карлос I, отвечая на вопрос Хосе Луиса де Вилальонга, как Испания могла перейти от почти сорокалетней диктатуры к демократии с конституционным королем во главе, и все это произошло без больших волнений и потрясений, ответил, что, когда он взошел на трон, у него на руках были две важные карты. Первая — несомненная поддержка армии. В дни, последовавшие за смертью Франко, армия была всесильна, но она повиновалась королю, поскольку он был назначен Франко. «А в армии приказы Франко даже после его смерти не обсуждались». Вторая карта — мудрость народа. «Я унаследовал страну, которая познала 40 лет мира, и на протяжении этих 40 лет сформировался могучий и процветающий средний класс. Социальный класс, который в короткое время превратился в становой хребет моей страны»[565].

notes

Примечания

1

Gonzáles Duro E. Franco. Una biografía psicológica. Madrid (далее M.), 2000. P. 27–29.

Ibid. P. 36–38.

3

Подробнее см.: Conelly Ullman J. La Semana Trágica. Barcelona (далее B.), 1972.

Boor J. (псевдоним Франко). М., 1952. P. 10–11, 243.

5

Jarais Franco P. Historia de una disidencia. B., 1981. P. 59–60, 90, 92.

6

Подробнее см.: Sevilla Andres D. Antonio Maura: La Revolución desde arriba. M., 1953.

Suáres Fernandez L. Francisco Franco y su tiempo, 8 vols. M., 1984. Vol. I.

Jarais Franco P. Op. cit. P. 109–132.

Garcia V. Las cartas de amor de Franco. B., 1978.

10

Идальго де Сиснерос И. Меняю курс. М., 1962. С. 112.

11

Preston P. Franco. «Caudillo de España». M., 1994. P. 84.

12

Boletín decenal Estado Mayor Central del Ministerio de defensa nacional. 31.VIII.1938.

13

Идальго де Сиснерос И. Меняю курс. С. 118.

Там же. С. 120.

15

Garriga R. Ramon Franco, el hermano maldito. B., 1978. Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 141–142.

16

El Sol. 15.IV. 1931.

Marago A. Избранное. М., 1975. С. 89.

18

Vilar P. Histoire de l'Espagne. Paris (далее P.), 1957. P. 54.

19

Miraflores, marquez de. Apuntos historico-critico para escribir la Historia de Revolución de España. Londres (далее L.), 1834. P. XII.

20

Цит. по: Palacio Attard V. La España del siglo XIX. 1808–1898. M., 1981. P. 172.

21

Espadas Buigos. Los Borbones de España: Las grandes dinastías. M., 1978. P. 251.

22

Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cít. P. 145.

Azaña M. Memorias politícos y de guerra. B., 1978. P. 18.

24

Идальго де Сиснерос И. Меняю курс. С. 210.

25

В состав правительства, сформированного 13 декабря 1931 г., вошли три министра-социалиста — Ф. Ларго Кабальеро, И. Прието, Фернандо де лос Риос.

Constituciones espacoles. Cortes secretaria. Madrid, 1977. P. 209.

27

Идальго де Сиснерос И. Меняю курс. С. 210.

28

Сориа Ж. Война и революция в Испании 1936–1939. В 2 т. М., 1987. Т. I. С. 35.

Caballero Audas. El general Sanjurcho. M., 1940. P. 83.

González Duro E. Op. cít. P. 154.

31

Payne S. Falanga: A History of Spanish Fascism. Oxford, 1962. P. 11–16, 45.

El Socialista. 11.XI; 21.XL 1933.

33

Galindo Herrero S. Historia de los partidos monáñrquicos bajo la Segundo república. M., 1954. P. 84.

34

Цит. по: Hills G. Franco: The Man and His Nation. New York (далее — N.Y.), 1976. P. 173.

Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cít. P. 160.

36

Президент Алькалй Самора был против назначения Франко: «Молодые генералы стремятся стать фашистскими каудильо». См.: Preston P. Op. cit. P. 143.

37

El Sol.2LX.1935.

Цит. по: Hills G. Op. cít. P. 210.

39

El Socialista. 19.11.1936.

40

Tusell J. Las elecciones del Frente Popular. M., 1971. Vol. 2. P. 10–13.

41

Портела Вальядарес в октябре 1937 г. подтвердил, что 16 февраля 1936 г. Франко пытался склонить его к государственному перевороту. См.: Brenan. The Spanish Labirinth. Cambr., 1943. P. 300.

42

Franco Salgado Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. B., 1976. P. 217.

El Socialista. 2.V. 1936.

Bowere C. My Mission to Spain. N.Y., 1954. P. 89.

El Socialista. 21.IV. 1936.

46

Цит. по: Tuñon de Larz M. La España del siglo XX. P., 1973. P. 415.

47

El Debate. 24.IV. 1934.

Diario de sesiones de las Cortes Españoles. 16.VI. 1936.

49

El Sol. 22.XII.1934.

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. С. 120.

51

Diario de sesiones de las Cortes Españoles. 16.VI.1936.

Bolin L. Spain: The Vital Years. Cassel, 1967. P. 9–54.

53

Цит. по: Taylor T. Munich: The Price of Peace. N.Y., 1979. P. 276.

Viñas A. La intervención extranjera // Historia-16, 1984, № 1000. P. 97–98.

55

Franco Salgado Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. B., 1976. P. 453.

Merkes M. Die deutsche: Pólitik gegenüber dem spanischen Büigerkrieges, 1936–1939. Bonn, 1962. S. 14–15.

Viñas A. Guerra, dinero, dictadura. M., 1984. P. 26–28; Espadas Burgos M. Franquismo y política exterior. M., 1987. P. 45–48.

Documents on German Foreign Pólici, 1918–1945. Ser. D. L., 1950–1964. Vol. 3. P. 9–11 (далее: DGFP).

59

Archivo del Ministerio Asuntos Exteriores, leg. M137–80604 (далее: AMAE).

Salas Larrasabl R. Historia del Ejercito Pópular de la República. M., 1973. P. 101.

Moa P. Los mitos de la guerra civil. M., 2003. P. 286.

Пономарева Л.В. Поздний Маэсту // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 108.

Кулешова В.В. Проблема Испании в политической публицистике Рамиро де Маэсту // Проблемы испанской истории. М., 1979. С. 126–127.

Сиснерос де Идальго И. Меняю курс. С. 218.

Ituraldo J. El catolicismo y la Cruzada de Franco. Toulouse, 1955–1957. Vol. I. P. 46–50.

Moa P. Op. cit. P. 309–310.

Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. M., 1992. P. 197.

Arriba España (Pamplona). 2 de octobre de 1937.

Moa P. Op. cit. P. 247.

70

Documents on British Foreign Pólicy. 1919–1939. 2 ser. L., 1979. Vol. 17. P. 758–760.

71

Рыбалкин Ю. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 28–30. Рыбалкиным были использованы материалы Архива Президента РФ (Ф.3. Оп.74. Д.20. Л.87), Российского государственного военного архива (Ф.3987. Оп. 3. Д.852. Л. 138).

AMAE. Leg. R-1083. Exp. 10.

Pascua M. Oro español en Moscú // Cuadernos para el dialogo. 1970. VI–VII.

Espacias Burgos. Op. cit. P. 79–80.

Moa P. Op. cit. P. 341.

Рыбалкин Ю. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). С. 54–59.

77

Русские белоэмигранты в гражданской войне в Испании. Публикация Е.И. Дика // Проблемы испанской истории. М., 1992. С. 199.

Дневник посла Додда. М., 1961. С. 466–467.

DGFP. Ser. D. Vol. III. P. 267–269.

Viñas A. La interventación extranjera // Historia-16. 1984. № 100. P. 97–98.

81

Nelessen B. Die verbotene Revolution. Hamburg, 1963. S.156.

Boletín oficial. 20.IV. 1937.

Nelessen B. Op. cit. P. 200–201.

ABC. 4.VIII. 1937.

85

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. Германская политика в Испании (1936–1943 гг.). С. 64.

Iribarren J. Con el general Mola. Zaragoza, 1937. P. 12.

87

Цит. по: Туньон де Лара М. Испанская церковь и война 1936–1939 гг. // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 125.

Arriba España. 20.1.1937.

89

Arriba España. 20.11.1938.

Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 218.

91

Цит. по: Fontana J. España bajo el franquismo. B., 1986. P. 11–12.

92

De la Cierva R. Historia de la guerra civil española. V. I. M., 1969. P. 708–709.

93

Franco F. Palabras del Caudillo. 19 abril 1937 — 31 deciernbre 1938. B., 1939. P. 259–260.

Fontana J. Op. cit. P. 11–12.

95

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. С. 64.

Цит. по: Майданик К.Л. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. М., 1960. С. 100.

Ибаррури Д. Единственный путь. М., 1962. С. 299.

El Socialista. 5.IX.1936.

Pólitische Studien. 1959. № 116. P. 827.

100

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. С. 324–390.

101

Сориа Ж. Война и революция в Испании. В 2-х т. М., 1987. Т. I. С. 225.

Цит. по: Сориа Ж. Война и революция в Испании. Т. 2. С. 21.

103

AMAE. Leg. R-1083. Exp.10.

DGFP. Ser. D.V. 111. № 674.

Ibid. Ser. D.V. IV, № 370.

106

AMAE. Leg. R-1083. Exp.10.

107

Ibid. R-1083. Exp. 10.

108

Cantalupo R. Embajada en España. M., 1951. Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 202.

Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 229.

110

AMAE. Leg. R-1459. Exp.16.

«Caudillo de España». Madrid, 1994. P. 417.

112

Busquets y. Pronunciamientos y goples de Estado en España. B., 1982. P. 138–140.

Payne S. A History of Spanish Fascism. Oxford, 1962. P. 213–215.

114

См. «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу». N. Y., 1946. С. 11–12.

115

DGFP. Ser. D. Vol. P. 36.

Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 231.

117

Arriba. 2.1.1939.

118

Garriga R. La Señora de el Pardo. Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 251–252.

119

Documents on German Foreign Polici, 1918–1945. Ser.D. L., 1950–1964. Ser.D. Vol. III. N 674 (далее: DGFP).

120

The New York Times. 21.VI.1952. См. также: Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores. Leg. R-5162, Exp.7 (далее: AMAE).

121

I Documenti Diplomatici Italiani (далее: DDI). Rome, 1952. Ser.8. Vol. 13. P. 388.

122

AMAE. Leg. R-1083. Exp.13.

DGFP. Ser. D. Vol. 7. P. 446–447.

124

Foreign Relations of the United States //1939. Wash. 1954–1975. Vol. General. P. 417–418 (далее: FR).

DGFP. Ser.D. Vol. 7. P. 446–447.

126

Deutsches Zentralarchiv. Handelspolitische Abteilung. Bd. 1. № 67910. S.119.

127

DGFP. Ser.D. Vol. 11. P. 330.

Feis H. The Spanish Story: Franco and The Nations at War. N.Y., 1966. P. 27–29.

129

FR. 1940. Vol. 2. P. 797.

130

Hoare S. Embajador ante Franco en misión especial. M., 1977. P. 16–21.

Preston P. Las tres Españas del 36. B., 1999. P. 49.

DGFP. Ser. D. Vol. VIII. P. 604–609.

133

AMAE. Leg. R-51-62-6.

134

Цит. по: Hils G. Franco: The Man and His Nation. N.Y., 1967. P. 345.

135

Franco Salgado Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. B., 1977. P. 153–154.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 154.

137

Ashford Hodges G. Franco Retrato psicológico de un dictador. M., 2001. P. 235.

138

Churchill W. The Second War. V. 1–6. L., 1948–1953. V. 2. P. 468.

Murphy R. Diplomat among Warrios. N.Y., 1965. P. 85–86.

140

AMAE. Leg. R-2421. Exp.9.

141

AMAE. Leg. R-2306-1.

Hitler's Secret Conversations, 1941–1945. P. 520–521.

143

AMAE. Leg. R-5162. Exp.4.

DGFP. Ser. D. Vol XII. P. 22.

145

DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 97.

DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 176–178.

Hils G. Op. cit. P. 351.

Preston P. Franco. P. 534.

DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 611–613.

Busquets J. Pronunciamientos y golpes de Estado en España. B., 1982. P. 166–168.

151

Гальдер Ф. Военный дневник. В I–III т. М., 1968–1971. Т. И. С. 500, 531,535.

DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 1080–1081.

Ibid. P. 1081.

Hoare S. Op. cit. P.

DGFP. Ser.D. \bl. XIII. P. 16–17.

Ibid. P. 38–39.

Ibid. P. 17.

Ibid. P. 38–39.

Ibid. P. 39.

Кавальеро У. Записки о войне: Дневник начальника итальянского генерального штаба. М., 1968. С. 73.

161

Martin C. Franco — soldat et Chef d'État. P., 1959. P. 314.,6' Basiler Nachrichten. 6.IX.1942.

162

Гальегос, жители провинции Галисии, откуда Франко был родом, имели репутацию крайне осмотрительных людей.

163

Hayes C. Wartime Mission to Spain, 1942–1945. N.Y., 1945. P. 65.

Payne S. Franco's Spain. L., 1968. P. 30.

165

См. декрет от 25 января 1939 г.

DGFP. Ser.D. Vol. XIII. P. 81.

167

Ibid. Дж. Хилс называл «голубую дивизию» корпусом. Hils G. The Man and His Nation. N.Y., 1967. P. 337.

DGFP. Ser.D. Vol. XIII. P. 81.

169

Ibid.

Ibid.

171

Ibid.

Ibid.

173

Esteban Infantes E. «Blau Division». Spanisches Frei-Willige an der Ostfront. Hamburg, 1958. S. 10.

Ibid. S. 11.

175

Центральный архив министерства обороны РФ (далее: ЦАМО). Ф. 411. Оп. 10183. Д. 125. Л. 88.

DGFP. Ser.D. Vol. XIII. P. 612–613.

177

ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10183. Д. 125. Л. 88.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961. С. 62.

179

ЦАМО. Фонд 52-й армии. Оп. 9993. Д. 5. Л. 99-106.

Федюнинский И.И. Ук. соч. С. 88.

181

ЦАМО. Фонд 52-й армии. Оп. 9993. Д. 5. Л. 244–255.

182

ЦАМО. Фонд 52-й армии. Оп. 9993. Д. 13. Л. 532.

183

ЦАМО. Фонд 52-й армии. Оп. 9993. Д. 18. Л.15.

Там же. Л. 116.

185

Там же. Л. 470.

Esteban Infantes E. Op. cit. S. 61.

187

Hitler's Secret Conversations, 1941–1945. Ed. by Trevor-Roper. N.Y., 1961. P. 188–189.

Ibid.

Sallisburg H. 900 Day's Siege of Leningrade. N.Y., 1969. P.538.

Hitler's Secret Conversations, 1941–1945. P. 644.

Payne S. Op. cit. P.81.

The Ciano Diaries. 1939–1943. L., 1948. P. 410.

193

Boletín oficial del Estado. 19.XII.1941.

F.R., 1941. Vol. III. P. 273.

Franco F. Palabras del Caudillo. M., 1943. P. 204.

196

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. М., 1946. С. 92, 95.

197

Documents secrets du Ministere des Affaires étrangéres d'Allemagne. P., 1947. P. 1947.

198

F.R. 1942. Vol. III. P. 282–283.

Ibid. P.286–287.

200

Vólkischer Beobachter. 19.VII.1942.

Hayes C. Op. cit. P. 40–41.

202

Die Weltwoche (Zürich). 11.VI.1942.

203

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. С. 113.

Hayes H. Op. cit. P.56.

205

The Ciano Diaries. 1939–1943. P. 519.

Ridruejo D. Escrito en España. Buenos-Aires. 1964. P. 108.

Hayes C. Op. cit. P. 57.

208

Faterland. 9.X.1942.

209

Arriba. 5.IX.1942.

210

FR. 1942. Vol. III. P. 298.

Hayes C. Op. cit. P. 57–58.

212

AMAE. Leg. R-2421. Exp.10.

213

F.R. 1942. Vol. III. P. 594.

Churchill W. The Second War. Vol. V. P. 474.

215

Ibid.

Ibid.

217

F.R. 1942. Vol. III. P. 290.

Ibid.

Churchill W. Op. cit. P. 474.

220

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 1.

221

F.R. 1942. Vol. III. P. 306.

Hayes C. Op. cit. P. 92.

223

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. С.130.

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 2.

225

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 2.

226

AMAE. Leg. R-2306. Exp. 1.

Ibid.

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 2.

229

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. С. 174–175.

Garriga R. La España de Franco: Las relaciones secretas con Hitler. México, 1970. P. 99–100.

231

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 2.

232

ЦАМО. Ф.411. Оп. 1083. Д. 118. Л. 15-208.

Hills G. Op. cit. P. 353.

Ridruejo D. Op. cit. P. 20, 109.

235

ЦАМО. Ф.411. Оп. 1083. Д.125. Л.68–69.

Esteban Infantes E. Op. cit. S.72–73.

237

ЦАМО. Там же. Д.125. Л.67–69.

Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Ленинград, 1968. С. 333–335.

239

Лукницкий П. Сквозь всю блокаду. Ленинград, 1964. С. 487–488.

Hayes C. Op. cit. P. 31.

Hayes C. Op. cit. P. 159–161.

Hayes C. Op. cit. P. 165.

Hoare S. Op. cit. P. 246–247.

Hayes C. Op. cit. P. 166.

Hayes C. Op. cit. P. 178–179.

The Spanish Government and the Axis Powers. Wash. 1946. Doc. N 15.

247

F.R. 1943. Vol. II. P. 619.

Ibid. P. 622–625.

Ibid. P. 626.

250

The New York Times. 21.IX.1943.

251

AMAE. Leg. R-2421. Exp. 7.

Конституции буржуазных государств. М., 1957. С. 508–513.

253

AMAE. Leg. R-2421. Exp. 7.

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 3.

AMAE. Ibid.

F.R. 1944.

257

AMAE. Leg. R-2421. Exp. 32.

Ibid.

259

The New York Times. 4.XI. 1944.

260

Documents on American Foreign Relations. 1944–1945. Wash. 1960. Vol. VII. P. 630.

261

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 3.

Г. Хордана умер 3 августа 1944 г.

263

Недатированные копии этих писем Черчилль приложил к посланию Председателю Совета Министров СССР Сталину от 17 января 1945 г. См.: «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Т. I. М., 1957. С. 400–401.

Dzelepy E. Franco, Hitler et les Allies. Bruxelles, 1961. P. 132–133.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 255.

DGFP. Ser. D. V. XII.22.

SinovaJ. La censura de Prensa durante el franquismo. 1936–1951.

DZA. AA. Presseabteilung. N 60769. S. 9.

Ibid. S. 83, 85, 119.

News Chronicle. 10.X.1944.

DZA. A.A. Presseabteilung. N 60769. S. 67.

Hayes C. Op. cit. P. 286–288.

Garriga R. Op. cit. P. 286–288.

Marti Gomes J. Calvo Serer en-exilio y el reino. B., 1976. P. 18–19.

Garriga R. Op. cit. P. 292.

F.R. 1945. Vol. V. P. 671.

Ibid. P. 675.

Garriga R. Op. cit. P. 322.

F.R. 1945. Vol. V. P. 667.

F.R. 1945. Vol. V. P. 666–667.

Trevor-Roper H. The Last Days of Hitler. L., 1978. P. 141–143.

282

The New York Times. 17.VI.1945.

Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. С. 509.

284

Arriba. 19.VI.1945.

285

Garriga R. La España de Franco. De la división azul al pacto con los Estados Unidos (1943 a 1951). México, 1971. P. 337–338.

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. М., 1967. С. 188–189.

Там же. С. 190.

Там же. С. 198.

289

Там же. С. 356.

290

См.: Diaz-Plajo F. Historia documental de España. B., 1973. P. 560.

291

AMAE. Leg. R-2421. Exp. 4.

Kindelan A. La verdad de mis relaciones con Franco. B., 1981. Цит. по: Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 279.

293

ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу. N.Y. 1946. С. 8–9.

Sulzbeiger C. A Long Row of Candles: Memoirs and Diaries 1934–1954. Toronto, 1969. P. 299.

Vilar S. Protagonistas de la España democrática. P., 1969. P. 232–233.

Revista de política internacional. 1968. XI–XII.

297

AMAE. Leg. R-2299. Exp. 11.

Sulzbeiger C. Op. cit. P. 303–306.

Garriga R. Op. cit. P. 428.

Конституции буржуазных государств. М., 1957. С. 521.

301

Suares Fernándes L. Francisco Franco y su tiempo. \bl. ГУ. М., 1984. P. 56.

Mainer J. Historia Literaria de la vocación política (1930–1950). En: Falange y literatura. B., 1971. P. 59.

Ramires M. Expression d'intérets et leur adaptation du regime de Franco. Association Internationale de Science Politique. XIeme Congres. Moscou, 1970.

Moran G. El Maestro en el erial: Ortega-y-Gasset y la cultura del franquismo. B., 1998.

305

М. Аснар был дедом Хосе Марии Аснара, возглавлявшего правительство Испании в 1996–2004 гг.

Morán G. Op. cit. P. 71–75.

Ibid. P. 68.

Ferrer Benimeli J. Franco y masonería. En: Fontana J., ed. B., 1986.

Franco Bahamonde F. (J.Boor). M., 1981. P. 10.

Romero E. Un desnudo de la Historia. B., 1992. P. 56.

Ferrer Benimeli J. Op. cit. P. 251.

Fontana J. Reflexiones sobre la naturaleza y las consecuencias del franquismo. En: Fontana J. Op. cit. P. 15.

Ferrer Benimeli J. Op. cit. P. 251.

Maior A. Franco aislado. M., 1989. P. 63.

315

Кеннан допустил неточность: конюшня для лошадей была размещена во флигеле Циркумконференции.

F.R. Vol. V. P. 1033–1036. См. также: Kennan G. Memoirs. 1925–1950. Boston-Toronto, 1967. P. 552–559.

317

The Times. 6.VI.1946.

318

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 5.

319

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 6.

Ibid.

321

Ibid.

Vasquez Montalban M. La penatración americana en España. M., 1974. P. 73–74.

323

Congressional Record. 1936–1976. Wash. Vol. 94. P. 3766.

Ibid. P. 3768.

325

The New York Times. 7.X. 1948.

Daily Mail. 4.X.1948.

AMAE. Leg. R-5162. Exp. 4; Leg. R-3599. Exp. 3.

Garriga R. Op. cit. P. 564.

329

Это заявление передало итальянское агенство печати Мондар. См.: Dzelepy E.-N. Franco, Hitler et les Allies. Bruxelles, 1961. P. 179.

ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 5-я сессия. Пленарные заседания. N.Y., 1950. С. 382–392.

Цит. по: Garriga R. Op. cit. P. 580.

332

Le Socialiste. 9.XI.1950.

333

New York Herald Tribune. 18.1.1951.

New York Herald Tribune. 20.III.1951.

Garriga R. Op. cit. P. 615–626.

Preston P. Op. cit. P. 753.

Preston P. Op. cit. P. 752, 753.

338

Roma. 4.III.1951.

Sulzberger C. Op. cit. P. 614–615.

Цит. по: Preston P. Op. cit. P. 761.

341

Garriga R. Los pactos secretos de Franco con los Estados Unidos. B., 1962. P. 629.

Garriga R. Op. cit. P. 630.

Sulzberger C. Op. cit. P. 660.

Whitaker A. Spain and the Defense of the West. N.Y., 1962. P. 41.

345

Цит. по: Mackenzie L. The Political Ideas of the Opus Dei in Spain. Government and Oposition. Boston, 1973. Vol. VIII, № 1. P. 77.

Whitaker A. Op. cit. P. 41.

347

Hitler's Secret Conversations. 1941–1945. Ed. by Trevor-Roper. P. 82–83.

Бунина З.Б. Католическая церковь современной Испании // Проблемы испанской истории. М., 1979. С. 52.

349

Martin Artajo A. La política de aislamiento de España seguida por las naciones aliadas durante el quinquiluto. 1945–1950. M., 1950. P. 12–13.

Vilar S. Protagonistas de la España democrática. La oposición a la dictadura 1939–1969. P., 1970. P. 451.

351

Carrero Blanco A. Discursos y escritos. 1943–1973. M., 1974. P. 632–633.

352

AMAE. Leg. R-3507. Exp. 23.

353

Department of State Bulletin, 1953, oct. Vol. XXIX. N 745.

Шульц Т. Бомбы Паламареса. М., 1971. С. 35.

Цит. по: Tamames R. La República: La Era de Franco. M., 1976. P. 554–558.

Suares Fernández L. Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1970). M., 1987. P. 67–68.

Ibid. P. 118.

Ibid. P. 119.

359

AMAE. Leg. R-3599. Exp. 47.

Ibid.

361

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 332.

Там же. С. 790–791.

Suares Fernández L. Franco y la URSS. P. 147.

ABC. 3.IV. 1954.

Елпатьевский А.В. Военнопленные и интернированные испанцы в СССР // Международный исторический журнал. 2002. № 17.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 47.

Suares Fernández L. Op. cit. P. 47.

Ibid. P. 47–48.

Ibid. P. 68–71.

AMAE. Leg. R-3507. Exp. 23.

Ibid.

AMAE. Leg. R-3599. Exp. 43.

Ibid.

AMAE. Leg. R-3507. Exp. 23.

Подробнее см.: Пожарская С.П. Испания и США: Внешняя политика и общество. М., 1982. С. 226–227.

Cambio-16. 24.11.1975.

Pensamiento politico de Franco. M., 1975. Vol. II. P. 777–778.

AMAE. Leg. R-3599. Exp. 41.

379

AMAE. Leg. R-3599. Exp. 12.

Ibid.

381

Ibid.

La prensa. 22.XII. 1959.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 43.

Ibid. P. 185.

Ubid. P. 397.

Ibid. P. 191.

Цит. по: Preston P. Op. cit. P. 817.

Ibid.

Подробнее см.: Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. М., 1989. С. 163–178.

Suares Fernándes L. Francisco Franco y sutiempo. Vol. V. P. 306–311.

Mackensie L. Op. cit. P. 85.

Marti Gomes y Calvo Serrer: el exilio y el reino. B., 1976. P. 18–19.

Preston P. Op. cit. P. 825.

Garriga R. Op. cit. P. 491.

Petschen S. La Iglesia en España de Franco. M., 1977. P. 80.

Suares Fernández L. Francisco Franco y sutiempo. \fol. VI. P. 91.

Tamames P. Op. cit. P. 465–470.

Diaz E. Pensamiento español, 1939–1973. M., 1974. P. 126–127.

González Duro E. Op. cit. P. 337.

Prieto I. Convulsiones de España. Mexico, 1967. P. 353–356.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 337–338.

Ibid. P. 326.

Sulzberger C. Op. cit. P. 303.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 484–485.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 411.

AMAE. Leg. R-7092. Exp. 1.

407

AMAE. Leg. R-6528. Exp. 20.

Ibid.

409

AMAE. Leg. R-8177. Exp. 12.

410

AMAE. Leg. R-7092. Exp. 1.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 302–303.

Preston P. Op. cit. P. 864.

413

Цит. по: Powell Ch. Juan Carlos: Un rey para la democracia. B., 1995. P. 21.

Ansaldo J. Memoirs d'un monarchiste espagnole, 1931–1952. Monaco, 1953. P. 195.

Marti Gomez J. Op. cit. P. 18–19.

González Duro E. Op. cit. P. 250.

417

О «Манифесте» 7 апреля 1947 г. см.: Preston P. Op. cit. P. 706–707; Gonzáles Duro E. Op. cit. P. 292.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 373–375.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 92–93.

Ibid.

Vilallonga de J.L. El Rey: Conversaciones con D.D.Juan Carlos I de España. B., 1993. P. 232.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 369–370.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 374.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 262–263.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 141.

Tusell J. La oposición democrática al franquismo, 1939–1962. B., 1977. P. 388–400.

Suares Fernández L. Francisco Franco y sutiempo. \fal. VI. P. 337.

Calvo Serer R. España ante la libertad, la democracia y progreso. M., 1968. P. 171.

Tusell J. Intradución a Maior. Op. cit. P. 11.

AMAE. Leg. R-6528. Exp.20. Leg. R-7092. Exp. 1.

431

AMAE. Leg. R.8177. Exp. 4.

AMAE. Leg. R-6528. Exp. 20.

Welles B. Spain and the United States. — In: Spain into 70's. N.Y. 1976. P. 142.

Calvo Serer R. Op. cit. P. 104.

Ibid. P. 180.

Ibid. P. 184.

Vizques Montalban M. La penetraciyn americana en España. M., 1974. P. 124.

Whitaker A. Spain and the Defense of the West. N.Y., 1962. P. 348–349.

The New York Times Magazine. 19.XI.1979.

Welles B. Op. cit. P. 139.

Keesing's Contemporary Archives. 1960. P. 17589.

Ibid.

The New York Times. 15.VIII. 1960.

Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. P. 433–434.

Подробнее см.: Пожарская С.П. Испания и США: Внешняя политика и общество. 1936–1976. М., 1982. С. 246–251.

The New York Times. 27.IX. 1963.

Vilar P. Op. cit. P. 142.

Madariaga S. España. Buenos Aires, 1964. P. 625–626.

449

Шульц Т. Ук. соч. С. 27.

Шульц Т. Ук. соч. С. 154.

Шульц Т. Ук. соч. С. 127–128.

Walles B. Op. cit. P. 147.

The New York Times. 12.XI.1968.

Корреспонденция Р. Маурера из Мадрида от 8 августа 1970 г. // Congressional Record, 1970. P. 29904.

Areilzade, J. Cien articulos. Madrid, 1971. P. 150.

Der Spiegel. 25.VI.1962.

Lopes Rodo L. Memorias. B., P. 305–311.

Preston P. Op. cit. P. 867.

Ibid.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 311.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 312–315.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 40.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 434–435.

Ibid. P. 387–398.

Ibid. P. 474–475.

Ibid. P. 485.

El Pais. 19.IX.1976.

Preston P. Op. cit. P. 878.

Ibid.

Подробнее см.: González Daro E. Op. cit. P. 346–348.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 379.

472

AMAE. Leg. R-9301. Exp.3–5.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 380–382.

Ibid. P. 428–429.

Arriba. 10.IV. 1936.

Franco F. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1964–1967. M., 1968. P. 42–43.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 433.

Preston P. Op. cit. P. 890.

Franco Salgado Araujo E Op. cit. P. 411.

480

AMAE. Leg. R-8056. Exp. 5.

Ibid.

El Pais. 20.XI.1985 (num.extr.).

Preston P. Op. cit. P. 894.

Suares Fernández L. Francisco Franco y sutiempo. Vol. VII. P. 171–172.

Franco F. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1964–1967. M., 1968. P. 219–251.

Подробнее см.: Powell Ch. Op. cit. P. 77–78.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 362–365.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 488, 500.

Preston P. Op. cit. P. 905–906.

España-Leyes y ordenzas. Legislación de prensa, información y publicidad. M., 1975. P. 25–27.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 476.

ABC. 15.V. 1964.

Fusi J. Franco: autorismo y poder personal. M., 1985. P. 287.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 468–469.

Tamames R. La República: La Era de Franco. M., 1976. P. 361, 509.

Mundo obrero. 29.IV. 1981 (N 127).

AMAE. Leg. R-8607. Exp. 1.

AMAE. Leg. R-9301. Exp. 3.

Ibid.

Vilar S. Protagonistas de la España democrática: La oposición a la dictatura 1939–1969. P., 1970. P. 452.

501

Подробнее см.: Пономарева Л.В. Поздний Маэсту. С. 63–65.

502

AMAE. Leg. R-9291. Exp. 5.

503

Подробнее см.: Payne S. The Franco Regime 1939–1975. L., 1987. P. 543–548.

Lopes Rodo L. Op. cit. P. 499–509.

Preston P. Op. cit. P. 927.

AMAE. Leg. R-9301. Exp. 3.

Ibid.

Waltrers V. SUent Missions. N.Y. 1978. P. 554–557.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 424.

Franco P. Nosotros, los Franco. B., 1980. P. 101.

Ibid. P. 116–167, 174.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 140; См. также: Pardo J. Las damas del franquismo. M., 200. P. 44.

Pardo J. Op. cit. P. 19, 105–107.

Pardo J. Op. cit. P. 100–102.

Pardo J. Op. cit. P. 108.

Preston P. Op. cit. P. 935.

517

AMAE. Leg. 2421. Exp. 7.

Vilallonga de, J.L. El Rey: Conversaciones con D. Juan Carlos I de España. B., 1993. P. 215.

519

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. С. 121.

FR. 1942. Vol. III. P. 594.

521

Welles B. Op. cit. P. 141.

Mackenzie L. Op. cit. P. 77.

Whitaker A. Op. cit. P. 41.

Ibid. P. 42–43.

525

Hitler's Secret Conversations, 1941–1944 / Ed. by Trevor-Roper H. L., 1953. P. 82–83.

Cuadernos para el dialogo. 1970. JNfe extraordinario.

527

Le Monde. 14.XI.1963.

528

AMAE. Leg. R-8177. Exp. 14.

529

AMAE. Leg. R-12040. Exp. 13.

Franco F. Pensamiento político. M., 1975. Vol. I. P. 9–17.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 207–208.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 208.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 208.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 209.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 209.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 210.

537

Der Spiegel. 8.III.1975.

Подробнее см.: Авилова А.В., Веденяпин Я.С. Экономика Испании. М., 1978.

539

Der Speigel. 8.III.1975.

The New York Times. 20.11.1975; ABC. 25.VI. 1975.

International Herald Tribune. 25.VI.1975.

Cuadernos para el dialogo. 1976, № 1.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 105–108.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 212.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 212–213.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 213.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 48.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 141.

Preston P. Op. cit. P. 959.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 219.

Preston P. Op. cit. P. 959; Powell Ch. Op. cit. P. 135.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 228.

Ya. 21.XI. 1975; Franco F. Pensamiento politico. Vol. I. P. XIX.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 229–230.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 230.

DJuan Carlos I. Con España en el corazón. 1975–2000. Primer discurso de la Corona… M., 2001. P. 51–57.

Цит. по: Новая газета. 30.III-5.IV. 1998.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 233.

Powell Ch. Op. cit. P. 216.

Transición político y consolidación democrática España (1975–1986). M., 1992. P. 201–203.

561

Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 30.

Crazier B. Franco: A Biografical History. L., 1967. P. 227.

Franco Salgado Araujo F. Op. cit. P. 262–263.

Подробнее см.: Испания. 1918–1972. Исторический очерк. М., 1975.

Vilallonga de, J.L. Op. cit. P. 229.